

реальность фантастики

8-9 2008

Криптоисторический паропанк:
Г. Л. Олди, А. Валентинов
«Броненосец "WARRIOR"»

Повесть:

Виктор Ночкин
«Ночь, дождь, город»

Рассказы:

Анна Китаева
«Знак Ортаны»

Юлия Галанина
«Зверинец»

Критика:

Павел Амнуэль
«Эти славные шестидесяты»

Елена Первушина

Женская фантастика на страницах РФ

Подпишись на журнал **hi-Tech PRO** с июня по декабрь 2009 года и выиграй приз!

**Главный приз —
компьютер**

Партнер акции — компания АБВУ Украина
www.ABBYY.ua, store.ABBYY.ua

Призы —
электронные словари **ABBYY Lingvo**
и система распознавания **ABBYY FineReader**

Я оформляю подписку на **hi-Tech PRO** с DVD
с июня по декабрь 2009 года

— 196 гривен*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

- перечислить на счет ООО «СофтПресс» 196 гривен. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.**
Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614, ЗКПО 22909834
- выслать по адресу: 03005, а/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или организация

e-mail

Телефон

* — без НДС согл. п. 5.1.2

** — за перечисление денег банк возьмет небольшую плату

СОДЕРЖАНИЕ

№ 08-09 (60-61) 2008

1. От редакции	/ «ДЕНЬ ФАНТАСТИКИ!»	5
Проза		
2. Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов	/ БРОНЕНОСЕЦ «WARRIOR» «Бом! Бом-м!..»	8
3. Владимир Рогач	/ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА «От Москвы до Ростова-на-Дону они добирались...»	97
4. Виктор Ночкин	/ НОЧЬ, ДОЖДЬ, ГОРОД «Клариссе было не по себе. Скорей всего, из-за...»	141
5. Анна Китаева	/ ЗНАК ОРТАНЫ «Ничего не растет возле Проклятой башни. И не...»	172
6. Юлия Галанина	/ ЗВЕРИНЕЦ «Вдоль стены осторожно пробиралось Умное слово...»	192
7. Тим Скоренко	/ ЗДРАВСТВУЙ, КАИН «Трава. Она зелёная. Свежая, светлая...»	206
8. Наталья Федина	/ 29 ФЕВРАЛЯ «Равтра в пять за планетарием. Все запомнили?..»	215
9. Александр Василенко, Григорий Панченко	/ ДРАКОН НА ЩИТЕ «Коза жалобно бляля. Дракон прижимал ее...»	222
10. Татьяна Томах	/ ОГОНЬ-ПТИЦА «Огонь пылал на обороте век, слепил закрытые глаза...»	228
11. Ирина Комиссарова	/ ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД С ПОПРАВКОЙ НА ИКС-ФАКТОР «Сектор «С»: чисто, — докладывает Марк...»	233
12. Марина Макина	/ ГРЕХОПАДЕНИЕ РЫБ «Когда рыба приплыла из моря к берегу...»	241
13. Петер Шулей	/ ІНШІ СТОСУНКИ «Коли вона побачила свіжий шрам на його обличчі...»	243
14. Генри Лайон Олди	/ ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ УКРАИНСКУЮ НОЧЬ? «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете...»	245
НФ-очерк		
15. Юрий Кемист	/ МАМА	249

Критика, публицистика, обзоры

16. Павел Амнуэль	/ ЭТИ СЛАВНЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...	257
17. Елена Первушина	/ НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ	272
18. Григорий Панченко	/ ПУТЬ АЛЕБАРДЫ	277
19. Анна Китаева	/ БОТ В ПОМОЩЬ	286
20.	/ РЕЦЕНЗИИ	290

Кинопортал

21. Лев Гурский	/ ХРОНИКИ ОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ	300
-----------------	------------------------------	-----

Новости Фэндома

21. Михаил Назаренко, Татьяна Кохановская	/ ПОПАСТЬ В ДЕСЯТКУ	306
21. Борис Сидюк	/ БУЛГАКОН 2008	314
21.	/ OPUS MIXTUM	318

Места, где Вы всегда можете приобрести журнал «Реальность фантастики»:

Киев

Киоски «Пресса», «Факты», торговые точки «СН-Столичные новости», книжный рынок «Петровка», ТЦ «Интервал-Плаза» рядом со ст. метро «Либідська», бутик № 23, киоски и раскладки на ж/д вокзале.

Харьков

Газетный рынок, магазин «BOOKS».

Одесса

Киоски «Пресс-служба Одессы».

Крым

Киоски «Союзпечать» в г.г. Севастополь,

Симферополь и др. городах Крыма.

Донецк

Киоски «Союзпечать», магазин «Мир прессы», ул.Горького, 59-а.

Львов

Киоски «Торгпресса», «Интерпресс».

Луганск

Магазины и киоски «Луганскпечать».

Полтава

Киоски Полтавского почтамта.

Мариуполь

Киоски «Союзпечать».

Сеть магазинов «Буква» по Украине, киоски и раскладки в разных городах.

«ДЕНЬ ФАНТАСТИКИ»!

Мы стараемся не изменять нашим традициям и уже пятый год подряд, в ноябре месяце, проводим **День Фантастики**! Наши киевские (и не только) читатели прекрасно знают, что это за мероприятие и, тем не менее, я бы хотел немного поподробнее рассказать о нем. В этом году «День фантастики» состоялся 8 ноября, на Международной книжной ярмарке «Мэдвин» (в здании Государственного университета физкультуры г. Киева). Программа была весьма разнообразной и насыщенной.

Началось все со встречи читателей с редакцией журнала «Реальность фантастики», на которой все желающие могли узнать о планах и перспективах любимого журнала ☺.

Следующий пункт программы был очень приятным и радостным — презентация сетевого конкурса фантастического рассказа на украинском языке «Зоряна Фортеця», и, по подведенным итогам, вручение призов. Первое место занял рассказ «Звідки беруться ангілої» Марии Ряполовой. Второе место — рассказ «Місячна соната» Романа Котика, и третье место за рассказ «Прімірник» получил Олег Силин. В ближайшее время все рассказы победителей будут опубликованы в журнале «Український фантастичний оглядач». Хочется поблагодарить организаторов: Сергея Торенко, Михаила Зигунова и Олега Силина за такое прекрасное начинание. Журнал «Реальность фантастики» с удовольствием предоставит свои страницы для публикации лучших рассказов с этого конкурса, тем более, что он продолжается. Для желающих принять участие сообщаем адрес сайта: <http://starfort.in.ua>.

«День фантастики» продолжился интереснейшим докладом Михаила Назаренко «Зарубежные фантастические премии 2008 года». Я надеюсь, что в следующем номере «РФ» этот доклад будет опубликован в виде статьи. Далее была встреча с нашей киевской писательницей, работающей в жанре фантастики, Яной Дубинянской, которая подробно рассказала о себе и о своих творческих планах, а также о вышедших книгах. Первая часть программы завершилась сообщением Бориса Сидюка о прошедшем в Болгарии фэновском конвенте «Булгакон», о чем вы сможете почитать репортаж в этом же номере на стр. 314.

Продолжением «Дня фантастики» стала презентация украинского издательства «Грани Т», которую вели, смело можно сказать, всемирно известные украинские писатели-фантасты Марина и Сергей Дяченко. Благодаря этому издательству, фантастика в нашей стране получает вторую жизнь. В серии «Мастерская Украинской фантастики» уже изданы книги Марины и Сергея Дяченко, Г.Л.Олди, Владимира Аренева. В планах издательства еще много прекрасных фантастических книг наших авторов.

Не сходя с трибуны, Марина и Сергей Дяченко продолжили свой творческий вечер презентацией фильма «Обитаемый остров» (по мотивам одноименного романа Аркадия и Бориса Стругацких), съемки которого уже закончены в Москве. Как известно, именно Дяченко написали для него сценарий. Далее были представлены чудесные мультфильмы, так же снятые по сценариям уже названных писателей, «Красная жаба», режиссер Маша Медведь, и «Театральный романс», режиссер Оксана Карпуш. Также, было очень приятно и интересно посмотреть видеозапись интервью с супругами Дяченко одиннадцатилетней давности (1997 г.!), главным героем которого стал и ныне здравствующий семейный кот Дюшес, вдохновитель писательской четы написание многих многих фантастических книг, признанных лучшими множеством фантастических конференций, как в нашей стране, так и за рубежом.

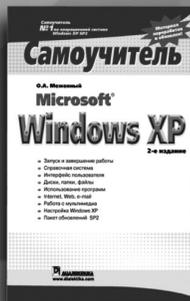
Словом, посетителям Дня Фантастики было чем заняться, тем более, что и сама книжная выставка была интересным и насыщенным мероприятием.

В завершение хочу выразить от лица всей редакции нашего журнала благодарность Выставочной компании «МЭДВИН» и персонально ее генеральному директору Эдвину Михаловичу Задорожному, организатору книжной ярмарки, без которого этот маленький фантастический праздник просто не был бы возможен!

Главный редактор — Ираклий Вахтангишвили

Гарантированный подарок каждому подписчику!

Оформи подписку на hi-Tech PRO или «hi-Tech. Мир связи» на 2009 год, выбери книгу в подарок на www.ht.ua/club.

Все подписчики получают дисконтную карточку hi-Tech club

Количество книг ограничено. При отсутствии выбранной книги редакция предложит другую книгу по той же тематике.

Подписавшись на журналы hi-Tech PRO или «hi-Tech. Мир связи» на 2009 год, ты получишь подарок полезную книгу от издательства «Диалектика-Вильямс». Впиши ее название – и книга твоя!

Я оформляю подписку на hi-Tech PRO с DVD – 336 гривен*

Я оформляю подписку на «hi-Tech. Мир связи» с DVD – 204 гривни*

Для того чтобы ежемесячно получать журнал, необходимо:

перечислить на счет ООО «СофтПресс» выбранную сумму. Выполнить перевод можно в отделении любого банка.†

Р/с 26006000001001 АО «Индексбанк» г. Киева МФО 300614 ЗКПО 22909834

выслать по адресу: 03005, п/я 5, Киев, ООО «СофтПресс» копию квитанции об оплате и заполненный купон.

Адрес

Ф.И.О. или Организация

e-mail

Телефон

Выбранная книга будет доставлена по указанному адресу.

* – без НДС согл. п. 5.1.2

† – за перечисление денег банк возьмет небольшую плату

Призовая подписка «Реальность фантастики» круглый год!!!!

В призовом фонде:

***Книги фантастики всех направлений
Фэнтезийная и историческая миниатюра
Коллекционные карточные игры
Настольные игры***

Правила участия:

- ✓ Розыгрыш призов проводится среди подписчиков журнала «Реальность фантастики»
- ✓ Подписчик присылает копию подписной квитанции и контактные телефоны в редакцию журнала
- ✓ В розыгрыше принимают участие копии подписных квитанций в виде ксерокопий, присланных письмом по почте или факсом
- ✓ Розыгрыши проводятся в редакции журнала
- ✓ Розыгрыш проводится 20 числа каждого месяца с января по октябрь 2008 года
- ✓ Имена и фамилии победителей будут напечатаны в журнале «Реальность фантастики»

Призы выдаются при наличии документа, удостоверяющего личность, в магазине «МОДЕЛКИТС» в Киеве, по адресу:
ул. Красноармейская 143/2 рядом с метро "Лыбидская"
ТЦ "Интервал-Плаза", 1-й этаж, магазин №23.

***Подпишись на журнал в течение года!!!
Фантастические призы ждут тебя!***

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

БРОНЕНОСЕЦ «WARRIOR»

(ИЗ ЦИКЛА «АЛЮМЕН, ИЛИ ЗЕМНАЯ ОПЕРА»)

«...Из фрегата «Warrior» выходит совсем не то, что мы желали, но истратив на него столько денег, посмотрим, что из него выйдет...»

Резолюция Совета Адмиралтейства

«Не смущайся приходом неожиданных гостей!»

Адольф фон Книгге

Сцена первая

РОМЕО ИЗ ТЕДДИНГТОНА

1

Б

ОМ! БОМ-М!..

Негромкий, но тяжелый, словно литой из свинца, голос колокола проник сквозь шторы, властно ворвался в сумрачный, освещенный лишь огнем камина, кабинет.

— Бом, — без всякого выражения шевельнул губами, отвечая, джентльмен средних лет. Он с удобством расположился в кресле у камина. — Страшновато, признаться. Но интересно.

— Какой интерес вы нашли в этом звуке, милорд?

Хриплый каркающий голос (интер-р-рес!..) прозвучал из темного угла. Говорившему кресла не досталось, и он устроился на стуле с высокой резной спинкой. Такие были в моде более века назад, во времена Регентства.

— Посудите сами, мистер Бейтс, — тонкие пальцы джентльмена зашевелились щупальцами осьминога. — Я живу в этом доме без малого сорок лет и слышу звон с детства. В округе две церкви, но звонят не там. Где именно — я так и не узнал. Представляете? Можно, конечно, спросить в полиции. Можно даже нанять сыщика. Но я решил оставить все, как есть. Пусть в жизни присутствует загадка. Честно говоря, она меня страшит. Но что, если разгадка еще ужасней? Вы обратили внимание на цвет огня? Сейчас он зеленый.

Казалось, пламя услышало его слова. Взметнувшись вверх, на краткий миг оно замерло, рассыпая изумрудные блески — и упало на россыпь углей, краснея от смущения. Впрочем, зелень не ушла, дразнясь веселыми язычками. Изумруд сменялся синим сапфиром, желтел, исчезал, чтобы появиться вновь и вновь.

Тьма, сочившаяся из плотно закрытых окон, смеялась над играми огня.

— Вы правы, милорд. Очень красиво.

Хриплый голос развеял чары. Огонь съезжился, прижимаясь к багряным углям, отдавая пространство мгле и сырости. Волшебная сказка исчезла, не начавшись. Ни эльфов, ни фей — промозглый вечер, темный кабинет, двое людей у камина.

— Я вырос возле порта, милорд. Из нашего дома видна Теддингтонская плотина; если, конечно, нет тумана. Мы топили печи обломками кораблей. Морские соли, милорд, придают цвет огню. Мне так объяснили в детстве.

— Вы жили рядом с портом, мистер Бейтс? Какая романтика! Утренний бриз, чайки, загорелые моряки в тавернах; корабли, уходящие в дальние страны... Нет-нет, не надо мне рассказывать, как живут бедняки на берегах Темзы. Месяц назад я возглавлял парламентскую комиссию, мы обследовали доки Тилбери и разбирались с жалобами тамошних обитателей. Цифры в отчетах ужасают, но когда видишь своими глазами... Самое страшное, что люди отчаялись. Они никому не верят. Ни Его Величеству, ни министрам, ни палате Общин... Они не надеются даже на Провидение!

— Провидение — очень медлительный джентльмен, милорд.

Мистер Бейтс провел широкой ладонью по пышным бакенбардам, вцепился пальцами в крепкий, давно не бритый подбородок.

— Милорд! Я бы не касался этого предмета, но вы сами изволили избрать тему разговора. Я выполняю ваши поручения и получаю за это свои гиней. Вы щедры, и я вам признателен. В этом мой интерес. Но верить и надеяться? Кому, милорд? Вашей партии вигов? Верноподданной оппозиции Его Величества? Скорее, люди поверят генералу Нэду Лудду из Шервудского леса — тому, кто руководил разрушителями проклятых ткацких машин. Мой родственник был из луддитов¹. Сначала его подстрелили при Питерлоо², потом сослали в Австралию за организацию тред-юниона. Впрочем, в тред-юнионы я тоже не верю... Простите, милорд, разговорился!

— Отнюдь!

Лорд Джон Рассел поднялся из кресла. Рука-осьминог велела собеседнику, вскочившему со стула, не беспокоиться. Сидите, намекнул осьминог, мы не против.

— У вас, мистер Бейтс, есть дар сворачивать в нужном направлении. Питерлоо! Август 1819-го года; считай, десять лет назад. Блестящая победа армии его величества над злокозненными супостатами — английскими рабочими. Пятнадцать убитых, шесть сотен раненых... Как изящно выразился лорд Джордж:

— И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой.

Губы Джона Рассела раздвинула приятная улыбка:

— Кстати! Помните ли вы того, кто командовал нашим победоносным воинством? Великого героя, Ганнибала и Цезаря в одном лице?

¹Луддиты — разрушители машин на фабриках, последователи Нэда Лудда («Генерал Лудд»), который в припадке бешенства разрушил два чудолучных станка. Парламент принял билья о смертной казни для луддитов, что дало повод к речи Байрона в палате лордов. Через два года смертную казнь заменили ссылкой.

²Питерлоо («Манчестерская резня») — кровавый разгон митинга в Питерсфилде. На мирных жителей (в т. ч. женщин и детей), требующих избирательной реформы, напали отряды регулярной армии, в частности, гусары — участники битвы при Ватерлоо (отсюда — «Питерлоо»).

— Ха! — ладонь мистера Бейтса сжалась в кулак. — Как не помнить, милорд! Истинный *аристократ*.

Странное дело! — последнее слово, несмотря на обилие «р», прозвучало мягко и вкрадчиво, словно его выговорил не каркающий владелец бакенбард, а кто-то иной.

— Вы правы, — согласился хозяин кабинета. — Третий сын лорда Гаррет-Коллей, графа Морнингтона. Воспитывался в Итоне, потом в Анжерском военном училище, во Франции... Аристократ!

Лорд Джон без особого успеха попытался скопировать интонацию собеседника.

— Вот им, мистер Бейтс, вы и займетесь.

Птица-ворон не сплеховала. В темноте раздалось отчетливое:

— Кар-р-р!

Нет, лорд Джон не удивился. «Кар-р-р!» — значит, «кар-р-р!» Он подождал, обозначая паузу в разговоре, и продолжил:

— Рад, что дело вам по душе. Но есть и второе дело, мистер Бейтс. Сейчас я назову ряд фамилий. Эти джентльмены не столь известны, поэтому выбор придется сделать вам. Все они иностранцы, политические эмигранты. Их четверо, но мне нужен один... Пока все понятно?

— Да, милорд. Эмигранты. Заговорщики. Отщепенцы, злоупотребляющие гостеприимством нашей матери-Англии...

Бейтс протянул руки к огню. Зеленоватый свет, струясь от тлеющих поленьев, на миг коснулся его лица. Отдернулся. Прижался к родным углям.

— Впридачу еще и злоумышляющие! Да, милорд, злоумышляющие на свободы ея и безопасность ея!

Лорд Джон с трудом сдержался, чтобы не попятиться. Даже при дневном свете лицо мистера Бейтса смотрелось жутковато. Сейчас же густой сумрак превратил его в монстра. Борозды-морщины струились по впалым щекам, угреватый нос-клюв (кар-р-р!) с кабаньими ноздрями грозно выдавался вперед. Рыжие бакенбарды торчком, рыжие брови-кусты поверх щелок-глаз. И в довершение картины — зубы чуть ли не в три ряда: желтые, хищные.

Акула, приплывшая от Теддингтонской плотины. «Позвольте откусить кусочек вашей печени, милорд! Спасибо, вы очень добры!»

— Никогда не хотели стать актером, мистер Бейтс?

Вопрос прозвучал натянуто. Лорд был далек от презренного страха, но сердце все же ёкнуло.

— Угадали, милорд! Собирался. Мечтал играть героев-любовников! Таких, как Ромео у мистера Шекспира. До сих пор помню диалог из второго акта. «О светлый ангел, вновь заговори! Собой ты лучезаришь ночь, подобно крылатому посланнику небес...» Говорят, милорд, у меня неплохо получалось.

Акула, кажется, не шутила.

— Так вот, — лорд Джон кивнул, успокаиваясь, — о злоупотребляющих и злоумышляющих. Мне нужен тот, кто выглядит и держится пристойно. Как... ну, допустим, как солидный негодяй. Чтоб мог обсудить деловой

вопрос. Продажу партии виргинского хлопка, к примеру, или кубинского сахара. Походите, присмотритесь... Два дня вам хватит?

Желтые зубы клацнули.

— Да, милорд! Сделаем в лучшем виде!

— Хотелось бы убедиться. Не от недоверия к вам, мистер Бейтс, а для рутинной проверки. Сами говорили: взгляд со стороны очень важен...

— Конечно, друг мой. Зеркало дает лишь плоское оптическое изображение, к тому же сильно искаженное. Сие можно прочесть в каждом учебнике...

Лорд Джон не выдержал — вздрогнул. Осьминог нервно сплел щупальцы; сквозь поры на лбу проступил холодный пот. На миг хозяин кабинета пожалел, что когда-то пустил на свой порог человека, назвавшегося Чарльзом Бейтсом. Того, кто заговорил с Джоном Расселом *его собственным* голосом.

В давние годы лорд Джон узнал очевидную, хотя и огорчительную подробность. Человек не слышит себя — точнее, слышит иначе, чем окружающие. В юности это обстоятельство его сильно расстроило.

Возможность слышать свой настоящий голос лорд получил недавно.

— До сих пор не можете привыкнуть, милорд?

— Признаться, да... — для спокойного ответа понадобилось собрать все силы. — Вы бесподобны, мистер Бейтс.

— Вы мне льстите, друг мой!

Исчезло «кар-р-р!». Сгинули бакенбарды. Все изменилось разительным образом. В кабинете беседовали два лорда Джона. И только пошив фрака выдавал самозванца.

— Я сейчас подумал... Третий сын лорда Гаррет-Коллей выше вас на целую голову. Это не помешает?

— Нисколько. Если мне не придется быть третьим сыном слишком долго. Полчаса вас устроит?

— Вполне. Но я хотел сказать другое, мистер Бейтс. В ваших способностях я не сомневаюсь, они уникальны. Наш общий друг вручил мне настоящие сокровища, познакомив нас...

Голоса сливались в один, словно некий безумец в вечерний час вздумал беседовать с самим собой.

— Не пора ли поговорить откровенно? Мы сотрудничаем давно, но вы ни разу не спросили о цели нашей деятельности. Это неправильно. Мы — не преступники, не душегубы из Сохо. Мне казалось...

— Мне тоже казалось, милорд. И даже виделось. Подземелье Тауэра, к примеру. Когда меня начнут бить кнутом, лишние знания станут опасным багажом.

— Вам не хочется произносить слово «заговор»?

— Мне даже не хочется слышать его, милорд.

Двойник остался серьезен. Меж бровями обозначились неожиданные складки, затвердел подбородок, взгляд налился тяжелым металлом. Теперь двух людей различил бы кто угодно.

— Напомню, что в день нашего знакомства мы договорились: его величество и члены королевской фамилии неприкосновенны. Я люблю свою стра-

ну, милорд. Пусть ею правит пьяница и развратник Георг, осмелившийся поднять свое копыто на ее величество королеву Шарлотту, да будет ей тепло в раю! Он, конечно — изрядное собачье дерьмо, но... Боже, храни короля! Все прочее в вашей власти, милорд, однако избавьте меня от подробностей. Мне вполне достаточно знать, что в результате ваших затей кое-кто из джентльменов, учившихся в Итоне, лишится своих причиндалов.

Чужие губы на чужом лице повторили чужую улыбку. Вернее, хотели повторить. Но по тонкому породистому лицу, окончательно разрушая сходство, расползлась кривая ухмылка, обнажив желтые акульи зубы в три ряда.

Лорд Джон понял — еще миг, и он закричит.

— Извините, милорд. Д-дверь! Забываюсь... Воистину, настоящее подобие может даровать лишь Господь. Поэтому я стараюсь улыбаться как можно реже. Еще раз прошу прощения...

Последнюю фразу он договаривал, отвернувшись к стене. Лорд Джон поспешил перевести взгляд на камин. Зеленъ, желток; багровые пятна...

— Бом!

Таинственный колокол вовремя подал голос. Гость стал прежним — широкоплечим мужчиной средних лет. Рыжие бакенбарды, лицо в сетке морщин, вывернутые ноздри...

— Мне пора, милорд. Извольте назвать имена эмигрантов. И адреса, если вы хотите, чтобы я занялся делом завтра с утра.

— Адреса? Конечно...

Хозяин кабинета шагнул в сумрак, где прятался огромный стол, нашарил огниво, долго высекал искру. Огонек восковой свечи разгорался без охоты. Лорд Джон подумал, что гость скоро уйдет, а ему суждено остаться здесь, наедине с темнотой и колоколом.

— Бом... — глухо согласился дальний звон.

Где же ты спрятан, колокол? Не в церкви, не на кладбище, не на пристани...

— Итак, четыре претендента, мистер Бейтс. Напрягите память — записи в наших... э-э... затеях исключены.

— Да, милорд! — свет отразился от желтых клыков.

2

— О, ярче факела ее краса
Ночные осияла небеса...

Любопытная Луна, выглянув из-за тучи-покрывала, прислушалась, недоумевая: «Кто поздним вечером на пустынной улице декламирует монолог Ромео?» Наверняка безумец-влюбленный, в чьей душе сладостным эхом поют строки Великого Барда. Но где? В центре Лондона, где днем густо, ночью же пусто? Отъявленные романтики — и те стараются лишний раз не прогуливаться в такой час.

Здесь вам не средневековая Верона, друзья. Здесь — столица Великобритании. А на дворе — на улице с погасшими фонарями — XIX век, считая от

Рождества Христова. В наше цивилизованное время, в счастливую эпоху прогресса и либерализма, с заходом солнца лучше сидеть дома. Чем безлюдней улицы — тем ниже статистика преступности.

Молчаливые громады домов. Голуби спят на перилах балконов.
Д-дверь! Какой уж тут Ромео!

— Она горит алмазною серьгою,
Для брэнной жизни слишком дорогою,
У чернокожей ночи на щеке...

У Небес — зоркий глаз. Луне хватило мгновения, чтобы увидеть безумца. Влюбленный? Кто? Рыжий страхолюда, которого в ночные сторожа не запишут — побрезгуют?! Ледяная богиня напрасно сомневалась. Более того, она сумела расслышать шепот прохожего. Шевелились губы, рождая не слова — тени слов:

— Прочь, доброта слюнявая! Веди
Меня, пылающая взглядом ярость...

Декламатор помнил пьесу наизусть. Когда-то читал вслух, репетировал перед мутным зеркалом. Подсказывая текст, умница-память скрывала все прочее — то, чего не было, не было, не было...

Не было!

Он не учил Шекспира по книге с пожелтевшими страницами, найденной в отцовской лавке. Не ездил вслед бродячей труппе по Южной Англии, желая увидеть, как играют Кин и Сиддонс. Не копил медяки на билет в «Друри Лейн». Это был кто-то другой, хотя его тоже звали Чарлзом Бейтсом.

Человек остановился у фонарного столба, шумно вздохнул, дернул себя за осточертевшую бакенбарду. Имя! Следовало поменять имя! Чарли Бейтс, ты должен был исчезнуть, уйти в лоно матери-Земли, чтоб и на Страшном суде не вспомнили. Глупец, ты пожалел имя — последнее, что оставалось. «Д-дверь!» — как говаривал сосед, дядюшка Бен, опасаясь даже в пылу пьяной ссоры поминать Того, Который на «Д».

Дверь! Дверь! Д-двер-рь!

— О, не гневи меня
И новый грех не вешай мне на шею...

Не уследил! Позволил себе впервые за много недель заговорить настоящим голосом — голосом Чарльза Бейтса. Спыхватился, прикусил язык, оглянулся. Пусто! Лишь Луна, вечный констебль над головой.

Губы больше не шевелились.

3

— О, не гневи меня
И новый грех не вешай мне на шею.
Тебя люблю я больше, чем себя...

— Как он играл, Нэлл! Как играл! Обидно, право слово. Эдмунд Кин всего-то на пять лет меня старше, а уже актер!

— Ах, Чарли! О чем ты говоришь? Твой Кин — бродячий комедиант. Его труппу даже в Лондон не пускают, не то что в «Друри Лейн», на настоящую сцену! Истинный успех ни ему, ни Саре Сиддонс во сне не приснится. Кстати, она красивая? Эта твоя Сиддонс?

— Красивая?! Нэлл, красивее тебя нет никого на свете. Но она умеет играть. По-настоящему, понимаешь? Эти гусыни из «Друри Лейн» просто читают роль, фразу за фразой. Французская школа, «ха-ха» — три раза. А Сиддонс — каждый раз другая. Словно кожу меняет... Какая она Джульетта, а? Слышала бы ты, Нэлл!

— Разбейся, сердце, и глаза, смежитесь.
Прах, возвратись во прах, кляня судьбу.
С Ромео лягу я в одном гробу...

— Глупый, глупый Чарли! Зачем тебе менять кожу? Ты у нас красавчик, а я — обычная девчонка из лавки. На тебя леди поглядывают, из карет ручки белые тянут. Не знаю, как в актеры, а в лакеи — из тех, что к леди поближе — тебя возьмут без рекомендаций. Зато моего братца и на конюшню брать не хотят.

— О чем ты, Нэлл?! Мне сделаться лакеем? Торговать тряпьем, как отец? Актер — замечательная профессия! Актера видят тысячи людей, они его слушают, он им нужен...

— Чарли! Вот потому моя матушка и не хочет, чтобы я стала твоей женой. Актер — хуже бродяги. Его даже у церкви хоронить не станут. Не люби я тебя, мой глупенький Чарли, я бы сказала: уезжай из Англии, запишись в войска Веллингтона. Может, с Бони³ тебе больше повезет?

— Я не уеду, Нэлл. Я буду жить в Англии, вместе с тобой. И я стану актером! Настоящим, как Эдмунд Кин.

Лондонский порт — не город, а целая страна. От стен седого Тауэра до свинцовых волн Английского Канала. Любопытные могут нырнуть в архивную пыль — изучить пергаменты с королевскими печатями, написанные на скверной латыни. Особые законы, особые привилегии. Право быть повешенным на «добром витом шнуре с семью узлами» — пустяк, мелочь. Эй, ротозей! — прокатитесь на ялике по красавице-Темзе, полюбуйте державой. Велика, обильна; что ни край — своя жизнь.

³Презрительная кличка, данная англичанами Наполеону Бонапарту.

Где лучше, где хуже, а где — никак.

В Теддингтоне было «никак» в последнем градусе. Чарли понял это с детства. Отец просветил: «Дыра, сынок. Не Лондон, не деревня; не река и не море. Только и есть в дыре, что плотина...»

Теддингтонской плотинной любовались — по воскресеньям, после церковной службы, если погода позволяла. Больше смотреть было не на что. Доки — севернее, торговые пристани — южнее. В Теддингтоне селились неудачники. Моряки, у кого водились шиллинги, снимали жилье — отдохнуть, потоптать твердую землю. Год-другой — и снова в море. Молодежи тоже не сиделось. Уходили в плавание, соблазнялись монетой вербовщика и надевали красный мундир. Руки-ноги-голова в наличии? — значит, прочь из Теддингтона. Что здесь делать? На плотину смотреть? Держать лавку с колониальным товаром?

Барахлом торговать?

Родители Нэлл держали лавку. Отец Чарли, Николас Бейтс, избрал долю старьевщика. С первых дней мальчик слышал: «Старые вещи покупаем! Старые ве-е-ещи!...» Сперва торговали вразнос, потом сняли первый этаж дома, вывеску заказали: «Николас Бейтс. Зайдите — и обрящете!»

Заходили нечасто. Обретали еще реже.

Мальш Чарли не расстраивался. Можно было вволю разглядывать заморские диковинки, купленные отцом у матросов — раковины, бусы, обломки копий из Полинезии, большой раскрашенный щит из Гвианы. Из родной старины Бейтсам доставалось главным образом тряпье и ерунда, вроде чугуновых утюгов. Что интересного в утюге или, к примеру, в медной кастрюле?

Книги — это да. Отец их перепродавал на бумажную фабрику. Почти все были без обложек, без начала и конца. Иногда Бейтсу-младшему везло. Томик Шекспира 1753-го года издания — целехонький, не считая масляных пятен — стал его верным спутником.

Повзрослев, Чарли задумался над очевидной вещью. Лавка давала мало дохода, но семья — отец-мать и дети (трое, не считая тех, кого Бог прибрал во младенчестве) не голодали. Суп из бычьего хвоста, бобы с бараниной — каждый день. Отцу хватало даже на выпивку. В лавке у отца Нэлл дела шли немногим лучше, но и там сводили концы с концами.

Загадка решалась просто. Регулярно к старьевщику Бейтсу приезжали гости из близкого Лондона. Кто именно, Чарли не знал — гости были ночными, секретными. После них оставались тюки и узлы, которые отец прятал в задней комнате, запирая дверь на большой висячий замок. Вскоре новые гости — еще секретнее! — уносили груз в сторону Темзы.

Контрабандой в Теддингтоне не брезговал никто. Но Чарли вскоре стало казаться, что отец занят чем-то куда более скверным, нежели простая контрабанда. Слишком мерзко ухмылялись поздние визитеры. И отец боялся по-особенному, не так, как, скажем, их сосед, дядюшка Бен — рыжий мошенник, чьи роскошные бакенбарды знала вся таможня.

Дядюшке Бену все было нипочем:

«Не волнуйтесь, сэр! Д-дверь, в первый раз, что ли?»

Что такое Тайна, маленький Чарли понял рано. Тайна — бабушка и бабушка, родители отца; их нельзя поминать вслух. Тайна — причина, отчего Николас Бейтс выбрал долю старьевщика в теддингтонской «дыре». Вскоре у Бейтса-младшего появилась своя собственная тайна. Да такая тяжеленная, что и с Нэлл поделиться нельзя — надорвется девчонка, не потянет.

«Батюшка! Матушка! Что со мною? У меня лицо *течет!*»

Кое-что про отцовские дела Чарли узнал, случайно заглянув в один из узлов. Сверху лежали женские вещи. На платье, порванном в двух местах, красовались пятна крови. После этого мальчик твердо решил, что не останется под родной крышей ни одного лишнего дня. Он бы давно уехал, хоть в Лондон, хоть за море, хоть к Веллингтону в Испанию — с негодяем Бони сражаться.

Если бы не Нэлл...

— Что умер я, мне снилось. Странный сон,
Сознания не отнявший после смерти.
А милая пришла, вдохнула жизнь...

— Чарли, Чарли! Век бы слушала тебя... Жаль, не похож ты на Ромео. Тот был мальчишка, цыпленок, а ты — парень видный. Со стороны взглянуть, прямо гвардеец из дворца. Знаешь, как наши девчонки мне завидуют? Я бы и сама себе завидовала...

— ...Мне в губы поцелуями своими,
И ожил я, и стал владыкой мира...

— Погоди, Чарли, я серьезно. Утром я говорила с отцом. Ты ведь знаешь, он о тебе и слышать не хочет. Даже в детстве нам играть не разрешал, помнишь? А сегодня... Он словно переменился. Хороший, говорит, Нэлл, твой парень, только непутевый. К делу бы пристроить, тогда и о свадьбе подумать можно. Я, дура, про театр заикнулась, а он: «Да лучше я тебя первому попавшемуся джентльмену продам!»

— Продаст? О чем ты, Нэлл?!

— Ты что, вчера родился? Бедняки не выдают красивых дочерей замуж, они продают их джентльменам. А я ведь красивая, правда? Потом отец успокоился и вот что предложил. Его двоюродный брат служит в Лондоне, в доме герцога Бельморала. Он мог бы пристроить тебя на теплое местечко. Не обязательно лакеем, в богатых домах требуются всякие работники. Ты переедешь в Лондон, каждую неделю станешь ходить в «Друри Лейн»... И мы будем рядом.

— Рядом? Нэлл, ты уезжаешь?

— Не все так страшно. Отец не решится продать меня. Мать не позволит. Она нашла и мне место в Лондоне, очень хорошее место. Буду компаньонкой у старой леди. Если я ей понравлюсь, она мне отпишет сотню-другую фунтов в завещании!

— Нэлл!

— Детство кончилось, мой Чарли!
— «Что умер я, мне снилось. Странный сон...»
— Не болтай чепуху! Лучше подумай, как устроишься в столице. Имей в виду, я буду ревновать тебя, Ромео!

4

Возле старого, времен первых Георгов, трехэтажного дома, где многоликий мистер Бейтс нашел пристанище, фонарь все-таки горел. По примеру модника-Парижа, сюда провели Gaz de houille, и желтый свет заливал кирпичную кладку. Мистер Бейтс полюбовался пылающим газом — и вспомнил таинственный колокол, чей звон тревожил лорда Джона. Раньше он посмеялся бы над мнительным аристократом, но теперь даже посочувствовал ему. У каждого свой колокол-страх. Недавно и мистер Бейтс понял, чего боится больше всего. Забыть себя — не вернуться, навек оставшись рыжим уродом с акульными зубами.

«Что умер я, мне снилось. Странный сон, сознания не отнявший после смерти...»

Комната, которую он снимал, находилась под крышей. В доме имелись квартиры получше, но мистер Бейтс старался не привлекать лишнего внимания. Обитатели бельэтажа на виду, а кому нужен чердачник?

Внутри, за прочной дубовой дверью, царили порядок и бедность. Узкая кровать, чисто выскобленный стол без скатерти, прочный табурет. Единственное, что выбивалось из общего ряда — морской сундук, окованный потемневшей медью. Его мистер Бейтс задвигал под кровать и прикрывал серым хозяйским одеялом. Сейчас одеяло было свернуто, сундук выдвинут на середину комнаты; на столе лежал ключ с узорчатой бородкой.

Мистер Бейтс взвесил ключ в руке, поднес к замочной скважине...

«Батюшка! Матушка! У меня лицо течет! Помогите!»

«Господи, Николас! А я так надеялась... Сделай что-нибудь! Это же твой сын!»

«Слушай меня, Чарли. Лицо течет? Пусть течет, это мы исправим. Такая у нас, Бейтсов, порода. Знаешь, что такое мускул? Молодец! У нас вся кожа — вроде мускула. У твоих братишек этой беды вроде бы нет, и хвала Творцу. Ты же слушай меня внимательно. Брось плакать, первое дело — спокойствие...»

Ключ провернулся без шума. Откинулась тяжелая крышка. Под ней обнаружился сюртук — тщательно сложенный, присыпанный пахучим табаком. Мистер Бейтс переложил сюртук на койку и достал из сундука кипу бумаг. Пришлось зажечь две свечи, после чего документы легли на стол. Крепкая ладонь легла поверх, взяла первый лист.

— И вы ни разу не спросили о цели нашей... деятельности...

Голос лорда Джона сменился тихим хихиканьем. Цель нашей деятельности, значит? Газетная, желтая от времени статья; заголовок, восклицательные знаки — дыбом, ором в сотню глоток:

«КАРБОНАРИИ НА КАТОР-СТРИТ!!! МИНИСТРОВ УБИВАЮТ!!!»

Ниже — буквы помельче, словно испуганные тараканы. «Карбонарий Тистльвуд⁴, по примеру злодеев-итальянцев, собрал отряд в тридцать головорезов!» «Решил свернуть шеи всему правительству!» «Убийцы на улицах, Лондон в панике!» «Третья Английская революция?»

— Ни вы, ни я — не преступники, не душегубы из Сохо!

В голосе лорда Джона звенела неподдельная любовь к ближнему. Мистер Бейтс откашлялся и с удовольствием повторил:

— Не душегубы из Сохо! Да, милорд, не из Сохо. Мы — душегубы с Катор-стрит.

Взгляд скользнул по фразе: «Собрал отряд в тридцать головорезов...»

— Его наследник, младший Фортинбрас,
В избытке прирожденного задора
Набрал по всей Норвегии отряд
За хлеб готовых в бой головорезов...

Под низкими сводами зазвучал совсем иной голос — ясный и чистый тенор Чарльза Бейтса, поклонника Вильяма Шекспира и Эдмунда Кина.

— Вот тут-то, полагаю, и лежит
Важнейшая причина наших сборов,
Источник беспокойства и предлог
К сумятице и сутолоке в крае...

Прервав монолог, он вернул бумаги в сундук, но запирать не стал, лишь отодвинул в сторону. На столе остались чистый лист и маленькая чернильница.

— Эмигранты. Заговорщики, — хриплое карканье дышало укоризной. — Отщепенцы, злоупотребляющие гостеприимством нашей матери-Англии...

Перо быстро вывело:

«№ 1. И. Г., немец, кинжальщик. Готовил покушение на короля Прусского».

— Нужен тот, кто выглядит и держится пристойно. Как солидный negociant...

«№ 2. П. К., итальянец, карбонарий. Член Миланской венты, министр Революционного правительства...»

Помня о секретности, мистер Бейтс ограничивался инициалами отщепенцев.

— Обсудить деловой вопрос. Продажу партии виргинского хлопка...

«№ 3. Князь В. В., русский. Заговорщик. Попытка цареубийства...»

— Или кубинского сахара...

«№ 4. А. С. Э., датчанин. Экзорцист. Либералист. Заговор против короля.»

⁴Радикально настроенный Тистльвуд собрал в своем доме на Катор-стрит тридцать заговорщиков, которые должны были перебить всех министров, когда те соберутся на обеде. Тистльвуд был разоблачен и казнен.

Закончив список, мистер Бейтс перечитал его, запоминая, поднес краешек листа к свече и, прежде чем поджечь, прислушался. Таинственный колокол, смущавший лорда Джона, молчал. Мистер Бейтс ухмыльнулся, оскалив желтые зубы.

— Бом!..

Словно вышел на авансцену, готовясь начать.

Причину, по какой ему рано на сцену, Чарльзу Бейтсу объяснил сам Эдмунд Кин. Когда они близко сдружились, Бейтс набрался храбрости — и показал, что умеет. Актер выслушал знаменитый монолог Гамлета — в собственном исполнении.

— Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ли
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление...

Бейтс репетировал целую неделю. «Лицо-мышца» не подвело — отличить «его» Кина от настоящего не смогла бы и родная мать. Объект копирования вначале окаменел, но быстро пришел в себя — сказались театральная жилка. Позже он объяснил своему «юному другу», что в многовековой истории театра случалось всякое. Кин слышал легенду об актерах, *перевоплощавшихся* на подмостках, с одним даже познакомился, когда тот был уже дряхлым стариком.

«Это потрясающий дар, друг мой! Но, понимаете... Вы не обидитесь, Чарли? Хорошо, я продолжаю. Вы не играли Гамлета — вы копировали Эдмунда Кина. Трюк достоин ярмарочного балагана, но не театра. Копия вторична, она — всего лишь аттракцион. Смотрите!»

Кин шагнул вперед, привычным, стократ отработанным жестом сжал ладонями виски; отбросил длинные темные волосы, вскинул подбородок:

— ...и в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу...

Проклятье! — актер читал монолог принца Датского голосом Чарльза Бейтса. Но как читал! Чтобы перевоплотиться — хоть в Гамлета, хоть в «юного друга» — ему не требовалось «лицо-мышца». Хватило таланта.

«Не копируйте, Чарли. Играйте, черт возьми! И станете актером, обещаю!»

Он поверил. Ему обещал Эдмунд Кин! Он, Чарльз Бейтс из Теддингтонской «дыры», выйдет на сцену, может быть, в «Друри Лейн»! Жизнь казалась прекрасной. И Нэлл была рядом — во всяком случае, не за семью морями. Да, для свиданий приходилось тащиться пешком через весь Лондон.

Да, виделись редко. Старая дама не отпускала компаньонку ни на шаг. В гости рекомендовалось приходиться только в исключительных случаях — с черного хода.

С парадного принимали *джентльменов*.

Из-за джентльменов они чуть не поссорились. Выпало свободное воскресенье, и Чарльз пригласил девушку на прогулку. Погода была чудесной; они отправились к Серпентайну, в центр зеленого Гайд-парка. Бейтс предпочел бы уехать за город, на вольный воздух. Однако Нэлл объяснила: благовоспитанным людям «положено» гулять у Змеиного пруда. К сожалению, спутник не оправдал ее надежд — оделся, как привык дома. Куртка, башмаки на толстой подошве, шляпа с узкими полями... Нэлл пришла в ужас: у Серпентайна «в этом» показываться нельзя.

Туда приходят настоящие лорды!

Бейтс не стал спорить. Он нашел свое решение проблемы — свел знакомство с Джорджем Браммелем. Первый Денди⁵, человек язвительный и опасный на язык, трудно сходилась с людьми. Помог Кин — оба были вхожи к Принцу Уэльскому. И сам Бейтс не сплеховал. Узнав от актера о привычках и странностях Короля Вкуса, он с первых же слов пожаловался, что от соседей ужасно пахнет — и попросил у Браммеля рецепт его знаменитого мыла. Законодатель мод, помешанный на чистоте и мывшийся трижды на день, мгновенно проникся к «скромному театралу» (как рекомендовал Бейтса Кин) самым искренним расположением.

Мыло по рецепту Браммеля оказалось превосходным. Главное же, Первый Денди, узнав о трудностях Бейтса, дал совет, как именно стоит одеться — и набросал эскиз свинцовым карандашом. Да что там говорить! — он даже денег одолжил. У портного волосы встали дыбом, но в следующее воскресенье на Бейтса оглядывался весь Гайд-парк. Нэлл была на седьмом небе, Чарльз же слегка расстроился. Его попытки рассказать девушке о театре с треском провалились. Подруга скучала. «Сцена? Это для провинциалов. Ты хочешь быть шутом, как твой Кин? Пора взрослеть, мой Чарли!»

В следующее воскресенье они не встретились. А потом Бейтс узнал, что его Нэлл свела знакомство с «настоящим лордом». Ну, не лордом, но все-таки...

— Бом! — ударил вдали колокол.

Сцена вторая

КЛУБМЕН

1

Англичанин, к тридцати годам не озаботившийся вступить в клуб, подозрителен. Такое прощается сельскому эсквайру с девонширских пустошей, но житель Лондона, существующий вне клуба — нонсенс, причем нонсенс опасный. Добрые соседи обязаны заявить на такого мировому судье. В чем

⁵Джордж Браммель — основоположник «дендизма». На подбор перчаток у Первого Денди уходило два часа, на завязывание галстука — три.

дело? Клубов в британской столице сотни — на все вкусы, для всех сословий и профессий. Даже если вы приезжий, ищите своих, не ленитесь. Шотландец? Добро пожаловать в Мэйфер, в «Эдинбургский клуб». Валлиец? Просим в «Клуб Стюартов» — рядом с Гайд-парком, сразу найдете. Ненавидите клубную жизнь? Три клуба «клубоненавистников» вас прямо-таки заждались. Но если брезгуете, тогда не обессудьте. Нет вам никакого доверия. Уж не иностранец ли вы часом, не шпион?

Или того хуже, состоите в тред-юнионе?

— Ваш клубный билет, мистер Бейтс. Порядок есть порядок, сами понимаете... Благодарю вас, сэр. В «Собачьей канаве» всегда рады вас видеть. Ужин, как обычно? Очень хорошо. Позвольте напомнить: через полчаса у вас встреча в Синей гостиной...

Чарльз Бейтс не спорил с традицией и быстро нашел подходящий клуб. Особо трудиться не пришлось. Работники сцены давно освоили «Собачью канаву» в центре Уайтчепеля. Клуб из самых престижных — «пожарных». Таких в Лондоне едва ли больше дюжины. Хоть мемориальную доску вешай: «Леди и джентльмены! Сей благородный клуб основан AD 1775. Остановитесь и восхититесь!».

Доски на клубе не было. Хорошие места и так известны.

В годы давние, когда народ еще собирался не по клубам, а по кофейням и трактирам, в «Собачьей канаве» — грязной забегаловке на окраине бывшего еврейского гетто — нашли пристанище лакеи и дворецкие. Вскоре к их обществу примкнули те, кого не пускали в общество «хозяев»: подмастерья, слуги, сезонники — лишь бы монета водилась. Грязна была «Собачья канавка», и кухня не из лучших. Народишко захаживал разный — не поговоришь по душам, не расслабишься.

Да только нет худа без добра!

AD 1773 славный город Лондон в три дня сгорел. Так основательно, что хоть новый на пепелище строй. Этим лондонцы и занялись. Пример подали джентльмены из парламента. Скинулись — и выкупили руины «Кофейного дома Уайта», где прежде любили собираться. Восстановили, но уже для своих, ближних. Чужаков не пускали. Так возник первый «пожарный» клуб. За парламентариями и другие потянулись. Торговцы акциями приобрели «Кофейню Джонотана»; литераторы-щелкоперы — «Зеленую ленту». Дошла очередь и до «Собачьей канавы». Чем лакейщина хуже «высшего света»?

Ясное дело, ничем!

В актеры Бейтса не взяли, но в театр он все-таки попал. Рабочий сцены — он всюду, все видит, с каждым знаком. Что может быть лучше? Смотри спектакли, учись, репетируй — перед старым зеркалом. Молодость, театр, Нэлл... В 1814-м, когда победили злодея Бони и взяли Париж, в «Друри Лейн» пришел кумир — Эдмунд Кин. Жизнь, ты прекрасна!

...Спустя годы человек с морщинистым лицом и рыжими бакенбардами стал членом клуба во второй раз — как дядюшка своего тезки-однофамильца, славного парня и общего любимца Чарльза Бейтса. Тот рекомендовал

дядю почтенным одноклубникам. К сожалению, заочно, письмом — молодому работнику сцены пришлось срочно покинуть мать-Англию. Бейтс-дядя быстро пришелся ко двору. Серьезный, основательный, хотя и не слишком веселый, в отличие от племянника.

Сразу видно — трудная жизнь за плечами.

— Ваше пиво, мистер Бейтс. Газеты и письмо из Франции. Пригласить вон того человека? Он давно вас ждет. У него гостевой билет, но в постоянные члены его едва ли примут. Осмелюсь заметить, не нашего полета... Мистер Бейтс, как дела у вашего племянника в Канаде? Мы за ним очень соскучились, за мальчиком Чарли...

2

— Уверяю вас, сэр, вещь подлинная. Видите надпись! Нет, не краденая, ни боже мой! Как вы могли подумать? Мой старший брат служит... служил в доме его высочества. Брату сделали подарок к Рождеству. У герцога традиция: раздавать ненужные вещицы по случаю праздника. Я бы не навязывался, сэр, но совершенно случайно узнал, что вы интересуетесь реликвиями его высочества...

Мистер Бейтс слушал, не перебивая. Это требовало немалой выдержки и двойной дозы цинизма. Личность с гостевым билетом определенно заслуживала билет иной — в прекрасную страну Австралию, под кандалный звон. В клуб прощельгу пустили: младший слуга в богатом доме, с рекомендацией. В «Собачьей канаве» блюли правила, что порой оборачивалось излишним либерализмом.

Впрочем, будущий австралиец мистера Бейтса не интересовал. Иное дело «вещица» — серебряная табакерка с медальоном, встроенным в крышку. Может, и не краденая. Но в руки хитреца попала кривым путем. В карты у «брата» выиграл, или вместо долга получил. Надпись не лгала — «подарок к Рождеству» раньше принадлежал нужному человеку. Иной вопрос, давно ли тот держал табакерку в руках. Если давно, сделка теряла смысл — отпечаток личности стерся.

Ну-ка, поглядим!

Теплое, липкое от чужого пота, серебро; тяжесть в ладони...

— ...Значит, батюшка, вещь — вроде ниточки? Связывает с человеком, с этой... как ее? — личностью?

— Хватит, Чарли! Я и так тебе слишком много рассказал. Наше проклятье, дар рода Бейтсов — не для честной жизни. Я ушел из семьи, поссорился с отцом, потому что не хотел быть вором. Понимаешь? Да, я скупщик краденого. Это грех, но меньший, чем воровство. Представляешь, на что мы способны? Если бы только воровство! А шпионаж? Заговор? Тут не Австралией — петлей пахнет... Да, Чарли, ты прав, вещь — отпечаток личности. У твоего деда таких безделушек было два сундука. Он еще хвастался, что лордов у него в каждом сундуке больше, чем в парламенте. Чарли, сынок! Умоляю,

приказываю, заклинаю! Делай это лишь в крайнем случае. И — не рискуй. Дар опасен прежде всего для нас с тобой. Если хочешь испытать себя — стань мной. Я не испугаюсь. Возьми любую мою вещьцу...

— Нет, батюшка. Это вы не испугаетесь, а мне на такое не решиться. Я лучше на нашем соседе попробую — на дяде Бене. Он — мой крестный, а крестик всегда при мне. Дядю Бена без всякого перевоплощения изобразить легко: «Д-дверь! Опять эти сопляки стекло разбили. Goddamit! Сэр, прошу вас, следите за своим сыном!..»

Табакерка светилась.

В детстве, учась у отца, Чарльз ловил этот свет, прикрыв на миг веки. Размытое, пульсирующее пятно; иногда — снежно-белое, чаще — грязно-желтое. Солнце в сточной канаве. С годами, освоившись, он мог не закрывать глаза. Вот она, табакерка-ниточка. Верхний слой — оранжевая грязь — тонок, словно шелуха луковицы. Под ним — еще несколько, погасших, холодных. Ходила по рукам табакерочка, пачкалась, обрастала, как днище фрегата. Под мертвым — живое. Чистое свечение, отпечаток хозяина; его тепло, его пальцы.

Его душа.

Сегодня мистер Бейтс не поленился, сходил к началу утреннего заседания парламента. Поглядел на тех, кто съезжается в Вестминстер — языком за народные деньги трепать. Нужную личность срисовал сразу. Он и прежде видел его — третьего сына лорда Гаррет-Коллей, героя Ватерлоо, сокрушителя Наполеона; героя Питерлоо, убийцу мирных английских рабочих. Но следовало освежить память, дабы личность предстала во всей ясности.

Желтый свет, тяжелое и липкое серебро; надменное лицо с крючковатым носом. Губы поджаты, в каштановых волосах — нити седины. Плечи вразлет, длинные ноги — циркулем. «Воспитывался в Итоне, потом в Анжерском военном училище, во Франции...»

Он!

Мистер Бейтс почувствовал, как напряглось тело, готовое к метаморфозе. С годами кожа-мускул обрела эластичность, стала послушной и мягкой, как перчатка из доброй лайки. Достаточно вспомнить чужой облик, сжать в руке вещь-ниточку...

За годы службы в «Друри Лейн» он редко пользовался своим даром. Помнил наказ отца — да и особой необходимости не было. На сцене такое ни к чему. Эдмунд Кин прав — актер играет, а не копирует. Чужую личину надевал в тех случаях, когда хотел скрыть свою. На рабочих митингах, где каждый второй — полицейский соглядатай. В портовых пивных, куда, случалось, забредал из любопытства. Молодого, прилично одетого парня там встретили бы плохо. Иное дело — хмурый, выдавший виды детина: голос хриплый, пропитой, через слово — «Д-дверь!», дабы вслух не поминать Нечистого.

С таким и грога выпить не грех, и о жизни посудачить.

Облик дядюшки Бена стал привычной второй кожи. Ниточка-крестик на груди, морщинистое лицо с акулыными клыками в три ряда — перед глазами.

«Сэр! Меня ужасает наш парламент, сэр! Д-дверь, на что идут налоги?! Между прочим, джентльмен у входа — определенно шпик. Goddamit! Не намять ли ему бока?»

Настоящему дяде Бену эти шутки не причинили бы вреда. В один из своих визитов домой Чарльз проводил крестного в последний путь. Сосед умер в одиночестве, рядом с недопитым бочонком пива. Два пустых стояли на заднем дворе, этот же одолеть не удалось. В жилетном кармане покойника нашлась китайская монетка с квадратной дыркой. Чарльз взял ее на память — больше в пустой лачуге брать было нечего. Пьянство — изрядный порок, сэр. Goddamit! Как можно пропить оконные рамы? Скажу вам честно, сэр, это ни в какие двери не лезет! Что? Д-дверь тоже пропили?

Кое-что, впрочем, крестный ему оставил в наследство. После похорон Бейтс решил, что теперь имеет полное право располагать обликом покойного по своему усмотрению. Ты же не обидишься, дядюшка Бен?

— Сэр! Эта вещь стоит дорого. Но я прошу за нее всего две гиней. Две жалких гиней, лопни мои глаза! За табакерку нашего национального героя! Спасибо, сэр, это справедливо. Да-да, я уже ухожу. Всего наилучшего, сэр!

Едва Чарльз Бейтс остался в одиночестве, ему остро захотелось сделать две вещи: вымыть руки с мылом, изготовленным по рецепту Первого Денди Браммеля — и посоветовать руководству клуба аннулировать гостевой билет прошельги. Это следовало сделать непременно, но вначале...

Мистер Бейтс подошел к висевшему на стене зеркалу — большому, старинному, гордости клуба. Когда-то в него гляделся Питт-старший, премьер-министр минувшего века. Недостойные наследники пустили имущество с аукциона, чем руководство «Собачьей канавы» и воспользовалось.

Никакого сравнения с убожеством, перед которым приходилось репетировать. Со вкусом живали предки! Мистер Бейтс сжал табакерку в руке, расслабил мышцы; закрыл глаза. Надменное лицо с крючковатым носом, губы поджаты; плечи — вразлет... Тело еле заметно дрогнуло, раздаваясь вширь и ввысь. Раньше было больно; теперь ничего, привык.

Вот, даже улыбаюсь...

Из зеркала ему улыбнулись в ответ — едва шевельнув надменным ртом. Третий сын лорда Гаррет-Коллей, Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон, соизволил взглянуть на наглеца, дерзнувшего принять его — Веллингтонов! — облик. В темных глазах-маслинах — гнев. Как посмел?! Куда смотрит полиция?!

Чарльз Бейтс ухмыльнулся, обнажая акульки клыки, неуместные на благородной личине герцога. Перетерпишь, твое высочество!

Аристократ, д-дверь!

«К сожалению, мой французский оставляет желать лучшего. Лорд Байрон при жизни говорил, что в изучении языка наших континентальных соседей Джордж Браммель имеет те же успехи, что Наполеон в России. Увы, это так.

Еще менее удачны мои попытки заинтересовать парижских модельеров (черт возьми, быстро же забыли того, кто придумал запонки и шейный платок!), равно как издателей. Моя «История моды в Европе» обречена на грызущую критику мышей. Стыдно признаться, но я вынужден принимать приглашения на обеды от наших с вами соотечественников. Как же! Вечер с Первым Денди, слегка потрепанным судьбой. Пригласил меня и его величество — месяц назад король посещал Францию. Насколько я понимаю, это был мягкий намек на мое возвращение в Лондон — в качестве комнатной собачки. Я был зван на три часа пополудни. Пришлось ответить, что денди так рано не обедают. Трапеза в три часа — удел тупых эсквайров. Наш общий друг Эдмунд Кин, кажется, до сих пор в фаворе? Поражаюсь его гибкости!»

Денди-изгнанник не забывал друзей. Читая письмо, мистер Бейтс невольно усмехался. Браммель «держал марку» — даже вне родины, нищий и одинокий. Мириться с королем гордец не желал.

«Жаль, что вы, мой дорогой Чарльз, столь скупы в описании Ваших собственных дел. Рискну с моей известной всему Лондону бесцеремонностью предположить, что они не блестящи. Вот стиль истинного денди! «Блистают» нувориши, а наши с Вами сюртуки, как и судьбы, естественны и меланхоличны, словно подлинная жизнь. К сожалению, ничем Вам помочь не могу. Не имею возможности даже вернуть долг, что наполняет меня грустью и стыдом. Вы больший фат, чем я, дорогой Чарльз. Когда-то Вы отказались взять в качестве компенсации мои золотые безделушки; кстати, их тут же съела банда кредиторов. До меня дошел слух, что и вас хотели отправить на постоянное жительство в Ньюгейт. Хвала Провидению, что это не так! Знаменитая тюрьма, без сомнения, обладает определенным стилем и не столь вульгарна, как Тауэр, но рассуждать о тюрьмах все-таки лучше на свободе...»

Мистер Бейтс достал затертый бумажник, спрятал письмо; вновь подошел к зеркалу, провел пятерней по давно не стриженной рыжей шевелюре. Что бы сказал законодатель мод, увидев его-нынешнего? Когда он забежал к Браммелю в новом фраке, тот велел Бейтсу пройтись по комнате, а после изрек: «Знаете, глядя на вас, начинаешь понимать, что только провинциалы обладают вкусом!»

Первый Денди, сын мелкого чиновника, терпеть не мог аристократов. «Они боятся мыла больше, чем революции, Чарльз! Зато каков их дух — настоящий, британский. Хоть ноздри зажимай!»

С него все и началось, с Джорджа Браммеля. В тот вечер Чарльз должен был встретиться с Нэлл...

— Как?! Ты отдал Браммелю деньги? Все наши... Все свои деньги?!

— Отдал, Нэлл. Джорджу нужно бежать во Францию. Ему грозит арест и суд, а его приятели-лорды сказались больными, чтобы не прятать глаза при встрече. Браммель поссорился с королем, и тот вспомнил, что в Ньюгейтской тюрьме есть свободная камера. Джордж сразу предупредил, что

отдать долг не сможет. Он предложил взять его золотые запонки, у него их целый мешок, фунта два... Я отказался.

— Чарльз! Когда ты повзрослеешь? Эти деньги...

— Что за беда, Нэлл? Заработаю, руки-ноги на месте. Я же тебе главного не сказал! Эдмунд... Мистер Кин устроил меня в театр. Актером, в труппу! Не в «Друри Лейн», конечно, туда без королевской протекции хода нет. Театр «Адоल्фи», на Стрэнде. Маленький, но труппа растет. И жалованье предлагают хорошее, сошью себе еще один фрак. Браммель мне целую тетрадь с эскизами оставил.

— Тебя берут в шуты, Чарли, а ты и рад. Твой Браммель — кто он? Шут и есть. Его принц-регент, нынешний король, для развлечения гостей во дворец звал. А мне нужны деньги. Очень нужны, Чарли. Я рассчитывала на тебя. То есть, деньги нужны даже не мне...

Он знал, кому нужны деньги.

Аристократ Нэлл достался настоящий — голубых кровей, графского помета. Родоначальника семьи Фрамлинген Господь сотворил ровно за сутки до Ветхого Адама. На семью не пало Божье проклятие, а посему Фрамлингенам не требовалось добывать хлеб свой в поте лица. Потееют йомены и копигольдеры⁶, графам же суждено до Страшного суда олицетворять идеал благородства. Военная служба для этого не годится — не графское дело строем ходить. И служба штатская не по ним.

Фи!

Что остается? Охота да карточная игра, чем Фрамлингены и занимались с усердием. После того, как согласно глупому и нелепому закону имущество семьи отписали за долги, граф Артур Фрамлинген с достоинством проследовал в долговую тюрьму Флит, ставшую постоянной семейной резиденцией. Время от времени его сиятельство навещал тюрьмы Маршалси и Королевской Скамьи, где вел долгие беседы с такими же, как он, благородными людьми.

Виконт Артур Фрамлинген-младший удался в папашу. Монокль, белые туфли, трость; несвежая рубашка, шейный платок с тремя узлами. Джентльмен! После очередной отсидки в Маршалси виконт соизволил навестить двоюродную тетюшку, желая перехватить у старухи денюжат.

Карточный долг — дело чести!

Увидев виконта, Нэлл была сражена — если не до смерти, то до полной утраты здравого смысла. Монокль! Трость! А как душка Артур фланирует по бульвару, как произносит свое неподражаемое «р»! «Я в тр-рхудном положении, моя кр-рхасавица! Сотня фунтов — или за р-рхешетку. Да, за р-рхешетку, в каземат, в Тауэр-рх!»

Чарльз Бейтс очень не вовремя отдал свои деньги Джорджу Браммелю.

В тот день они с Нэлл поссорились. Впервые девушка накричала на него, наговорила гадостей, велела не показываться на глаза. «Ты во всем виноват, Чарли! Из-за тебя я останусь плебейкой из Теддингтона, вечной ком-

⁶Крестьяне разной степени свободы.

паньонкой, нищей дурой. Да, Артур обещал на мне жениться! Я стала бы виконтессой, графиней... Уходи, Чарли, возвращайся к своим шутам!»

Бейтс молча откланялся.

Через три дня Эдмунд Кин отвел воспитанника в театр «Адольфи». Собрали труппу, Чарльз прочитал отрывок из Марло, разыграл на пару с Кином сценку «Карточный шулер и простак». После аплодисментов директор поздравил новичка с зачислением в штат театра. А еще через неделю Чарльза Бейтса, двадцати одного года, холостого, поведения похвального, прихожанина англиканской церкви, актера театра «Адольфи», что на Стрэнде, арестовали.

По обвинению в ограблении и убийстве.

4

- Тиранию — долой!
- Доло-о-ой!
- Свинья! Палач! Мерзавец!..

Кого именно «долой», благоразумно не уточнялось. Англия — свободная страна, но береженого бог бережет. Кто надо, поймет, а шпики пусть в затылках чешут.

— Кровь героев требует отмщения! Разорвем цепи, ломаем тюремные решетки! Борьба и свобода! Свобода и борьба!

— А-а-а!

Клубная жизнь хороша еще и тем, что от клуба до клуба — тропинки короткие. Если вхож в один, то и в соседний тебе выпишут гостевой билет. А если у тебя не гостевой — постоянный, то проблем вообще не предвидится. Клубмен? Добро пожаловать, сэр!

- Свободу Италии! Свободу Польше!
- Свободу Норвегии! Свободу Испании!
- Свободу-у-у-у!
- У-у-у-у-у-у!

Про мать-Британию — ни слова. Мало ли?

По всей Европе граждане революционеры в кафе собираются — по примеру французских якобинцев. Кофе вольнодумству очень способствует, если без сахара. Иное дело — в Англии. И в Лондоне кафе имеются, но засесть там несолидно. Да и опасно — вдруг полиция заявится? Клуб же — острок безопасности, если его величество Георга IV вспоминать пореже.

С иными величествами проще: ругай — не хочу.

— Друзья! Сейчас перед нами выступит наш друг из Италии! Вождь миланской венты, бывший министр революционного правительства...

Клуб «Остролист» расположен в Блекфрайерз, у Темзы, между двумя рыбными складами. Кто не знает — мимо пройдет. Так и задумано. Не всем про «Долой!» слушать по чину. И название хитрое. Для профанов — скучная ботаника, для своих же — песня славного шотландского якобинца Роберта Бернса. Сперва хотели клуб «Деревом свободы» назвать, но — остереглись.

— ...Младший брат Федерико Конфалоньери, томящегося в мрачных австрийских застенках — Конфалоньери Пьетро!

— Слава! Viva! Слава!..

Мистер Бейтс бывал в «Остролисте» нечасто. Встречали хорошо — всегдаги помнили его племянника, молодого актера, истинного карбонария и луддита, раздавленного тисками кровавой тирании. Поговаривали, что Бейтс-старший дал смертную клятву-омерту: не есть, не пить и не дышать, пока не сомкнутся его акульи клыки на жирном лордском горле негодяя, отправившего беднягу Чарли в застенки. А поскольку точное имя негодяя до сих пор неизвестно, Бейтс-дядя грызет всех лордов подряд — по три на неделю.

Д-дверь! По четыре с половиной!

— Fratelli! Compagni! То-ва-ры-щи! Imperatore Austriaco — maiale sporco!..

Мрачный Бейтс-мститель ничего не отрицал, но и не подтверждал. В ответ на осторожные вопросы — скалился со значением.

— Maiale sporco! Грязная свинья!..

«Мне нужен тот, кто выглядит и держится пристойно...» Казалось бы, несложное дело. Тем более, кандидатов в списке — четверо. Трудно ли найти такого, с кем можно о виргинском табаке потолковать? Чтобы глаза не бегали, физиономию судорогой не кривило? Выбор хоть куда: немецкий кинжальщик, русский заговорщик...

— Италия стонет, да! Италия плачет! Италия рыдает, о-о-о-о-о!

Кинжальщик отпал сразу. Точнее, выпал — из окошка третьего этажа, где проходило собрание немецких эмигрантов. Обе руки и нога в лубках. Мистер Бейтс не поленился, сходил в Сохо, в больницу для бедных, пригляделся к несчастному. Такому не хлопок — свистульку на ярмарке не продадут, сразу полицию кликнут.

— Смерть тиранам! Morte! Слава Италии!..

Русский («№ 3. Князь В. В») тоже не подошел. Лорда Джона обманули — «В. В.» оказался не русским князем, а поляком из прусской Познани, запойным пьяницей и дезертиром, обокравшим полковую кассу. Это бы делу не помешало, но уж больно вид у «князя» был непрезентабельный. Для очистки совести мистер Бейтс посидел с царевийцей в пивной, послушал рассказы про страшную Siberia, где тот якобы звенел кандалами — и понял, что до почтенного негодяя «князь» не дотягивает. Мелок, гадок, левая щека дергается; ко всем бедам — еще и зайка.

«В-волки, в-волки! Вся Siberia — с-сплошные в-волки! На м-моих глазах несчастная м-мать скормила в-волкам трех своих д-детей, чтобы уцелеть с-самой. Д-да! Друзья, п-панове, мне б-бы еще стаканчик! За в-волков!..»

Оставались итальянец с датчанином, карбонарий и «либералист». Пьетро Конфалоньери на первый взгляд имел вид: высок, худощав, лицом бледен, волосом черен. Одевался так, что Первого Денди на том берегу Английского канала мороз по коже бил. Но фрак — не беда, дело наживное.

— Fratelli! Бра... Братие! Liberta, uguaglianza, fraternita! Умрем! Да, умрем! Si, morire! Все умрем — за свобода, за уравниловка... Равенство и братчество! Смерть и liberta! Кто есть честен — должен умереть! Immediatamente! Все умереть! Viva la liberta!

Вспомнив уроки Кина, мистер Бейтс попробовал тихонько сказать: «Сэр! Котировка виргинских акций упала на два пункта!» — карбонарским голосом. Не смог. На язык просилось: «Morire, negoцианто, maiale sporco!» Интересно, какими делами занимался отставной министр в революционном правительстве? Ведал самоубийцами?

Бывший актер никак не мог войти в роль.

«...актер труппы театра, известного, как «Адолфи», помянутый Чарльз Бейтс июня 3-го сего года учинил злодейское убийство благородной девицы Эмили Фиц-Спайдер в ее же доме, равно как ограбление ее имущества на сумму не менее чем 300 фунтов. Обвинение сие подтверждается тремя свидетелями, чьи показания зафиксированы должным образом и приобщены к делу...»

Небо над тюремным двором было черным, как сажа в камине.

Жизнь потеряла смысл.

«...Помянутая Нэлл Саммер из Теддингтона, компаньонка девицы Фиц-Спайдер, за день до преступления заявила о подозрительных расспросах, касающихся имевшегося в доме имущества, учиненных помянутым Чарльзом Бейтсом, каковое заявление, однако, не было принято во внимание. Помянутый Чарльз Бейтс неоднократно под надуманными предложениями посещал дом девицы Фиц-Спайдер...»

Убиенная старуха оказалась ко всему еще и старой девой. Коронер⁷ уточнил, что согласно указу короля Генриха Пятого сего имени, данное обстоятельство существенно усугубляет вину. Не иначе, станут вешать три раза подряд.

«...Известно также, что часть похищенного имущества была употреблена подозреваемым на организацию побега королевского изменника Джорджа Браммеля, являющегося, таким образом, соучастником злодеяния...»

Первый Денди пришелся ко двору. Судейский хотел сделать приятное его величеству Георгу. Браммель, надерзивший высочайшей особе — одно, денди-убийца — совсем иное.

Чарльза хватило лишь на то, чтобы потребовать встречи с «помянутой Нэлл Саммер». Пусть повторит, в глаза посмотрит! Вышла осечка. Заметно смутившись, коронер сообщил, что «помянутую» не могут разыскать — равно как племянника покойной, виконта Артура Фрамлингена-младшего. Если арестованный сообщит об их местонахождении, его участь будет не столь безнадежной.

Повесят не трижды, а только два раза. На веревке с семью узлами.

⁷Коронер — чиновник, совмещавший судейские и следовательские функции. Производил дознания и дозор в случае внезапной смерти, смерти при невыясненных обстоятельствах, подозрениях в поджоге и т. п.

Уже потом, годы спустя, человек с бакенбардами попытается вспомнить Ньюгейтскую тюрьму — хоть какие-то подробности, самые мелкие пустячки. «Так не бывает, герр Бейтс, — удивится великан Ури. — Ничего не запомнить? Нам не верится. Вы просто не хотите нам рассказывать!» Ури зря обижался. Чарльз перебирал крупницы памяти, словно вещицы в заветном сундуке. Напрасно! Черное небо, серые тени; голос чиновника плывет из неведомой дали.

Все.

Он смирился. Сгорел. Повесят? Какая теперь разница?

Спас его Кин. Великому актеру, другу короля, не могли отказать в свидании. У двойной решетки, через которую шел разговор, стояла пара надзирателей, ловивших каждое слово. Поэтому Эдмунд Кин говорил шепотом — своим знаменитым шепотом, который подчинялся ему, словно дрессированный шпиц. На спектакле еле слышные реплики доносились до галерки, теперь же Кина понимал лишь его собеседник.

Что говорил актер, мистер Бейтс тоже не вспомнит. Только прощальное:

«Живи, Чарльз! Беги отсюда! Ты сможешь!»

«Хорошо! — узник дотянулся, обдирая плечо о прутья, и пожал руку человеку, не побоявшемуся навестить смертника. — Если ты просишь, Эдмунд. Я обещаю».

Спокойно, как на репетиции, он обдумывал план побега. Из Ньюгейта не бегут, не для того построен. Но актер намекал, что Чарльз Бейтс способен на это. Понять легко, сделать трудно. Сорвать блестящую пуговицу с надзирателя — и перевоплотиться? Изменить облик? А одежда, ключи? Стать аристократом, которого по ошибке занесло в тюремный двор? Все вещи отобрали при аресте, ниточки оборваны. Посетителя-незнакомца так просто не отпустят, до самых печенок трясти станут.

Разберутся, кликнут кузнеца с кандалами...

Без всякой надежды Чарльз пошарил по пустым карманам. Ничего, кроме крестика под рубахой. И еще — монетка. Китайская, с дыркой; последний подарок крестного. Гнилые ниточки от мертвеца...

Цветов на могиле не было — как и самой могилы. Рыжего покойника отволокли в тюремный морг-ледник, приставив для верности караул. Могила подождет, сперва надо разобраться. Доложить — немедленно, срочно, на самый-самый верх. Только что, простите, докладывать? В славном Ньюгейте — скандал? Заключенным меньше, покойником больше, а в остальном, примите уверения, все хорошо?!

Позор! Армагеддон!

Мертвяка нашли на лестнице, ведущей во двор мужского отделения. Час свиданий, узники-бедолаги круги пишут, с близкими горем делятся, меж собой печальные речи ведут. Пустая лестница — а на ней покойник с огненными бакенбардами. Немолодой, жизнью траченный, желтые акульки клыки скалятся так, что глядеть страшно.

Надзиратели службу знали, сразу к начальству вломились. А вот смотритель слабину дал. Мол, беда невелика, забрали черти сидельца — и дьявол с ним. Имя установить, родственникам отписать, труп — на ледник.

Нечего лорда-мэра пустыми докладами тревожить!

Тому, что мертвяк — не из заключенных, смотритель поначалу не поверил. Даже слушать не захотел. Потом проникся, велел проверку устроить. Заодно и труп осмотреть, да не как-нибудь, а со всем вниманием. Выслушал доклад надзирателей, за голову взялся — и завыл в полный голос. Бежал! Бежал Чарльз Бейтс, двадцати одного года, холостой, прихожанин англиканской церкви, бывший актер театра «Адольфи», грабитель, убийца и самого Джорджа Браммеля пособник. Вместо него, в бейтсовом сюртуке и панталонах, труп красуется, клыки скалит.

Goddamit!

Чарльз Бейтс понял, что ошибся, когда с глухим стуком захлопнулась дверь (д-дверь!) морга. Тюремного — он рассчитывал на городской. Если бы рыжего мертвеца отвезли к неопознанным, подобранным на городских улицах, дело было бы в шляпе. В городской анатомичке караула нет, один сторож-инвалид «трупным товаром» приторговывает — на радость студентам-медикам.

Встать, отряхнуться, сторожу ласково ухмыльнуться...

Не вышло! Ньюгейт не отпускал его, даже мертвого. Караульные мерзли, чертыхались, но от трупа не отходили. Приказ! Бледный лекарь дважды прибежал — сердце слушал, к губам зеркальце прикладывал. То ли не поверил до конца, то ли службы ради. Не учуял, повезло. В остальном же дела были плохи, хуже некуда. Кожа-перчатка окаменела, веки стали ледышками, задеревенели пальцы, синевой подернулись ногти. Еще не поздно было вернуться, перевоплотиться в самого себя — в бывшего актера и будущего висельника. Но караул бдил, тяжелую дверь не забывали запирать, и ему, недвижимому трупу, оставалось одно — ждать.

Губы не двигались, не шевелился язык...

— Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?

Утром следующего дня Чарльза Бейтса похоронили.

5

— Naturalmente, il mio caro amico! Прошу, дорогой inglese друг! Значит, ваш cugino... двоюродный брат пострадать в Питерлоо? Его сослать в ледяную Australia за unione... союз рабочих? О-о, Италия плакать, Италия возмущаться!

Пьетро Конфалоньери, вождь миланской венты, оказался податлив, как теплый воск. Впрочем, и просьба была пустяковой — подарить родичу мученика за тред-юнионизм перо, которым эмигрант надписывал книги — брошюрки в яркой обложке с автобиографией и портретом в три краски.

— Я слышать про ваш племянник, martire... страдалец Карло Бейтсо!.. *Famiglia eroi!* Да, у вас ге-рьо-и-ческая семья, caro amico! *Essi hanno subito!* Они стра... страдали за прогресс и чельовечество!

Ниточка-перо была свежей и яркой, светясь ровным золотистым огнем. Но мистер Бейтс не испытывал удовлетворения. Изобразить итальянца он мог без всякого перевоплощения. Легкий этюд, разве что с акцентом придется поработать. «Все мы должны soffrire... страдать и умереть! *Все! Ogni cosa!..*» А вот с хлопком или сахаром ничего не получится. Для почтенных лондонцев итальянец в лучшем случае уличный фокусник. Чаще — обычный жулик. С таким и говорить не станут.

Реликвии-ниточки мистер Бейтс хранил в морском сундуке — под сюртуком с табачной приправой. За годы собралась изрядная коллекция. Кажется, ее ждет прибавление. Забавный макаронник!

Кто остается?

«№ 4. А. С. Э., датчанин. Экзорцист. Либералист. Заговор против короля». Андерс Сандэ Эрстед в «Остролисте» не бывает, на митинги не ходит, с полисменами в драки не ввязывается. Говорят, увлекается боксом. Значит, придется ехать в еще один клуб.

— А теперь предлагаю всем спеть *canzone*... песнь карбонариев «*Fiori sulla tomba*» — «Цветы на могиле»!

Мистер Бейтс решил, что с него хватит. «*Fiori sulla tomba*» — перебор.

Сцена третья ПОРТРЕТ БАБУШКИ ГУТЛЫ

1

— К вам посетитель, сэр!

— Кто?

— Мистер Эрстед, сэр. Как вы распорядились, я пригласил его к двенадцати часам.

— Хорошо, Джошуа. Пусть войдет.

— Да, сэр.

— Постой... Пусть он войдет, но через десять минут. Найди причину сам.

— Да, сэр. Через десять минут. Не беспокойтесь.

Натан Ротшильд, владелец банка «N. M. Rothschild & Sons», устало закрыл глаза. С утра у него раскальвалась голова. Если бы он мог, он бы с радостью обошелся без неприятного разговора. Но он не мог. Умница Джошуа выиграет для него передышку, не обидев посетителя. Молодой секретарь хитер и деликатен — двоюродный племянник по материнской линии,

Джошуа прошлой зимой переехал в Лондон из Франкфурта, где служил у Амшеля Ротшильда, старшего брата Натана.

Прав был отец, завещая:

«Все важные посты в деле должны занимать только члены семьи, а не наемные работники. Мужчины семьи должны жениться на своих двоюродных или троюродных сестрах, чтобы накопленное имущество осталось внутри семьи, служа общему делу...»

Память машинально продолжила завещание:

«Дочери должны выходить замуж за аристократов...»

Анна, дочь Натана, месяц назад выполнила посмертную волю деда, обвенчавшись с Джеймсом Генри Фицроем, героем войны, младшим сыном герцога Бофорта. Этот брак был гордостью банкира, одним из самых удачных его проектов. Но с переездом дочери в дом супруга гордость превратилась в головную боль, сперва — случайную, затем — мучительную, и судя по всему — неизбывную.

Встав из-за стола, на котором царил идеальный порядок, Натан прошел к окну. Любуясь парком, он все время ладонью гладил лысину, словно желал надраить ее до зеркального блеска. Дурная привычка осталась с детства, с тех дней, когда он еще приглаживал волосы. Парика, пренебрегая советами жены, банкир не носил. Пухлые губы, ямочка на подбородке, открытый, слегка удивленный взгляд — чужой человек принял бы Натана Ротшильда за милейшего, чуточку рассеянного джентльмена, и жестоко ошибся бы.

Эта железная рука держала в кулаке половину английской экономики.

— Мистер Эрстед, сэр!

Десять минут пролетели, как единый миг.

— Прошу вас, герр Эрстед, — заранее собрав сведения о визитере, датчанине по происхождению, Натан заговорил на безукоризненном немецком. — Садитесь. Я вижу, вы не один...

Гость ему не слишком понравился. Выправка офицера, глаза юриста. Такое сочетание не оправдывало ожиданий. Банкир предпочел бы шарлатана в экстравагантном наряде, или ханжу-святошу с носом, красным от любви к джину. Еще раз убедиться, что проблема неразрешима, что «спасители» бегут на звон золота, как собаки — к мясной лавке; и принять свое бессилие, смирившись.

«Бедная Анна!» — подумал Натан.

У него было шестеро детей. Анну он любил больше всех, предпочитая ее даже младшей резвушке Шарлотте, скрашивавшей своими шалостями минуты отцовского досуга.

— Благодарю вас, герр Ротшильд. Разрешите представить: князь Волмонтович, мой друг и спутник.

— Я рассчитывал на конфиденциальный разговор, герр Эрстед.

— У меня нет секретов от князя.

— Но мое дело — сугубо личное. Вы должны понимать...

— Я понимаю, герр Ротшильд. Заверяю вас: князь будет нем, как могила.

Сравнение пришлось как нельзя кстати. Натан пренебрегал беллетристикой, считая это пустой тратой времени, но его жена вечерами неизменно слушала романы, которые ей читала компаньонка. Наиболее увлекательные она пересказывала мужу. Особенно банкиру запомнилась «История вампира», за авторством доктора Полидори, по слухам — друга и любовника самого лорда Байрона. Видимо, Байрона ловкий доктор и вывел в образе демонического лорда Ратвена — мертвеца-аристократа, раз в год охочего до крови невинных девиц. Миссис Ротшильд даже сводила мужа в театр, где давали пьесу, написанную по мотивам шедевра Полидори — «Вампир, или Невеста островов».

Казалось, спутник Эрстеда минуту назад сошел со сцены.

— Хорошо, господа, — сдался Натан. — Я доверяю вам. Располагайтесь без стеснений. Джошуа, принеси нам коньяку. Надеюсь, герр Эрстед, вы понимаете, почему я не прибегаю к услугам лакея? Лакеи болтливы, и мне не хотелось бы...

— Разумеется, — кивнул датчанин. — Содержание нашего разговора не выйдет за пределы этого кабинета. Даю слово чести.

Манеры Эрстеда, его спокойный тон и скупая жестикация вызывали доверие. «Все-таки шарлатан?» — предположил банкир. Опыт подсказывал, что наибольшее доверие вызывают прожженные махинаторы.

— Мне рекомендовали вас с самой лучшей стороны. Граф Келли сообщает, что ваша работа — выше всяческих похвал. К сожалению, граф на днях скончался, но это не имеет отношения к сути вопроса. Сэр Вальтер Скотт, секретарь Верховного суда Шотландии, заверяет, что вы — истинный волшебник. Джордж Абердин, министр иностранных дел, в свою очередь...

— Я рад, что вас устраивает моя репутация, — прервал банкира Эрстед.

Он выдержал паузу, делая вид, будто поправляет шейный платок, и продолжил:

— Скажу честно: я предпочел бы известность не в качестве волшебника, а как секретарь Общества по распространению естествознания, каковым и являюсь. Но судьба распорядилась иначе. Перейдем к делу, герр Ротшильд. Чей призрак терроризирует вашу дочь?

— Герр Эрстед! Ваша прямота...

Финансист был шокирован столь резким переходом. Привыкнув называть вещи своими именами, без обиняков, он тем не менее считал это своей личной привилегией.

— Представьте, что я хирург, — датчанин улыбнулся. — Чего вы ждете от хирурга: умелой операции или танцев вокруг пациента? Конечно, я все знаю из газет. Князь, прошу вас, зачитайте избранное.

Спутник Эрстеда достал из кожаного портфеля ворох газет. Черные окуляры делали князя похожим на слепца. Но читал он бегло, с жутким славянским акцентом, легко находя необходимые статьи.

— «Привидение в доме Фицроев!» «The True Sun», выпуск за прошлую неделю. «Чей призрак преследует героя Ватерлоо?» «The Morning Chronicle»,

днем позже. Под героем Ватерлоо подразумевается ваш зять, герр Ротшильд. Журнал «The Monthly Magazine», очерк: «Проклятие Ротшильдов». Мне продолжать?

— Достаточно!

— Если вы внимательно изучили мои рекомендации, — датчанин притворился, что не заметил красных пятен на щеках банкира, обычно холодно-го как лед, — вы должны были запомнить не только имена поручителей, но и суть заказов. Граф Келли обращался ко мне с просьбой известить привидение, разгуливавшее в его замке. В XIII веке замок принадлежал Сивардам, потомкам эрла Нортумбрии, который разбил армию короля Макбета. Покойный Макбет вел бурное посмертное существование: он разгуливал по коридорам, демонстрируя всем желающим младенца с двумя головами. Сэра Вальтера Скотта поразил второй апоплексический удар, когда в Эбботсфорде, где он обустроил музей прошлого Шотландии, завелся выморочный пес. Посетителей это очень раздражало, особенно дам. О заказе мистера Абердина я умолчу, ибо связан словом. Замечу, что во всех случаях мне удалось оказать вышеупомянутым джентльменам скромную услугу. Повторяю вопрос: чей призрак беспокоит вашу дочь, герр Ротшильд?

— Это моя мать.

Втайне Натан был благодарен Эрстеду за длинную речь. Он не сомневался: гость нарочно затянул монолог, давая собеседнику время успокоиться. Такая деликатность заслуживала ответного шага навстречу.

— Ваша матушка?

— Да. Моя мать, Гутла Ротшильд, в девичестве — Шнаппер; бабка Анны.

— Они с внучкой были близки?

— Они виделись пять или шесть раз. После смерти отца мама безвыездно жила во Франкфурте, храня дом. Моя супруга иногда ездила к ней, беря с собой Анну.

— У вашей почтенной матушки много детей, кроме вас?

— Я понял вас, герр Эрстед. Да, у меня четыре брата и пять сестер. Семья Ротшильдов плодовита. Мама не могла пожаловаться на недостаток внуков. Но Анну она просто боготворила. Уж не знаю, почему.

— В таком случае, я предлагаю продолжить наш разговор в доме Фицроев. Вы условились с дочерью или ее мужем о нашем визите?

— Да. Анна сейчас одна — муж уехал в Эпли-хаус, на совещание к герцогу Веллингтону, и вернется через три дня. Но прежде чем я велю подать карету...

В кабинет вошел Джошуа с подносом, на котором стояла бутылка старого «Cognvoisieg» и пузатые бокалы. Пока секретарь разливал коньяк, Натан молчал, хмурясь. Наконец он жестом предложил всем угощаться и, еле коснувшись губами янтарной влаги, спросил:

— Ответьте мне, герр Эрстед: вы верите в привидения?

— Нет, не верю. Я знаю, что они существуют. Посмертный флюидический конгломерат, объект скорее физики и медицины, чем богословия. Мне этого достаточно.

— И вы изгоняете их, не веря?

Эрстед развел руками:

— В вашем случае, герр Ротшильд, вера оказалась бессильна. Ваш зять — извините, это не тайна даже для посудомоек — узнав о призраке, приглашал в дом епископа Винчестерского. Когда его преосвященство сдался, вы, втайне от зятя, обратились к раввину. Следом настала очередь толпы мистификаторов. И лишь теперь вы послали за мной. Мне кажется, есть смысл проверить: что сумеет наука там, где отступились духовные пастыри?

— Как вы собираетесь бороться с призраком?

— Я мог бы рассказать вам о свойствах поляризованного света, его распространении в эфире и влиянии на флюидические конгломераты. Мог бы описать разницу между «турмалиновыми щипцами» Гершеля и призмой Никола. Но и вы в силах поведать мне, как голубь способен принести в клюве не оливковую ветвь, а миллион фунтов стерлингов⁸. В обоих случаях разговор займет слишком много времени, а нам следует поторопиться.

Он допил коньяк и вернул бокал на поднос.

— Где ваша карета?

2

— Вы как нельзя вовремя, сэр! Мы только что послали за врачом...

— Что с моей дочерью?

— Обморок, сэр! Леди Анна — нервическая натура...

— Эти джентльмены в курсе дела, Гейбриел. Вы можете говорить прямо.

Дворецкий, одетый в красную ливрею с золотыми позументами, был похож скорее на фельдмаршала, чем на распорядителя. Приказ «говорить прямо» сразу понизил его в чине. Даже великолепные бакенбарды, ранее стоявшие торчком, обвисли.

— *Она* снова приходила, сэр, — дворецкий понизил голос до трагического шепота. — *Ей* показалось, что новое платье не к лицу леди Анне...

— Новое платье?

— Да, сэр. Вы же знаете, я понимаю немецкий. *Она* сказала, что рюши и воланы — излишняя вольность. Девушке из приличной семьи надо быть скромнее и экономить деньги мужа. А кашемировой шали место на помойке. *Она* так и сказала, сэр — на помойке. Модистка лишилась чувств, а следом — и леди Анна...

— Там есть кто-нибудь, кто остался в сознании?

— Конечно, сэр! Миссис Уоррен, компаньонка, и Мэгги, служанка. Мэгги принесла нюхательные соли...

⁸Эрстед намекает на широко распространенную легенду, гласящую, что Натан Ротшильд с голубиной почтой первым получил сообщение о разгроме Наполеона под Ватерлоо. Утаив эти сведения (по другой версии — ему не поверили в правительстве), Ротшильд начал демонстративно распродавать свои английские акции. «Наполеон победил! Англия погибла!» — началась паника, и другие акционеры последовали примеру Ротшильда. Когда же днем позже майор Перси, адъютант Веллингтона, прибыл с рапортом: «Наполеон разбит!», было уже поздно — агенты Ротшильда скупили все акции по бросовым ценам. Оливковую ветвь голубь принес Ною в ковчег, как знак близкого спасения.

— Я хочу видеть мою дочь! Немедленно!
— Да, сэр. Как представить джентльменов, приехавших с вами?
— Гейбриел, вы идиот! Кому вы собираетесь их представлять, если Анна в обмороке? Компаньонке?
— Простите, сэр. Трудно сохранять здравый рассудок, когда... Я провожу вас.

Следуя за дворецким, Натан уже жалел о вспышке гнева. Он, с равнодушной улыбкой наблюдавший крах финансовых империй, вспыхнул в разговоре с беднягой Гейбриелом. Да еще в присутствии чужих людей!

«Ах, мама, что ты со мной делаешь? Что ты делаешь со всеми нами...»

Леди Анна лежала на кушетке возле растопленного, несмотря на летнюю жару, камина. Совсем молоденькая, почти девочка, она была прелестна — и вызвала бы сочувствие даже у закоренелого мизантропа. Возле хозяйки дома хлопотали две дамы средних лет; впрочем, без особого результата. На крошечном диванчике в углу скорчилась, охая, но не открывая глаз, пухленькая модистка — вторая жертва призрака.

— Позвольте, герр Ротшильд, — твердая рука отстранила банкира. — С вашего позволения, я хотел бы осмотреть вашу дочь.

Натан поймал себя на желании подчиниться. Переложить бремя ответственности на чужие плечи — что может быть слаще? И, как всегда в таких случаях, он не позволил себе эту слабость.

— Вы врач, герр Эрстед? Насколько мне известно...

— Нет, я не врач. Но я много лет был учеником известного врача. Вам что-нибудь говорит имя Франца Месмера?

— Что вы понимаете под осмотром?

— Не волнуйтесь, я ни на шаг не выйду за рамки приличий...

«Шарлатан!» — банкир вздохнул с облегчением. Имя Месмера ему говорило многое. Взлет и падение австрийского доктора-фокусника пришлось на детские годы Натана, но он хорошо помнил сплетни, гулявшие в те дни по Франкфурту. Как помнил и выводы комиссии, утверждавшие, что жертв месмеризма ждут всякие ужасы — например, конвульсии и уродливое потовство.

— Я... категорически...

Он хотел возразить и не смог. Позднее Натан скажет жене, что датчанин смотрел ему в лицо, и взгляд Эрстеда был полон власти и сочувствия. «Я не мог ему противиться», — сообщит банкир, словно извиняясь, и солжет. В действительности Эрстед, не слушая возражений, сразу прошел к кушетке, словно хирург — к операционному столу, и дамы послушно уступили ему место рядом с леди Анной.

— Князь, передайте мне магниты.

Натан не уловил момента, когда в руках датчанина появились два черных магнита. Головная боль усилилась; сжимая ладонями виски, банкир сел в кресло, заскрипевшее под его весом. «Я слишком тучен. Врачи рекомендуют диету; бульоны, красное вино, дичь... — краем глаза он следил, как

Эрстед водит магнитами над бесчувственным телом дочери. Казалось, датчанин расчерчивает карту, намечая будущий маршрут путешествия. — Нельзя столько работать. Надо поехать на воды. Боже, о чем я думаю?!»

— Герр Ротшильд! Вы слышите меня?

— Да, — ответ дался с трудом. — Слышу.

— Ваша дочь на грани нервного истощения. Я бы рекомендовал начать с сеанса...

— Ерунда, — прервали Эрстеда из камина. — Женщины нашей семьи крепче дубленой кожи. А лекари-пустобрехи только денежки горазды тянуть. Слушайся бабушку, Анеле, и доживешь до ста двадцати лет.

В огне соткалось лицо. Старуха лет семидесяти с недовольством поджигала губы, отчего рот превращался в куриную гузку. Глаза под мощными дугами бровей сверкали, как раскаленные угли. Трепетали ноздри большого, мясистого носа. Вокруг лица пламя сплеталось кружевами, бантами и лентами — чепец, похожий на архитектурное сооружение, воротничок платья...

— Мама! — еле слышно простонал Натан.

— Что мама? Конечно, мама лучше знает. Анеле, курочка моя, гони докторишек в шею. Бабушка нагреет тебе молока с козьим смальцем, и все пройдет. Ишь, взяли моду! — за каждую микстуру ящик золота... Я принесла твоему деду две с половиной тысячи флоринов приданого. Не бог весть какие деньги, но твой дед знал, как ими распорядиться. Если бы мы тратили их на микстуры всякий раз, когда я чихала, ты бы сейчас жила не в Лондоне, а во франкфуртском гетто!

— Мама! — взмолился банкир. — Границы гетто отменили двадцать лет назад!

— Помолчи, Натан. Ты — умный мальчик, но ты ничего не смыслишь в женских делах. Анеле, бабушка дурного не посоветует. Во-первых, твоя модистка тебя обворовывает. Во-вторых, зачем тебе компаньонка, если у тебя есть я?

Эрстед едва успел подхватить обеспамятевшую компаньонку. С помощью служанки — на увольнении Мэгги бабушка Гутла, к счастью, не настаивала, хотя и напомнила про две серебряные ложки — он уложил несчастную на ковер, подсунув ей под голову свободную подушку с дивана.

— Князь, турмалиновые щипцы!

Банкиру, с трудом балансирующему на грани обморока, совершенно неприличного в дамском обществе, представилось страшное. Сейчас черный славянин выхватит из саквояжа огромные щипцы, все в ржавчине, швырнет их Эрстеду — и тот станет щипцами выволакивать из камина огненную маму, подобно тому, как выдирают из челюсти гнилой зуб.

На его счастье, Эрстед передумал:

— Нет, щипцы не надо. Они окрашивают луч... Дайте призму Николя!

Невозмутимый Волмонтович раскрыл саквояж и извлек оттуда детскую игрушку. Во всяком случае, так показалось Натану. Две пирамидки из исландского шпата, тщательно отполированные, были склеены друг с другом — и ярко блестели, отражая огонь в камине.

— Кто-нибудь! Задерните шторы!

Служанка рыдала над компаньонкой. У входа, прикидываясь мебелью, каменел дворецкий. Леди Анна лежала без движения, словно ее испанская тезка — в присутствии статуи Командора.

— Нет, князь, не вы! Вы можете мне понадобиться. Герр Ротшильд, не сочтите за труд...

Банкир подчинился. Испытывая удивительное облегчение — даже головная боль прошла! — от того, что можно делать простые, незамысловатые вещи, отдав право решать другому человеку, он вооружился длинным шестом и плотно задернул темно-зеленые шторы.

— Молодец! — одобрила мама из камина. — Я всегда говорила, что половицу слуг можно разогнать. Кормить такую ораву...

В комнате стало темно. Лицо старухи, вобрав почти весь огонь, пляшущий на дровах, давало мало света. Присев на корточки у каминной решетки, датчанин взял кочергу и без стеснения разворошил угли, усиливая приток воздуха. Старуха оставила бесцеремонный жест без комментариев. Похоже, она вообще не замечала Эрстеда. Пользуясь этим, тот вертел призмой, как хотел, жонглируя крошечной радугой и следя за изменениями цветовой гаммы.

Что он хотел высмотреть, осталось для Натана загадкой.

Когда дальний край радуги коснулся леди Анны, молодая женщина заснонала. Сознание, вне сомнений, вернулось к ней. Вместе со стоном огонь вспыхнул ярче, рассыпая искры. Бабушка Гутла хотела предупредить сына, чтоб берегся пожаров, иначе пойдет по миру — и не успела.

Камин погас.

— Герр Ротшильд! — раздался в темноте суровый голос датчанина. — Прошу вас, выйдите на минутку в коридор. Я последую за вами. Князь, отдерните шторы. Уже можно...

— Зачем вы солгали мне? — спросил Эрстед, когда они остались с банкиром наедине. — Кажется, я ничем не способствовал такому отношению.

Портреты вельмож, украшавшие стены коридора, с осуждением смотрели на Ротшильда из золоченых рам. «Ох уж эти денежные мешки...» — несся язвительный шепот. «А что делать? — со вздохом отвечали те, кто был посовременнее. — Если чин полковника кавалерии стоит двадцать тысяч фунтов...»

— Солгал? Я?

— Да. Почему вы сразу не предупредили меня, что ваша мать жива?

3

— Моей матери семьдесят пять лет. Она живет во Франкфурте, в *Grönes Schild* — доме моего отца. Дом стоит в черте бывшего гетто. Уговорить маму переехать было невозможно. Я сказал: «живет»... Это не вполне верно, герр Эрстед. Со дня свадьбы Анны она умирает. Братья считают, что от старости, но я-то знаю... В ее роду все — долгожители. Здоровье мамы дало трещину в

тот миг, когда ее призрак впервые посетил имение Фицроев. Я даже не знаю, жива ли она в данный момент. Каждую секунду я жду сообщения о ее смерти.

Натан допил вино и подвел итог:

— Да, я солгал вам. И не солгал в то же время. Вы понимаете, почему?

Они сидели в библиотеке на втором этаже. В шкафах за стеклом мирно пылились книги — большей частью по стратегии, тактике и фортификации. Дворецкий, выйдя из столбняка, принес гостям бутылку хереса и растворился в тишине дома. Банкира словно подменили — исчез железный финансист, исчез и несчастный отец, терзаемый головной болью.

Остался любящий сын, не знающий, что ему делать.

— Ответьте и вы, герр Эрстед. Как вы поняли, что моя мать жива?

Датчанин любовался хересом на просвет. Лучи солнца играли в хрустале, разбрызгивая темную охру. Это напомнило Натану призму, призрак... Он хотел попросить Эрстеда прекратить и, смутившись, промолчал.

— Поляризованный свет, герр Ротшильд, оказывает влияние на флюидические структуры привидений. Если же само привидение является источником света, поляризация имеет хорошо известные мне нюансы. Избегая утомительных подробностей, скажу, что у призраков, устойчивых к поляризации, всегда есть «маяк».

— Маяк?

— Естественный маяк — это место или предмет, с которым призрак тесно связан. Лужа крови, вьезшаяся в половицы, комната, где произошло убийство; гобелен, изображающий некое событие... Искусственный же маяк создается злоумышленником с целью наведения призрака на врага. В обоих случаях уничтожьте маяк — и привидение сгинет. От идеи маяка я отказался, видя реакцию призрака на поляризацию света, исходящего от него. Не сразу, но мы добились временного расточения.

— Это указало вам на... э-э... на то, что моя мать жива?

— Нет. Это указало мне на отсутствие маяков. Если, конечно, не считать маяком вашу дочь, — Эрстед нахмурился, вспомнив, в каком жалком состоянии он оставил леди Анну. — Уверен, переберись она к вам или, скажем, в гостиницу — призрак последует за ней. Вы обратили внимание, когда произошло расточение?

— Когда ваша радуга упала на Анну?

— Именно. Говоря языком физики, когда я замкнул цепь. Герр Ротшильд, призрак вашей матери — вообще не призрак. Это часть магнетического флюида, принадлежащего живому человеку. Скажите, ваша мать сейчас в своем рассудке?

— Нет, — херес или душевное потрясение, но способность Натана обижаться притупилась. — Мне пишут, что мама живет в своем собственном мире. Ей кажется, будто она переехала к Анне, или Анна переехала к ней. Мама не видит здесь большой разницы.

В волнении Эрстед вскочил, меряя шагами библиотеку. Он был ровесником банкира, но выглядел гораздо моложе. Грива вьющихся волос, широ-

кие плечи, порывистость движений — полковник готовился вести солдат в атаку, шагая перед строем.

— Я так и думал! Вам известно устройство телеграфа? Оптический телеграф Шаппа, электрический — Зоммеринга... Впрочем, неважно. Флюид, герр Ротшильд, распространяется в эфире с удивительной быстротой. Представьте, что некая часть вашей матушки, когда пожелает, может возникнуть рядом с внучкой. Обе женщины страдают от этого, но одна не в силах понять, что загоняет себя в гроб такими путешествиями. Поэт сказал бы, что любовь не знает расстояний и страха смерти. Физик выразился бы иначе. Я же скажу, что готов принять вызов. У нас есть два варианта действий.

— Каких?

— Мы можем дождаться смерти вашей матушки. И потом уже бороться с настоящим призраком. Это жестоко, я понимаю. Поэтому я решил остановиться на втором, более сложном методе.

Натан, почувствовавший себя матереубийцей, едва не кинулся благодарить датчанина. С трудом сдержав порыв, он ограничился вопросом:

— С чего вы начнете, герр Эрстед?

— Как я уже говорил, с сеанса, который восстановит нервический баланс леди Анны.

— Что вам понадобится?

— В первую очередь, средних размеров чан. Остальное я укажу позже.

4

Энергия датчанина потрясала. Складывалось впечатление, что дом, ранее замерший в болезненном ожидании, подключили к гигантской гальванической батарее. Слуги, кухарки, дворецкий — все забегали, и не просто так, а со смыслом. Натан и глазом моргнуть не успел, как в комнате дочери возник чан из бронзы, надраенный до блеска, с ручками в виде фамильных вензелей. В нем, похоже, купали младенцев-Фицройчиков, начиная со времен Орлеанской Девы, о чьей казни усердно хлопотал один из предков хозяина дома.

В чан налили воды, и Эрстед стал колдовать над ней, размахивая магнитами. Когда он закончил, дворецкий принес пять железных прутьев, изготовленных слесарем. Под руководством датчанина прутья были вставлены в отверстия вензелей. Глядя на приготовления, банкир хотел возразить, что его дочь не поместится в чан, и вообще, это неприлично — купаться в присутствии чужого мужчины...

К счастью, быстро выяснилось, что Анна в чан не полезет.

Кучер, отправленный в город со списком адресов, быстро вернулся, везя в карете струнный квартет: две скрипки, альт и виолончель. Все музыканты были слепыми: Эрстед щадил чувства Ротшильда, стараясь избежать лишних разговоров. Квартет разместили в смежной комнате, сперва убедившись, что звучание инструментов хорошо слышно тем, кто находится возле чана. Князь Волмонтович взял на себя обязанности дирижера — обладатель

чутких ушей, он гарантировал, что не пропустит команды начинать, даже если встанет у конюшни, а не рядом с квартетом.

Сам сеанс банкир пропустил. Он честно хотел присутствовать, настаивал на этом, но когда Анна, жалко улыбаясь, села на стул возле чана и взялась за прутья — сердце Натана не выдержало. Плюнув на отцовский долг, он выбежал в коридор, вцепился в подоконник и стал смотреть на липы, растущие у крыльца, так, словно от этого зависела его жизнь. За спиной тихо играла музыка. Гибкая, трепетная мелодия скрипки, похожая на пение птицы, контрастировала с аккордами стакатто остальных инструментов; после двойной репризы тема сменилась другой — простой, но не менее выразительной.

Натан не знал, что это «Жаворонок» Гайдна.

Но на душу снизошел покой.

Когда Анна вышла к нему, он не узнал дочь. Глаза молодой женщины сияли, на щеки вернулся румянец. Она сказала, что хочет есть. Что голодна, как зверь. Забыв выбрать дочь за вульгарное сравнение, Натан кликнул лакея и выяснил, что кухарки старались не зря. Компаньонка, тоже приободрившись, проводила леди Анну в столовую, а банкира остановил Эрстед, усталый, словно он целый день рубил деревья.

— У вас есть портрет матери? — спросил он.

— Да, — кивнул банкир. — Миниатюра на стене кабинета. И поясной портрет в спальне. Жена говорила, что там ему не место, да я все не собрался перевесить...

— Пошлите кого-нибудь за этим портретом. И пусть он по дороге захватит живописца. У вас есть на примете хороший портретист?

— Есть. Мориц Оппенгейм, славный мальчик. Очень талантлив. Мне рекомендовал его старший брат. Сейчас он в Лондоне, и не откажет в просьбе.

— Он когда-нибудь видел вашу мать?

— Видел. Он тоже из Франкфурта, и был вхож к нам.

— Отлично. Дайте посылному его адрес.

И датчанин, забыв про усталость, кинулся обратно в комнату — остановить служанок, которые самым преступным образом намеревались слить воду из чана. В итоге вода, где, если верить словам Эрстеда, сохранилась часть магнетического флюида леди Анны, а также его собственного, была перелита в пустые бутылки из-под вина, хранившиеся в погребе. Бутылки предварительно вымыли с таким тщанием, словно купали новорожденного, а затем плотно закупорили и поставили в холодок.

Художник, молодой человек лет тридцати, приехал без промедления. Он отличался редкостным качеством — умением не удивляться. Сегодня оно понадобилось Морицу Оппенгейму в полной мере; можно сказать, Эрстед злоупотребил им.

— Вы должны сделать копию с портрета Гутлы Ротшильд в максимально короткие сроки.

— Да, сэр, — кивнул художник.

— Работать будете здесь, в отведенных вам покоях. За всем необходимым пошлют. Составьте список.

— Да, сэр.

— Когда вы натягиваете холст на подрамник, вы смачиваете его холодной водой для равномерности натяжения? Я слышал, ткань садится...

— Разумеется, сэр. Смачиваю.

— Используйте ту воду, которую я вам дам, — жестом Эрстед велел князю проследить, чтоб подготовили одну из заветных бутылей. — Любая другая вода для вас запретна. Вы поняли меня?

— Да, сэр.

— Ту же воду вы должны использовать при варке клея, которым станете проклеивать холст, и для изготовления грунта. Клей берите рыбный. В нем есть остатки животного магнетизма, а нам это на руку.

— Понял, сэр. Вода ваша, клей рыбный.

— Пока портрет будет в работе, я закажу для него раму и доставлю в имение. Я запрещаю помещать портрет в другую раму.

— Да, сэр.

— Вы считаете меня сумасшедшим?

— Нет, сэр. Я слишком обязан семье Ротшильдов.

Неделя пролетела для банкира быстрее ветра. С утра до вечера он занимался делами — долговые обязательства правительства, заседания совета «Alliance Insurance Company», восемьсот тысяч фунтов займа бразильскому императору⁹ — все успевая, будто юноша. Натану повезло: его зятя задержал у себя герцог Веллингтон для каких-то важных консультаций. Объяснения откладывались, а при удачном исходе дела их могло и вовсе не потребоваться.

Впервые в жизни финансист надеялся на удачный исход, не торопясь сплюнуть через левое плечо. Это изумляло и настораживало.

Заказанную Эрстедом раму он сперва осмотрел сам. Черное дерево, сверху — золоченый щит с красной серединой¹⁰; по периметру — резьба в виде виноградной лозы. Ничего особенного, если не считать узора из стальной проволоки, затягивавшего всю плоскость будущей картины на манер паутины.

— Портрет скроет проволоку от взглядов, — заверил датчанин. — Впрочем, вы всегда можете сказать, что это — причуда художника, или ваша. Узор, дорогой вашей матери с детства, или что-то в этом роде.

— Зачем это надо? — поинтересовался банкир.

— Мы замыкаем цепь. Поверьте, я мог бы все объяснить подробно, но вам не станет понятнее. Не обижайтесь, герр Ротшильд.

— Я не обижаюсь, — банкир щелкнул по натянутой проволоке, и та еле слышно загудела, словно крупный шмель. — Если ваша затея удастся, какие могут быть обиды? Если провалится — тем более. Вы ведь даже не обсудили со мной размеры вашего гонорара, не потребовали задаток...

⁹Бразильская империя (1822-1889).

¹⁰Rot Schild (Красный Щит). Такой щит украшал двери дома предков Натана, позднее отказавшихся от прежней фамилии и ставших Ротшильдами.

Эрстед искренне расхохотался.

— А ведь правда! Сами видите, каждому — свое. В делах финансовых я — сущее дитя. Да, не забудьте: когда портрет повесят на стену, пусть ваша дочь первые дни почаще бывает рядом. Она сама поймет, когда нужда в ее присутствии отпадет...

5

— К вам посетитель, сэр!

— Кто?

— Мистер Эрстед, сэр. Как вы распорядились...

— Зови его, Джошуа! Немедленно!

Коньяк уже ждал на столе. Виноторговец Эммануэль Курвуазье, поставщик ссыльного Наполеона, мог гордиться: сегодня стол английского финансиста украшал напиток, каким на острове Святой Елены утешался бедняга-император. Впрочем, будь такая возможность, Натан Ротшильд купил бы нектар и амброзию — за любые деньги! — чтобы угостить спасителя любимой дочери.

Едва датчанин вошел, банкир, обычно сдержанный, кинулся его обнимать. Даже спутник Эрстеда в этот миг показался Натану милее обычного. Мало ли зачем славянский аристократ день и ночь таскает черные окуляры? Байрон, говорят, пил уксус для бледности, и ничего! Может, и князь — любитель уксуса...

— Герр Эрстед! Моя благодарность не знает границ!

— Я рад, — сухо ответил датчанин. — Как здоровье леди Анны?

Глаза его, сияя, ясно показывали: сухость напускная.

— Отлично! Врачи в один голос заверяют: опасность миновала! Что же до портрета, то он поначалу висел в ее комнате, как вы велели. Анна говорит, что на второй день он вдруг стал, как живой. Минута, не более; должно быть, причуды освещения. Дочери померещилось, будто портрет вот-вот заговорит. К счастью, этого не произошло. Художник Оппенгейм...

— Что художник?

— Он утверждает, что мы подменили портрет. Что он сделал обычную копию, а на стене висит шедевр. И пытается дознаться, кто автор. Сказать ему, что автор — вы, герр Эрстед?

— Ни в коем случае! — возмутился датчанин. — Скажите вашему Оппенгейму, что его кисть великолепна. Что он сам не понимает, какое чудо сотворил. А призрак? Его больше не видели?

— Нет! И знаете, что интересно? Я получил письмо из Франкфурга. Моя мать выздоровела! К ней возвратились и рассудок, и силы телесные. Правда, она утверждает, что гостила у внучки в Лондоне, но в остальном — к маме просто вернулась молодость!

Обладай Натан даром пророка, способного провидеть, что Гутла Ротшильд, не зная болезней, проживет еще двадцать лет и умрет, чуть-чуть не дотянув до ста, в здравом уме и твердой памяти — его радость не стала бы большей.

Случаются минуты, когда больше некуда.

— Вы подготовили счет? — спросил он позже, когда коньяк закончился, и секретарь Джошуа сбежал за второй бутылкой, захватив сразу и третью.

— Да.

Эрстед достал лист бумаги, исписанный убористым почерком. Взяв счет, Натан Ротшильд торжественно разорвал его на мелкие клочки, не читая.

— Что бы вы ни хотели за вашу работу, — смеясь, сказал он, — у меня есть лучшее предложение. Джошуа, у вас все готово?

— Да, сэр.

На стол легли две тоненькие папки.

— Здесь — документы об открытии счета в «N. M. Rothschild & Sons». На ваше имя, герр Эрстед. Сумму я определил сам, и отдал распоряжения, чтобы счет пополнялся по мере необходимости. Вас это не должно беспокоить. В другой папке — документы об открытии в банках, принадлежащих нашей семье, корреспондентских счетов Общества по распространению естествознания. Я и мои братья, а также наши наследники, с этого дня полагают себя вашими инвесторами. В папке вы найдете письмо за моей подписью. Предъявите его в любом конце света — да хоть в Китае! — и в вашем распоряжении сразу появятся разумные средства.

— Вы понимаете, что делаете? — негромко спросил Эрстед.

— Понимаю. Я вкладываю деньги в науку. И, как деловой человек, надеюсь на прибыль. Кстати, передайте вашему брату — меня очень интересуют его опыты по получению алюминума. Золото давно напрашивается, чтобы ему нашли заместителя...

Банкир встал.

— Я рад был иметь с вами дело, герр Эрстед.

— Взаимно, герр Ротшильд.

И они пожали друг другу руки — выходец из гетто и сын аптекаря.

Сцена четвертая

АППЕРКОТ

1

Малыш-Голландец Сэм злился.

Зря он согласился на эту потеху. Сегодня Сэм вообще не собирался боксировать. Он просто так зашел к старику Мендосе — потолковать с приятелями, размять кому-нибудь плечи, выпить кружку портера в славной компании. Среди учеников Мендосы — впрочем, как и среди зрителей — случались джентльмены, а то и настоящие лорды, не брезгающие отправиться с боксерами в «Карету и коней».

Попойка на дармовщинку — что может быть слаще?

«Хитер старик, — думал Сэм, уклоняясь от одного удара, а второй принимая на плечо. — Раз-два, о, Сэмюел, это ты, мальчик мой, как я рад тебя видеть... И вот тебя уже раздевают до пояса, и ты уже на двадцатифутовом

ринге, а старый черт шепчет: поиграй с ним, Сэмюел, он в годах, но крепкий! И помни: лицо джентльмена — товар, не надо его портить без нужды...»

Джентльмен, чье лицо требовалось беречь, довольно ловко орудовал кулаками для человека в годах. Эрстед, вспомнил Малыш-Голландец. Его зовут Эрстед; он, кажется, из Швеции. Нет, из Дании. Сатана их разберет, приезжих — кто откуда... В зале Мендосы джентльмена окрестили Полковником — офицер в отставке, не иначе. Слегка подзаплыв жирком, тяжелее Сэма фунтов на двадцать пять, если не больше, Полковник двигался мало, зато удары его могли оглушить быка.

— Валяй, Малыш!

— Покажи ему!

— Полковник! В атаку!

Гибкий и мускулистый, как пантера, Сэм кружил по рингу, размышляя о своем. Несмотря на разницу в весе, он был способен уложить противника на пол в любую секунду. Еще не успев заматереть, войти в силу зрелого мужчины — в прошлом году ему стукнуло двадцать — Сэм с пеленок прошел такую школу, что иному хватило бы до конца жизни.

Его первым учителем был отец — прославленный Голландец Сэм, просто Голландец, без унижительной приставки «Малыш», непобедимый в ближнем бою. Малорослый и легкий, Голландец, как обладатель «свинцового кулака», пользовался таким доверием зрителей, что те делали ставки на него против тяжеловерсов, собирая изрядные барыши. Ну и конечно же, Мендоса, Мендоса-Великолепный, гордость Англии — фаворит принца Уэлльского, боксер, с которым в Виндзоре разговаривал его сумасшедшее величество Георг III, и которому, дьявол его побори, нельзя отказать, когда он просит тебя поиграть с Полковником...

«А что делать? — нырнув под руки противника, Сэм вошел в клинч. Пусть датчанин поматает нас туда-сюда, словно кабан — вцепившуюся в бок гончую. — Надо платить долги. Я был сопляком, когда старик Мендоса выставлял вперед ладони и говорил: «Валяй, малыш!» Нынче те же слова кричат мои поклонники. Если Мендоса попросит, я готов подставить челюсть хоть премьер-министру, захоти мистер Каннинг развлечься!»

Разорвав дистанцию, он с удовлетворением полюбовался, как на боках Полковника расцветают два сине-красных пятна. Джентльмен упрям, но долго ему не продержаться. Годы... Мендоса был в возрасте Полковника, когда, не сумев заработать гинею-другую мемуарами, решил вернуться на ринг. И что же? Том Оуэн свалил великого чемпиона на глазах у публики...

— Полковник! Врежь мальчишке!

Орал неприятный тип, вызвавшийся услужить джентльмену, пока тот развлекается на ринге. Рыжие баки, кривые и желтые зубы, недельная щетина на щеках... Сэм вспомнил типа. Он вечно маячил рядом с лордом Расселом, покровителем спортсменов, когда лорд приходил на бои.

Имени типа Сэм не знал.

Сейчас кривоzubый держал в руках фрак Полковника. Ему сто раз предлагали повесить фрак на крючок, на стул, перекинуть через канат второго,

свободного ринга — нет же, торчит как столб, распялив руки, и блажит, что твоя прачка, у которой украли белье...

Вопли кривоzubого раздражали. Слепому видно, кто здесь кому врежет. Кто здесь мальчишка. Будь это настоящий бой, длящийся тридцать-пятьдесят раундов, у Полковника вообще не было бы шансов. Хотя старается, можно сказать, отчаянно дерется. Не его вина, что ногам трудно носить лишний вес, что грудь вздымается все чаще. Нет, если Сэм и злился, то не на безвинного Полковника.

На себя, подавшагося на уговоры; на кривоzubого горлопана...

Вот злость и взяла верх. Увернувшись от бокового, слишком размашистого удара, он прорвался вплотную. Стерпев изрядную плюху в грудь, и еще парочку — по ребрам, он боковым зрением увидел подарок судьбы, от которого и отказался бы, да не успел. Внушительный подбородок джентльмена торчал над Сэмом, словно намекая: вот он я! Так красуется вывеска трактира, приглашая зайти и угоститься горячим ромом.

Бежишь с мороза, не думая.

В кулак Малыш-Голландец вложил меньше силы, чем обычно. Но и этого хватило. Полковник рухнул, как подкошенный. На ринг кинулся старик Мендоса, кляня Сэма на чем свет стоит; старика опередил кривоzubый — мигом отдав драгоценный фрак какому-то зрителю, он упал рядом с Полковником на колени, приподнял его голову, охая, стал легонько хлестать по щекам, приводя в чувство.

— Хлебнул лиха! — вопили молодые боксеры, ровесники Малыша-Голландца.

— Будет знать!

— Браво, Сэмми!

По их крикам выходило, что Сэм выиграл не учебный бой с человеком намного старше его самого, а стал чемпионом мира на веки вечные.

Злость сгинула, как не бывало. Виновато слушая брань Мендосы, Сэм топтался возле поверженного Полковника, дожидаясь, пока тот придет в чувство. К счастью, долго ждать не пришлось. Полковник открыл глаза, хлебнул бренди, поднесенного ему по приказу старика — и хрипло закашлялся, давась смехом.

— Это бомба, мистер Элиас! Клянусь Голгофой, это настоящая бомба!

По-английски он говорил чисто, слегка запинаясь, что в его положении было неудивительно.

— Простите меня, сэр...

Сэм растерялся. Он понятия не имел, что джентльмен знает его фамилию — Элиас. Почему-то сей факт произвел на Малыша-Голландца неизгладимое впечатление. Из уважения он даже согласился бы провести с Полковником второй и третий бои, заканчивая их одинаково, на радость сопернику.

— За что? Мендоса, бросьте причитать! Я жив-здоров. У нас, датчан, крепкие головы. Поэтому мы до сих пор обходимся без парламента. Кто-нибудь, дайте мне полотенце! Отличный удар, мистер Элиас... Апперкот?

— Да. Этому удару меня обучил отец.
— Голландец Сэм?
— Вы были знакомы с ним, сэр?
— Увы, нет. Я успел только на его похороны. В 1816-м я впервые посетил Англию. Мендоса, помните? Я пришел к вам условиться о занятиях, а вы плакали. В доме не было ни души, чужого человека вы не стеснялись...
— Ничего я не плакал, — буркнул старик. — Сэмми, не слушай джентльмена, он шутит. Ты хоть раз видел меня рыдающим, словно девица без женихов? Полковник хлопнул ворчуна по плечу.
— Полно, Мендоса! Все знают, что у вас стальной кулак и пуховое сердце. Где моя одежда? Господа, сегодня я угощаю! Все идем в «Карету и копей»... Эй! Погодите! Куда делась пуговица с моего фрака?
Действительно, каждый мог видеть, что одна из пуговиц вырвана «с мясом». Сэм хотел было спросить кривоzubого типа, но тот уже исчез. Должно быть, испугался, что заставят оплатить услуги портного.
— А, пустяки! — махнул рукой Полковник, видя, что боксеры готовы в поисках пуговицы перевернуть зал вверх дном. — Пуговица стоит доброго апперкота. Мистер Элиас, не поделитесь ли вы со мной секретом вашего ба-тюшки? Я слышал, он перенял этот удар у голландских матросов...
Малыш-Голландец кивнул.
— Да, сэр, это так. Только матросам плевать на «Правила Лондонской арены». Они бьют апперкот ребром ладони, в горло. Грязное дело, сэр, не приведи вам бог...

2

— Замечательное страшилище! Всякий раз смотрю на него — и радуюсь.
— Ха! Вы еще поглядите, когда он сойдет на воду!
— Уверен, зрелище окажется впечатляющим. Корабли противника будут десятками идти на дно со страху — от одного вида нашего красавца «Warrior-а». Главное, чтобы чертова железяка не утонула первой: под собственным весом.
— Я не верю своим ушам, Уинстон! И это говорит инженер?! Существуют чертежи, расчеты, их проверяли специалисты...
— У вас скверное чувство юмора, Джеймс. Впрочем, в каждой шутке... Блэйлок уже неделю как пропал. Когда автор проекта неожиданно исчезает, это наводит на размышления.
Двое остановились, придиричиво разглядывая возвышающегося на стапелях монстра. Корпус броненосного фрегата «Warrior», имевший добрых двести пятьдесят футов в длину, влажно поблескивал, ловя скупые лучи солнца. Ровные прямоугольники оружейных портов зияли чернотой — по пятнадцать с каждого борта.
— Не маловато — три десятка орудий? — поинтересовался Уинстон Соммерсби, ежась от колючих укусов норд-оста. Август в Блэкуолле погодой не баловал. Длинное — чтоб не сказать, лошадиное — лицо инженера оставалось невозмутимым, но вся его нескладная, закутанная в плащ фигура выражала скепсис.

— В самый раз! И не три десятка, а тридцать четыре: вы забыли два носовых и два кормовых...

В противовес коллеге, Джеймс Рэдклиф, отвечавший за вооружение броненосца, лучился оптимизмом. Фитиль сигары весело дымился в углу рта, слоновьи ножищи в башмаках, достойных великана, уверенно попирали деревянный настил. Ростом артиллерист не вышел — едва по плечо инженеру — зато удался вишьрь. Телосложением он напоминал вековой дуб, символ старой доброй Англии.

Казалось, ничто на свете не могло испортить мистери Рэдклифу настроение. Ни хмурое небо над головой, ни ветер, трепавший полы легкомысленно расстегнутого сюртука, ни очередная задержка в монтаже корабля.

— Тридцать четыре бомбических орудия Пексана! Фрегат первого класса без брони выдержит, в лучшем случае, один бортовой залп «Воина». После второго от него останется плавучий костер. В то время как аналогичный залп противника не принесет броненосцу значительного вреда.

— Рад слышать. Осталось только спустить сей утюг на воду и подобрать к противнику на дистанцию залпа. С дальностью у пушек Пексана, кажется, не очень?

— Насчет «подобраться» — это уже ваша забота, друг мой! Кто тут занимается паровыми машинами? Их что, еще не завезли? Все сроки вышли!

Уинстон медлил с ответом. Он постучал тростью по скрипучему настилу, сомневаясь в его прочности; зачем-то воздел очи горе. С неба, словно только того и ждала, сверзилась тяжелая капля — и упала Соммерсби точнехонько на кончик носа. Инженер вздрогнул, зябко передернув плечами.

— У нашего подрядчика, Джона Пенна, забастовка на фабрике. Продлится две недели, не меньше. Хорошо хоть, станки не поломали, как в прошлом году. Мистер Пенн передает свои глубочайшие извинения...

— Толку с его извинений! Адмиралтейство взыщет с Пенна неустойку, или отдаст заказ другому подрядчику...

— Не отдаст. «John Penn & Sons» — лучшие производители паровых машин для кораблей. И единственные регулярные поставщики нашего флота. Кроме того, в Адмиралтействе, как всегда, поторопились. Вы ведь знаете: машины устанавливают в доках, после спуска корпуса на воду. Также как рангоут и вооружение. А до спуска далеко: не все переборки на месте. Завод задерживает стальные листы...

— Ничего, обложат штрафами — запрыгают, как блохи на сковородке!

Инженер от комментариев воздержался. Представления мистера Рэдклифа о мироустройстве вообще и кораблестроении в частности имели мало общего с действительностью. Во всем, что касалось артиллерии, он разбирался прекрасно, за что был ценим Адмиралтейством. Но в остальном невежество коллеги поражало. Соммерсби не счел нужным разъяснить, что штрафы если и будут наложены, то исключительно на владельцев верфи — компанию «R. J. Triptey Ship Works».

Пусть мистер Трипти сам разбирается с субподрядчиками.

Корпус монстра напоминал обессилевшего, вытащенного на берег Левиафана. Без мачт, палубных надстроек, оснастки и вооружения «Warrior» смотрелся жалко, несмотря на размеры. Обглоданными ребрами возвышались над бортами остатки лесов, тали лебедек провисли, печально качаясь на ветру. Дощатые поддоны для подъема грузов, сложенные кособоким штабелем, жались к железному боку броненосца, словно в поисках защиты.

И это — секретный проект Адмиралтейства, курируемый лично премьер-министром Великобритании, мистером Каннингемом?! Будущий владыка морей? Детище инженерного гения, куда вложены сотни тысяч фунтов?! Вместо звона металла, скрипа лебедек, деловитой суеты — сырость, запустение, скука. Гулкая тишина по-хозяйски обосновалась во чреве страшилища, впавшего в спячку. Где-то стучат молотки, перекликаются рабочие — верфь живет, строятся новые фрегаты и барки — но сюда долетают лишь отзвуки жизни.

«Словно мы вдруг оказались в огромном склепе...»

Уинстон Соммерсби знал такое за собой. Беспричинные приступы меланхолии накатывали на него в самое неподходящее время. Казалось бы, что особенного? Задержка в работах (сколько их уже было!), плюс скверная погода. Скоро подвезут листы стали, и монтаж возобновится. А там и паровые машины подспеют. Не вечно ж рабочие Пенна будут бастовать?!

Несмотря на доводы рассудка, хандра одолевала. И Рэдклиф, чей непробиваемый оптимизм действовал на Соммерсби благотворно, как назло, умолк.

— Вы никогда не задумывались, друг мой, — с деланной бодростью заговорил Уинстон, — что нам выпала честь участвовать в грандиознейшем проекте современности? Броня? Новые пушки? Паровые машины? Все это так или иначе применялось, но — по отдельности. Вместе же...

— Ха! — артиллерист заглотил наживку. — Я над этим не задумываюсь. Я этим горжусь!

Он выпустил клуб дыма, достойный выстрела мортиры.

— Нам повезло родиться в великой стране. Этот красавец, пренебрежительно названный вами «утюгом» — начало новой эпохи! Эра брони и пара, и взрывов бомб! Дерево? Паруса? Вчерашний день! Но, я вижу, вы продрогли. Идемте в контору мистера Уотерхауса, он готовит замечательный грог. Нам нужно согреться. Ну и погодка! Август, разрази его поперек!

Словно в подтверждение его слов, на северо-востоке громыхнуло. К счастью, дождь медлил, давая возможность инженеру и артиллеристу добраться до конторы управляющего. Когда Соммерсби поднимался по ступенькам, ему показалось, что в окошке мелькнуло незнакомое лицо. Он почти уверился, что управляющий не один, и ошибся — мистер Уотерхаус восседал за столом в полном одиночестве, листая замусоленный гроссбух.

В камине уютно потрескивали буковые поленья.

-- Вы закончили осмотр, джентльмены?

Управляющий сделал очередную пометку, промокнул запись бронзовым пресс-папье и закрыл гроссбух. Вид он имел скверный: мешки под глазами,

нос и щеки в красных прожилках. Так выглядят люди после гулянки — либо после бессонной ночи, проведенной за рабочим столом. Впрочем, отдельные личности выглядят так всегда, начиная с раннего детства — и независимо от обстоятельств. К этим любимцам Фортуны и принадлежал Эдгар Уотерхаус.

— Закончили. Качество исполнения нас в целом устраивает.

— Но работы снова приостановлены...

— Поставщики! — трагически развел руками управляющий. — Вы не в курсе, когда Вуличский завод собирается...

— Это вы должны знать, как обстоят дела у ваших субподрядчиков, — желчно заметил Уинстон. — И не донимать вопросами представителей Адмиралтейства. Да, в курсе. Через неделю! Как вам это понравится?

— Да вы совсем простыли, мистер Соммерсби! — засуетился управляющий, быстро меняя тему разговора. — Садитесь к огню, я приготовлю вам грог...

— И мне! — не замедлил вклиниться артиллерист.

— Ну разумеется, мистер Рэдклиф! Всенепременно!

У камина на специальной подставке грелся полуведерный чайник из чугуна, живо напомнивший артиллеристу казенную часть орудия. Управляющий извлек из стенного шкафчика бутылку рома и коробочку с пряностями, которые смешивал самолично. От души плеснув спиртного в пару пузатых кружек, он бросил в каждую по щепотке смеси и долил кипятком. По комнате пополз сложный аромат — корица, имбирь и мускатный орех.

— Лучшее средство от простуды, джентльмены!

— А вы, мистер Уотерхаус?

— Мне нужно работать...

Управляющий вернулся к оставленным бумагам.

— Обедаем в «Розе и окороке», — возвестил Рэдклиф, опустошив кружку. — Там отличная телятина и пирог с голубьями. А «винцо Барли»¹¹ — чудо из чудес.

— Принимается, — тонкие губы Соммерсби изобразили намек на улыбку.

Грог пошел ему на пользу. Инженер приободрился, щеки его, обычно бледные, порозовели. Тем не менее, смутное беспокойство не оставляло Уинстона. Он слышал звон сигнальных колокольчиков, но не мог понять, с какой стороны ждать беду.

3

Когда фигуры инженера и артиллериста поглотил туман, управляющий выбрался из-за стола и отпер неприметную дверь в углу комнаты. За дверью скрывались личные «апартаменты» — каморка со старым диваном, где мистер Уотерхаус ночевал, если задерживался в конторе допоздна. Как правило, гостей он туда не пускал. Однако сейчас, едва дверь открылась, в конторе объявился статный джентльмен в летах — который, впрочем, выглядел моложе управляющего.

¹¹Barley Wine — темное, сладкое, очень крепкое пиво, обладающее винным (или фруктовым) привкусом, с большим содержанием хмеля.

Высокий лоб, упрямо вздернутый подбородок; цепкие, умные глаза. Несмотря на благородную седину, с годами выбелившую шевелюру джентльмена, волосы его спорили с гребнем, взлетая легкомысленным коком. Одевался гость щегольски — жилет, усеянный сине-золотистыми цветочками, фрак из зеленого бархата, веллингтоновские сапоги¹², цилиндр с монограммой.

Пальцы джентльмена отягощали многочисленные перстни.

— Все в порядке, мистер Эрстед. Мы можем без помех продолжить разговор. Кстати, я получил нужные нам обоим сведения.

Мистер Эрстед, боксер и экзорцист, словно на крыльях ветра прилетевший из Лондона в Блэкуолл, прошелся по комнате из угла в угол, разминая ноги — и остановился напротив стола, за которым вновь окопался Уотерхаус. Вести разговоры управляющий предпочитал, сидя в заветной крепости.

— Я слышал. Железо из Вулича завезут через неделю. До того ваш склад будет пустовать. Для нашего дельца — в самый раз. Мне склад и нужен-то всего на три дня.

— А вдруг материалы доставят раньше? Если склад окажется занят, у меня будут неприятности. Я рискую, мистер Эрстед. Не кто-нибудь, а лично я.

— Чтобы в этой стране хоть что-нибудь доставили *раньше*?! Не смешите мои сапоги, мистер Уотерхаус!

По-английски посетитель говорил чисто, без акцента, и очень быстро.

— Что вы себе позволяете?! — возмутился управляющий. Впрочем, гнев его не обманул бы и ребенка. — Прекратите оскорблять мою страну! Или у вас в Дании все всегда делается вовремя?

— У нас в Дании? Goddamit!¹³ Да! Вовремя. Всегда. Простите, если невольно задел ваши патриотические чувства, — Эрстед отвесил поклон, театрально приложив руку к сердцу.

На лице его мелькнула язвительная ухмылка, обнажив частокोल кривых, желтых зубов. Эта улыбка так разительно изменила облик датчанина, что управляющий вздрогнул. Рассудку понадобилась минута, не меньше, чтобы справиться с сердцебиением. Подумаешь, зубы у человека плохие! А у дядюшки Роджера, преступно медлящего с завещанием в пользу племянника — желудочные колики; у мистера Трипти, хозяина верфи — подагра...

Что тут особенного?

— Извинения принимаются. Но впредь попрошу следить за словами. Извольте уважать страну, в которой находитесь.

— Хорошо-хорошо! — датчанин замахал на управляющего руками, упоминая ветряку. — Договорились! А теперь вернемся к нашему дельцу. Склад будет пустовать неделю, а я освобожу его через три дня! Д-дверь! Соглашайтесь! Вот-вот хлынет ливень, и сахар промокнет!

¹²Сапоги с высоким голенищем и вырезом сзади под коленом.

¹³Искаженное «God damned it» — «проклятое Богом», «Бог проклял это»; бранный возглас «Проклятие!» на жаргоне Лондонского дна.

Нерешительность собеседника раздражала мистера Эрстеда. Уотерхаусу доставляло удовольствие наблюдать за посетителем, нервно меряющим шагами комнату. Для управляющего вопрос был решен с самого начала, но он не спешил ударить по рукам, набивая себе цену.

— Значит, сахар?

— Да! Голландский сахар, только что доставлен кораблем в Англию. А в порту, как назло, все склады забиты! Мой друг Ван дер Линден умоляет сжалиться над его грузом. Пропадет ведь товар! Выручайте!

— Учитывая обстоятельства... я, пожалуй... — Уотерхаус цедил слова, будто скряга — пенсы. — Сахар, говорите?

— Goddamit! Один сахар, только сахар, и ничего, кроме сахара!

— Мне на верфи неприятности не нужны. В грузе нет чего-нибудь горючего? Взрывчатого? Ядовитого или зловонного?

— Д-дверь! По-вашему, сахар горит, взрывается и воняет?

Управляющий припомнил жженный сахар, который добавлял в пунш, и совершенно успокоился. Видение пунша было таким мирным, таким доброжелательным, что вся затея предстала в радужном свете.

— Сколько его у вас?

— Сто семьдесят бочонков и девяносто мешков.

— Изрядная партия. Склад невелик...

— Зато простаивает без дела.

— Плата за хранение составит... О какой сумме у нас шла речь?

— О пятнадцати фунтах. Славненькие денежки, согласитесь.

— Мне кажется, число «тридцать» звучит лучше «пятнадцати».

— Goddamit! Я же не алмазы вам оставляю! Что я скажу Ван дер Линдену? Как объясню чудовищные траты?!

— Мне придется заплатить грузчикам, сторожу...

— Сторож получает жалованье от компании. Он обязан охранять склад в любом случае. О грузчиках не беспокойтесь, я уже их нанял.

— Вы очень убедительны, мистер Эрстед. Так и быть — двадцать пять.

— За три дня? За три жалких, краткотечных дня?! Мы ведь оформим нашу сделку по-джентльменски, верно? Без лишних бумаг? А это значит — ни с кем не надо делиться. Все денежки пойдут в ваш карман, мистер Уотерхаус. — Эрстед внезапно шагнул вперед и, опершись руками о столешницу, заглянул управляющему в глаза, по-птичьки склонив голову набок. — Ладно, сдаюсь. Если вы — любитель круглых чисел, то, думаю, «двадцать» для вас прозвучит райской музыкой.

— Деньги — вперед, — после некоторого размышления уведомил мистер Уотерхаус.

— Половину. Вторую половину — при вывозе товара.

— Три четверти. Пятнадцать фунтов сейчас, и пять — когда заберете свой сахар.

— Ох, вы и выжига! Ох и плут!

Эрстед осклабился, вновь продемонстрировав желтые зубы, и полез в кошелек.

— Должен вас предупредить, — пересчитав и спрятав деньги, управляющий сделался мил и приветлив, — склад не предназначен для пищевых продуктов. Он не отапливается, там сыро...

— Крыша не протекает?

— Нет. С этим у нас строго.

— Чуток сырости пойдет на пользу. Сырой сахар весит больше, а продавать-то его будут на вес. Смекаете? Вот дождь — другое дело. Дождя нам не нужно! — в небе над конторой гроыхнуло, намекая. — Что же вы сидите, дружище? Отпирайте склад, да велите сторожу открыть ворота. А я кликну грузчиков с телегами.

— Прямо сейчас?

— А вы как думали? Д-дверь! Груз ждет за воротами!

4

Тишина и запустение, царившие вокруг броненосца, кончились. Еще минутою назад здесь уныло свистел ветер, играя провисшими талями — и вот уже пространство перед железным монстром заполнили телеги, лошади, грузчики, возницы. Стук копыт и колес, веселая ругань, ржание, смех, окрики старшего, чуть ли не палкой наводящего порядок...

Эдгар Уотерхаус наблюдал за суматохой с нескрываемым удовольствием. Ему до смерти надоели военные с их идиотской секретностью, проверяющие из Адмиралтейства, всюду сующие свой нос, поставщики, с неумолимой регулярностью срывающие любые сроки... Когда возникал очередной простой, и жизнь вокруг железного остова замирала, он поначалу радовался. Но через пару дней его начинала одолевать скука. Как ни странно, мистер Уотерхаус любил свою работу. Он привык быть при деле. А тут — впопору спиться с тоски. Опять же, наложит Адмиралтейство штраф, компания разорится — куда прикажете идти?

На улицу, милостыню просить?

Грузчики, чертыхаясь, таскали бочки и мешки. Мистер Эрстед в процесс не вмешивался: наблюдал, покуривая черную трубочку, никак не шедшую к его франтоватому облику. «Доверяй, но проверяй!» — подумал управляющий и решительно направился к ближайшей телеге.

— Развяжите этот мешочек.

Толстый грузчик дыхнул перегаром:

— Зачем?

— Хочу взглянуть, что там.

Рядом, словно из-под земли, возник мистер Эрстед. Управляющий даже вздрогнул — так тихо и быстро подошел датчанин.

— Делай, что велено.

Толстяк хмыкнул, развязывая мешок.

Уотерхаус поелозил пальцем по одной из неровных, чуть желтоватых сахарных голов. Лизнул: точно, сахар. Никаких сомнений.

— Открой бочонок.

Ворча себе под нос, грузчик отыскал ломик с плоским концом и со второй попытки вскрыл бочонок. Здесь сахарные головы были помельче: с кулак величиной.

— Заколачивай.

— Все проверять будете? — елеиным голосом поинтересовался датчанин.

— Нет. Я удовлетворен.

Управляющий окончательно успокоился и даже расправил плечи, словно сбросив десяток годов. Подвыпившие грузчики, гомон, толкотня, виртуозная брань возницы, которому наступили на ногу... Это была правильная жизнь. Не то, что с нашими вояками...

— Не желаете промочить горло, мистер Эрстед?

— С удовольствием, сэр!

Через час умиротворенная беседа партнеров, разомлевших от выпивки и каминного жара, была прервана явлением старшего.

— Простите, сэр...

— Что?

— Не влазит.

— Что — не влазит?

— Склад, значит... Под завязку. Десять бочек осталось. Куда их?

— Не может быть! Там полно места, — забыв, что недавно сам сетовал на малую вместимость склада, управляющий полез из-за стола. — Не волнуйтесь, мистер Эрстед, что-нибудь придумаем. На улице не оставим...

Бочки-неудачницы сиротливо жались к стене конторы. Со словами: «Сейчас найдем место!» — управляющий сунулся в дверь склада и обнаружил, что места нет категорически. Сахар расположился по-хозяйски, оккупировав каждый уголок. Уотерхаус задумался, скребя в затылке. Пока мозг его был занят хаотической мыслительной деятельностью, взгляд жил своей жизнью, обшаривая небеса, готовые пролиться дождем. Не найдя в горних высях замены складу, взор спустился ниже, упав на корпус броненосца.

«Почему бы и нет? Военный корабль, секретность... Какие там секреты? Железная коробка — ни машин, ни пушек... Даже палубы не все собрали. Тыща бочек влезет!»

Если бы не пары крепкого рома, подобная идея никогда не пришла бы в голову мистери Уотерхаусу. Однако алкоголь всегда обострял его гений. Он уже открыл рот, желая успокоить датчанина, но под ребрами шевельнулась холодная игла.

В итоге прозвучало неожиданное:

— Что в этих бочках?

— Вы же проверяли! — возмутился Эрстед.

— Да, но не *эти* бочки!

Первая крышка поддалась на удивление легко. Уотерхаус мрачно вззрился на белый порошок, которым был наполнен бочонок. Селитра? Известь? Мука тонкого помола?

— Что это?

— Измельченный сахар, для кондитеров. Наивысшего качества!
Управляющий сунул в бочку палец. Опасливо лизнул — а вдруг отравა?!
Нет, датчанин не соврал: на вкус порошок был слаще меда. Им были заполнены и остальные бочки.

— Ладно, — решил Уотерхаус. — Грузите в трюм. Найдите место, где палуба уже настелена, чтоб дождь не намочил. Вон лестница, вон лебедка. Потопляйтесь!

Сцена пятая САХАРНАЯ ПУРГА

1

Луна развлекалась.

Расположившись в небесной ложе, она с любопытством наблюдала за сценой земли. Там, стараясь изо всех сил, четыре актера играли невидимок. Складывалось впечатление, что прятались эти господа исключительно от луны, ибо других зрителей — не считая звезд-компаньенок — у них не было. И то правда: кому придет в голову за полночь бродить в пустынных окрестностях верфи «R. J. Triptey Ship Works»?

Таинственный квартет передвигался короткими перебежками; из тени — в тень. От стены угольного склада — к забору, от забора — в чернильный мрак прохода меж бараками; нырнули под деревянной навес, замерли, выжидая... Не прошло и минуты, как в ближайшем проулке послышались шаги. Луна глянула в ту сторону и признала, что была не права. Предосторожности имели под собой веские основания.

Целых пять веских оснований в лице компании «чарли¹⁴».

Коротая ночь за грогом и игрой в кости, brave стражники наконец решили выбраться на улицу. Первым вышагивал слоноподобный толстяк, помахивая казенной дубинкой. Следом ковыляли соратники — инвалид, опиравшийся на узловатую клюку; старик в засаленном цилиндре, с фонарем в руках; церковный служака, способный устрашить лиходеев разве что своей физиономией; и юнец-почталъон, взалкавший приключений — единственный из всех, он вооружился древней саблей.

Трепещите, воры и грабители!

Недаром остряк-репортер писал в «The True Sun»:

«Не надо претендовать на доходную должность «чарли», если вам не шестьдесят, семьдесят, восемьдесят или девяносто лет, если вы не слепы на один глаз и не видите плохо другим, если вы не хромы на одну или на обе ноги, если вы не глухи как столб, если астматический кашель не рвет вас на куски, если ваша скорость не сравнима со скоростью улитки, а сила рук не мала настолько, что не позволяет аресто-

¹⁴В конце XVII века закон обязал жителей Лондона принимать участие в ночной страже. Прозвище «чарли» стражники, находившиеся на попечении приходов, получили в честь царствующего тогда Карла II. Служба «чарли» сохранялась долгое время.

вать даже старуху-прачку, возвращающуюся после тяжелого трудового дня у лохани для стирки».

Ночной дозор — живая иллюстрация к этой рекламе — гордо прошествовал мимо дровяного навеса. Из всей пятерки лишь старик мазнул взглядом по укрытию, но не заметил прячущихся. Темная мешковатая одежда скрадывала очертания фигур, а почтенный старец и при дневном свете видел скверно. Когда шаги патруля затихли вдалеке, четверка продолжила путь.

Еще две перебежки — и они уже стояли у ворот верфи.

Сделав знак остальным оставаться на месте, один, бесшумный, как змея в траве, подкрался к окну сторожки. Заглянув внутрь, он с удовлетворением хмыкнул и, уже не таясь, вернулся к своим.

— Порядок. Колода на месте?

— Да.

— Тащите ее к забору.

Луна в свою очередь бросила взгляд в сторожку. Сторож пребывал на посту, но службу нес из рук вон плохо. Говоря без обиняков, он дрых, как сурок, уронив голову на дощатый стол, и храпел во всю мочь. Фонарь, стоя в футе от его лица, рельефно высвечивал небритую щеку, космы волос, бросал масляные блики на губы, шевелящиеся во сне.

Под столом покоилась недопитая бутылка джина. Любой, хорошо знавший сторожа, подивился бы: неужто старину Уилла сморило с жалких двух стаканов? Луна тоже удивилась. Но для человека, смотревшего в окно, увиденная картина не была неожиданностью. В «Одноруком боцмане» знали: Уилл Слоун — большой любитель картишек. Иногда ему везло, например, как сегодня: обчистил пришлого забулдыгу до нитки! Деньжат у чужака оказалось негусто; в итоге тот поставил на кон бутылку джина — последнее, что имел — и снова проиграл.

Тонким ценителем напитков Уилл не числился. А дух можжевельника напрочь отбил привкус настойки лауданума, не предусмотренной в рецептуре «Gordon's».

Путь на верфь был свободен.

2

Джек Бэрринджер, в прошлом — сержант саперного батальона, а ныне исполнитель деликатных поручений — не зря получил милую кличку Джек-в-Ключья. Он всегда шел впереди подчиненных. Вот и через забор он перебрался первым. За ним последовал джентльмен не первой молодости, исполнявший роль проводника. Звали джентльмена, если верить его словам, Эрстедом, и через заборы он лазил с изумительной ловкостью.

— За мной, — махнул рукой проводник.

Он уверенно зашагал по деревянному настилу, мимо запертой на ночь конторы — к зданию склада и темнеющей неподалеку громаде броненосца. Доски громко скрипели под ногами проводника, и Джек поморщился. Кто так ходит? Сразу видно дилетанта. Хорошо, что сторож спит, а «чарли» далеко...

Экая махина, думал он, идя к кораблю. Как бы не заблудиться внутри. План броненосца отпечатался в памяти, как на типографском оттиске, но одно дело — план, а другое — самому лезть в трюм. Слава богу, тучи разошлись, и луна полная: хоть какое-то подспорье.

— Останетесь здесь, мистер Эрстед, — распорядился он. — Смотрите в оба. Сигнал вам известен. Зря панику не поднимайте. Подавайте знак, только если кто-то направится прямо сюда. Все поняли?

— Д-дверь, что тут не понять?

— Вы не ответили на вопрос.

Тон Бэрринджера сделался жестче.

— Понял, сэр.

— В следующий раз так и отвечайте. Вик, Бен, лестницу видите?

При проводнике Джек не называл помощников настоящими именами. На такой случай имелись клички «для посторонних».

— Да, сэр.

— Вик первый. Наверху от борта не отходить, ждать нас. Я второй, Бен замыкает. А вы, мистер Эрстед, подержите лестницу, пока мы не заберемся.

— Есть, сэр! — ухмыльнулся проводник.

Бэрринджеру, ветерану войны, очень захотелось съездить фигляра по кривым зубам, но он сдержался. Только мордобоя во время задания нам не хватало. Карабкаясь по веревочной лестнице и по натяжению веревок ощущая взбирающегося ниже Бена, Джек мысленно простил мистера Эрстеда. Лестницу проводник держал крепко, «в натяжку» — лезущих вверх людей не болтало, и в итоге подъем занял меньше времени, чем Бэрринджер рассчитывал.

— Куда дальше? — шепотом осведомился Вик.

Верхняя палуба фрегата была собрана почти полностью. В лунном свете железо чудесным образом превратилось в серебро. Вся палуба сияла, позволяя видеть каждый шов, каждую шляпку болта. Эх, внизу бы так! Футах в двадцати зиял черный провал люка.

— Туда.

— Зажечь фонарь?

— С ума сошел?! — разъяренной змеей зашипел Джек.

— Так он у меня потайной, — оправдывался Бен. — Никто не увидит.

— Жить надоело, капрал?! Никакого огня! Иначе костей не соберем.

— Так точно, сэр!

Мысленно Бэрринджер обругал себя за непредусмотрительность. Надо было все объяснить помощникам заранее. Стареешь, Джек-В-Ключья? Забыл? — что для тебя, воробья стреляного, прописная истина, то другим еще втолковать надо. Разжевать, в рот положить — и по затылку треснуть, чтоб проглотили.

— Вик, слышал? Тебя тоже касается.

— А как мы будем работать в трюме, сэр? Совсем без света?

— Ничего, не заблудишься. Держаться в шаге друг за другом. Я первый, Бен второй, Вик замыкает. Вперед.

Джек направился к люку.

Поначалу, пока сверху долетали отблески лунного света, все шло нормально. На батарейной палубе гуляли сквозняки, и Джек тихо радовался: то, что нужно. В стоячем воздухе его замысел не сработал бы, но он все верно рассчитал. Орудийные порты еще не успели оборудовать крышками. Они шли с обоих бортов, создавая мощную тягу — ветер аж гудел во чреве «Воина».

Люди спустились ниже, и тьма навалилась на них всей тушей. Не было видно ни зги, они двигались в кромешном мраке. Под ногами, словно из небытия, возникали ступеньки железной лестницы. Шаги гулко отдавались внутри металлического корпуса. Мнилось: их слышно за добрую милю, и сейчас сюда сбежится вся округа. Иллюзия лгала. Даже до мистера Эрстеда, оставшегося снаружи, доносился лишь слабый шум.

Отойти проводник на пятьдесят ярдов — вообще ничего бы не расслышал.

Казалось, чертовой лестнице не будет конца. «Так души грешников спускаются в преисподнюю...» — сравнение испортило Джеку настроение, и он стал думать о другом. К примеру, о том, что в трюме сквозняк куда слабее. Придется таскать бочки на батарейную палубу.

— Сэр, может, все-таки зажечь фонарь?

— Я не люблю повторять дважды. Никакого огня.

Еще две ступеньки — и путь завершился.

— Бен, привяжи веревку к последней ступеньке и начинай разматывать. Сделал? Теперь положи руку мне на плечо. Вик, найди плечо Бена. Готовы? Поворачиваем направо и двигаемся до упора. Там должна быть переборка. Возле нее — десяток бочек. Пошли!

Пол трюма оказался ровным. Рабочие не схалтурили, тщательно подогнав железные листы один к другому. Идти пришлось ярдов тридцать. Наконец пальцы Бэрринджера уперлись в холодный металл.

— Отпустите друг друга и сделайте два шага вперед. Смотрите, лбы не порасшибайте! Вик, прими в сторону, тут я стою... Все коснулись стены? Отлично. Вик — вправо, Бен — влево, и смотри, не упусти веревку. Держитесь за переборку и шарьте вокруг. Ищите бочки.

Сам Джек остался на месте, чутко прислушиваясь к шагам помощников. Через минуту слева долетел шепот Бена:

— Нашел, сержант!

— Молодец. Я иду к тебе. Вик, возвращайся.

Добравшись до бочек, Бэрринджер с минуту колебался: вскрывать их здесь, или все-таки перенести на батарейную палубу? В итоге решил действовать наверняка.

— Вскрываем три штуки. Остальные тащим наверх и откупориваем там.

Достав из-под одежды ломики и жестяные черпаки, они взялись за работу. Скоро в трюме закружилась невидимая в темноте сахарная пудра — ее щедро подбрасывали в воздух черпаками, как зерно на току. Часть пудры оседала на полу, на одежде, но львиную долю подхватывал сквозняк, разнося по трюму. Бэрринджер ощутил сладкий вкус на губах. Рядом чихнул Бен — словно из пушки выпалил. Эхо раскатилось по всему кораблю

— Поторапливайтесь!

«Главное — не дать пудре осесть. Ничего, наверху дует, как у черта в заднице. Такую метель подымет — мало не покажется!»

Бочки оказались тяжелыми. Люди взмокли, перетаскивая их по лестнице. Липкий сироп вместо пота тек по лицам, в горле першило. Шипел, бранясь сквозь зубы, Бен — он крепко зашиб голень, с размаху налетев на ступеньку.

Наконец семь бочонков встали на батарейной палубе. Сквозь верхний люк и порты левого борта струился тусклый свет луны. После трюмного мрака он казался ясным днем. Работа пошла быстрее. Сквозняк словно задался целью помочь незванным гостям: он набрал силу, превратясь в настоящий ураган. Гудя и завывая, вокруг мела настоящая пурга.

— Уходим!

Скучавший внизу проводник вытаращился на «снежных людей», опоздав придержать лестницу. Бэрринджер обругал его, и мистер Эрстед кинулся исправлять оплошность. Сквозь пушечные порты было видно, как в броненосце крутится буран; казалось, в брюхе корабля внезапно началась зима.

— Ну вы и натворили дел! — хмыкнул проводник. — Д-дверь! Бедный мистер Уотерхаус! Вот кому несладко придется... Уносим ноги, сэр?

— Нет. Осталось самое главное.

Проводник с изумлением уставился на Бэрринджера: что, мол, еще? Товар безнадежно испорчен, корабль засыпан сахаром, словно железный марципан — следов не скроешь. У управляющего, да и у самой компании «R. J. Triptey Ship Works» будут серьезные неприятности.

Этого ведь и добивались?

3

Джек Бэрринджер на всю жизнь запомнил рассказ отца о катастрофе в Турине. Это произошло за десять лет до рождения Джека, в 1785-ом, когда отец гостил у дальних родичей. Каждый день в городских пекарнях слышались громкие хлопки: пекари оригинальным способом боролись с досаждавшими им мухами. Подбросив в воздух горсть муки и отойдя в угол, они швыряли в облако мучной пыли горящую лучину. Следовал небольшой «ба-бах!» — и от докучливых насекомых не оставалось и следа.

А в графской пекарне для той же цели, по слухам, пользовались сахарной пудрой — не жалко! Запах жженого сахара был приятней, чем вонь горелой муки.

Увы, однажды сосед-пекарь, мягко говоря, переборщил. Последствия оказались фатальными. От оглушительного взрыва вылетели стекла в нескольких домах. Пекарню разнесло на куски, погибли и пекарь, и двое подмастерьев. С тех пор мух гоняли вениками — никто не желал повторить судьбу несчастных.

Отец всякий раз повторял: никогда не делай так, Джек, если тебе дорога жизнь! Разумеется, в итоге Джек поступил точь-в-точь наоборот. «Опыты» он проводил в сарае, где хранился садовый инвентарь. И мука, и сахарная пудра, пригоршню которой ему удалось стащить в лавке, бабахали замеча-

тельно! «Главное — блюсти меру!» — твердил себе Джек. С четвертого или пятого раза он перестал бояться — и заплатился за самоуверенность.

К счастью, обошлось вынесенной дверью сарая, звоном в ушах и стогоревшими бровями. Но это было ничто по сравнению с поркой, которую учинил ему отец. Если бы родитель знал, что порка не пойдет сыну впрок...

Прозвище «Jack-to-Shreds» Бэрринджер получил в Испании, в армии Веллингтона. На войну он чуть не опоздал из-за возраста, но проявить себя успел в полной мере. Лейтенант саперного батальона сразу заметил смекалистого парня и убедился, что смелости Джеку не занимать, а пороховые подковы и мины для него — родная стихия. Головы молодой сапер не терял, пустого риска не любил, продумывая все наперед. Вскоре Джека произвели в капралы. Отличившись при Бадахосе, он получил сержантский чин — за бреши, проделанные в стенах крепости.

Выйдя в отставку, Джек-в-Ключья уже знал, чем займется дома.

В лунном свете блеснули два флакона, которые Бэрринджер извлек из карманов куртки. В одном содержался темный кристаллический порошок, в другом — маслянистая жидкость. Жидкости было немного, на доньшке. Джек провел кучу опытов, прежде чем научился рассчитывать время воспламенения реагентов. Задержка возгорания зависела от пропорции, в которой смешивались компоненты зажигательного состава.

У них будет в запасе не меньше минуты.

Порошок, тихо шелестя, ссыпался во флакон с жидкостью. Джек поспешно заткнул горлышко промасленной ветошью, замахнулся — и флакон, кувыркаясь, полетел в черный провал ближайшего оружейного порта. На фронте Бэрринджер отменно бросал ручные бомбы, а последние две недели упражнялся в метании камней, восстанавливая былые навыки.

Из чрева «Воина» долетел звон разбитого стекла.

— Бежим!

Только сейчас до проводника дошло, что происходит.

— Goddamit!

Он припустил прочь с завидной прытью. Остальные тоже не мешкали. К забору пришли, что называется, «ноздря в ноздю». На ту сторону перелетели птичками — подставлять колоду не понадобилось. Решив, что оказался в безопасности, Бен присел на корточки и с любопытством прильнул к отверстию от сучка. В следующий миг цепкая рука Бэрринджера ухватила капрала за шиворот и рванула что есть сил.

— Жить надоело?! Шевели копытами!

Джек-в-Ключья никогда еще не устраивал диверсий таких масштабов. Как рванут десять бочек сахарной пудры в металлической «коробке» — двести пятьдесят на сорок на тридцать футов — он представлял слабо. «Осторожность лишней не бывает», — любил говаривать лейтенант Мак-Кормак.

Они успели добежать до знакомого проулка, когда земля под ногами содрогнулась. Уши заложило от грохота; в спины ударила плотная волна, нас-

тойчиво предлагая лечь на землю. Квартет отказываться не стал — все упали, закрывая головы руками. Один Джек Бэрринджер сразу перевернулся на спину, пожирая глазами жуткое зрелище.

Он должен был это видеть!

«Wargio» превратился в вулкан. Столб огня взметнулся на сотню футов, осветив окрестности на пару миль. Во все стороны летели железные листы обшивки — словно черепица, сорванная ураганом с крыши. Случайный лист, как нож, срезал фок-мачту баркентины, стоявшей на соседних стапелях. Секундой позже второй «гостинец» пронесся над квартетом и снес угол бревенчатого сарая. Вокруг останков броненосца все горело: деревянный настил, полуразрушенный склад. Огонь стремительно распространялся, подбираясь к зданию конторы.

Джек знал: потеха не закончилась.

Второй взрыв был слабее первого и походил на грандиозный фейерверк. В развороченном складе вспыхнула шутиха, изготовленная для великана из детской сказки. Пламя шипело, брызжа искрами, из него вылетали горящие обломки дерева; в воздух ракетами взмывали бочки, оставляя за собой пылающие шлейфы.

Там, куда они падали, вспыхивали новые очаги пожара.

Это казалось невероятным! Даже в пекле сахарные головы лишь флегматично горят и плавятся, а их вместилища не уподобляются пороховым ракетам, расчерчивая ночное небо бешеными хвостами комет.

Но если заранее подмешать в сахар селитру...

Джеку-В-Ключья был отлично известен рецепт «карамельной смеси», которую на первый взгляд не отличишь от обычного сахара. Именно этот состав скрывался в мешках и бочках под верхним слоем лакомства. Взрывать — так взрывать! Чем больше ущерба — тем лучше. Так передал доверенный человек заказчика, а к пожеланиям клиентов отставной сапер относился с уважением.

— Уходим. Быстро.

Со стороны Блэкуолла ударили в набат.

4

— В Чизвик, Гарри!

Перчатки шлепнули по теплой от солнца стенке кареты. Щелканье кнута, легкий толчок. Теперь — закрыть глаза, откинуться на мягкое кожаное сиденье, забыть о шумном мире. Или, напротив, раздвинуть белую шторку, полюбоваться из окна Лондоном. Оживленная Хай-стрит, за ней — Чизвик Хай-руд; экипажи, всадники, прохожие, бродячие собаки.

Таинственный колокол молчит — и слава богу!

Сомнения позади, главные трудности — тоже; *затейка*, считай, удалась. Что теперь? Суший пустык — оставить Банный Дом по правую руку, миновать пустошь, где намечено строить станцию сухопутных пироскафов, осесть себя крестом при виде старинной церкви Святого Джеймса-На-Кос-

тях. На кладбище смотреть не надо — к чему портить хорошее настроение? Если все сложится, никому не придется умирать.

Почти никому.

Лорд Джон поправил длинные, по последней моде, локоны на висках, улыбнулся тонкими губами. Ему шла улыбка. Сам великий Кин как-то обмолвился: «Чаще улыбайтесь, милорд. Иначе вы слишком похожи на Яго». Лорд ничего не имел против сравнения с шекспировским персонажем. Дилетант, конечно, но, как говорят пушкари-красномундирники, целил в нужном направлении.

Итак, в Чизвик...

Путь жизненный пройдя до половины, лорд Джон очутился в таком Сумрачном Лесу, что другой на его месте давно уже спятил бы от страха. Иные счастливы, заглянув одним глазком под черный полог Леса, успевали выскочить, белые от ужаса. Самые смелые бродили опушкой — и пугали глушцов. Лорда Джона такое не интересовало. Ему нужна была чаща, глушь, сырой бурелом — обитель призраков и неуспокоенных мертвецов. Он был романтик — по-своему.

Такие иногда встречаются даже в Сумрачном Лесу Политики.

Если членство в Парламенте тебе гарантировано по праву рождения — чего еще желать? Искатели счастья за всю жизнь не могли добиться того, что Джон Рассел, третий сын герцога Бедфордского, наместника Ирландии, получил играючи. С двадцати — депутат палаты Общин; с двадцати двух — бессменный лидер партии вигов. Министерские посты — на выбор — лежали рядышком, достаточно лишь наклониться. Но, к удивлению обитателей Леса, лорд Джон не спешил. И в этом была первая странность, немало смущавшая современников и потомков.

Через тридцать лет, когда лорд Джон окончательно превратится в живую легенду, а броненосец «Warrig» со второй попытки сойдет-таки на воду, некий эмигрант, пользуясь английским гостеприимством ради политических интриг и написания книги «Das Capital», сочтет Джона Рассела обычным карьеристом. Будучи весьма ленив (вследствие чего «Das Capital» останется незавершенным), эмигрант придет к выводу, что главной чертой лорда Джона является экономия сил. Он не спешит, не настаивает, не рискует, желая, чтобы все делалось само собой.

«Партии похожи на улиток, — часто повторяет он. — Голова приводится в движение хвостом. Восславим же Господа!»

Лорд Джон — к тому времени уже дважды премьер-министр — едва ли был знаком с трудами бородатого «капитальщика». А если бы прочел их, то улыбнулся по завету Эдмунда Кина. Именно, джентльмены! Карьерист! — звезд с неба не хватаем. Скучный, тусклый, ни блеска, ни таланта. Реформы-законы, крушение и вознесения кабинетов, войны и прочие катаклизмы — просто случай.

Подвернулось под ногу на лесной тропинке.

Будь лорд Джон прозорливцем, наблюдающим Грядущее, непременно бы перевел на язык Шекспира простенькие куплеты из загадочной страны Russia:

— The fried chicken,
The cooked chicken,
He went to London once to walk,
But they caught him,
But they arrested him,
And they put him under lock...

Откуда «капитальщику», за всю свою капитальскую жизнь не ставшему даже помощником сельского старосты, знать, что в Сумрачном Лесу Политики не выжить ни ясно-горящему тигру, ни геральдическому льву-леопарду. Рейнеке-Лис, даром что самим Гёте прославлен, и тот шерсть в грязи вывалял. А с «The fried chicken» — какой спрос?

— I am not liberal,
I do not orthodox,
I am not difficult to crush...

За год до избрания в Парламент девятнадцатилетний лорд Джон вступил в клуб. Он членствовал в дюжине клубов, один другого престижней. Но этот клуб, куда младший из рода Бедфордов попал по рекомендации своего батюшки-наместника, названия не имел — «Клаб», и все. Видать, у основателей воображение отшибло. Помещение без всякого изыска; кухня, признаться, так себе.

И славы никакой — ни хорошей, ни дурной.

Причины молодому лорду объяснили сразу. Основанный в «допожарном» 1764-м, «Клаб» строго следовал главной заповеди Высшего Покровителя: «Докажи, что тебя нет». А ежели такое невозможно, стань маленьким, незаметным. «I am not liberal, I am not orthodox...».

Чем занимался «Клаб», никто толком не знал. Посторонним, кому выпадала редкая честь ближе познакомиться с деятельностью клубменов, осведомленность не шла на пользу. Первым это ощутил на себе его величество Георг, Третий сего имени. Отправив в отставку премьер-министра — члена «Клаба» — король внезапно сошел с ума. Последним стал министр иностранных дел Каслри — ему довелось долго и нудно резать себе сонную артерию складным ножом.

Мелочи вроде разорения или грандиозного скандала — не в счет.

Естественно, «Клаб» не имел к этим бедам ни малейшего отношения. Он вообще ни к чему не был причастен. Считалось, что «Клаба» вообще нет. Первые годы, выполняя поручения коллег, лорд Джон не мог понять, отчего в мире до сих пор не наступило всеобщее счастье. Если не в мире, то хотя бы дома, в милой Англии?

Кто и что мешает?

Ему объяснили. Ответ был прост — у клубменов, как и у прочих британцев, мнения редко совпадали. Решения откладывались, перспективные замыслы оказывались недостижимой мечтой. Старожилы хорошо помнили, как сорвалась *затейка* с созданием «Соединенных Штатов Британии». Дело казалось верным, все было опробовано на безопасном удалении, за океаном; уроки учтены, слишком любопытный король вовремя спятил, а друзья-французы, подбавив задору, взяли Бастилию. Один из членов «Клаба» уже дал сигнал: внес в парламент предложение о новом национальном празднике Британии — 14-м июля, Дне Борьбы с тиранией.

Не решились, повернули назад. Как и совсем недавно, когда храбрый парень Тистльвуд был готов выполнить приказ и перестрелять возомнивших о себе министров. Междуцарствие, ни короля, ни правительства; власть валилась на окровавленный булыжник Катор-стрит. Подбирай! Список Совета Национального Спасения был обсужден и одобрен...

После казни бедняги Тистльвуда лорд Джон крепко задумался.

Этому немало способствовала встреча на одном из обедов в «Клабе». Почетный гость, представившийся кардинальским именем «Эминент», был усажен рядом с лордом Джоном. Не без умысла: во-первых, они ранее успели познакомиться в свете, во-вторых, младший сын герцога Бедфорда обладал редким умением толковать ни о чем — но чрезвычайно увлекательно. Коронной его историей была встреча с Наполеоном. В свое время Джон Рассел не поленился съездить на Святую Елену; естественно, по личной инициативе.

«Этот Бони — такой милый толстячок! А какой у него чудовищный французский!..»

Толстячок Бони не заинтересовал Эминента — с лейтенантом Буонапарте он встречался в 1791-м. Зато поговорили о Байроне. Лорд Джон искренне, что с ним бывало нечасто, заявил: лорд Джордж, конечно, мужеложец и сатанист, но в политике зрил в корень. Именно он озвучил два вопроса, которые Британии придется решать в этом веке: еврейский и рабочий. Разговор плавно перетек на луддитов; собеседники сошлись на необходимости контроля за «прорывными» изобретениями, часть из которых не грех и придержать. Лорд Джон выразил сожаление, что Джеймса Харгривса, изобретателя прялки «Дженни», вовремя не отправили в Ньюгейт; Эминент посетовал на чуму, не удостоившую своим вниманием французскую математическую школу.

Распрощались они, чрезвычайно довольные знакомством, и начали встречаться еженедельно. Да, некоторые свойства Эминента намекали на то, что новый приятель лорда Джона — не вполне человек. Но в Сумрачном Лесу Политики водятся разные звери. Пахнет серой? — на лечебных водах в Эксе тоже пахнет серой, и только на пользу. А после того, как Эминент рассказал новому другу о необычном человеке с рыжими бакенбардами, пообещав «одолжить» своего протеже на время, лорд Джон понял — он больше не связан условностями «Клаба».

Можно начинать собственную *затейку*.

— Чизвик, сэр!

«Надо же, всю дорогу просидел у окна! Слева — Сион-хаус, бывшее аббатство, ныне резиденция герцога Нортумберлендского; впереди — знаменитый парк...»

— Направо, Гарри! К дому Каннинга.

— Признаться, не слишком удивлен, лорд Джон. Можете не стараться, я не понимаю язык шантажа. Прежде чем переступить границы чести, вспомните, что мы оба — члены «Клаба».

— «Клуб» находится вне всяких границ, господин премьер-министр. Но сейчас речь идет о нашем с вами персональном деле. «Клуб» не давал санкцию на постройку броненосца, не так ли?

Мелкий бисер пота на лысине. Черные тени под глазами. Усталый взгляд, покрасневшие веки. Джордж Каннинг, премьер-министр Великобритании, плохо спал этой ночью. А может, и вовсе не ложился. В свои неполные шестьдесят он выглядел стариком. На какой-то миг лорду Джону даже стало жалко дедушку.

— Финансируя постройку железной лохани, вы и ваш *подельщик*, министр Хаскиссон, нарушили все возможные законы, господин премьер-министр. Парламент будет весьма удивлен, узнав некоторые детали. Главное же то, что «Warrior» погиб. Сотни тысяч фунтов развеялись в воздухе. Победителей не судят, но побежденным — горе. Кажется, взрыв устроили датчане? В Парламенте вспомнят, что именно ваше правительство дало санкцию на уничтожение Копенгагена. С варварами поступили по-варварски. Вам даже сочувствовать не станут...

Слова-пощечины били без жалости. Краешком сознания лорд Джон понимал, что выбрал неверный тон. Следовало посочувствовать, ругнуть проклятых датчан, предложить помощь. Но слишком долго он ждал этой минуты. Каннинг, возмнивший о себе плебей, сын прачки, ушедшей на содержание к жалкому актеришке, вообразил себя Мессией...

«Опусти глаза, когда стоишь перед герцогом Бедфордом, мужлан!»

— Я ждал чего-то подобного, лорд Джон. Где труп, там и стервятники. Но вы плохо умеете считать...

Премьер-министр говорил с трудом. В уголках рта копилась слюна, голос был слабым и хриплым. Но сдаваться он не спешил — не того замеса был Великий Каннинг.

— Если вы свалите правительство, к власти придет не ваша партия, а Веллингтон и его мракобесы. Прощай, реформы, надежды, планы. Равноправие католиков, права евреев, легализация тред-юнионов. Новый избирательный закон. Обстановка в стране и так на грани катастрофы. Год правления Веллингтона — и в Англии начнется революция. Вы этого хотите, лорд Джон?

«Хочу!» — чуть не сорвалось с языка. В последний миг Джон Рассел прикусил язык. Нет, не хочет, но вполне допускает. Роль Спасителя Нации от Гидры революции нас тоже устраивает.

— Я ухожу в отставку, лорд Джон. Премьером будет Уильям Хаскиссон. Надеюсь, у вас хватит ума дать ему работать...

— Нет! Хаскиссон не будет премьером. Об этом я позабочусь в первую очередь. А с Веллингтоном добрые англичане быстро разберутся. Насчет же реформ... С чего вы взяли, что для реформ необходим парламент?

Удар был силен.

Каннинг облизнул сухие губы, быстрым движением вытер пот.

— А я еще думал, кто стоял за бандой Тистльвуда? Хорошо, я согласен вас выслушать. Не из-за недоумка Веллингтона, нет. Его Величество тяжело болен; брат-наследник непопулярен, принцесса Александрина Виктория — еще ребенок. У вас хватит ума довести дело до Английской республики, лорд Джон. Я не хочу Кромвеля. Что вам надо?

На этот раз лорд Джон не смог сдержать улыбки. Умеет считать дедушка. Молодец! Быстро ты скис, Великий Каннинг. С Хаскиссоном пришлось бы возиться дольше. Упорен, лекарский сынок — и здоровья много. О, Уильям Хаскиссон! Хорошо, что премьер заранее подумал о преемнике.

— Мы поладим, господин премьер-министр. Я не оговорился — премьером останетесь вы, мистер Каннинг. Более того, я буду первый, кто поможет вам построить новый «Warrior» — в надлежащее время. Ради вас я даже соглашусь на сохранение монархии. Из маленькой Виктории выйдет великая королева. При надлежащем присмотре, конечно. Обсудим условия...

— Бом!

В первый миг лорд Джон подумал, что ослышался.

Колокол? Здесь, в Чизвике?

— Бом! Бом! Бом!..

— Господин премьер-министр! Каннинг, что с вами?!

Джордж Каннинг не слышал вопроса. Белое лицо застыло гипсовой маской. Влажная ладонь вцепилась в сукно фрака. Веки дрогнули...

Закрылись.

Тело мягко сползло на блестящий наборной паркет.

— На помощь! Премьер-министру плохо!..

— Бом!..

— Домой, Гарри!

Не к месту вспомнилось, что проезжать придется мимо кладбища. Не туда ли отвезут *бывшего* премьер-министра? Нет, конечно. Великий Каннинг упокоится в Вестминстерском аббатстве, лорд Джон первый предложит это...

А ведь чуть не получилось! Жаль...

Дверца кареты захлопнулась, и потомок Бедфордов едва сдержался, чтобы не выругаться, подобно последнему плебею. Опять этот колокол, будь он проклят! Врач предлагает кровопускание, чтобы успокоить нервы. Может, в самом деле попробовать?

Лорд Джон покачал головой. Кровопускание — дело хорошее. Но вначале испробуем это средство на ком-нибудь другом. Джорджу Каннингу уже не поможет, но есть еще Хаскиссон...

Сцена шестая МЕРТВЕЦ И ИЗГНАННИК

1

— К вам посетитель, сэра.

Тюремщик был вежлив. В черной шляпе с широкими полями, в черном костюме — он походил бы на священника, когда б не связка ключей. С узниками тюремщик обращался хорошо, даже с отпетыми мошенниками. А в данном случае искренне недоумевал — отчего такого приличного джентльмена бросили в Ньюгейтскую тюрьму?

Да еще, вопреки закону, до суда поместили в отделение смертников, в камеру, рассчитанную на троих, и строго-настрого запретили подселать к арестанту соседей.

— Кто?

— Он не представился, сэра.

— В вашей тюрьме разрешены посещения?

— Да, сэра. Но в камеры гостей не пускают. Свидания происходят во дворе, через двойную решетку, в присутствии надзирателя. Мы не долговая тюрьма, сэра, у нас нет послаблений.

— За что же мне такая привилегия?

— Он показал письмо от лорд-мэра, сэра.

Андерс Эрстед подошел к окну, забранному толстыми прутьями. Окно выходило на рынок, который вечером пустовал. Ветер нес по брусчатке капустные листья, играл с рыбой чешуей, пинал сломанную тележку зеленщика. Кучи навоза близ коновязи покрылись сухой коркой. Рядом нищенка ужинала краюхой хлеба.

Там, в грязи, лежала свобода.

Стараясь не прилагать усилий, он тронул пальцами нижнюю челюсть, опухшую после апперкота Малыша-Голландца. Боль ушла; опухоль обещала исчезнуть со дня на день.

— Вас били, сэра? — участливо поинтересовался тюремщик. — В участке? Ах, мерзавцы...

— Что? Нет, меня не били. Это так, случайно.

Он не знал, за что его арестовали. Полиция нагрянула на квартиру, которую Эрстед снимал вместе с Волмонтовичем, без предупреждения. Это были не унылые констебли, и не дневные полисмены Сити — пятеро деловитых «бобби», лишенных права голосования¹⁵, новеньких, как шиллинги свежей чеканки, сразу намекнули, что сопротивление ими не приветствуется.

«Не надо, князь!» — остановил датчанин Волмонтовича, у которого чесались руки (даже трость охватил нестерпимый зуд!), и под конвоем отпра-

вился в участок. Там ему предъявили странное обвинение: преступление против Английской короны. На просьбу уточнить ответили отказом — и в тюремной карете доставили в Ньюгейт. Дубовые двери, обитые железом, стены, усаженные поверху ржавыми остриями, мрачные дворы, коридоры...

В скором времени Эрстед уже сидел на тюфяке, брошенном на голый пол, и размышлял о превратностях судьбы. Мысль, что арест каким-то образом связан с призраком Ротшильдов, он отверг сразу. Увы, других идей не возникало.

— Впустить, сэр?

— Да, конечно. Пусть войдет.

Нарушая правила, тюремщик оставил арестанта с гостем наедине. Эрстед с минуту смотрел на посетителя, не произнося ни слова, потом развел руками, показывая, что и пригласил бы сесть, да кроме тюфяка, некуда.

— Я огорчен твоим положением, мой мальчик, — вместо приветствия сказал гость.

— Добрый вечер, учитель, — ответил узник.

Окажись здесь многоликий Чарльз Бейтс или хитроумный лорд Джон — оба сразу бы признали посетителя. Сын старьевщика увидел бы своего патрона, загадочного Эминента, которому был обязан большим, чем просто жизнь. Наследник фамилии Расселов — того, кому еще вчера, размышляя по дороге к премьер-министру, отказывал в праве принадлежать к роду людскому.

Оглядевшись, Эминент равнодушно поправил сбившийся набок галстук. Умение чувствовать себя, как дома, в самых неподходящих местах, приросло к нему, будто вторая кожа.

— В какой-то степени я виноват в твоём аресте, — сказал он. — Иначе ты не увидел бы меня здесь. Мы давно уже не друзья, Андерс. Это горькая истина. Но я по-прежнему чувствую ответственность за тебя. Смешно, не правда ли?

Эрстед пожал плечами.

— У вас странные представления об ответственности. Она слишком обширна, учитель. Вы, кажется, чувствуете себя ответственным и за прогресс цивилизации?

— Ты слышал о взрыве броненосца «Warrior»? — спросил Эминент.

— Нет. Я не читал сегодняшних газет.

— Зря. Иначе ты бы знал, в чем тебя обвинят на суде.

— Я взорвал броненосец? Вы шутите?

— Ничуть. Это подтвердит управляющий верфью. Ты оставил у него на хранение сахарную пудру, мой мальчик. И, по наущению врагов Англии, используя тайные рецепты твоего старшего брата...

¹⁵Буквально накануне описываемых событий Роберт Пиль, министр внутренних дел, провел через палату общин «Закон об улучшении Столичной полиции». Была создана новая муниципальная полиция под началом двух комиссаров. Комиссар был королевским чиновником, подотчетным только министру внутренних дел. Городские власти отстранялись от участия в решении полицейских вопросов. Рядовых полицейских — прозванных «бобби» по имени министра (Роберт) — набирали за пределами Лондона и лишали права голосовать, чтобы избежать влияния на них политиков.

Упоминание о сахарной пудре не удивило Эрстеда. Напротив, он громко расхохотался, как если бы сразу понял причину взрыва.

— Двойник? Вы использовали для диверсии моего двойника? Не слишком ли мелко для вас, учитель? Опять же, пудра... «И ты, Брут?» — сказал бы я, зная ваше отвращение к химии.

— Не я был вдохновителем замысла, Андерс. Политика — грязное дело. Поверь, я не знал, что для маскарада выберут тебя. Но двойник — о, к нему я имею прямое отношение! Он — один из моих протеже.

Все-таки хорошо, что Чарльза Бейтса не было в камере. Приятно ли услышать свою историю, рассказанную одним человеком, которому ты доверился, другому человеку, которого ты привел за решетку? Когда Эминент закончил рассказ, в камере надолго воцарилось молчание.

— Значит, вы познакомились на кладбище? — наконец сказал Андерс Эрстед. — Мы с вами тоже познакомились на кладбище. Традиция, учитель?

— Совпадение, — ответил Эминент.

2

Это случилось давным-давно.

Наполеон еще не провозгласил себя императором, Ампер давал частные уроки математики; Бетховен, ученик знаменитого Сальери, закончил арию «О, неверный!» на слова Метастазиио. Деятнадцатый век ждал своей очереди, толкаясь в приемной вместе с дальними родственниками; восемнадцатый бодрился, на пороге кончины притворяясь бессмертным. Небо было синим, трава — зеленой, и допотопные монстры, вне сомнений, еще бродили по земле — если не в Лондоне, то в Сибири.

А в парке Копенгагенского университета рыдал юноша, почти мальчик.

— Ханс! Ах, Ханс! Он умер!

Второй юноша, старше первого едва ли больше, чем на год, утешал несчастного, как мог. Он вытирал ему слезы своим носовым платком, потому что платок бедняги промок насквозь, гладил по голове, поил водой из фляги и умолял не терзать сердце.

— Андерс, люди смертны, — говорил он. — Однажды и мы умрем. Счастье, если кто-то станет убиваться, вспоминая нас, как ты убиваешься сейчас, вспоминая этого благородного человека. Помни, что от него остались книги. Мудрые книги, полные восхитительно тонких мыслей. Значит, твой кумир бессмертен.

— Ах, Ханс! Ты прав, брат мой, но от твоей правоты мне еще тяжелее. Сорок пять лет! Разве это срок жизни для мыслителя? Помнишь, как он сказал? «Не всегда состоит в нашей воле быть любимыми, но всегда от нас самих зависит не быть презираемыми...» И такой светлый разум угас!

Ханс ласково похлопал брата по плечу.

— И он же сказал: «Сколько можно показывай постоянно веселое лицо! Нет ничего привлекательнее и любезнее, как веселый нрав, происходящий из источника беспорочного, а не из сердца, обуреваемого страстя-

ми». Утешься, и покажи мне свое веселое лицо. Жизнь брэнна, и не в наших силах...

Компания студентов, подвыпивших больше, чем это требовалось для усвоения наук, расхохоталась, идя мимо. Дело было в одном из дворов Копенгагенского университета, больше похожего на крохотный парк, с зелеными лужайками и тенистыми беседками. Трудно представить место, менее пригодное для скорби; трудно представить молодых людей, менее расположенных рыдать, чем студенты. Хохот оказал на братьев странное действие — у младшего разом просохли слезы, у старшего засверкали глаза. Сжав кулаки, они встали плечом к плечу, готовы вдвоем кинуться против всех. Грозный вид оказал на весельчаков действие, подобное ушату холодной воды — компания притихла, ускорила шаг и торопливо удалилась прочь.

В университете знали — задирать Эрстедов небезопасно. Сыновья бедного аптекаря из Лангеланда, братья были горды, как принцы крови. Наверное, запах микстур ударил им в голову. Они затевали драки при одном косом взгляде в их сторону. Свободное от занятий время младший проводил в боксерском клубе на Портовой улице, приходя на лекции с разбитой губой или синяком под глазом. Старший предпочитал фехтовальный зал маэстро Пампинары — итальянца, бежавшего с родины после слишком удачной дуэли — и тратил на уроки владения папирой все гроши, что оставались после оплаты университетского курса.

Даже корпорация местных буршей на общем заседании приняла решение оставить «этих жутких Эрстедов» в покое. На таком вердикте особенно настаивал председатель, как особа потерпевшая (дважды!) и проникшаяся идеалами гуманизма.

— Нет худа без добра, — философски заметил Ханс, провозжая глазами обидчиков. — Вот ты и успокоился, Андерс.

Младший кивнул.

— Да, я успокоился. Все мое существо протестует против несправедливости судьбы, но что я могу? Ничего. Кроме ничтожной малости... Ханс, я сегодня уезжаю.

— Куда?

— В Ганновер. Я не успею на его похороны, но я хотя бы взгляну на его могилу. Не отговаривай меня! Я все равно поеду...

— И не собираюсь, — Эрстед-старший улыбнулся. — Отец вчера прислал наши деньги на полгода вперед. Две трети — твои. Когда ты вернешься, мы разделим остаток пополам. Поторопись! С деканами я договорюсь, но они не станут терпеть твое долгое отсутствие.

Вместо ответа Андерс кинулся на шею брату.

На ганноверском кладбище не было ни души. Души покойников, незримо витая над могилами, в счет не шли. Строгие ряды чугунных крестов напоминали строй солдат, готовых ринуться в атаку по первому зову трубы архангела. Дубы, могучие великаны, тихо шелестели ветвями. В зарослях жасмина, высаженного по краям, щебетали птицы, безразличные к чужой скорби.

Андерс Эрстед стоял над местом упокоения своего кумира. «Адольф Франц Фридрих фон Книгге» — гласила скромная табличка из бронзы, привинченная к надгробной плите. Ниже лежал букетик увядших левкоев. Юноша не плакал — молчал, вспоминая, как год назад осмелился написать письмо этому великому человеку. Они никогда не виделись — Андерс Сандэ Эрстед, студент-юрист, и литератор фон Книгге, автор знаменитой книги «Об обращении с людьми».

Их связывали лишь письма.

«Он ответил мне. Он, кто был завален посланиями от поклонников его таланта, ответил датскому мальчишке, втайне корящему себя за дерзость. И тратил на меня свое драгоценное время — отвечая на вопросы, делясь размышлениями, направляя и советуя. Кто мог знать, что я ворую минуты, которых осталось так мало? Его ответы — это ненаписанные главы романов, сцены из неродившихся пьес...

— Мы побороть не в силах скуки серой,
 Нам голод сердца большей частью чужд,
 И мы считаем праздную химерой
 Все, что превыше повседневных нужд...

Великий Гете недавно опубликовал первый отрывок из «Фауста». Сегодня Эрстеду-младшему пришли на ум эти проникновенные строки. Вспоминая переписку с фон Книгге, он мысленным взором видел мудреца, похожего на доктора Фауста — ученого, знатока жизненных коллизий, способного и дьявола заставить служить себе.

— Живейшие и лучшие мечты
 В нас гибнут среди житейской суеты.
 В лучах воображаемого блеска
 Мы часто мыслью воспаряем вширь
 И падаем от тяжести привеска,
 От груза наших добровольных гирь...

«Если бы ангел шепнул мне, что такому человеку отмерен кратчайший срок! Я приехал бы, приплыл, прилетел... Иногда в письмах я звал его учителем, и он смеялся, ласково браня меня. Учитель учит, говорил он, а мы беседуем, как Сократ и его спутники, прогуливаясь по воображаемому бульвару. Господи, почему гении уходят раньше всех? Почему я, ни в чем не виноватый, терзаюсь виной?!»

Воробей запрыгал по надгробью, глухой к чужим страданиям.

— Мы драпируем способами всеми
 Свое безводье, трусость, слабость, лень.
 Нам служит ширмой состраданья бремя,
 И совесть, и любая дребедень.

Тогда все отговорки, все предлог,
Чтоб произвести в душе переполох.
То это дом, то дети, то жена...

Он не услышал шагов. Легкая тень легла на землю рядом с юношей. Тихий, глубокий голос продолжил монолог Фауста с прерванной строки, отрыв Эрстеду тайну Полишинеля: оказывается, погруженный в раздумья, он говорил вслух.

— То страх отравы, то боязнь поджога —
Но только вздор, но ложная тревога,
Но выдумка, но мнимая вина.

Смущен, юноша обернулся. За ним, опираясь на изящную тросточку, стоял незнакомец. Судя по элегантному костюму в серых тонах, по свободной, непринужденной позе, по ордену, тускло сияющему на груди, гость кладбища был из людей благородных, вращающихся в свете. Слабая улыбка бродила на его губах, глаза блестели от удовольствия.

Чувствовалось, что он находит неизъяснимую прелесть в ситуации. Пустынное кладбище, двое случайных людей, Гете, жасмин... Эрстед подумал, что не хватает только Мефистофеля, прячущегося за кустом, и устыдился своих мыслей. Он не нашел ничего лучшего, как спросить, запинаясь:

— Вы читали «Фауста»?

— Разумеется. Всякий образованный человек следит за публикациями такого титана, как Гете. Жаль, что нам с вами доступен лишь фрагмент.

— Зато мы ждем скорого продолжения! — возразил Эрстед. — Ожидание есть подарок само по себе!

— Слишком мучительный подарок, сударь, — в блеклых глазах незнакомца сверкнул огонек, словно он видел нечто, невидимое собеседнику. — Гете способен работать над пьесой лет шестьдесят, не меньше. И публиковать по чайной ложке в четверть века. Боюсь, что целиком мы прочтем «Фауста» лишь после смерти его создателя.

— Не может быть!

— Оставим споры. Время покажет, кто из нас прав. Я не задену ваши чувства, если спрошу: что вы делаете у этой могилы? Здесь похоронен ваш родственник? Друг?

Юноша вздохнул.

— Здесь лежит мой учитель.

— Странно, — заметил незнакомец, хмурясь. — Насколько мне известно, у покойника не было учеников. Вы уверены, молодой человек? Именно учитель?

— Я уверен в этом так же, как и в том, что солнце встает на востоке, — запальчиво ответил Эрстед.

— Тем более странно. Не сообразовите ли представиться? Я старше вас, и поэтому представляюсь вторым.

— Андерс Сандэ Эрстед, к вашим услугам. С кем имею честь?

Незнакомец долго молчал, разглядывая юношу. Огонек в его взоре не погас, напротив, разгорелся, превратясь в яркое пламя. Когда молчать дальше стало неудобно, он улыбнулся, извиняясь за взятую паузу, и всю неловкость как рукой сняло.

— Зовите меня — Эминент.

— Вы кардинал¹⁶?

Юноша изумился, ибо перед ним стоял человек безусловно светский.

— Нет. Это просто имя. Вам не нравится?

— Почему же... нравится...

— Ну и славно. Так говорите, здесь лежит ваш учитель? Уверен, ваша печаль неизмерима. Впрочем, в молодости печаль скоротечна. Дунул ветер страсти или веселья, и ее больше нет.

— Если ты чего-нибудь не имеешь, если печаль и несчастье отягощают грудь твою, — оскорблен, Эрстед ответил незнакомцу цитатой из фон Книгге, словно мертвец мог его услышать, — если ты терпишь недостаток, если чувствуешь слабость ума и сердца, то никому не жалуйся! Простите, но мне не хотелось бы обсуждать свои чувства с чужим человеком.

Незнакомец ласково коснулся его рукой.

— Вы оборвали цитату на самом интересном месте, сударь. Помните, как дальше? Никому не жалуйся, кроме того, от кого надеешься несомненной помощи! Немногие охотно принимают участие в нашей скорби... Немногие, сказал ваш учитель. Но они есть, эти немногие, скажу я. Пойдемте, я приведу вас в чудесный трактир. Там малоллюдно, и мы сможем порадовать друг друга, цитируя мудрецов весь день напролет, за кружкой пива. Ну что же вы?

Эрстед бросил последний взгляд на могилу кумира — и заспешил вслед за Эминентом.

В молодости время тянется, в старости — летит стрелой. Банальности такого сорта сделались дешевы еще в те дни, когда египетские писцы скручивали папирусы в трубочку. Но так или иначе, а распорядитель вышел в приемную, объявил о высочайшем решении — и восемнадцатый век скрылся в тумане прошлого, а девятнадцатый встал на пороге, тряхнул кудрями и окинул пламенным взором новое владение.

Число 1800 воцарилось на календарях, знаменуя смену эпох. Многие шушукались, что это все же последний год вчерашнего столетия, а не первый — сегодняшнего, но магия круглых чисел делала свое дело. В умах и сердцах уже наступило светлое грядущее. Двенадцать месяцев скакали над Европой, подбочаясь в седлах — Дикая охота, апостолы Хроноса. Под их топот скончались генералиссимус Суворов, Георгий XII, последний царь Кахетии, чудотворец-каббалист рав Адлер и Михал Огинский, великий гет-

¹⁶«Eminentissimus», «Eminentia» (Ваше Высокопреосвященство; точнее — Ваше Превосходство) — так титулуются кардиналы.

ман литовский. Под их гиканье родились богослов Клее, математик Фейербах, химик Вёлер и красавица Анна Керн, которую, назло векам, прославит темнокожий Санкт-Петербуржец:

«Я помню чудное мгновенье...»

А в горной деревушке Фрауэнфельда встретились молодой доктор юриспруденции Андерс Эрстед и кантонный врач Франц Месмер — утомленный жизнью старик. Этой встрече было суждено изменить судьбу первого и вернуть покой душе второго. Но покой — такая летучая субстанция! Где-то прибудет, где-то убудет...

— Это великий человек! Я обязательно вас познакомлю...

В сухом, костистом лице Эминента читалось явное беспокойство, когда он слушал рассказ своего юного друга о поездке в Швейцарию. За четыре года их знакомства впервые черты Эминента изобразили что-то, помимо благожелательного добродушия или слабой иронии. Впервые — и он ничего не мог поделать с упрямым, взбунтовавшимся лицом.

— Я даже не знал, что герр Месмер жив!

Все это время великими людьми были двое — он, Эминент, и покойный Адольф фон Книгге. Глупо ревновать к мертвецу, не правда ли? Остальные, кем восхищался датчанин — к примеру, Алессандро Вольта, или вундеркинд Гаусс, или Эрстед-старший, естественный объект любви брата — все они, по странным причинам, не затрагивали Эминентова сердца.

Учитель и ученик — так можно было охарактеризовать их отношения, сложившиеся после знакомства на кладбище. Андерс Эрстед учился у загадочного покровителя понимать людей, видеть скрытые пружины их поступков, следить за мотивами действий так же легко, как дирижер различает мелодии инструментов во вверенном ему оркестре. Это очень помогло Эрстеду в юридической практике. Казалось, Эминент исподволь готовит юношу к некоей миссии, сообщая ему знание человеческой природы — но оставляя нераскрытой одну, главную тайну: себя.

Письма, встречи, беседы — они становились все ближе.

Но была у Эрстеда часть жизни, куда он и пустил бы Эминента, да тот сам не желал. Увлечение наукой, время, проведенное в лабораториях брата, ставшего адъюнктом¹⁷ — не нуждаясь в дипломах и ученых степенях, датчанин разбирался в естествознании не хуже университетских профессоров. Его увлечение месмеризмом также носило научный характер. Еще в бытность студентом он грезил «магнетическим флюидом», собирая любые сведения о методах Франца Месмера и его учеников.

Диссертация «О влиянии планет». Доклад об открытии животного магнетизма. Сокрушительный вывод комиссии Общества врачей и Парижской Академии. Позорные гравюры: Месмер и его сторонники с ослиными головами, поражаемые молниями комиссаров, проваливаются в ад. Бегство, опала, забвение; смерть в неизвестности.

¹⁷ Адъюнкт — младшая ученая должность в академиях и университетах; помощник академика или профессора, с правом преподавания.

— Он жив! Все это время он оттачивал свою систему! В глуши швейцарских гор...

— Жаль, что он не умер, — не выдержал Эминент.

У молодого человека перехватило дыхание.

— Жаль? Почему?

— Ему следовало уйти на пике славы. Или тогда, когда я предложил ему отказаться от заблуждений науки. Из Месмера вышел бы Посвященный высшего ранга. А получился забавный докторишка. Вот я и говорю: жаль...

— Вы? Предложили ему отказаться от науки?

— Да. Твоя матушка носила тебя во чреве, мой мальчик, когда я убеждал Месмера встать на верный путь. В те дни его признал обманщиком Венский медицинский совет. Берлинская Академия сказала про его теорию: «Это ошибка». Французы-профессора, как один, отказались от рассмотрения его опытов. Я видел ближайшее будущее Франца Антона Месмера: взлет фейерверочной шутихи, россыпь искр — и мрак забвения. Он не послушался; пусть жнет посеянное. Ему еще долго жить и страдать...

— Зачем вы лжете? — на миг Эрстед забыл об уважении, какое питал к учителю. — Да, вы старше меня. И тем не менее вы слишком молоды, чтобы давать наставления Месмеру в дни его величия! Оставьте злословие, умоляю! Вспомните фон Книгге: «Не выставляй бесчестным образом слабостей твоего ближнего, дабы возвысить себя самого...»

Эминент словно стал выше ростом. Глаза его сверкнули диким огнем. Чудилось, что пламя души, укрытое за семью печатями, вырвалось наружу, грозя поглотить дерзкого. Он воздел руку, указывая на попятившегося Эрстеда.

— Глупец! Ты хочешь укорить меня моими же словами? Смотри же: перед тобой Адольф фон Книгге, Рыцарь Лебедя!

Как ни странно, его собеседник быстро вернул самообладание. Взгляд скрестился со взглядом, сталь ударила о сталь. Кантонный врач Месмер, старик, забытый друзьями и врагами, мог быть доволен — он не ошибся в юном датчанине. Жизненный флюид кипел в Эрстеде-младшем, сопротивляясь насилию.

— И снова вы лжете мне! Фон Книгге умер...

— Так думают все. Но ты за эти годы мог бы догадаться, с кем имеешь дело. Не разочаровывай меня, Андерс!

Вынув из кармана сюртука книгу в кожаном переплете, Эминент бросил ее молодому человеку. Это был переизданный в Мюнхене том «Об обращении с людьми». Перед текстом издатель — впервые со дня дебютной публикации — разместил портрет автора. Огромный лоб мыслителя контрастировал с маленьким, брюзгливым ртом. Длинный нос с тонкой, чуть впалой переносицей делал фон Книгге похожим на бекаса. Парика он не носил; редкие волосы зачесывал назад. Тугольник лица, властный, истинно германский подбородок...

— Святой Кнуд и Святая Агнесса!

Нечасто Андерс Сандэ Эрстед пользовался любимым восклицанием датского короля.

3

— Этот разговор был первой трещиной в наших отношениях.

Толкнув ногой тюфяк, Эрстед подошел к окну, забранному решеткой. Скорее бойница, чем полноценное окно, оно располагалось на уровне лица датчанина. Малая толика света пролилась в камеру, словно утешая арестанта. В луче заходящего солнца волосы Эрстеда казались паутиной, подхваченной осенним ветром.

— Потрясен открытием, я не обратил внимания на размолвку. Юности свойственна слепота. Да и кто не оторопел бы, узнав, что его учителем стал мертвый кумир? В дальнейшем я не рассказывал вам ничего о своих поездках к Месмеру. Конечно же, мы продолжали видеться: сперва в Швейцарии, а потом, когда правительство Франции назначило ему пожизненную ренту, и он вернулся домой — на берегах Боденского озера. Я учился у Месмера и молчал. Да вы и не спрашивали, правда? Вы хорошо понимаете людей. Та вспышка была единственной...

— И я сожалею о ней, — обронил Эминент.

Он стоял, широко расставив ноги, опершись на витую трость — словно матрос при качке. Поза была неестественна и неязвучна. Вряд ли при ком-то другом барон фон Книгге позволил бы себе такую вольность.

— Но при любом удобном случае вы напоминали мне — как бы невзначай! — что путь науки порочен. Что он ведет в пропасть. Что я пренебрегаю великой судьбой, которая мне назначена. Что я рискую стать вторым Месмером — в том смысле, что мне грозит крах тщетных надежд. Мой путь, говорили вы, лежит рядом с вашим. Вы помните свои слова? Я помню: «Пора оставить ученичество и сделаться спутником. Время познать истину, отличную от вонючей истины лабораторий...»

Эминент нахмурил резко очерченные, девичьи брови.

— Это неправда. Я никогда не говорил тебе об этом.

— Ах, учитель, — рассмеялся датчанин. — Вы не говорили этого прямо. Но я был бы скверным учеником, если бы не научился слышать недосказанное!

— Ты — хороший ученик, мой мальчик. Но ты — не лучший спутник. И — прости за откровенность! — из тебя вышел бы никакой ясновидец. Полное отсутствие дара, которое нельзя компенсировать занятиями. К сожалению, ослеплен любовью к тебе, я поздно понял это. В итоге Месмер отнял тебя у меня. Месмер и твой старший брат. Вонючая истина лабораторий? Удачно сказано! Мы были друзьями; сейчас мы — на грани вражды. Во имя прошлого спрашиваю: ты примешь мое предложение?

— Какое, учитель?

— Беги отсюда. Одно твое слово, и я выведу тебя из Ньюгейта, даже если все надзиратели преградят нам дорогу. Ты знаешь, я способен на это.

Датчанин долго молчал. За стеной, на рынке, горланили мальчишки, дразня нищенку. Простучали копыта — кэб проехал мимо и свернул на Олд-Бейли. Голубь, воркуя, тыкался клювом в прутья решетки. Солнце медлило упасть за крыши домов. Солнцу было интересно: что ответит узник?

— Нет, учитель. Спасибо за заботу, но я отказываюсь.

— Почему? — Эминент стал похож на статую, высеченную из льда. — Не хочешь быть мне обязанным?

— В какой-то степени, да. Я и так многим вам обязан. Без вас я стал бы другим человеком. Но вы творите благодеяния с расчетливостью механизма. Те, кто был вами облагодетельствован, попадают в зависимость от вас. Делаются вашей свитой, или послушными исполнителями вашей воли; или осведомителями. Я знаю, вы их — нас! — по-своему любите. Но ваша любовь слишком требовательна. И она не прощает отказов.

Мертвец расхохотался:

— А твоя, мой мальчик? Чем преданность князя Волмонтовича отличается от преданности Чарльза Бейтса?

— Почти ничем. Но если князь уйдет, я не обижусь. И не стану мстить. А вы, Эминент? Покинь вас Бейтс, или кто-то, подобный ему, оставь он вас по собственной воле — что подскажет вам ваше сердце? Я — никакой ясности, но даже я знаю ответ.

Гость ударил тростью в дверь, зовя тюремщика.

— Моя любовь требовательна, — задумчиво сказал он. — А моя ненависть? О нет, Андерс, моя ненависть — милейшая дама. Она обожает отказы. Упивается возражениями. Приветствует обиды. И ничего не требует. Она щедра, моя ненависть, она готова каждого одарить своими плодами. Не странно ли?

— Вы угрожаете мне?

— Нет. Я размышляю.

4

— Когда это пришло?

— С утренней почтой, государь.

Королевская длань осторожно взяла лист плотной бумаги, украшенный печатью устрашающего вида — три леопарда под тяжелой короной. Его Величество Георг, Четвертый сего имени, король Объединенного Королевства Великобритании и Ирландии, изволил лично взглянуть на письмо.

В третий раз за день.

— Фредерик, старый пьяница! Ты спятил, что ли?

«Государь, брат мой!

Прискорбная весть об аресте верного Нашего слуги и подданного, дворянина и многих орденов Кавалера, бывшего члена Королевского Совета полковника Андерса Сандэ Эрстеда ввергла Нас в сугубую тяжкую печаль. Дабы развеять ея, Мы не преминули вывести в море эскадру Нашу, коя ныне двигается Северным морем курсом вест. Сообщаем Вам, брат Наш Георг, что Мы не оставим желания Нашего лично извергнуть помянутого полковника Андреса Сандэ Эрстеда из узилища, ежели только воля Королевская Ваша не восстановит попорченную справедливость...»

— А ведь явится, я его знаю. И что нам теперь делать?

Его Величество подумал и выдал королевскую резолюцию:
— Д-дверь!
Георг IV тоже не любил поминать Дьявола прямым образом.

Сцена седьмая ЧЕРНЫЙ АРЕСТАНТ

1

— ...а Джейкобс и говорит: сказки все это! Пять лет в Ньюгейте служу, из них три — в Гиблом. В одиночках дежурил, стерег душегубов перед казнью. За Особую отвечал, сто раз туда зааживал. Все отделение — назубок! А Черного Арестанта не видал. Байки!

Войдя в роль, кучер тюремной кареты грохнул кулаком по столу — да так, что жалобно задрезжали кружки с дымящимся флипом. Ухватив ближайшую, кучер в два глотка опорожнил ее и крикнул, утирая усы.

— Эй, Билли! — окликнул он наострившего уши писарька. — Сварганька нам добавку! И сам хлебни: в слякоть — первейшее дело. Доктор Ливси моей старухе рекомендовал, от насморка.

И продолжил рассказ:

— ...А Хоган ему: одиночки — тьфу! Ты, мол, «всенощную» в Особой прокукуй...

— В Особой надзирателям дежурить не положено, — перебил кучера смотритель, отдав дань выпивке. — Только в караулке. Ну, еще в коридоре. А внутрь — ни-ни!

— Верно! — непонятно чему обрадовался кучер. — Ты в Ньюгейте давно служишь?

— Тринадцатый год...

Смотритель обиделся. Тоже мне, нашел новичка! Весной ему стукнуло пятьдесят лет, тридцать из которых он провел на государственной службе. То, что кучер четверть века сидит на козлах ньюгейтского экипажа, не дает ему положительно никакого права...

— Значит, Брикса ты не застал. Аккурат в Особой и сгинул, бедняга, в канун Дня Всех Святых. После этого и вышел запрет — внутри дежурить.

— Сгинул? — охнул писарек. — Арестанты прикончили?

За окнами ударил зловеющий раскат грома, и он едва не расплескал пиво.

— Ага! — осклабился кучер. — Арестант. Черный! Явился — и забрал. Только сюртук и остался: весь в пропалинах. Серой несло, будто дьявол примерял! Ну, сожгли, от греха подальше...

— Кого? Брикса?!

— Сюртук, дурила! Брикс, небось, и так в аду на сковороде пляшет...

Смотритель с писарьком дружно глянули на календарь, висевший в углу: убедиться, что до Хэллоуина еще далеко.

— Утром сменщик пришел — глядь: камера заперта, заключенные по углам трясутся, а Брикса нет! Стали душегубов пытать: куда надзиратель подевал-

ся? А те про Черного Арестанта лопочут. Один с ума рехнулся, его даже помиловали. В Бедлам отправили. Только Джейкобсу все нипочем. Давай, грит, биться об заклад! Ночь, мол, в Особой просижу, и черту в рожу плону.

— И что?

— Ты, парень, меньше болтай! Мы уж заждались. Или ты хочешь, чтобы нас простуда одолела? Глянь на улицу!

Сумрак за окном разорвала вспышка молнии. В электрическом свете струи ливня, хлеставшие по стеклу, предстали градом стальных игл, готовых пронзить любого, дерзнувшего высунуть нос на улицу. Олд-Бейли, куда выходили окна тюремной конторы, пустовала. Лужи кипели от дождевых капель, грязный поток бурлил на мостовой, прокладывая путь к канаве. Стенные часы, хрипя, пробили семь. Однако снаружи царила такая темень, что казалось: время близится к полуночи.

Один вид стихии вгонял в хандру.

Долив пива в котелок, нагретый у камина, писарек от души хлопнул туда джину, всыпал горсть сахара; разбил в «микстуру» три яйца. Достав из камина раскаленную кочергу, он взялся перемешивать флип. Кочерга шипела, над котелком вознеслось облако пара. Билли с натугой закашлялся.

— Дыши глубже, парень! — с удовлетворением констатировал кучер. — Будешь здоров, как дуб! И ром не забудь влить...

— Так что Джейкобс? — наемкнул смотритель. — Помнится, на пенсию вышел?

Он и под угрозой виселицы не признался бы, что обожает жуткие истории про призраков, бродячих мертвецов и Жеводанского Зверя. Отцу семейства, служителю закона с безупречной репутацией не к лицу такие увлечения. Но сердцу не прикажешь. Смотритель пристрастился к «weird tales» с детства — и до сих пор слушал их, замирая от сладкого ужаса. Когда день клонится к вечеру, за окном — мрак, и бушует гроза; когда деревья в отсветах молний тянут к окнам заскорузлые пальцы ветвей; и ты — в славной компании, уютно потрескивает камин, в руке дымится кружка с флипом...

О! Это лучшее время и место для страха.

— Пенсия? — кучер выдержал многозначительную паузу. — Ты, брат, в Манчестер ездил, когда *она* случилось.

— Вечно все без меня случается, — вздохнул смотритель.

— Видел бы ты Джейкобса наутро! Башку словно мелом обсыпало, колотит всего, как с перепоею... Икает, слова выдавить не может. Вот ему пенсию и назначили — по здоровью.

— А откуда он вообще взялся, Черный Арестант? — влез заинтригованный писарек.

Кучер открыл рот, дабы просветить юнца, но его опередили.

— О, это давняя история, — прозвучало от дверей.

Все трое, как по команде, обернулись на голос. В проеме, где еще миг назад никого не было, высилась мрачная фигура. За спиной пришельца шелестела стена дождя. По непонятной причине распахнутыми оказались обе

двери — и наружная, и внутренняя. Неужели их забыли запереть?! И куда подевался слуга, обязанный доложить о приходе посетителя?! Вместо ответа на эти, разумные до отвращения вопросы, полыхнула молния. Мертвенный свет озарил улицу. От ног гостя в контору протянулась длинная тень.

Смотритель перекрестился дрожащей рукой.

— Добрый вечер, господа.

Гость аккуратно затворил за собой дверь. Одежда его не отличалась разнообразием оттенков — черный фрак, черный жилет, черные панталоны. Туфли и цилиндр были словно вырезаны из угля. Лицо же поражало своей бледностью, резко контрастируя с нарядом. Глаза прятались за темными окулярами. Пламя камина играло в стеклах кровавыми отблесками.

С длинного зонта на пол стекали ручьи воды.

— К-кто вы такой?

— Извините, что не прислал заранее визитной карточки, — сняв цилиндр, черный человек поклонился. — Чарльз Диккенс, репортер. «Судебные хроники» заказали мне очерк о Ньюгейтской тюрьме.

— А разрешение? — смотритель громко икнул. — Разрешение на визит в нашу тюрьму у вас есть?

— Разумеется. Прошу вас.

Репортер извлек из кармана пакет, развернул его и достал сложенный вдвое листок плотной бумаги. Несмотря на английскую фамилию, говорил мистер Диккенс с сильным акцентом. Смотритель недоумевал: немец? Определенно, нет.

Русский? Магьяр?!

Вспомнились рассказы кузена о поездке к родственникам жены, окопавшимся в Трансильвании. Если верить кузену, в этом диком крае кишмя кишели жуткие вампиры. Внешность их полностью соответствовала облику репортера, заявившегося на ночь глядя.

«Подателю сего... Чарльзу Диккенсу... посетить Ньюгейтскую тюрьму...»

— Сейчас уже поздно, сэр, — смотритель вернул бумагу гостю. — Да и погода... Сами видите. Заходите завтра. Я с удовольствием проведу вас по тюрьме.

Насчет «удовольствия» смотритель покривил душой.

— Увы. У меня жесткие сроки. Очерк необходимо сдать до конца недели. Иначе я не вышел бы на улицу в такую грозу.

— Может быть, утром?

Но тут вмешался подлец-кучер.

— Возвращаться в чертову свистопляску? Да еще несолоно хлебавши! Эй, сэр, хотите горячего флипа? Билли, плесни рому в котелок! Мистеру Диккенсу надо согреться! Кстати, что вы там говорили о Черном Арестанте?

— Это вы о нем говорили, любезный, — уточнил гость с видом короля, милостиво снизошедшего к последнему из слуг. — Есть несколько версий легенды о Черном Арестанте. По одной из них, у Арестанта сегодня юбилей. Ровно два века с первого появления в Ньюгейте. Благодарю, юноша, вы очень любезны.

Рому писарек не пожалел. Или рука дрогнула? Так или иначе, но горячее пойло приобрело крепость, совершенно не предусмотренную рецептурой. Мистер Диккенс осушил кружку залпом, не изменившись в лице. И щеки его нисколько не порозовели.

— Теперь простуда мне не грозит. И я готов выполнить мой долг перед «Судебными хрониками». Кроме того, я собираю материал для книги. В ней будет глава о великих писателях, сидевших в вашей тюрьме. В свое время здесь томился Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо», а ранее — Томас Мэллори, создатель «Смерти Артура». Вперед, сэр! Думаю, это убедит вас пренебречь грозой...

Репортер бросил на стол горсть монет.

— Я вижу, ваше дело и впрямь не терпит отлагательств, — смотритель сгреб деньги в ладонь и поднялся из-за стола. — Идемте.

2

— ...Здесь — ничего интересного. Разве что эти слепки... Вы правы, идем дальше. Тут у нас караульное помещение. Все хорошо, Ричи, не пугайся! Это мистер Диккенс, он пишет очерк о нашей тюрьме.

Караульный вытаращился на посетителя, словно узрел привидение. Вид испуганного Ричи доставил зрителю удовольствие. Это оправдывало его собственную оторопь пять минут назад. В караулке они задержались: репортер выразил желание осмотреть коллекцию кандалов, украшавшую стены помещения. Кандалы «принадлежали» знаменитым преступникам — в частности, Джеку Шеппарду¹⁸ и Дику Терпину¹⁹ — и, несомненно, заслуживали упоминания в прессе.

Еще больший интерес посетителя вызвала толстая дверь из дуба, оббитая полосами железа. Репортер ощупал ее и подергал ручку.

— У вас все двери такие надежные?

— Разумеется! Ключи — у надзирателей. И у меня, — смотритель потряс увесистой связкой, висевшей у него на поясе. — Возможность побега исключена!

— Отрадно слышать. Злодеям не место на свободе. Продолжим?

Из караульной они вышли в коридор, мрачный и длинный. Шершавый камень, колеблющееся пламя фонарей, укрепленных на стенах, зыбкие тени в промежутках; снаружи — еле слышный шелест дождя. Коридор имел множество ответвлений, но все они были перекрыты дверьми или решетками. В одной из ниш сучал надзиратель, с которым смотритель обменялся приветствием.

— В нашей тюрьме четыре отделения, — гремя ключами, пояснил смотритель. — Женское; «школа» — там содержатся преступники, не достигшие четырнадцати лет; мужское и Гиблое — для смертников. Приготовьте зонтик: гроза не унимается.

¹⁸Джек Шеппард — знаменитый лондонский вор. Бежал из тюрьмы в Сент-Джайлс-Раундхаусе и Кларкенуэлле; дважды — из Ньюгейта. В итоге был повешен. Герой романа Дефо.

¹⁹Дик Терпин — разбойник, грабитель и убийца, разделивший участь Шеппарда. Герой романа Эйнсворта.

Сам смотритель также запасся зонтом. Надзиратель запер за ними дверь, и двое оказались перед воротами, ведущими в прямоугольный двор, обнесенный решетками.

— Это двор женского отделения. Здесь арестантки гуляют, когда хорошая погода. Какое отделение желаете осмотреть первым?

— Мужское.

Обычно посетители в первую очередь интересовались женщинами и детьми. Девушка или отрок за решеткой — пикантное зрелище! Ну и смертники, само собой. Однако у мистера Диккенса имелись свои приоритеты. Вряд ли Томас Мэллори и Даниэль Дефо отбывали срок в женском отделении!

— Следуйте за мной.

Вспышка молнии высветила бастионы грозowych туч. Потоки воды, словно расплавленный свинец, лились вниз со стен осажденной крепости. Тюремные дворы напоминали загоны для скота. Решетки, двойные и одинарные; тяжелые ворота, запертые калитки... От фундамента до крыш Ньюгейт покрылся сеткой резких теней. Казалось, безумец-художник разметил полотно картины множеством прямых линий — и задумался: кого бы поместить в клетки ада?

Колючий ветер выворачивал зонты наизнанку.

— Это и есть мужское отделение, — они пересекли двор и зашли в корпус, выходящий на Ньюгейт-стрит. — Здесь у нас общие камеры. Желаете ознакомиться?

— Желая. Какие преступления совершили арестанты?

— Большой частью — кражи и грабежи. Но попадаются мошенники, насильники... Всякой твари, хе-хе, по паре. Наш ковчег гостеприимен.

Прежде, чем отпереть камеру, смотритель кликнул двух надзирателей: отнюдь не лишняя предосторожность. Дверь, против ожидания, отворилась без скрипа — петли были хорошо смазаны. Надзиратель с фонарем в руке первым шагнул внутрь; за ним последовали остальные.

Скудость обстановки угнетала. Застиранные тюфяки висели на крюках, вбитых в стену. На полках лежали подстилки и одеяла. Узкая кровать старосты. Ледяной камень пола. Длинный дощатый стол, стопки жестяных мисок...

В камере обреталось два десятка заключенных. Большинство понуро сидело на скамьях, пялясь в огонь камина. Кто-то стоял возле зарешеченного окошка, глядя на буйство стихии. Еще трое бродили из угла в угол. Все повернули головы к гостям: кого это черт принес? При разнообразии одежд и возраста, было в узниках нечто общее. Угрюмое равнодушие наложило пожизненную печать на грешников.

Лишение свободы — меньшая кара, нежели эта. Однажды двери темницы откроются. Но сможет ли человек, как раньше, радоваться жизни?

Смотритель украдкой покосился на репортера. Тот с отменным хладнокровием разглядывал арестантов — как экспонаты в музее. Глаза мистера Диккенса скрывали стекла темных окуляров. Однако смотрителю почудилось, что посетитель изучает заключенных, отыскивая знакомого.

— Благодарю вас. Я увидел все, что хотел.

Когда они покидали камеру, в спины ударил хриплый шепот:

— Черный Арестант!

— Молитесь, джентльмены!

— Кому-то сегодня ночью несдобровать...

Смотрителя мороз продрал по коже. Он строго напомнил себе, что мистер Диккенс — репортер, собирающий материал. Что в среде преступников распространяются дикие суеверия. Однако он не слишком преуспел на ниве самоубеждения.

Заперев дверь, надзиратели вернулись на пост. Смотритель ждал: куда теперь пожелает направиться гость? Но мистер Диккенс медлил. Он глянул направо, в один конец коридора; затем налево, в другой — и неожиданно зашел. Голос у репортера оказался на удивление глубокий — с таким не в Ньюгейте, а в опере блистать!

Пел он по-немецки:

— Euch werde Lohn in bessern Welten,

Der Himmel hat euch mir geschickt.

O Dank! Ihr habt mich süß erquickt;

Ich kann die Wohltat, ich kann sie nicht vergelten...²⁰

Замолчав, репортер прислушался к эху.

— Что это? — испытывая неловкость, спросил смотритель. — Для очерка, да?

— Это ария Флорестана из оперы «Фиделио», — счел нужным пояснить мистер Диккенс. — Автор музыки — Бетховен.

— Голландец?

— Немец.

— О чем опера, если не секрет?

— История всепобеждающей любви. Некая Леонора, переодевшись в мужское платье, под видом слуги Фиделио пробирается в тюрьму, где по ложному обвинению сидит ее муж Флорестан. «Любовный треугольник», козни начальника тюрьмы — он хочет тайно казнить заключенного... Короче, в сумраке подземелий Леонора узнает мужа по голосу и спасает его в последний момент. Тут прибывает честный министр и воздает всем по заслугам.

— Странно, — удивился смотритель. — Я был о немцах лучшего мнения.

— В смысле?

— В тюрьму просто так не сажают! А если казнят — то по закону. Уж кому-кому, а немцам это должно быть известно!

— Действие происходит в севильской тюрьме, — уточнил мистер Диккенс. — Двести лет назад.

²⁰ Награда в лучшем мире ждет тебя,
Господь тебя послал мне в этот миг.
Ты жизнь вдохнула в грудь мою, любя;
Благодарю! Я вечный твой должник...

— Тогда другое дело. От испашек с итальяшками всего ждать можно.
Жаль только, что я ни словечка не понял...
— Ради вас могу на английском:

— Reward be yours in better worlds,
You have been sent to me by God.
Oh thanks, you've sweetly me refreshed;
Your kindness I cannot repay...

Репортер еще раз прислушался к эху.
— Продолжим осмотр? — удовлетворившись отголосками, предложил он. — Я, пожалуй, взглянул бы на отделение смертников.

3

Дождь по-прежнему лил, как из ведра, но ветер утих.
— Строение слева — тюремная церковь. Кстати, сэр, я живу в доме, который к ней примыкает.
— Не стану напрашиваться в гости, сэр. А в церковь я бы зашел, если вы не возражаете.
— Хорошо, зайдем на обратном пути.

Они остановились перед коваными железными воротами. Мистер Диккенс внимательно наблюдал, как смотритель отпирает замок. Наконец ворота с лязгом отворились. Коридорчик с тусклой лампадкой, еще одна дубовая дверь — и перед людьми предстало Гиблое отделение.

— Здесь имеется общая камера, «одиночки» — для тех, кто ждет исполнения смертного приговора; и еще — Особая. Для тех, чья судьба под вопросом. Вон она, слева. Особая, надо признаться, пользуется дурной славой...

— Там сейчас кто-нибудь есть?
— Есть. Но я не имею права распространяться об этом узнике.
— Понимаю, — кивнул репортер.

И разразился новой порцией оперы:
— Bewegt seh' ich den Jüngling hier,
Und Rührung zeigt auch dieser Mann.
O Gott, du sendest Hoffnung mir,
Dass ich sie noch gewinnen kann...²¹

Из Особой камеры донеслось в ответ:
— Die hehre, bange Stunde winkt,
Die Tod mir oder Rettung bringt!²²

²¹ Я вижу, что юность летит, как стрела,
И мне состраданье кричит: то она!
О Боже, надежда во мне ожила,
Быть может, мне истина в слове дана...

²² Великий и тревожный час грядет —
Спасенье или гибель он несет?

Голос заключенного не шел ни в какое сравнение с баритоном мистера Диккенса. Арестант безбожно фальшивил, компенсируя недостаток громкостью исполнения.

— Надо же! — изумился репортер. — Душегуб знает «Фиделио» в оригинале! Однако вокал удручает. Сэр, с меня достаточно. Нас ждет церковь.

В церковь смотритель вошел первым, подняв над головой фонарь. Здесь царил непроглядная темень. Церковь казалась едва ли не самым унылым местом во всем Ньюгейте. Свет фонаря, словно ножницы, вырезал из мрака фигуры — хлипкий столик перед алтарем, грубо сколоченную кафедру, зловещего вида скамью; в какой-то миг свет отразился от оконного стекла.

Решетки на окне не было — в храме сей атрибут сочли неуместным.

— Нерадостно, — буркнул репортер. — Окна выходят на улицу?

— Да. Вот, извольте видеть... Что с вами, мистер Диккенс?!

С репортером творилось что-то жуткое. Тело его сотрясли конвульсии, как в пляске святого Витта. Конечности дергались, словно у тряпичного озорника Панча — невпопад, каждая сама по себе. Лицо исказилось, превратясь в страшную маску. Лязгали зубы, на губах выступила пена.

«Черный Арестант! — обмер смотритель. — Ему заказан вход в храм Божий, вот его и корежит! Господи, спаси и сохрани!»

На подгибающихся ногах он попытался обойти исчадие ада. Но тут из глотки монстра исторглось шипение змеи, а следом — рычание зверя. «Псс-ся-я кр-р-рев-в!» — возопил Черный Арестант, вне сомнений, призывая Сатану, и протянул к горлу жертвы костлявые руки. На запястьях блестяли металлические браслеты — конечно же, это были кольца кандалов, какие Черный Арестант носил при жизни.

— Не надо, сэр, — попросил смотритель и лишился чувств.

Приступ у мистера Диккенса сразу прекратился. Далее он действовал быстро и целенаправленно. Убедившись, что смотритель жив, репортер без лишних церемоний сорвал с него куртку и шляпу. С неожиданной легкостью он взвалил обмякшее тело на плечо, отнес в угол за алтарем, чудесно ориентируясь в кромешной тьме, где и сгрузил несчастного в сундук подходящих размеров.

С чужой одеждой, фонарем и связкой ключей лже-репортер покинул церковь. Ему не понадобилось и минуты, чтобы справиться с замком на воротах Гиблого отделения. С дверью также не вышло заминки.

— Казимир, друг мой, это вы? Как я рад вас видеть!

— Тише, Андерс. Сейчас я вас освобожу.

Скрежет, шелчок, и Андерс Эрстед от души обнял князя Волмонтовича.

— Поторопитесь, — князь был смущен, но старался не подавать виду. — Наденьте вот это. На дворе гроза, вас не отличат от смотрителя.

— Что с ним?

— Обморок. У него слабые нервы. Идемте, я выведу вас.

— Как?!

— Увидите.

У выхода из отделения Волмонтович оглянулся, желая удостовериться, что не забыл запереть Особую, и узника не хватятся раньше времени. К сожалению, именно в этот момент отворилась наружная дверь, и в коридор шагнул надзиратель. Он отлучался по нужде, а теперь вернулся на пост.

Свет масляной лампы упал на лицо Эрстеда.

— Какого черта?!

Князь развернулся быстрее молнии, но его вмешательство не потребовалось. Кулак датчанина, двигаясь по восходящей, изо всех сил врезался в челюсть надзирателя, отправив того в глубокий нокаут. Малыш-Голландец Сэм мог бы гордиться таким апшеркотом.

— Занятия боксом пошли вам на пользу, — ухмыльнулся Волмонтович.

До церкви они добрались без приключений. Одежда смотрятеля вместе с ключами отправилась в сундук, составив компанию мирно почивавшему хозяину. Князь подтащил к окну тяжелую скамью, влез на подоконник и, дождавшись очередного раската грома, одним ударом плеча вышиб оконный переплет.

— Вперед!

Оказавшись на Олд-Бейли, оба бегом свернули за угол. Карета с погашенными фонарями ждала их возле пустынного рынка.

— Как вам удалось добыть пропуск? — поинтересовался Эрстед, вымокший до нитки.

— Исключительно за счет вашего обаяния, друг мой. Вы произвели на пана Ротшильда поистине неизгладимое впечатление. Когда я сообщил ему, в какое положение вы попали, он превратился в фейерверк денег и связей. К утру мы должны быть в Дувре — нас ждет корабль. Багаж укреплен на крыше, можете не беспокоиться.

Кучер, молча сидевший на козлах, едва заметно улыбнулся. Загляни кто-нибудь сведущий ему под шляпу — узнал бы в вознице личного секретаря Натана Ротшильда. Банкир не зря полагал, что Джошуа хитер и деликатен. Вот и сейчас молодой человек счел для себя честью лично выполнить поручение хозяина.

4

«Сегодня в Вестминстерском аббатстве хоронили верного сына Британии — Джорджа Каннинга. Осиротела не только семья покойного, осиротело правительство, чей кабинет он возглавлял. Напряженные труды и волнения последних лет подорвали здоровье великого человека. Все мы были свидетелями того, как он являлся в парламент, будучи тяжелобольным, невзирая на запреты врачей. Нет сомнений, что решающим ударом была диверсия на верфях Блэкуолла — взрыв, превратив в прах любимое детище Каннинга, в прошлом — казначея военно-морского флота, разорвал и сердце несчастного.

Кабинет нового «премьера-на-час», мистера Робинсона, волшебным образом превращенного в лорда Коудрича, рассыпался как карточный домик. Герцог Веллингтон, кандидат на еще не остывшее место, заявляет: восстановление броненосца «Warrior» под вопросом...»

«The Times»

«Палата общин рассматривает вопрос об установке памятника Джорджу Каннингу на Парламентской площади. Партия тори, к которой принадлежал усопший, разочарована «Актом об эмансипации католиков», проведенным через парламент герцогом Веллингтоном, новым премьер-министром. Назначенный особым распоряжением его королевского величества Георга IV, Веллингтон — противник реформ. Нынешний строй он считает наилучшим.

«Броненосцы? — сказал он нашему репортеру, который задал вопрос о блэкуолльской трагедии. — Ха! С помощью честного дерева и парусины Англия стала владычицей морей. А железо хорошо в виде штыков...»

Министр Хаскиссон возражает...»

«The Morning Chronicle»

— Я возражаю, — сказал Уильям Хаскиссон. — Категорически.

Он походил скорее на поэта, чем на министра. Возбужден, рассеян; волосы торчат в художественном беспорядке. Неуклюжесть Хаскиссона была любимой темой для репортеров. Садясь в карету или покидая ее, он трижды ломал руку, и один раз заполучил вывих стопы. Как при таком счастье он дожил до шестидесяти лет, оставалось загадкой.

Двойственная природа этого человека проявлялась во всем. Отличный финансист, блестящий политик, он не пренебрегал наркотиками, готовясь к публичным выступлениям. Когда же на званом обеде у лорда Рассела его упрекнули в злоупотреблениях, Хаскиссон без тени смущения заявил, что к помощи эфира²³ прибегали граф Ливерпульский, недавний глава кабинета, и лорд Каслри, министр иностранных дел.

«У меня есть достойные примеры!» — завершил он краткий спич.

— И все-таки, друг мой, я бы порекомендовал вам уйти в тень, — лорд Джон Рассел взял собеседника за пуговицу сюртука. — На время. Шум уляжется, жизнь войдет в привычную колею. Поверьте, ваш броненосец...

— Это не мой броненосец! Это английский броненосец, милорд! Если мы опоздаем, то не успеем оглянуться, как на морях станет хозяйничать Франция!

— Прошу вас, не кричите. На нас оглядываются...

— Дело не в броненосце! Дело в принципиальных реформах...

— Веллингтон полагает реформы путем к революции.

— Я объясню! Герцог поймет...

«Объясняй, старый дурак! — подумал лорд Джон, приятно улыбаясь. — Я надеялся спасти тебя. Но ты упрям, как осел. Хорошо, я умываю руки...»

Вокруг царила праздничная суета. Торжественное открытие железной дороги «Ливерпуль — Манчестер» взорвало жизнь двух графств — Ланкастера и Ланкашира. Войска и полиция с трудом сдерживали напор толпы. К осмот-

²³При реакции серной кислоты с этиловым спиртом выделяется опьяняющее вещество. После 1730-го года его стали называть эфиром. Ораторы, выступавшие на публике, использовали это вещество (ингаляционный наркоз) для поддержки вдохновения.

Упомянутый Хаскиссоном лорд Каслри покончил с собой; граф Ливерпульский умер от апоплексического удара. Поэтому фраза о «достойных примерах» звучит двусмысленно.

ру паровозов и зданий, где располагались залы для пассажиров, допускались редкие счастливицы — обладатели приглачительных билетов. О том, чтобы сесть в вагон, не могло быть и речи. Все места были распределены и пронумерованы еще месяц назад.

По слухам, четверть палаты лордов передралась на дуэли за право получить заветный номерок.

Ветер трепал флаги. Над головами кружились стаи ворон, делая посильный вклад в общий бедлам. Вагончики — красные, синие, зеленые, расписанные золотом и украшенные цветами — были похожи на миндальные пирожные. Два часа назад покинув Ливерпуль, состав стоял на станции Парк-сайд. Давать сигнал к отправлению не спешили. Ждали герцога Веллингтона — оставив головной вагон, он направился в ближайшее здание: привести в порядок одежду и выпить стакан лимонаду.

Смельчака, кто рискнул бы поторопить герцога, не нашлось.

Инструкция строго запрещала пассажирам покидать свои места. Но люди, сами составляющие инструкции и законы, склонны пренебрегать запретами. Оживленно беседуя, джентльмены разбрелись по рельсовым путям. Дамы, охая и ахая, рассматривали «ужасное чудовище» — паровоз. Их пугало все — труба, из которой валил дым, мощные колеса, обшитый деревом котел.

— Какой ужас!

— Какой кошмар!

— Я думала: вот-вот лишусь чувств...

— А где лошадка? — интересовалась самая сведущая.

Ей посчастливилось быть на состязании паровозов в Рейнхилле, где в числе участников фигурировала конная дрезина «Циклопед». Лошадь, спрятанная внутри корпуса от внимания судей, рысью бежала по эскалатору из дубовых пластин, приводя «Циклопед» в движение. К сожалению хитреца-изобретателя, при первом же испытании лошадь проломила эскалатор, явив себя возмущенным судьям, и сильно покалечилась.

Лошадь пристрелили, «Циклопед» дисквалифицировали.

— Лошадки — вчерашний день. Это «Нортумбриец», — разъяснял дамам инженер Стефенсон, по праву гордясь своим питомцем. — Он весит вдвое больше «Ракеты». Истинный Механизм Пространства, уверяю вас! Цилиндры расположены почти горизонтально...

— Цилиндры! — щебетали милые леди. — Адская машина!

Смущенный, инженер умолкал, но ненадолго.

— Кажется, друг мой, вы хотели что-то объяснить герцогу? — лорд Джон указал на Веллингтона, садящегося в вагон. — Поторопитесь, мы скоро тронемся.

— Благодарю вас!

Хаскиссон быстрым шагом направился к головному вагону. Втайне он опасался, что герцог не захочет его слушать. Разногласия Хаскиссона и Веллингтона не были тайной ни для кого, а упрямый характер обоих мешал компромиссу. Но в этот раз судьба благоприятствовала министру. Герцог встретил его вежливым кивком и жестом пригласил встать на подножку.

— Милорд! — обрадован приемом, начал Хаскиссон. — Уделите мне одну минуту...

Они являли собой удивительную пару. Никто не сказал бы, что видит ровесников. Высокий, по-солдатски прямой, в алом мундире фельдмаршала, украшенном крестом Марии-Терезии и орденом Золотого Руна — Веллингтон по сей день оставался моложав и подтянут. Таким его семнадцать лет назад изобразил Гойя. Впрочем, портрет Гойи привел герцога в возмущение. «Я что, идиот?» — спросил военачальник у художника.

Неизвестно, что ответил гордый испанец, но дело дошло до драки.

Рядом с новым премьер-министром Хаскиссон смотрелся уныло. Сюртук расстегнут, галстук сбил набок; шея в высоком белоснежном воротничке казалась вдвое длиннее обычного. Он суетился, пытаясь с пользой применить каждую секунду разговора. Как ни странно, Веллингтон слушал благосклонно. Он даже пожал Хаскиссону руку — публика встретила этот жест бурными аплодисментами, радуясь примирению старых противников.

— Осторожно!

— Пассажиров просим занять свои места!

— По вагонам!

Леди и джентльмены хлынули прочь. Со стороны Ливерпуля по второму пути к станции приближался новый состав, влекомый «Ракетой». Скорость движения ужасала — двадцать миль в час, вдвое быстрее почтовой кареты! В суматохе никто не обратил внимания на дикую ухмылку, искажившую лицо Веллингтона.

— Д-дверь!

Желтые, кривые зубы были готовы впиться в горло Хаскиссону. Черты герцога сложились в злобную гримасу. Рука еще крепче сжала руку собеседника. Напряглись мускулы под алым, будто кровь, мундиром. Шепот Веллингтона услышал только собеседник.

— Прощай, старичок! Goddamit! Встретимся в аду...

И Уильям Хаскиссон, человек, прославленный своей неуклюжестью, полетел на рельсы, под колеса «Ракеты». Общий крик ужаса испугал воронье. Машинист запоздало начал тормозить; «Доктора!» — вопил лорд Джон, издали наблюдая за трагедией. Дамы одна за другой падали в обморок. Начальник станции звонил в колокольчик, репортеры бежали к месту происшествия, доставая блокноты. Хаскиссона, еще живого, с раздробленной ногой положили на площадку «Нортумбрийца». Сам инженер Стефенсон, отцепив вагоны, повел паровоз с раненым — в Иклесс, ближайшее место, где можно было ждать помощи.

Инженер превзошел сам себя. Ему потребовалось менее получаса, чтобы преодолеть пятнадцать миль, отделявших Парксайд от Иклесса. Но подвиг Стефенсона не спас беднягу — к вечеру министр Хаскиссон скончался в доме иклесского викария. О, слава мира сего! — тщета имя тебе. Войти в историю первым человеком, погибшим под колесами поезда, Адамом железнодорожных смертей — сомнительное счастье, господа!

Сразу после несчастного случая Веллингтон, торопясь, покинул вагон. Те, кто заметил это, списали бегство героя Ватерлоо на душевное потрясе-

ние. К составу герцог вернулся лишь через десять минут. Он был спокоен и чуточку мрачен. Впрочем, он всегда был мрачен.

— Что случилось? — спросил Веллингтон, держа в руке стакан лимонада. — Хаскиссон? О, этот способен сломать голову на ровном месте... Почему мы не отправляемся?

АПОФЕОЗ

— Я доволен вашей работой.

— Бом! — согласился далекий колокол.

Лорд Джон встал из кресла и подошел к окну. Туман съел деревья парка, беседки, увитые плющом, фонтаны с мраморными нимфами; туман тянул щупальца к дому. Два дога бордосской породы гонялись друг за другом перед крыльцом. Притворно рыча и тряся брылями, они то скрывались во мгле, то вылетали из нее парой расшалившихся демонов.

Маленький, хрупкого телосложения, лорд Джон обожал могучих псов. Плутон и Харон платили хозяину той же монетой.

— Вы молчите? — не оборачиваясь, спросил лорд. — Вас не радует моя похвала?

— Радует, милорд, — ответил Чарльз Бейтс, скорчив такую гримасу, что радость улетучилась бы от одного вида его физиономии. — Вы довольны? Черт возьми, милорд! Вы просто скряга, если дело касается добрых слов. Я ждал, что вы придете в восторг. Что осыплете меня благодарностями. Я надеялся на скромное восхищение, деликатный экстаз, спич в мою честь. А вы всего лишь довольны. Д-дверь, моему счастью нет предела...

Сегодня мистер Бейтс был на редкость словоохотлив. С самого начала разговора, заняв место во втором кресле, рядом с хозяином дома, демонстративно протянув ноги к камину — сырые башмаки окутало облако пара — он давал понять, что находится в скверном расположении духа. А если его лордство раздражает поведение гостя, его лордство может по-быстрому рассчитаться за оказанные услуги — и разбежимся!

Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай²⁴!

Лорд Джон хорошо разбирался в людях. Не обладая умением менять личины, как почтенный мистер Бейтс, он с легкостью проникал за призрачные заслоны внешности. Мотивы, поводы — все это было для Джона Рассела механизмом, открытым взору часовщика. Вот и сейчас он ясно видел, что причина раздражения гостя — не хозяин. Причина лежала глубже, в иных областях. Лорд Джон готов был поклясться, что мистер Бейтс ревнует.

Так Плутон ревновал к Харону, когда лорд трепал за уши одного пса, забывая приласкать второго.

«Хотел бы я знать, кого погладил Эминент в ущерб тебе, — думал лорд Джон, изучая туман. Он словно ждал, что объект ревности выйдет из мглы

²⁴Начало стихотворения Д. Байрона, входящего в цикл «Стихи о разводе» («Fare thee well, and if for ever // Still for ever fare thee well»; 1816 г.). А. Пушкин взял эти строки в качестве эпиграфа к 8-й главе «Евгения Онегина».

и подаст лакею свою визитную карточку. — Кто этот счастливчик? Ваш патрон, мистер Бейтс — темная лошадка. На таких долго не ездят. Надеюсь, он простит мне мелкую, чисто человеческую слабость...»

— Один вопрос, друг мой...

Пальцы выбили на подоконнике барабанную дробь.

— Любопытство — порок, но тем не менее... Знаете, где я впервые столкнулся с вашим патроном? На званом обеде у Лукасов. Племянник сэра Уильяма только что вернулся из Индии и привез статуэтку — кошмарная идолица с гирляндой черепов на шее. В профиль похожа на герцогиню Мальборо. Лукас-младший клялся, что взял трофей в заброшенном храме, в джунглях, отбиваясь от толпы разъяренных фанатиков. Лжет, наверное. Купил в бомбейской лавке, и все фанатики. Но, знаете ли, ваш патрон уделил статуэтке самое пристальное внимание. Слово за слово, мы разговорились... А вы? Где вы имели честь познакомиться с Эминентом?

— На кладбище, — хмыкнул мистер Бейтс.

— Кладбище? — лорд Джон наморщил нос. — Фи! Какая грубая проза...

— А что, званый обед лучше? Как по мне, ничуть...

Мистер Бейтс не знал, что своим ответом подтвердил опасения лорда. Джон Рассел давно выяснил: когда с тобой откровенны, не стесняясь пикантных мелочей — берегись. Собеседник либо дурак, либо готовит каверзу. Откровенность — яд, расслабляющий тебя. Он всасывается в кровь, превращается в доверие, и ты уже беззащитен.

Еще до ответа лорд Джон был осведомлен, где состоялось знакомство этих двоих. Сразу после того, как Эминент представил ему мистера Бейтса, велел продемонстрировать свой талант, лорд дождался, пока многоликий оставит их, и спросил:

«Где вы нашли такое чудо?»

«Вы хотели сказать «чудовище», милорд? — рассмеялся Эминент. — Я нашел моего персонального Лазаря²⁵ там, где уйма чудес — на кладбище. Не верите? Хотите, покажу?»

Сперва лорд Джон не понял, что значит это странное: «покажу». Но ладонь собеседника легла ему на лоб, и Джон Рассел ослеп. Зрение вернулось к нему не сразу. Поначалу было жжение между бровями, и сон — ужасный, грязный, невероятный.

Гробозор был пьян. Он никак не мог справиться с крышкой. В тусклом свете фонаря гроб смотрелся убого — доски с заусенцами, щели, пустая табличка без имени.

— Позвольте нам! — не выдержал великан Ури. — Мы, правда, не можем понять: зачем тревожить могилу этого бедняги?

— Еще не знаю, — тихо бросил Эминент. — Но узнаю.

— Бл! — важно согласился гробозор, не без удовольствия выбираясь из потревоженной могилы. — Воля ваша, джентльмены. Не хотите, не поку-

²⁵ Эминент кощунственно проводит параллели с воскрешением Лазаря (Евангелие от Иоанна, 11:1-5).

пайте. У меня на мертвяков очередь — на три месяца вперед. Бк! А покойничек свежий, два часа, как закопали. Из Ньюгейта, торемная косточка. Убёг, значит — к нам, на приходской погост. Будете брать, или как?

Ответом был треск оторванной крышки.

— Герр Эминент! — Ури склонился над трупом. Ломик великану не понадобился: гроб он вскрыл одним рывком. — Да он третий день, как помер. Уже и почернел...

Гробозор хотел вмешаться, но рука в светлой перчатке коснулась его груди. Миг — и бесчувственное тело пьяницы сползло в свежую грязь.

— Вытащи его, Ури! — велел Эминент, морщась от гнилого духа. — Я не мог ошибиться. Тут что-то не так. Я это сразу почувал, едва увидел дороги возле кладбища. Не бойся, мой мальчик. Он не упырь. Здесь иное...

— Быть или не быть... вот в чем вопрос...

Губы двигались. Страшный холод уходил.

Чарльз Бейтс возвращался.

— Достоин ль смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление? — откликнулся незнакомый голос с легким немецким акцентом. — Хорошее начало новой жизни. Добавлю лишь одно: «Лазарь! иди вон». Я сделал все что мог, сударь. К сожалению, ваша... метаморфоза излишне затянулась. Кожа постепенно восстановится, но ваша, с позволения сказать, улыбка... Боюсь, она навсегда останется с вами.

Желтые клыки клацнули.

— Д-дверь!

В тот раз лорд Джон испугался не видения, не мистической силы собеседника. Он испугался откровенности. И сейчас лишний раз убедился: надо выходить из заколдованного круга. Рвать границу. Мистер Бейтс обожает цитаты из пьес? — хорошо!

Мавр сделал свое дело?

Мавр слишком много знает?

— Вот ваши деньги, — сказал он самым небрежным тоном, на какой был способен.

Тон являлся гарантией, что мистер Бейтс не обернется. В гордыне многоликого лорд Джон успел убедиться. Лишь старьевщики и ростовщики следят за выплатой, считая каждую монету и шевеля губами. Такие, как Бейтс, и не взглянут на презренный металл. Сколько ни корчи из себя вульгарного грубияна, сколько ни играй хама, гордыня все равно возьмет свое.

«Он из актеров или поэтов? А, какая теперь разница...»

— Бом! — согласился колокол в тумане.

Подойдя к столу, лорд Джон открыл ящик и достал шелковый кошелек. Глухое звяканье прозвучало неприятным диссонансом. Развязав шнурок, он высыпал на столешницу, рядом с чернильным прибором, горсть sovereignов — монет с профилем Георга III, слепого безумца.

— Как вы и просили, я плачу золотом, — он ненавязчиво подчеркнул слово «просили». В ответ мистер Бейтс засвистел фривольный мотивчик. — Ваша доля. Остальное я передам вашему патрону в назначенный день. Здесь сто соверенов, не беспокойтесь.

Рука лорда Джона нырнула в ящик и извлекла пистолет.

Пятизарядник работы Коллиера, американца-эмигранта, был заряжен с утра. К разговору лорд приготовился заранее. Оправдательная речь для Эминента («О да! Кинулся на меня, как бешеный! Это было ужасно, друг мой...»); раздражающая манера вести беседу, пять пуль, готовых поразить цель — все ждало назначенного часа. У лорда Джона имелась дюжина веских причин убрать «мавра», и еще один повод, в котором он не признался бы духовнику на исповеди.

Джон Рассел чувствовал, что загадочный колокол, терзавший его много лет, и мистер Бейтс как-то связаны между собой. Умри один, замолчит второй. И не надо со значением крутить пальцем у виска, намекая на камеры Бедлама. Лорд привык доверять своим предчувствиям.

Они еще ни разу не подводили.

Пальцы левой руки перебирали монеты. Звон шептал мистеру Бейтсу: не оборачивайся! Он и не обернулся. Даже когда ствол пистолета поднялся, и черный глаз уставился в затылок бывшего актера театра «Адольфи», Чарльз Бейтс остался сидеть. Но его чутье не уступало лордскому. Крысы из Тэддингтонской дыры живучи. Особенно — восставшие из гроба крысы.

В последний момент Бейтс с такой силой откинулся на спинку кресла, что упал назад — с грохотом, сотрясшим кабинет. Задребезжали стекла. Пастушка из фарфора подпрыгнула на стенной полке, свалилась вниз и превратилась в кучку осколков. У крыльца басом рывкнули доги. Вздрогнула каминная решетка — башмаки мистера Бейтса от души пнули ее прутья.

Быстрее молнии лорд Джон опустил пистолет и нажал на спусковой крючок. Он был храбрым человеком и умелым стрелком. Ему просто не повезло. Гость не случайно пнул решетку. Кресло на спинке, будто на салазках, поехало по скользкому паркету, сбивая прицел. Грохнул выстрел; вместо головы жертвы пуля угодила в плечо.

Рана вряд ли была опасна. А выстрелить во второй раз лорду Джону не дали. Извернувшись, Бейтс кинулся на своего убийцу («О да! Кинулся на меня, как бешеный!..»); прямо через стол, в броске напоминая хищного зверя. Желтые клыки лягнули у щеки лорда, невыносимо — плебейски! — тяжелое тело сбило хозяина дома с ног, отшвырнув к окну.

— Д-дверь... м-милорд, вы — подлец...

— На помощь!

Несмотря на колоссальную разницу в весе, лорд дрался отчаянно. Подмогу он звал, рассчитывая на сообразительность дворецкого. Утром дворецкий получил приказ: не пускать слуг в кабинет ни при каких обстоятельствах. Лорд не нуждался в свидетелях или пособниках. Он рискнул, полагаясь только на себя — и ошибся. Услышав вопль господина, дворецкий мог бы отважиться нарушить приказ.

Да и свидетели теперь оказались бы на руку: висельник покусился на жизнь вельможи, доказательств тому — масса, включая пострадавшую пастушку...

Увы, дворецкий медлил, или вовсе обедал на кухне, честно выполняя распоряжение: не мешать.

Сцепившись, противники катались по полу. Лапы Бейтса искали горло увертливому врагу. Забыв о достоинстве честного боя, лорд метко бил коленями, стараясь угодить ниже пояса. Дважды ему это удавалось. Наградой служил сдавленный хрип. Псы внизу лаяли, не переставая. Соверены золотым дождем сыпались на дерущихся. Пожалуй, окажись у Джона Рассела хотя бы кинжал, исход схватки был бы предreshен.

Но судьба распорядилась иначе.

— Goddamit! — мистер Бейтс случайно нашарил пистолет, валявшийся у ножки стола. — Ступай, отравленная с-сталь... п-по назначенью!..

И рукоять ударила лорда Джона в висок.

Очнулся он быстро. Голова болела так, словно череп превратился в кисель. В бок что-то давило; должно быть, закатилась пара монет. Во рту царил медный привкус крови. Язык нащупал пустое место, где раньше был зуб.

«Крепко мне досталось...»

Страх, вполне естественный при данных обстоятельствах, медлил явиться. Даже руки и ноги, связанные шарфами, не пугали. Чутье подсказывало лорду Джону, что добивать его не станут. Закричать? Позвать слуг?

— Станете шуметь, — предупредили от зеркала, — заткну рот кляпом.

Изогнувшись — в голове ударил не один, а сотня колоколов — лорд Джон увидел своего двойника. Рассел-второй любовался отражением. На двойнике красовался парадный мундир, ранее надетый на манекен — копия фигуры хозяина дома, изготовленная по специальному заказу, стояла в углу кабинета. Зеленое сукно; высокий, шитый золотом воротник...

Смотреть, лежа на полу, было неудобно — двойника перекрывал стол.

— Не думал, что вы решитесь, — двойник сипло расхохотался и застонал, держась за плечо. Кровь не пачкала мундир; наверное, мистер Бейтс успел сделать перевязку, или стянул края раны способом, доступным лишь ему. — Обычно те, кто делает гадости чужими руками, не способны на грязную работенку. Я в вас обманулся, милорд. Думаю, как и вы — во мне. По вашему замыслу, я сейчас должен был лежать мертвым. Д-дверь! Извините, не оправдал высокое доверие...

Мистер Бейтс снял с манекена шляпу.

— Я ухожу, милорд. Если получится, я уйду никем не замеченный. Если нет... Что ж, тогда вам придется найти объяснение для слуг. Вот нож, я оставлю его рядом с вами, — складной нож со стуком упал возле щиколотки Джона Рассела. — Не торопитесь резать шарфы или вопить во всю глотку. Не советую, да. Будет трудно растолковать окружающим, почему в доме завелись два лорда.

У дверей он задержался:

— Если хотите, милорд, можете лелеять планы мести. Но воплощать их в жизнь... Вы — умный человек. Вы поймете, отчего вам лучше навеки забыть

о моем существовании. Лучше для нас обоих. Полагаю, завтра меня уже не будет в Англии. Мой долг — сопровождать патрона. Прощайте, милорд. Вы и сейчас довольны мной?

— Да, — тихо, но твердо ответил лорд Джон. — Доволен.

Лицо двойника исказила знакомая ухмылка. Позже лорд Джон станет избегать зеркал. Ему, человеку с незаурядной внешностью, любимцу дам, всякий раз станет мерещиться, что отражение вот-вот оскалит желтые клыки, превращаясь в Чарльза Бейтса. Но это случится потом.

— Счастливо оставаться, милорд.

— Бом... — одними губами выдохнул Джон Рассел.

Меловые скалы Дувра — чудо из чудес.

«Ключи Англии» — так зовут их моряки. Ослепительная белизна мела встречает корабли, видимая с большого расстояния, и провожает их тоже она. Словно мириады снежинок, шестеренок Механизма Времени, сцепились в эти громады, местами покрытые темной зеленью. На закате солнце любит Дуврскими берегами, моргая уставшим за день глазом. Раскаленный зрачок, белок налит кровью, алые веки облаков опушены лиловыми ресницами — от глаза по воде бежала яркая, слезящаяся дорожка.

— Красиво, — сказал Андерс Эрстед. — Даже жаль уезжать.

— Ни капельки, — возразил князь Волмонтович. — Вот если бы вас повесили по обвинению в диверсии, тогда был бы повод для жалости. А так... Пан Ротшильд — очень умный человек. На его месте я бы тоже отправил нас в Китай. Или еще дальше.

— Говорят, в Китае вредный климат, князь.

— Ничего, перетерпим. Чем дальше от виселиц Георга IV, тем полезней для здоровья...

Четырехмачтовая шхуна «Виксен», принадлежащая Ост-Индской компании, разворачивалась в проливе Па-де-Кале. Двое пассажиров мирно беседовали в ожидании ужина. Скоро, очень скоро капитан позовет их к себе, пригласит за сервированный стол; стюард разольет бренди из графина, и начнется неторопливый, обстоятельный разговор о пустяках.

До Китая плыть долго — наговорятся всласть.

Великий Ветер, Отец всех ветров, спустившись из заоблачных высот, ласково погладил туго надутые паруса, похожие на груди кормилиц. И понесся вдаль, опережая хрупкие скорлупки кораблей, накручивая двойную спираль вокруг земной виноградинки, дремлющей в тиши. День за днем, год за годом, ускоряя бег стрелок часов — вперед, вперед, туда, где ждали оставленные до поры люди и события.

Люди могли подождать.

События — нет.

ВЛАДИМИР РОГАЧ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА

1

Т МОСКВЫ ДО РОСТОВА-НА-ДОНУ ОНИ ДОБИРАЛИСЬ поездом. Контора не сочла возможным раскошелиться на самолет. Но зато и поезд был не какой-нибудь «пятьсот веселый», как предсказывали скептики и пессимисты. Фирменный «Тихий Дон», чуть ли не с джакузи в каждом купе.

Группа Алексея Щербины насчитывала около сотни человек, отобранных неведомо кем по непонятным критериям, и съехавшихся в Москву со всех концов необъятной. Было еще несколько групп, и, если верить злым языкам, некоторые отправляли самолетами.

Сколько всего было групп, никто не знал.

За почти сутки пути Алексей успел познакомиться и сойтись всего с полудюжиной человек. Пребывание в одном из подмосковных пансионатов ограничилось курсом приема странных пилюль, не дававших заметного эффекта, и занятиями в тире. Прием и занятия производились под постоянным наблюдением серьезного дядьки с невыразительной физиономией. Потом участников Программы собрали, разбили на группы и — по вагонам! Общих знакомых тут почти ни у кого не было, так что упирали исключительно на общие интересы. Во всей группе нашлось человек пять записных балагуров, успевших достать всех попутчиков, включая случайных пассажиров, к Программе отношения не имеющих. Таких балагуров Алексей не любил и сторонился. В их «чертовой полудюжине» трое умели играть на гитаре, один — петь. Причем этот один играть не умел абсолютно. Звали певца Джамал, был он белокур и низкоросл, вспыльчив и отходчив до крайности, по-русски говорил с легким акцентом, зато пел на трех языках в совершенстве и без словаря.

Гитар на троих виртуозов было две, так что они поочередно менялись инструментами: Вадик и Сергей передавали шестиструнную друг другу, а Миша не давал свое сокровище никому. Отношения Мишки с его «джипсоном» вообще пахивали интимом — каждые пятнадцать-двадцать минут музыкант, закидывая серебряно-струнную красавицу за спину, удалялся, чтобы помыть руки с мылом. «Дабы не замарать гриф!»

Прочие трое, включая Алексея Щербину, восхищенно слушали и стыдливо подпевали Джамалу.

В Ростове всех будущих государственных преступников выпроводили из комфорта фирменных вагонов и погнали на расположенный рядом с железнодорожным автовокзал.

— Вам в Новочеркасск? — переспросила дама в окошке «Справочной» у куратора группы. — Тогда вам лучше на старый вокзал — там каждые полчаса рейсовые ходят. В один-то вы все равно не влезете.

Куратор — отставной полковник Петр Валерьянович Кудашев — отдал распоряжение добираться до старого автовокзала своими силами.

— Там стадион рядом, — мечтательно заметил безгитарный гитарист Вадик. — «Олимп». Сегодня как раз «спартачи» приезжают, будут наших воспитывать за ничью в том году.

— Полковник, мы на футбол успеем, да? — спросил безапелляционный Джамал.

— Два-три, лейтенант, — буркнул куратор. — Москвичи выиграют.

Лейтенантом Кудашев звал Джамала по той простой причине, что в «Программу» тот попал, после высшей школы МВД в Саратове, когда вот-вот уже должен был отправляться на службу в новеньких лейтенантских погонах. Вместо этого стал государственным преступником.

— Точно два-три? С этим можно идти в банк? — осведомился оказавшийся поблизости «всеобщий друг», имени которого Алексей не помнил, хотя в поезде парень подкатывал к их компании раз десять и каждый раз со всеми знакомился, попутно посвящая в подробности своей личной жизни. Подробности Алексей помнил, мог бы даже пересказать, а вот имя — ни в какую!

— С этим можно идти в зад, урка! — огрызнулся Кудашев, на дух не переносивший крылатые американизмы. — Короче! Слушай мою команду, гопота! Кого не будет на вокзале через час, буду считать коммунистами! По машинам!

Последнее означало: все на остановку и ждите трамвай! Трамваи в Ростове-на-Дону давно не ходили, поэтому уркам пришлось довольствоваться автобусами и маршрутками. Особо продвинутые брали такси.

* * *

На сотню своих «урок» Петр Валерьянович нашел, помимо рейсового, еще один автобус.

— Куда их? — спросил у Кудашева водитель.

— В тюрьму, — ответил полковник, окидывая взглядом будущих государственных преступников. — Им там самое место.

— Условники? — предположил шофер. — А то по радио неделю уже мушают и обсасывают. Правда, значит?

Полковник кивнул, не сочтя нужным снисходить до ответа.

— Нам еще повезло, что в Новочеркасск, — рассуждал кто-то рядом с Алексеем, умудрившимся занять сидячее место. — Говорят, одну группу в Таганрог отправили.

В Новочеркасске им нужно было Учреждение ИЗ-61/3. Тюрьма. Или, если правильнее — следственный изолятор. В Таганроге, как уже знал из разговоров спутников Алексей, была такая же тюрьма, но для малолеток — для тех, кому от 14 до 18 лет. Не срок — возраст. Наверное, их группе

действительно повезло. Но, заметив, каким взглядом кинул в знаток здешних тюрем Кудашев, Алексей в этом сильно засомневался.

По просьбе полковника, очевидно, финансово подкрепленной, оба автобуса, минуя автовокзал города-столицы донского казачества, проследовали прямо к металлическим воротам Учреждения ИЗ-61/3.

— Выходи по одному! — скомандовал Кудашев.

Дождавшись, пока все, кроме водителей, выберутся из салонов, полковник жестом отпустил автобусы.

— Так, урки! Слушай мою команду! Принимаем пилюли и подходим по одному ко мне, получаем оружие.

Два громадных чемодана, размерами похожие на средние гробы, оказались битком набиты пистолетами и коробками с патронами. Всю дорогу от Москвы никто их не охранял, но и не открывал. На виду стояли же...

«Пилюли» у каждого будущего государственного преступника были при себе, в небольшом флакончике. Принимать — по таблетке в сутки. Эффекта — никакого вроде бы, только глаза слезятся немного.

— Сейчас эта железная хрень отъедет в сторону, — указывая на ворота, сообщил Кудашев, после того, как все вооружились старенькими «макаровыми». — Заходите — и зарабатывайте себе «вышку». С этого момента вы — вне закона! Так что если те, кто здесь сидят, или те, кто их стережет, вас убьют, я жалеть не буду! Ни слезинки не пролью! Понятно?

Нестройный хор ответил в том смысле, что все понятно, начальник. Железная «хрень», предназначенная для пропуска автозаков, поехала в сторону, открывая тамбур перед второй такой же.

«По инструкции не положено, чтобы сразу обе были открыты», — догадался Алексей.

Теперь уже почти настоящие государственные преступники толпой двинулись к ширящемуся проему.

— Эй, полковник! — обернулся на ходу Вадик. — Как сыграют «спартачи»?

Кудашев, зачем-то придержавший паренька, в автобусе рассуждавшего о везении и разнице между поездками в Новочеркасск и Таганрог, посмотрел на гитариста без гитары и вдруг улыбнулся.

— Три-два, выиграют, — повторил полковник свой прогноз. — Иди, наводи порядок.

— Мы не мусор, не эка, мы — фанаты «Спартака»! — завопил Вадик и бросился догонять остальных, набивающихся в тамбур, рассчитанный на одну грузовую машину.

Знаток местных учреждений, обеспечивающих содержание под стражей, Кудашев за остальными не пустил. И пистолет отобрал.

Алексей в толчее все-таки умудрился передернуть затвор своего «макарова». У кого-то впереди получилось не так удачно — громыхнул выстрел.

На какое-то время заложило уши.

А потом тронулась, отъезжая в сторону, внутренняя металлическая «хрень», пропуская на территорию Учреждения ИЗ-61/3 города Новочеркаска вместо привычного автозака толпу ГОПов.

ГОП — сокращение от «государственный преступник».

Сейчас они станут ГОПами.

Сейчас...

Толпа эзков, неплохо осведомленных о творящемся снаружи, встречала их у ворот. Похоже, администрация решила «усложнить задачу». До Москвы доходили слухи о возможности подобных выходов на местах, но Контроль никаких мер не принимала, не возражала и якобы даже поощряла.

Эзки были вооружены чем попало. Ломы, лопаты, топоры даже. Почти у каждого — нож или заточка...

Алексей спиной чувствовал, что внешняя створка въездного буфера стала на место, отрезая путь к отступлению. Теперь только вперед — зарабатывать себе «вышку».

— Мочи козлов!

Крикнули одновременно двое — один из толпы напротив и один свой.

Эзки ринулись вперед. Между ними и было-то метра два. Кто-то из своих (Алексей никак не мог отделаться от этого «свои») успел выстрелить. Смести их не смогли только потому, что уж очень тесно было, и позади — металл ворот.

А потом они уже стреляли без отдыха, выпуская обойму быстрее любых нормативов. Главное было — не дать озверевшим эзкам завладеть оружием тех, кто погиб в первых рядах. А потом — выпустить все восемь пуль в толпу, поменять магазин, поднять второй пистолет (кому-то не повезло), и — стрелять, стрелять, стрелять...

Скоро во дворе ни одного эзка не осталось.

Их сотня не досчиталась человек двадцати. Не до переклички.

— А теперь — DOOM! — крикнул Джамал, перезаряжая свои пистолеты. — Мочи козлов!

«Им надо было задавить нас количеством сразу в буфере, — думал Алексей, перешагивая через трупы в однотипных робах. — Тупо задавить массой. Теперь же, как правильно сказал Джамал, будет DOOM. Будем бегать по коридорам и камерам — и doom-ать».

Один из одетых в робы шевельнулся. Алексей выстрелил в голову лежащему. Паля наугад, не знаешь точно, нашла ли хоть одна твоя пуля цель. Теперь же он свою «вышку» заработал наверняка.

Дальше была беготня по коридорам и этажам, «зачистка» камер... DOOM, короче.

Кое-где попадались трупы в зеленой форме с погонами. Без оружия — эзки старались уравнивать шансы.

Вся «операция» длилась около семи часов. Потом еще утром — контрольный заход.

Из их сотни в живых осталось тридцать человек.

В Учреждении ИЗ-61/3 из живых остались только бледные и, как один, пьяные солдаты и офицеры внутренних войск. Те, кому повезло. С этого дня здесь у них работы не было.

Вадика, с торчащей в спине заточкой, Алексей нашел утром, во время контрольного захода. И без зазрения совести расстрелял в спину троих ээка, притаившихся в кухонном блоке. Стрелял и кричал:

— Мы не мусор, не ээка, мы — фанаты «Спартака»!

Место, где убили Вадика, отлично просматривалось с вышки, на которой, мирно переговариваясь, стояли сразу трое в зеленой форме. Наверняка, ни один из них даже не задумался о том, чтобы спасти обреченного ГОПа, с пистолетом в руке расхаживающего по тюремному двору, отстреливая «ни в чем не повинных» ээков.

Наверное, их можно понять.

Алексей поднял ствол и хладнокровно, как в тире, «снял» всех троих прежде, чем те успели сообразить, что же происходит.

— Все равно мне — «вышка», — буркнул Щербина, направляясь к воротам. Сейчас, вопреки всем инструкциям, открыты были обе «хрени».

Снаружи ждал Кудашев.

— Зря ты тех, на вышке, — заметил отставной полковник, провожая Алексея до автобуса, где уже сидели те, кто остался. — Их зеленые товарищи могут ведь и в спину выстрелить. И им за это ничего не будет.

Алексей хотел сказать: «Знаю», — но вместо этого спросил:

— Как сыграли «спартачи»?

— Три-два, — ответил Петр Валерьянович. — Выиграли. Ты поэтому?..

— Мы — не мусор, — произнес Алексей. — Не ээка... Куда теперь?

— В суд.

— А этот?

Между автобусом и воротами бывшей тюрьмы потерянно бродил знаток местных учреждений с решетками на окнах. — Почему он не участвовал?

Полковник дал команду водителю закрывать двери и трогаться. Знаток так и остался снаружи.

— Он не подходит, — когда бывшая тюрьма скрылась из виду, ответил все-таки Кудашев.

— Почему?

— Потому что сразу из суда вы едете в Таганрог. Вам не повезло.

В Таганроге находится тюрьма для малолеток. Которым от 14 до 18...

Но сначала — суд.

Они заслужили свою исключительную меру.

О чем-то пел Джамал. Слов было не разобрать, но очень тоскливо. Подыгрывать было некому. Гитаристы Сергей и Миша остались там же — в коридорах, на этажах, среди трупов расстрелянных арестантов.

«Вышка». Или, если хотите, исключительная мера наказания. Приведено в исполнение на месте.

* * *

Руки у судьи заметно тряслись. Голос у этой женщины под пятьдесят, облаченной в черную мантию, тоже дрожал.

Алексея это удивило. Ей-то что? Эков жалко перебитых? Или конвоиров в зеленом, оставшихся без своей доли в передачах?

— Щербина Алексей Николаевич! — произнесла судья.

Вся их группа находилась в зале. Без наручников и конвоя, по-прежнему с оружием, которое, кстати, не мешало бы почистить.

Их фамилии называли в алфавитном порядке. Они поднимались и выслушивали типовой приговор. Фамилию Алексея назвали последней.

— Вы признаете себя виновным, Щербина?

— Да, — он даже кивнул зачем-то. И почему-то подумал, что когда-то судья была очень красивой женщиной.

— Суд признает вас виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 105-прим Уголовного кодекса Российской Федерации: «Убийство при отягчающих обстоятельствах, совершенное участником федеральной Программы «Государственный преступник». В соответствии с настоящей статьей, а также с Федеральным законом номер..., Указом Президента номер..., Постановлением Правительства Российской Федерации номер... — номера и даты принятия нормативных актов судья произносила невнятно, устав повторять их в тридцатый раз, — суд приговаривает вас к исключительной мере наказания — смертной казни. В соответствии с примечанием к статье 105-прим и статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание считать условным, с испытательным сроком, определяемым естественным ходом событий. Вам понятен приговор, Щербина?

— Да.

— Вы можете идти.

Алексей вдруг понял, почему дрожал голос судьи, почему тряслись ее руки. Женщина просто понимала, что сейчас он или кто-то из его — товарищей? подельников? — может убить и ее. И ему за это ничего не будет, убийце. Другой судья, прочитав несколько листов формального материала проверки, признает его виновным и так же приговорит к исключительной мере наказания.

Смертной казни условно.

Он — ГОП. Государственный преступник. Государство создало законы, которые нельзя нарушать никому. Но их нарушают — во все времена. Что оставалось государству? Создать класс преступников государственных — тех, кому можно нарушать закон на законных основаниях. Профессия у них такая. А других преступников быть не должно — и официально признанные государственные преступники противозаконными, естественно, методами вытесняют теперь своих «черных» конкурентов. Попросту, убивают их. И несут за это наказание. Исключительную меру государственного реагирования.

Условно мертвые.

— Я понял, почему нам все можно, да, — выходя из зала суда, сказал Джамал. — Мы трупы уже, условно-досрочно. А законы — они для живых. Нас

теперь даже убить нельзя — мы уже мертвецы, пусть и условно. Делай с нами что хочешь, только не надругайся, потому как статья!

— Жестокое обращение с животными? — предположил один из условных мертвецов.

— Надругательство над телами умерших и местами из захоронения, балда! — Джамал, закончивший с красным дипломом Саратовскую высшую школу МВД, отвесил бестолковому необидную, воспитательную затрещину. — А захоронены мы на Родине, так что над ней, как местом нашего условного захоронения, тоже никому не дозволено...

Перед зданием суда их ждал автобус. Ржавый «Икарус», на котором до Солнца не долетишь, хоть крылья из воска приделай, хоть турбины от самолета поставь. Так, только до Таганрога добраться, под которым, если верить Макаревичу, бескрайние степи. А в самом Таганроге — Учреждение ИЗ-61/2. Тюрьма для несовершеннолетних преступников.

Было не очень удобно из-за тряски, но Алексей разобрал обоих своих «макаровых» и занялся чисткой. Когда «практика» в тюрьмах и зонах закончится и начнется настоящая «работа», надо будет обзавестись стволом посOLIDнее. И не одним.

Запоздало пожалел о том, что не догадался подняться на вышку и забрать у убитых «зеленых» автоматы.

Ладно, успеет еще. Впереди долгая условная смертная казнь.

2

Доктора звали Лаврентий Павлович Корсон. Был Лаврентий Павлович ростом высок, сложением худ, глазами весел. Принимать Лаврентий Павлович изволили в отдельном кабинете, пациента заочно знали, обращались не без вежливости — по имени-отчеству, вели себя по-отечески.

— Присаживайтесь, Алексей Николаевич, дорогой! — радушно пригласил эскулап. — А я уже, знаете ли, заждался! Уже и не надеялся!

— Не дождетесь! — незло огрызнулся Алексей и зашелся в четырехкратном чихе. Редко имея дело с врачами, он определял состояние своего здоровья по числу «апчхи!», изданных подряд. Больше трех — пора ложиться в постель, поить себя горячим чаем и спать не менее двенадцати часов кряду — через трое суток любой недуг отступал.

Иных методов лечения государственный преступник Алексей Николаевич Щербина не признавал. Потому-то настоятельную рекомендацию полковника Кудашева посетить по прибытии на Объект доброго доктора Лаврентия Павловича воспринял сначала скептически.

Оказалось, напрасно.

— Да вы совсем расклеились, друг мой, — заметил сочувственно тезка всем известно кого. — Ну-ка, покажите мне глазоньки! Та-ак... Покраснение, зрачок заметно расширен... Будьте же вы здоровы четыре раза, Алексей Николаевич!

— Что со мной, док? — причихавшись, спросил Алексей. — Мне завтра в местный отдел идти, а в таком состоянии...

Государственному преступнику Щербине по прибытии на обслуживаемый Объект было предписано зарегистрироваться в территориальном органе внутренних дел, наладить взаимодействие...

— А я вам сейчас пилюли пропишу, Алексей Николаевич! — с улыбкой, достойной вегетарианца Айболита, заверил Лаврентий Павлович.

— А где их приобрести? — поинтересовался Алексей. — Я по состоянию здоровья еще не слишком влился в окружающий пейзаж. Не очень хорошо я еще ориентируюсь в вашем городе N, — добавил Щербина и наткнулся на недоуменный взгляд доктора.

— Вообще-то наш городок зовется иначе... — начал было Корсон, но, поняв что-то, смолк и лишь кивнул согласно. — Хотя, вы правы, Алексей. Пусть будет город N. Так, наверное, вам будет легче. Не населенный пункт, населенный людьми, а так — буква, даже не из нашего алфавита... А пилюли будете приобретать у меня. В аптеке таких не отпустят даже по рецепту.

— Почему?

— Нет там таких, — развел руками Лаврентий Павлович. — Только и всего.

— А если вас вдруг не будет, а пилюли кончатся? — обеспокоено поинтересовался Алексей, догадываясь, о каких пилюлях идет речь.

— Вы умрете очень неприятной смертью, — заверил доктор с прежней отеческой улыбкой.

И вручил пациенту пузырек, в котором обнаружился десяток красненьких горошин. Алексей без труда и без удивления узнал их — такими пичкали всех будущих ГОПов с первого дня приезда в Москву. Говорили, что безвредные, даже наоборот.

— Это наркотик? — спросил Алексей, принимая пузырек.

— Хуже, — без улыбки ответил эскулап. — Потому что никакого кайфа. Только ломка и мучительная смерть в случае попытки «соскочить».

— Зачем?

Лаврентий Павлович подвел Алексея к зеркалу. С той стороны на Щербину глянул замученный тип с красными, как у монстров в плохих фильмах, глазами.

— Должны же вы как-то отличаться от остальных граждан. Не удостоверения же вам выдавать, господа государственные преступники! При современном-то развитии печатного дела и копировальной техники...

Алексей проглотил красную горошину. Полегчало довольно скоро. Единственное что — глаза оставались красными и все время хотелось чихнуть.

Чихнул.

Один раз. То есть снова в строю.

— Будьте здоровы, Алексей Николаевич! — пожелал Корсон. От души пожелал. — Не забывайте, заходите.

Алексей пересчитал еще раз таблетки и кивнул. Всенепременно.

— Спасибо, док. Вы, кстати, за кого болеете? В футбольном смысле?

Лаврентий Павлович не без гордости достал из стола брошюрку, выпущенную перед памятным некоторым болельщикам матчем «Спартак» с «Реалом» в групповом турнире Лиги Чемпионов сезона 1998-1999 годов.

— Я был тогда на стадионе — мальчишкой совсем. Испанцы еще на предматчевой пресс-конференции хвалились, что приехали со своим шампанским — чтобы отпраздновать неминуемую победу. А мы их сделали... — доктор Корсон мечтательно закатил глаза. — 2-1. Из группы потом все равно не вышли, но какая память!

* * *

Когда Алексей чихнул, постовой — молоденький сержант, скучавший по внутренней стороне решетки на входе в отдел, — подскочил и передернул затвор своего «калашника».

— Тебе кого, мужик? — осведомился милиционер, подозрительно разглядывая посетителя. — Повестка есть?

— Мне отметить, — ответил Алексей, не отводя взгляда от впечатлительного сержанта. — Я — условник.

— Из этих, что ли? — буркнул постовой, нажимая красную кнопку на тумбе у входа.

Решетчатая дверь открылась, впуская Алексея в здание местного отдела внутренних дел. Сержант продолжал держать ствол автомата направленным в грудь красноглазому посетителю. «А ведь запрещено всякими ихними инструкциями», — подумал Алексей, мизинцем брезгливо отводя ствол в сторону.

— На предохранитель поставь, сержант, — посоветовал Алексей миролюбиво.

— С тормоза снимись, придурок! — прикрикнул тот в ответ. — Легко было детей в Таганроге и Азове мочить?

Отвечать на выпад Алексей не хотел. Тем более что в Азове, где располагалась колония для «малолеток», он не был. В Таганроге — да. И вспоминать это было жутко. Туда привезли остатки сразу трех групп — почти полторы сотни ГОПов.

Осталось двадцать девять.

Малолетние убудки оказались страшнее бывалых эков с тридцатилетним стажем.

— Тебя бы туда, сержант...

Такого не желают и врагу, но Щербина разозлился. Потому что этот мент ни хрена не понимает. Он не был там, где «дети» умудрились до прибытия ГОПов перебить администрацию и добраться до оружия... А остаткам трех групп об этом не сказали. Привезли, раздали патроны и показали, куда идти.

Вспоминая о том, что «дети» вытворяли с телами убитых и с еще живыми ГОПами, попавшими к ним в руки, Алексей не мог нормально заснуть.

И шутовской судебный процесс не помог, когда каждого из двадцати девяти признали виновным и приговорили.

Если бы можно было отмотать время назад и повторить — он снова поехал бы в Таганрог. И мочил бы недоносков с еще большим усердием.

— Тебя бы туда, сержант... Радуйся, что ты их перерос. Где тут самый главный начальник?

Выяснилось, что второй этаж и направо. На двери будет написано: «Примная», за дверью будет девушка за компьютером и еще одна дверь.

— Там сейчас совещание... ГОП!

Алексей чихнул и засмеялся.

Все правильно. Он — ГОП. Он — перепрыгнул...

* * *

Руководство отдела внутренних дел городка N приняло Алексея Николаевича Щербину радушно. На единственный чих, вырвавшийся у него во время официального представления, местное начальство дружно пожелало гостю здравствовать — и приказало долго жить.

Хватило семнадцати патронов.

На «огонек» заглянул кто-то одетый по гражданке, но зато с расстегнутой наплечной кобурой и волчьим взглядом.

— Давно пора, — похвалил волкоокий и протянул руку. — Я — Олег. Опер, если что.

— Алексей, — представился и «условник», пожимая показавшуюся каменной ладонь «опера, если что». — А девушка — кто?

— Начальник отделения дознания, — подсказал Олег. — Адамова Ирина Сергеевна.

— Я не девушка, — произнесла Ирина Сергеевна, брезгливо оправляя форменную куртку с майорскими пагонами, обильно заляпанную кровью соседей. — Я — сотрудник милиции.

Олег подмигнул Алексею.

Алексей в ответ высказал пожелание провести общее совещание. Да, не в этом кабинете. И где тут у вас изолятор временного содержания?

— На подвальном этаже, — сообщил Олег, помогая Ирине Сергеевне переступить через тело бывшего теперь уже начальника службы тылового обеспечения. Тело было огромно, а потому и помощь оказалась нелишней. — А собрание сейчас по «громкой» объявим.

Когда женщина вышла из кабинета, опер придержал Алексея за рукав.

— А ее почему не пришил? Думаешь, что такие не берут? Или рассчитываешь, что такие дают?

Алексей без злобы съездил Олегу по зубам. И объяснил. Ничего он не думал и ни на что не рассчитывал. Просто за те несколько дней, что обживался в городе, он успел послушаться всякого про местное милицееское руководство.

— Женских имен я не слышал.

— А если я тебя сейчас пристрелю, — поднимаясь и утирая разбитые губы, спросил Олег. — Мне за это ничего не будет?

Алексей кивнул.

— Сработаемся, — ухмыльнулся мент с волчьими глазами. — Ты сейчас куда?

— В прокуратуру, — пожав плечами, ответил ГОП. — А потом в суд.

Олег вызвался подвезти.

Алексей не стал отказываться.

В прокуратуре он произвел четыре выстрела, после чего отправился в суд. Там, пару раз чихнув, словно в подтверждение, доложил о своих последних подвигах и терпеливо выслушал привычный приговор.

— ... к исключительной мере наказания. Смертная казнь, в соответствии с примечанием к статье 105-прим и статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации — условно, с испытательным сроком, определяемым естественным ходом событий.

* * *

Собравшиеся в актовом зале менты смотрели на ставшего за трибуну ГОПа без особой приязни.

— А зачем тебе мы? — вопрос среди общего шума.

— Будете выполнять свою обычную работу и получать свою обычную зарплату.

— А если мы тебя убьем? Что будет?

— Будет другой такой же, — ответил Алексей.

Что отвечать на такие вопросы, им доступно объяснили в Конторе. Еще во время «производственной практики» в тюрьмах и зонах. Откуда взяться резерву, Щербина не представлял, но Конторе верил. Сказали — есть, значит — есть.

— А как вас отличать от обычных уголовников? — задал кто-то животрепещущий вопрос. И добавил: — Что в лес, что по дрова...

Алексей посмотрел дотошному в глаза. Увидев, что тот оценил зрелище, чихнул. Пилули Айболита-Берии полностью от чиха не избавляли — просто сводили к терпимому минимуму.

— А если найдутся умельцы, — не унимался дотошный, — которые станут подделывать? То есть, подделываться?

— А ты — согласишься? Знать, что тебя можно убить — и за это ничего не будет?

Некоторые задумались.

А потом Алексей спустился в изолятор и демонстративно «зачистил» камеры. Арестованных было много — потому как этапировать их с недавнего времени стало некуда.

Он не стал стрелять через окошки «кормушек». Открывал дверь, заходил внутрь и только тогда открывал огонь.

На предпоследнем кончились патроны.

Последний бросился на него с заточкой.

Алексей еще пару раз выжал спусковой крючок бесполезного пистолета, когда металлический штырь вошел ему в грудь слева.

— У меня кликуха — Каратель! —дохнул в лицо гнилью давно нечищеного рта жилистый уголовник. Весь торс и руки «Карателя» покрывала синь наколок. — Знаешь, почему, ГОП? Если бью, то насмерть!

Алексей еще удивился, отчего до сих пор не упал. Там же сердце... Или совсем рядом...

А потом просто ткнул изумленного Карателя пальцами в глаза. Когда уголовник взвыл и отскочил, выпуская свое оружие, Алексей достал заточку у себя из груди и ткнул наугад в шею вопящему арестанту. И еще раз. И еще...

И только потом упал.

В дверном проеме молча наблюдал за происходящим Олег. Фамилия у волкоглазого опера, как совсем недавно выяснил Алексей, оказалась смешная — Кошей. Не какой-нибудь Кошеев или Кошейский, а прямо как тот Бессмертный, что над золотом чахнет, пока вокруг пахнет русским духом.

— Моя-то смерть, может, и в яйце, — пробормотал Олег, вспоминая первую реакцию на свою фамилию корчащегося сейчас на полу ГОПа. — Но твоя точно — в утке! В той, что под кроватью.

И вызвал по мобильнику «скорую». Вообще-то, по всем инструкциям и приказам, в изолятор с телефонами нельзя. Но теперь-то уж что...

— Повезло вашему коллеге, — заверил прибывший через каких-то двадцать минут молодой фельдшер. Станция «скорой помощи» располагалась через дорогу от отдела, в двух минутах неспешной ходьбы.

Олег Кошей долго смеялся над определением «коллега», которым одарил чахоточного ГОПа местный эскулап. А потом объяснил, кто такой Алексей Николаевич Щербина. И почему у него нет и не может быть медицинского полиса. И почему помощь «коллеге», вообще-то, оказывать было не обязательно.

— По решению суда? — удивился служитель Гиппократы. — А как же не оказание помощи и все прочее...

Олег посоветовал лекарю осмотреть кабинет начальника отдела и камеры изолятора внутреннего содержания на предмет внесения субъективных корректив в «клятву Гиппократы».

— Вы ведь тоже присягу какую-то давали, — напомнил фельдшер.

— А я ее и не нарушаю, — пожал плечами Олег. — Ты поставь парня на ноги, он на них явится в суд, судья в очередной раз приговорит его к исключительной мере наказания...

— А зачем ты меня тогда вызвал? — возмущенный доктор решил перейти на ты. — Если он и так уже труп...

— Наверное, я некрофил, — ухмыльнулся мент. — Но парень мне нравится.

— Совет да любовь, — буркнул фельдшер, захлопывая дверцу реанимобиля. И увез объект обнаружившихся некрофилических наклонностей Кошея в БСМП.

— У одних смерть в яйце, у других — в конце... А у ГОПа — смерть без конца, а жизнь и вовсе — жопа.

В детстве будущий оперуполномоченный уголовного розыска Олег Игнатьевич Кошей баловался стихоплетством. Любимым поэтом его был Башлачев.

Башлачев выпрыгнул в окно в 1988 году.

Кошей перестал писать стихи в 2004-ом.

А тут вдруг накатило...

— Надо бы подальше от форточек открытых держаться, — напомнил себе Кошей. — А то просквозит, не дай бог, отскребай потом от асфальта...

Новый подход к работе, который появился с приходом в их город чихающего на все государственного преступника Щербины Алексея Николаевича, не мог не радовать. И не пугать не мог.

В курилках и кабинетах уже всю обсуджали, кого же ГОП завалит следующим. Перемальвали косточки отсутствующим, вспоминали грешки друг друга.

- Да что ж он — не человек, что ли?
 - Все мы люди, что в лес, что по дрова!
 - А если что — пулю в лоб, мать его...
 - Мы тоже люди! Жить хотим как все!
 - Притрется парень. А если нет, то протрется. До дыр.
 - Ага! Между глаз!
 - Между ушей у тебя дыра! Черная! Абсолютный вакуум...
 - Да сам ты!
 - Да все мы люди...
- Олег отошел от приоткрытой форточки. Во избежание.
А то очень уж поэтическое настроение.
— У одних смерть в яйце, у других — в конце...

3

— Жив, скотина? — ласково поинтересовался Кощей, заметив, что Алексей открыл глаза. — А то тебя уже выписывать собрались — со свидетельством о смерти и амбулаторным наблюдением на дому.

— У меня нет дома, — признался Алексей, одновременно то ли чихнув, то ли кашлянув. На тыльной стороне ладони, когда он вытер рот, остались кровавые мазки. — Я здесь пока угол снимаю...

Чихнул он пять раз подряд, чувствуя, как тело разбивает противная дрожь. Одновременно помутнело в глазах и зазвенело в ушах.

— И так вторые сутки, — сообщил Олег, подавая полотенце. — Чихаешь очередями, сопли и слюни кровавые во все стороны. Красный крест ума не приложит, что с тобой делать. Наиболее радикальные рекомендуют по-старинке попробовать кровопускание. Все равно, говорят, у тебя полиса нет. А нет бумаги — нет человека...

Олег говорил много и быстро — словно хотел излить все, что накопилось, а заодно — не дать вставить слово слушателю. Судя по щетине на лице Кощей, он не брился как раз пару суток. Наверное, над золотом чах.

- Будь здоров, говорю. Вы все такие болезные?
- Пилюли... в кармане... — попросил Алексей.

Олег засмеялся.

— Ага, карман в яйце, яйцо на зайце, а заяц — на крыльце... Чешет. Выбросили твои карманы в целях дезинфекции — там все в крови было. Оставили мне под роспись пистолеты и вот это.

«Вот это», по счастливой случайности, оказалось пузырьком с пилюлями.

Алексей вырвал у Кощея пузырек и торопливо проглотил один из красных шариков. Полегчало почти сразу — словно кто протер глаза и прочистил уши чахоточному ГОПу. Руки перестали трястись.

— Я спрашивал у местных Красных Крестов, что за монпансье у тебя — никто не знает. И этикетки нет.

Пояснительных надписей на пузырьке, выданном Лаврентием Павловичем, действительно не было.

— А почему — монпансье? — спросил Алексей, с удовольствием поднимаясь с пропахшей болезнью койки.

— На вкус похоже очень, — ответил Олег и чихнул. — На, держи, я тебе кое-какие шмотки принес. Поживешь пока у меня — под надзором, раз уж ты у нас условно осужденный.

— Поживу, пока — что? — втискиваясь в тертые джинсы, осведомился поднадзорный.

— Пока не сдохнешь, — был ответ.

* * *

Жить у Кощея Алексей не стал. Так, заходил иногда на рюмочку другую под душевный разговор. Олег чихал, жалуясь на сезонную аллергию, ставил что-нибудь из совкового рока конца 80-х — начала 90-х. Иногда брал гитару сам и пел свое. Петь Кощей не умел, о чем знал и в чем признавался заранее, словно извиняясь. Так же он извинялся, когда приступ чиха заставлял оборвать песню на середине.

— Амброзия отцветет, я тебе спою свои любимые... А пока вот послушай, — Кощей ставил «Калинов Мост» или «Аквариум» и доставал «ноль-пять».

А поселился Щербина в дежурной части ОВД. Поступал звонок по 02 — и он ехал с группой на место. Там наводил порядок — и в суд, на приговор, если преступника удавалось установить сразу.

Помимо круглосуточного и ежедневного дежурства ГОП участвовал в еженедельных плановых рейдах. Внеплановых не было давно — с тех пор, как ГОПы расстреляли поголовно областное Управление внутренних дел, указания «сверху» поступали весьма редко.

Когда объявили-таки общеобластную операцию «Мак», за Алексеем приехали местные представители комитета по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Долго и путано объясняли, в чем суть контрольной закупки, как и что надо будет делать...

— Я понял. Поехали.

Приехав на «цыганский поселок», комитетчики еще минут пять что-то «втирали» понятным и тем двоим, кому, собственно, и предстояло закупку производить.

— Хоть одной купюры не досчитаюсь — башку оторву! — вразумлял комитетчик «засланца». — Как в прошлый раз чтобы не дай боже!

— Да понял я, начальник! Я пошел? — спросил закупщик, не спеша вставать со своего места.

— Давай!

Комитетчик еще хлопал безмянного «засланца» по плечу, напутствуя не забыть включить микрофон, «как в прошлый раз», когда Алексей выбрался из тесной машины и приблизился к нужной калитке.

За спиной кто-то матерился вполголоса, а калитка уже приоткрылась, позволяя увидеть хитрый глаз молодого цыгана.

— Чего хочешь, красноглазый? — спросил цыган, кидая взгляд вдоль улицы в обе стороны. Машина комитетчиков стояла за углом, так что видеть ее он вроде бы не мог. — Чихать будешь?

«Они уже знают», — понял Алексей и пнул калитку, доставая из-за пояса оба ствола.

Внутри его ждали. А по улице отворились еще несколько калиток, выпуская вооруженных и одинаково хитроглазых мужчин и парней.

«Они знали заранее», — думал Алексей, начиная стрелять, и не особенно пытаясь укрываться от перекрестного огня. Наоборот, постарался стать так, чтобы быть между всеми — пусть дырявят друг друга.

За углом взревел двигатель, взвизгнули шины — но машина комитетчиков не вылетела на улицу, где шла перестрелка. Они уезжали.

«Подстава. Привезли, оставили, уехали. И этих предупредили заранее».

Мрачные мысли не мешали стрелять и менять магазины. Мешали приступы участившегося не ко времени чиха. И ведь пилюлю принял вовремя...

Очередной приступ бросил его на колени и согнул пополам, едва не заставив пустить две пули себе же в живот. А когда поднялся-разогнулся, последние противники падали, умудрившись наспиговать пулями друг друга.

Щербина собрал пушки посolidнее, сложил их в стороне, предваритель но разрядив. За ними он еще вернется.

Если будет здоров.

ГОП чихнул.

Кто-то пожелал ему быть здоровым. Кем-то оказался дед с орденскими планками на потертом пиджаке.

— Совсем от чавэл этих житъя не стало, парень. И дурью своей торгуют, никого не боятся. Красть, говорят, нам бог разрешил, а наркоту толкать — Комитет... Пошли, пособлю.

Орденосец на ходу заряжал вертикалку.

Алексей предложил добровольному помощнику взять что-нибудь из своих трофеев, но тот, брезгливо поморщившись, отказался брать хоть что-то «после их лап немых».

Улицу они «зачистили» за час. Старик подсказывал адрес, они заходили — и стреляли. Заходили — и стреляли...

— И ублюдков их вороватых — тоже! — кричал дед, ломая свою винтовку и вкладывая новые патроны. — Всех под корень! Я войну прошел не для того, чтобы они тут...

Орденосцу выстрелили в живот. Два раза. Он жил еще целую минуту.

— Ты только всех их, парень... Под корень... Два двора осталось всего...

Щербина зашел в оба. И в дома заходил.

Когда все кончилось, открылись калитки, в которых он не был.

Люди благодарили его. Говорили: «Спасибо», — и уходили. Даже старушка, рыдавшая над орденоносцем, сказала: «Спасибо».

Он зашел в каждый цыганский дом еще раз, прежде чем благодарные соседи их подожгли. Просто хотел убедиться, что убивал не зря. Убедился — не зря. Там все было на виду, хозяева никого не боялись и обо всем знали заранее. Даже о том, что сегодня никаких закупок и обысков не будет — просто придет один красноглазый чахоточный урод. Придет — один.

Свою фотографию Алексей нашел в трех адресах.

* * *

— А ты как думал? — удивился Кощей. — У нас городишко маленький, скорее даже большая деревня. Все всё обо всех знают. Такой вот симбиоз.

— Ты тоже знал?

— Я же опер. Пристрелишь меня теперь?

— Сам сдохнешь, — огрызнулся Алексей.

— Ну, давай по третьей.

Выпили по третьей. Не чокаясь.

Олег чихнул. По столу расплозились кровавые капли.

— Вот такая, блин, аллергия, — хохотнул Кощей и завалился со стула на бок, глухо ударившись головой об пол.

Алексей потрогал запястье и шею собутыльника, не нашел пульса, молча разлил по четвертой. Выпил свою, не закусив, накрыл вторую рюмку куском черного хлеба — Кощей предпочитал ржаной. Щербина подумал, мазнул сверху маслом и положил колечко того, что в здешних магазинах звалось сервелатом.

Простился с Кощеем молча.

Других друзей у него в этом городе не было.

И не надо было.

4

В дверь Алексей аккуратно постучал ногой.

— Как-то вы не вовремя, друг мой, — попенял Лаврентий Павлович, без боязни разглядывая направленный на него пистолет.

Выслушав историю о последних происшествиях, лишь пожал плечами. Мол, вы для этого и предназначены, Алексей Николаевич. В том смысле, что с некоторых пор у вас, в некотором смысле, такое предназначение... Да ладно, спрячьте вы свой пистолет!

— Если бы я поделился с Кошеем... с Олегом пилюлями — он бы выжил?

— Вы бы умерли оба, мой сентиментальный друг.

— Почему?

— Потому что есть лимит. Строго определенное количество «пилюль», рассчитанное на обеспечение существования одного государственного преступника. При любых условиях вашей дозы не хватило бы на двоих.

Ваш приятель был обречен. Кроме того, вас приучали, постепенно увеличивая дозу на подготовительном периоде, а он сразу — целую таблетку... Конечно, досадно, что людей губит любопытство, но что поделать?

— Докторов таких перестрелять, — предложил Алексей, глядя Корсону в глаза.

— Всех не перестреляете, Алексей Николаевич... Будьте здоровы!

— Спасибо, — кивнул Алексей, морщась от нестерпимого зуда в носу. — Кстати, мне тут недавно поведали забавную поговорку.

— На каждый чих не наздравствуешься? — угадал Лаврентий Павлович. —

В этом что-то есть... Будьте здоровы! Кстати, не забывайте про пилюльки!

— Не забуду, — заверил Алексей, забирая пузырек с очередным десятком «монпансье». — Забавные у тебя имя-отчество, док!

— Заведите себе девушку, Алексей Николаевич, — посоветовал неожиданно Корсон с сочувственной улыбкой. — Помогает.

— Рецепт выпишете?

Лаврентий Павлович рассмеялись и порекомендовали колонку «Знакомства» в любой из двух местных газетенки.

Алексей пообещал не преминуть. А потом взял такси и поехал на вокзал. Недавно звонил Джамал — звал в гости.

— А ты где? — спросил Алексей, радуясь знакомому голосу в трубке.

— Я зову этот город Урюпинском, — хохотнул Джамал, — потому как другого имени он не достоин. Но для тебя я вспомню название.

Как раз по маршруту «Город N — Урюпинск» Алексей Щербина и намеревался прокатиться. Других имен эти населенные пункты не заслужили, тут Джамал прав.

* * *

Улицы Урюпинска радовали пустотой. Не хватало пыльного ветра и папочки перекасти-поле — и готова декорация для вестерна.

А увидев Джамала, Алексей понял, что ветра и перекасти-поля не нужно — картинка и так полна.

Светлый длиннополый плащ, белая широкополая шляпа, клинтивудский прищур — все было на месте. Немного выбивалось из общего впечатления наличие сразу двух кобур, но технологии ведь не стоят на месте. С некоторых пор взводить курок свободной рукой стало не модно, да и опасно. А вот палить с двух рук — тоже опасно, но в другую сторону.

— Оценил, какой я хороший-плохой-злой, да? — сверкнул улыбкой Джамал.

— А где люди? — Алексей еще раз бросил взгляд по сторонам. Ничего не изменилось — та же декорация для вестерна, только без въедливой пыли и непоседливых сорняков. И — никого.

— А я их всех убил, — не переставая улыбаться, ответил Джамал, поправляя звезду шерифа на груди. — Теперь это во всех смыслах — мой город. Ну, теперь еще и твой. Заходи, гостем будешь! Не забудь белую шляпу и тапочки!

— Хорошие парни ходят в белых шляпах? — предположил Алексей. Джамал кивнул — мол, верно. — А тапочки зачем?

— Ну, когда-то и парни в белых шляпах не первыми достают свой револьвер, — пожал плечами хороший-плохой-злой Джамал. — Тапочки — чтобы потом не переобуваться.

Перекресток в двух кварталах от вокзала пересек автобус. Из ближайшего магазина выползла бабка-божий одуванчик, волоча неподъемную авоську с продуктами...

Алексей вздохнул с облегчением и убрал руку с кобуры.

Джамал довольно ржал и крутил револьверы на зависть великолепной семерке и всем хорошим-плохим-злым парням, не зависимо от цвета шляп.

— Я здесь лучший стрелок, да, — поделился новостью Джамал. — А ты будешь его краснокожий брат по кличке Выбитый Зуб!

— Почему это? — хотел возмутиться Алексей, но вышло неубедительно.

— Потому что красный от жары и злости. А фамилии ваше — Щербина — что как не выбитые зубы подразумевает? Так что давай, вождь краснокожих, вставь себе еще одно перо в задницу, и айда горькую глушить!

* * *

Они «дымили» второй день. Джамал аргументировал это тем, что напиться в дым ничем не хуже, чем раскурить трубку мира.

— Тут ведь главное что?

— Что?

— Дым и дружба! Так что дыми, мой краснокожий брат!

После затяжной экскурсии по «местам боевой славы», во время которой от их пьяного дуэта никто не шархался, чего Алексей подспудно ожидал, стало очевидно, что на улицах нет людей в форме.

— А! — отмахнулся Джамал. — Уже убрали всех. А то валялись на каждом углу, упыри красноперые... Я с них начал — государственный преступник может быть только один.

Когда Алексей поведал, что со своими «красноперыми» сотрудничает, и даже дружил с кое-кем, Джамал долго цокал языком, сочувствуя слабому уму и по этой причине излишне доверчивому коллеге. А потом предложил поехать и устранить «оплошность».

— Они же тебе первые в спину ПМ воткнут!

Алексей вспомнил случай с наркокомитетчиками и согласился — воткнут. Но от предложенной помощи в «уборке мусора» вежливо, но твердо отказался.

— У меня друг был среди них. Кошей...

— Над золотом зачах? — предположил Джамал.

— Ты еще про иглу в яйце вспомни, — буркнул Алексей. И процитировал Кошеево творение о том, что у одних смерть — в яйце, у других — в конце... — А у ГОПа — смерть без конца, а жизнь и вовсе...

Джамал оценил, все понял и впервые стер улыбку с лица.

Следующую пили, не чокаясь.

За тех, кто в небе
 Торчит по пояс,
 Летает ветер,
 Грохочет поезд...
 И пишет повесть
 Застравший в тверди —
 О тех, кто в небе,
 За тех, кто в небе.

А потом Джамал привел Алексея к кому-то на квартиру, и много пел, и много пил, и плакал, и смеялся, и кричал, что «Спартак» — чемпион, и размахивал револьвером перед лицом такого же пьяного гитариста, не ко времени вспомнившего, что в последнем туре красно-белые бездарно проиграли самарским «Крылышкам», ведя 2-0...

— Засудили! Засудили их! — кричал Джамал. — Как нас — к исключительной мере, так и их. Сначала боковой не видит, что вне игры — вот тебе и первый приговор! И тут же второй приговор — левый пенальти! А оно-то ведь накапливается. Одна смерть — условно, вторая... А там и реальная придет. Засудили! Судью — на мыло!

— Но третий-то по всем правилам забили, — оправдывался гитарист.

А Джамал плакал и кричал, что правила — для всех! Кроме приговоренных к исключительной судьбе...

— Может, к исключительной мере?

— Все может быть.

* * *

— Помнишь этого парня? Ну, гитариста... — спросил Джамал и неуверенно пощелкал пальцами перед лицом, когда под утро ГОПы добирались домой. — Ва-ва... Валера? Вася? Ну, который в Новочеркасске!

— Вадик, — подсказал Алексей.

— Точно! — обрадовался местный Клинт Иствуд. — Вот ведь, зараза! Имени не помню, но с того дня ни одного матча «Спартак» не пропускаю, — Джамал помрачнел. — Даже шарф купил... На поясе ношу, чтобы не светиться — из имиджа выпадает.

И действительно, под ремнем с кобурами у хорошего-плохого-злого обнаружилась фанатская «роза» красно-белой расцветки.

— Так и живем, — вздохнул Джамал и пальнул в воздух. — Засудили нас. А ведь поначалу вели 2-0...

* * *

Проснулся Алексей у Джамала. Как дошли, не помнил совершенно. Оружие было на месте. Патроны — тоже. Значит, никого на мыло не пустили.

— Я вчера пел? — спросил немного помятый в области лица, но уже бодрый Джамал. — Плохо, — заметил в ответ на кивок. — Сорвался. Разрешите испустить кровью? Прошу считать меня...

Джамал не договорил, но Алексей просьбу все же выполнил. Досчитал до одного, проверил, убедился, что в глазах не двоится. После этого предложил помощь в искуплении. И тоже попросил себя посчитать.

Считать коллегу Джамал категорически отказался, предложив сразу отправляться «на охоту», без предварительной оценки имеющихся сил и средств.

Но и неспланированный, рейд прошел безрезультатно.

— Не осталось у меня ни одного преступника, кроме меня любимого, — жаловался на судьбу Джамал. — Они почти сразу закончились — как только я ментов пересчитал. А другие не высовываются. Как жить дальше, друг ГОП?

Скоро оказалось, что Джамал задает вопрос далеко не риторический.

— Знаешь, что будет дальше, Леша? — спросил хозяин простреленного точно над переносицей белого «стетсона». — Когда мы преступность поборем?

— А мы поборем? — усомнился Щербина, с блаженством отдаваясь процедуре лечения пивом своего недобитого водкой организма.

— А ты не веришь? Газет не читаешь? Интернет там, телевизор?

Алексею стало стыдно. За новостями он не следил, считая, что это сродни слежению за модой. Все равно опоздаешь.

Джамал с готовностью взялся за просвещение погрязшего в быте товарища.

Оказалось, Программа работает во всю. ГОП-движение уже оправдало себя с лихвой.

«ГОП-СТОП! МЫ ПОДОШЛИ ИЗ-ЗА УГЛА...» — гласил заголовок на первой полосе протянутой Джамалом газеты. Солидной центральной газеты, между прочим. Алексей углубился в чтение.

«Представь, идешь ты по голой пустыне. Вокруг — ни ямки, ни холмика, ни деревца ни кустика, ни человека, ни зверя, ни ограды, ни строения... И вдруг из-за угла на тебя — танк! Что будешь делать?» Забавная задачка, не правда ли? Наверное, многие слышали ее в детстве. А современный нам криминальный мир России встретился с ней именно сейчас. Президентская программа «Государственный преступник», неожиданно поддержанная Правительством и Федеральным Собранием, оказалась для преступного мира даже не «танком», а тем самым «углом», из-за которого и вдруг... Совершенно абсурдное решение вековой проблемы — верное ли оно? Не лучше ли смириться — и оставить все как есть? Зачем нам в придачу к обычным преступникам еще и государственные?

Подобному противопоставляют подобное, клин вышибают клином. Да, все давно привыкли к коррупции в правоохранительных органах — от самых верхов до глубочайших низов. Прокуроры, судьи, высокие милицейские чины в заоблачных кабинетах и рядовые на улицах — все это давно прогнило и не уподобилось даже, а стало неотъемлемой частью преступного мира. К «щипачам», «форточникам» и «медвежатникам», грабителям и насильникам, контрабандистам и наркоторговцам просто добавились новые специальности: таможенники и налоговики, прокуроры и менты, судьи и УБОПовцы. И что можно противопоставить этой системе со строгой ие-

рархией, своими зонами и областями влияния? Врачей с учителями? Токарей и слесарей? Может быть, армию? Пополнить сложную структуру преступного мира новыми специальностями...

А как вам само словосочетание — «преступный мир»? Неужели — целый мир?

А если не объявлять преступности войну? Если противопоставить этому «миру» другой? Даже лозунг напрашивается: «Преступному миру — мир иной!»

И появляется федеральный закон, учреждающий особый класс — «государственных преступников». Тот самый клин, которым можно выбить преступность? Или «свинья» с бронированными боками, ступившая на хрупкий апрельский лед нашей реальности?

Они вооружены и, как один, очень опасны. Помните старый анекдот, когда молодой милиционер через полгода службы с удивлением узнает, что ему, оказывается, ежемесячно начисляют зарплату? «А я думал — дали пистолет, и крутись, как хочешь!» Так зачем же давать пистолеты таким правоохранителям? Дайте их тем, кто будет «крутиться» на пользу обществу, а не во вред. Государственным преступникам, не прикрывающимся удостоверениями и законами.

Они заведомо вне закона. Их не выберут в Думу, не допустят на высокие должности, не... Очень много «не». Хочется думать, что такое число минусов даст в итоге огромный плюс. Кое-какие мелкие плюсики все мы наблюдаем уже сейчас. Эти ребята — настоящие санитары наших «каменных джунглей». Давно не видно наглых рэкетиров, затаились торговцы «дурью», присмирели хулиганы, умерили пыл высокопоставленные расхитители, не ходят по домам мошенники. Да, стало больше убийств, но — государственных убийств. Там расстрелян известный «вор в законе», там — неизвестный, но совсем уж беззаконный вор. Не казнен, нет! Мы ни в коем случае не нарушаем мораторий на смертную казнь! Уже с 1996 года. А как же мы наказываем своих таких полезных убийц? Сурово. Мы приговариваем их к смерти. Разумеется, условно — мораторий есть мораторий...»

Алексей в сердцах смял газету и бросил под ноги.

— Не могу я читать такую чушь, Джамал! Демагогия бестолковая! И это — серьезная газета с миллионным тиражом! Представляю, что творится в «желтой прессе»!

— Ты представляешь, а я — читал, — усмехнулся Джамал. — Шекли со своими страж-птицами отдыхает, да! А про мораторий на смертную казнь — это правильно. Статья ведь не для нас вышла — а для западных крикунов, борющихся за права человека. Исполнение смертных казней в России приостановлено в 1996 году? Да! А как же ваши ГОПы? А что — ГОПы? Они преступники? Они и совершают преступления! Как врачи — лечат, учителя — учат, маляры — красят... Работа у них такая. А что к смерти приговорены поголовно — так условно же! В конце концов, все мы смертны...

— Ты меня убеждаешь — или западных крикунов?

— Я объясняю, зачем печатаются такие статьи, — Джамал брезгливо пнул скомканную газету.

— Не наше это дело — объяснять, — улыбнулся Алексей. — Учителя — учат, врачи — лечат, маляры — красят. А мы — убиваем. А объясняют это пусть те, кому это положено.

— Вот они и объясняют — те, кому положено, тем, кто не понимает, — кивнул Джамал. — Учителям, врачам... Военные одно время противились. Мол, если к ним, с их дедовщиной и прочими неуставными отношениями, ГОПов ввести... Там же все вооружены, мол, поубивают друг друга на хрен, обороноспособность страны будет безвозвратно подорвана.

— И что?

— Они были правы. Нет у нас больше армии. Только ГОПы, как мы с тобой. Готовься к иноземному вторжению.

— Или? — спросил Алексей.

— Что — или? — спросил Джамал.

— Ты ведь хотел сказать: или...

Оказалось, да, хотел. Или государство одумается и отменит государственным преступникам условное наказание.

— А кто будет приводить в исполнение? — усмехнулся Алексей. Наверняка ведь, ГОПы повсеместно начинали именно с потенциальных «исполнителей».

— А мы сами и будем, — обрадовал Джамал. — Объявят во всеуслышание, что ГОП-программа себя полностью оправдала, задачу выполнила, преступность поборола в полном объеме, пора ее сворачивать. Пусть ГОПы теперь друг дружку изводят, как неприятный пережиток темного криминального прошлого. Может, даже что-то вроде дуэльного кодекса введут. Будем плевать с четырех шагов и умирать от стыда.

Алексей почесал в затылке и вспомнил, что у него кончаются таблетки. Так что ему или возвращаться, или...

— Пошли к моему Айболиту, — радушно предложил Джамал.

Местного Лаврентия Павловича звали Сергеем Сергеевичем, в пилюлях «залетному товарищу» эскулап в категорической форме отказал и обещал жаловаться.

— Ябеда-корябеда, — вздохнул Джамал и пообещал Сергея Сергеевича пристрелить однажды, пусть не скоро. — А ты заезжай, Леша. Даже если введут дуэльный кодекс — заезжай. Лучше ты меня пристрели, чем какой-нибудь болельщик бело-голубых...

Бело-голубое «Динамо», формально считающееся обществом милицейским, не любить у них было больше чем две причины. Сразу тебе и «Динамо», и менты.

Алексей обещал, что застрелит в лучшем виде, и поехал на вокзал, чтобы отправиться по маршруту «Урюпинск — Город N». Других названий эти городки не заслуживали.

— Я вот думаю, — сказал, прощаясь, Джамал. — Знаешь, отчего мы бодем за «Спартак»? Не только в память о Вадике — мы его и не знали почти! — вскинул руку «урюпинский» шериф, не давая Алексею вставить слово. — Спартак был раб, которому разрешили сражаться, убивать — и побеж-

дать. Поднятый кверху палец дорогого стоит, если, конечно, палец — большой, а не средний. А мы — преступники, которым разрешили преступать закон. И тоже палец подняли — все в порядке! Так держать!

— А футбол здесь при чем?

— А сам не знаю, — улыбнулся Джамал. — Так, накатило. Прощай, Леша. Жаль, ты на гитаре не играешь, я бы с тобой спел. «Спартак» — чемпион!

Джамал натянул Алексею на голову свой белый «стетсон» и ушел, не оглядываясь.

Хороший-плохой-злой Джамал. Это его город. Не «урюпинск» безымянный. Город Джамала.

Вернувшись к себе, Алексей стал следить за новостями.

А потом заболел.

5

— Док, что со мной? — спросил Алексей, не спеша убирать ствол от виска разбуженного Корсона. — Ты лучше скажи, а то я выстрелю... Апчхи!

— ОЧС, — ответил Лаврентий Павлович непонятной аббревиатурой, старательно втягивая поглубже в плечи умную голову.

— Огромное человеческое спасибо? — пальнул наугад Алексей. Оказалось, мимо.

— Обостренное чувство справедливости, — поспешил объяснить доктор. — Не я придумал — из Центра формулировочка пришла. Это у вас вместо диагноза. Новости-то вас кто надоумил смотреть, друг мой? Стрелял бы себе спокойно местную шушера, век хлопот не знал. В Москву тянет, Алеша?

На то, что доктор перешел на ты, Щербина не обратил внимания. Потому что ГОПа действительно тянуло в столицу. Что тянуло? Ответ оказался пугающе прост и страшен, как поставленный Корсоном диагноз. ОЧС. Обостренное чувство справедливости.

— Почему, ты думаешь, наши политики не обзаведутся красноглазыми телохранителями?

— Забодаются «будьздороваться», — хмыкнул Алексей. — На каждый чих-то.

— А что бы ты делал, Щербина, окажись с тобой рядом теперешний министр, скажем, финансов?

— Чихнул бы — тот и обделался. А я ему — пулю в лоб, чтобы не мучался от конфуза. Мне — очередная смертная казнь пожизненно, ему — орден посмертно и торжественные проводы... Они этого боятся? Нынешние министры, скажем, финансов?

Корсон грустно кивнул.

— Будь здоров, ГОП.

— А я не чихал.

— А я — в общем. Будь здоров, ГОП. И знаешь что? Смотрел бы ты лучше мультики. Ну, и футбол.

Алексей обещал.

* * *

Мимоходом кивнув постовому на входе, Алексей поднялся на второй этаж. Осторожно постучал в знакомую дверь.

— Разрешите, Ирина Сергеевна?

— Ты когда убивать меня придешь, тоже сначала постучишься и разрешения спросишь?

— А есть повод? — удивился Алексей.

После поездки в гости к Джамалу, в отделе он бывал редко. А если и заходил, то пил чай в кабинете у гостеприимной Ирины Сергеевны, болтал ни о чем и уходил — ни с чем же. К начальнице местного отделения дознания, а теперь еще и И.О. начальника всего отдела, Алексей обращался неизменно на Вы, и почему-то жутко стеснялся чихать в ее присутствии.

— Тебя еще не спрашивают, как я в постели? — сразила его наповал вопросом в лоб товарищ майор.

— Так... я и не знаю, — чувствуя, что стремительно краснеет, промямлил Щербина.

— А ты объясни это всем остальным, — посоветовала женщина. — На общем собрании. А то личный состав волнуется: как же так? Сразу не пристрелил, значит, виды имел. Теперь не стреляет — значит, уже имеет.

— Что за бред! — возмутился Алексей, из последних сил стараясь не чихнуть. — Я же просто... Из уважения, не знаю... Ну, чаю попить...

— Зачем ты сюда ходишь, Леша?

— Хочешь, я их всех перестреляю? Тех, кто такое говорит? — спросил Алексей, из последних же сил стараясь не отвечать на заданный вопрос.

— За что? — удивилась женщина.

— Несправедливо это... — буркнул Щербина. — Болтают всякое... Дураки. Я пойду?

— Не надо никого убивать, Леша.

— Да нет, я просто — домой пойду...

Домой он бежал. С мыслью немедленно заняться колонкой «Знакомства» в местной прессе. Пока не случилось чего-то ужасного, вроде служебного романа с женщиной, которую не убил только потому, что никто о ней ничего не говорил. Или — потому что женщина? Или — потому что красивая женщина?

— Поубиваю всех! — обиженно шептал себе Алексей.

Как-то так вышло, что теперешняя его деятельность вроде бы напрочь убила в Щербине всякую романтику. И совет Корсона завести девушку Алексей воспринял с легким недоумением — как не очень удачную шутку. И тут — на тебе!

«Она ведь ждет, что я приду однажды и убью ее, — думал Алексей. — Она ведь меня боится. А это несправедливо! Только кого за это убить?»

Вариантов на ум приходило три. Ее. Себя. Всех остальных — чтобы не болтали, сволочи дурацкие! Чтобы...

Дома он смотрел футбол, пил припасенное заранее пиво и старался не думать ни о чем, кроме происходящего на зеленом газоне «Лужников».

— Зачем я сюда хожу? Да просто чаю попить! Не знаю даже... Да и нет у меня никого здесь больше, кроме тебя и доктора этого сволочного... Го-о-ол! «Спартак» — чемпион! ЦСКА — конюшня!!! Господи, о чем я думаю-то?

Под руку попался телефон, в котором было совсем немного номеров.

— Алло, Джамал?

— Да, дорогой! Рад, что ты позвонил, да! Я женюсь!

— Как — женишься? Ты же, вроде, сказал, что всех своих... того... Положил в первый же день!

— Кого? Каких — своих, Леша? Я женюсь, понимаешь? На девушке! Чистое золото! Спортсменка, комсомолка, да просто красавица! И стадо баранов за такую не жалко с холодильником вместе! Приезжай, друг! Свадьбу сыграем, да!

— Конечно. Хорошо. Поздравляю.

— Да ладно тебе, да? У тебя тоже скоро все наладится, мой краснокожий друг!

— С чего ты взял?

— Да у всех наших жизнь налаживается! — поделился Джамал. — Ко мне Кудашев, полковник наш, приезжал, рассказывал. Ты, кстати, к Бармалею своему сходи, он тебе все объяснит, — тараторил хороший-плохой-злой ше-риф «Урюпинска». — Хотя лучше подожди пару дней — сам все поймешь. А потом уж и ко мне приезжай — гостем будешь!

— Хорошо, я тебя понял. Футбол смотришь?

— А-то! Наши победят! Го-о-ол!

Алексей тоже орал, празднуя появление круглого в сетке. Но что-то мешало ему радоваться от всей души. Что значит — сам поймешь? Что — пойму? Перезванивать не стал.

Чувствуя себя набитым дураком, пошел и впервые за чудовищную прорву времени купил цветы. Розы. Белые. Адрес он уже знал — в дежурной части координаты всех сотрудников записаны...

— Меня встречаешь? Приятно, конечно, но я предпочитаю алые.

А вот девицу эту он раньше не встречал. И первым побуждением было спрятать букет за спину — не дай бог, отберет.

— Ты кто?

— Я — твой ангел. Меня Алиса зовут.

— А я — Алексей.

— А я знаю.

— Откуда?

— Я же ангел! — девушка пожала плечиками и задорно улыбнулась. — Я здесь по твою душу. В гости пригласишь, или так и будем посреди улицы торчать?

Сам все поймешь. У Бармалея спросить. У всех наших налаживается...

— Тебя Контора прислала? В жизнь мне налаживать?

— Ой, какой случай-то запущенный у нас! А твой доктор сказал...

Алексей молча обошел юную прелестницу и отправился по запланированному маршруту.

— Ладно, как хочешь. Адрес твой я и так знаю. Тебе чего приготовить, когда вернешься?

С первого взгляда девушка Алексею не понравилась. А обернуться и посмотреть еще раз он не решился. Потому что — а вдруг? Вроде бы только что решился на одно, а тут тебе такую свинью подкладывают... В смысле, девицу. В смысле, свинство это все! Убить бы всех! И Алису эту, гостью из будущего, и себя, и всех остальных — на всякий случай... Алые она предпочитает! Надо же...

Перед этой дверью он оказался впервые. Еще удивился, что нет звонка. Осторожно постучал.

— Это тебе, — проямлил Алексей, когда Ирина открыла дверь.

— Это все? Ты за этим пришел?

— Д-да... Нет. Я увидеть тебя хотел.

— Увидел?

— Я... не посмотрелся.

— А я больше ничего не покажу.

— А мне и не надо больше.

— Вот и уходи.

Дверь захлопнулась.

Алексей простоял еще минут десять, не зная, что делать дальше. Почему-то захотелось купить алые розы и пойти домой. Но возвращаться было еще и страшно. Мало ли, для чего Контора присылает к ним таких вот Алис? Может, это вместо предсказанного Джамалом дуэльного кодекса?

Но возвращаться было надо. Все-таки, дом.

— Ну, заходи, гоп, будем знакомиться, — приветствовала его девушка.

— Ты как в квартиру попала?

— Прицелилась хорошенько. Еще вопросы есть?

— Угу. Зачем ты здесь?

— Жизнь тебе налаживать буду. Или — в нее, как ты сказал. Это уж как получится, — заявила Алиса и подмигнула. — Розы мои где?

— А это были не твои розы, — возмутился Алексей.

— А я не про белые!

Вот так вот ему наложили в жизнь. Счастья — полную чашу. С этим нужно было что-то делать. Или не делать ничего? Жаль, что нельзя все решить парой точных выстрелов.

* * *

Алиса поселилась в его прежде холостяцкой квартире легко и непринужденно, будто вернулась на свое привычное место. Оказалось, что она умеет готовить, не переносит бардака в своем жилье, а что спит отдельно, так «ты только скажи».

— Тебя зачем прислали, Алиса? Только честно, — попросил Алексей.

Дело было на третий день после знакомства — пора уже было что-то прояснить. А то уборку капитальную под чутким руководством провел, горы мусора вынес, продуктами, которые сам бы ни в жизнь не купил, затарился — в соответствии со списком... А ясности — никакой.

— Опыты над тобой ставить, мышь белый, — ответила девушка, не отрываясь от готовки непонятно чего, но явно вкусного.

— Я не белый, — возразил Алексей.

— А почему глаза красные?

Возразить было нечего.

— Это блюдо — первый опыт?

— Второй, — ответила Алиса совершенно серьезно. — Первый был, когда ты меня к себе подпустил.

— А если сейчас выгоню?

— Момент упущен. Да и не готово еще, а сам ты не сможешь, — заявила гостья из будущего, продолжая помешивать ароматное нечто.

— Ну, вот все и прояснилось, — обреченно вздохнул Алексей. — Тебе специально готовили? Или как нас — набрали, таблетками накормили, и вперед — на баррикады?

Девушка отвлеклась от готовки.

— Ты не понял, милый? Я — гейша. Или, если хочешь — гетера. Твой товарищ — по найму.

— Проститутка, что ли? — попытался обидеть собеседницу Алексей. Может, момент еще не упущен — обидится и уйдет?

— Не надейся, — фыркнула гостья из будущего, правильно угадав намерения Щербины. — А еще раз такое услышу — уши оторву. Вместе с головой. Понял, чахоточный?

Алексей кивнул.

— Есть будешь?

Алексей кивнул снова.

— Вот и славно. Иди, мой руки.

Государственный преступник послушно направился в ванную. Пока мыл руки вспомнил то небольшое, что читал когда-то о гетерах и гейшах.

— А ты на лютне умеешь? — крикнул он, заглушая шум воды. — Ну, или там на арфе? Стихи, опять же...

На плечи ему легли легкие ладошки неслышно подошедшей Алисы.

— Массаж умею — эротический, — прошептала девушка. — А из стихов? А, вот! Уронили мишку на пол, оторвали мишке...

— Хватит, я понял.

— Вот и славно. Иди за стол.

* * *

Корсон визиту Алексея несказанно обрадовался.

— Ну и как вам, Алексей Николаевич? — спросил добрый доктор, вручая очередную порцию монпансье.

— Алексей Николаевич меня устраивает, а вот навязанное ему окружение начинает раздражать, — ответил Щербина, ожидая разъяснений. — Гостья из будущего эта — по вашему рецепту?

Корсон посмотрел на подопечного удивленно.

— Девушка вам не понравилась?
— Да нет...
— Так — да или нет? — настаивал доктор.
— Девушка ничего себе, но мне она зачем? — краснея, пробормотал Алексей.
— Ах, в этом смысле... Хорошо, подыщем вам молодого человека, — пожал плечами эскулап. — Честно, не думал, что вы, милейший Алексей Николаевич... Щербина молча достал пистолет и приставил ко лбу собеседника.
— А! — спохватился доктор. — То есть в этом смысле все нормально! Вот и славно.

Услышав «вот и славно», Щербина с трудом удержался, чтобы не выжать спусковой крючок до упора. Вот и славно — иди, мой руки. Вот и славно — иди за стол. Теперь вот снова — вот и славно. Так и хочется ответить: «Вот и славно — идите вы все!» — и открыть огонь...

— А можно еще парочку? А, доктор? — спросил Алексей, пряча оружие. — А захочу продлить — доплачивать надо?

— Шутите? Вот и с-с... — Корсон осекся. — Вот и хорошо. Все у вас наладится, Леша.

— Стерпится — слюбится?

— В некотором смысле. Разве плохо, когда рядом есть понимающее и любящее вас существо? Тем более такое, как Алиса Борисовна. Встретит, приласкает, все выслушает, все поймет, даже простит все, если вдруг что...

— Я бы предпочел собаку, — буркнул Алексей. Заметив, что доктор собирается что-то сказать, предостерег: — Лучше молчите. Я не в этом смысле.

Корсон не решился ничего сказать. Даже не попрощался — так, ручкой махнул. На улице Алексея ждали. Целая делегация.

— Молодой человек, у нас в районе воды нет третий день. Водоканал не чешется, в Администрацию ходили — от одного к другому гоняют, друг на друга валят...

— Хорошо, я схожу, — пообещал Щербина. — Повалю их друг на друга.

Водоснабжение наладили через три часа. Алексей как раз успел сходить в суд, потом домой — пообедать.

— Спасибо вам, молодой человек! Что б мы без вас делали!

Почему-то благодарности не радовали. Хотелось перестрелять просителей, но сдержался.

Алексей пошел в отдел. Сводка его мало интересовала. Просто там работала женщина, которая — не товарищ по найму, которая не готовит, не встречается, не приносит тапки и, возможно, не умеет делать эротический массаж, читая стихотворения Агнии Барто. Просто женщина, которую он хотел видеть.

Он как раз подходил к порогу, когда Ирина Сергеевна вышла, нет, скорее выпорхнула, села в ожидающий ее автомобиль нездешнего производства и укатила, не бросив на незадачливого воздыхателя даже случайного взгляда.

За рулем машины сидел солидного вида мужчина, на застывшем у края проезжей части Алексея не обративший внимания. В отцы своей пассажирке солидный мужчина очевидно не годился.

Щербина потянул из наплечной кобуры пистолет. Приговором больше, приговором меньше...

— А, вот и ты, что в лес, что по дрова! — хлопнул его по плечу один из оперов. — Идем, у нас в городе, похоже, маньяк появился!

— Я знаю, — произнес Алексей, провожая взглядом удаляющуюся иномарку. Ему и впрямь сейчас хотелось, чтобы именно этот тип оказался тем самым маньяком, чтобы... — Постой! Что ты сказал? Какой маньяк?

— Сексуальный! — хохотнул опер. Кажется, его Сергеем зовут, вспомнил Щербина — Кощей успел их познакомиться. Фамилия у него еще смешная такая... Что в лес, что по дрова. Точно! Полесов! Олег еще шутил, мол, что Полесов, что в дрова. Сейчас Полесов Сергей Сергеевич временно исполняет обязанности начальника отделения уголовного розыска.

— Два случая — как под копирку! — продолжал тараторить Сергей. — И зацепиться не за что, как на зло. Идем, будем думать, что делать!

Похоже, засидевшегося без работы опера радовала возможность заняться настоящим делом.

— А я вам зачем? — удивился Щербина. — Вы его поймайте, я его убью.

— Да мы его сами уьем! — отмахнулся Полесов. — Ты его поймай поможги, гоп. Телеграмма специально пришла — чтобы непременно тебя задействовать. Мол, у тебя на них нюх.

От обилия событий и подробностей у Алексея кругом пошла голова. Какой еще нюх? Какая телеграмма? Звякнуть Джамалу? Может, засада? И никаких дуэльных кодексов... Тогда чему мент так радуется?

На «совещание» собралось кроме Сергея и Алексея еще четверо. Двоих молодых, одетых в отглаженную милицейскую форму, Щербина видел впервые.

— Знакомьтесь, — сказал Сергей. — Это — Игорь, а это — Игорь. Не путай, гоп. Они только выпустились, сразу к нам. Смена подрастает!

Щербина пожал новичкам руки, представился.

— Ты, правда, гоп? — спросил один из Игорьков.

— Хочешь, пристрелю тебя, и мне за это ничего не будет? — поинтересовался в ответ Алексей.

— Хорош! — оборвал Полесов. — Дело-то серьезное, что в лес, что по дрова! А ты, Игорек, на его подначки не ведись. Ты тоже можешь его пристрелить, и тебе за это ничего не будет. Вася, бери Игорьков — и на место! Еще раз, все подробно, с каждым побеседовать, все осмотреть...

Вася тяжело поднялся, схватил растерянных Игорьков за руки и на буксире потянул к выходу.

— Николай, остаешься здесь, держишь всех в курсе! — продолжил командовать Сергей.

Николай кивнул и отправился в дежурную часть за пульт.

— А я вам зачем? — напомнил о себе Алексей.

— Не спорьте, больной! Доктор сказал — в морг, значит — в морг!

Щербина все еще ждал подвоха. Вот сейчас болтливый не в меру Сергей Сергеевич Полесов выстрелит ему в голову, и — все, как сказал доктор.

— Телеграмма нам пришла, гоп... Что в лес. Что по дрова! Можно, я тебя по имени буду? А-то как-то неудобно — гоп да гоп. Словно прыгать собираюсь. Алексей, да?

— Да.

— Так вот, Леша, телеграммка пришла относительно таких, как ты. Секретная, вообще-то, ну, да ладно. Вас рекомендуют, как собак использовать. Мол, у вас какое-то там седьмое чувство. ОЧС, кажется. Что это, кстати?

— Обостренное чувство справедливости, — раздельно проговорил Щербина.

— Ага, оно самое! — обрадовался Полесов. — Ни у кого больше нет, только у вас! Поэтому — в морг!

* * *

В морге их ждали судмедэксперт — женщина лет пятидесяти, и два трупа — девушки лет двадцати. Одна чем-то походила на Алису...

— Что скажете, Людмила Александровна? — бодро поинтересовался Полесов.

— Я тебе все по телефону сказала. Хочешь — сам посмотри.

— Я — не хочу, — ответил опер. И кивнул на Алексея. — Он хочет.

— Извращенец, что ли? — равнодушно поинтересовалась женщина.

— Не то слово! — хохотнул Сергей. — Ну, смотри, гоп! Что скажешь?

Алексей молчал. Вонь, стоявшая в помещении, вызывала рвотные позывы. Красивые когда-то, а теперь мертвые тела девушек вызывали желание сходить в суд. Как будто ты сам их... Пусть не убил — не уберег. А это то же самое, гоп. Потому что, зачем ты нужен, если такое осталось возможным? Они на твоей совести, гоп. И дежурный приговор, зачитанный дежурным судьей, уже не поможет и грехов не отпустит. Ты — виноват. Ты их убил. Ты...

— Эй, что с тобой? Александровна, помоги мне его на воздух вывести...

Похоже, Алексей все-таки потерял сознание.

— Экий он у тебя хлипкий, — услышал он голос эксперта, приходя в себя от резкого запаха нашатыря. — И болезненный какой-то. Зачем привел-то?

— Телеграммка нам пришла, — оправдывался Сергей. — Я думал у него и впрямь седьмое чувство. Кто ж знал, что он их лишится... О! С возвращением! Иди домой, гоп! Толку от тебя — что в лес, что по дрова.

Щербина потряс головой. Не помогло — словно какая-то муть висит промеж ушей. Муторное такое желание кого-нибудь убить. Нет, не разочаровано-болтливое Полесова и не молчаливо-равнодушную Людмилу Александровну. Девушку, вроде тех, чьи трупы лежат в морге. И ничего ему за это не будет. И это справедливо, он это заслужил. Он все сделал правильно, а потому заслужил безнаказанность и право на еще один шанс. Он уже провел местных ментов — почему бы не поводить за нос и местного ГОПа? О них столько говорят, пишут — но кто они такие? Да никто! Он — он лучше их. Он заслужил право быть таким, как они. Безнаказанным чистильщиком улиц, санитаром каменных джунглей...

Щербина продолжал трясти головой, не обращая внимания на Сергея и Людмилу Александровну. Не помогало — муть заполняла голову.

Убить. Ту девку, что объявилась недавно в доме ГОПа. Выглядит, как шлюха, сдохнет, как шлюха! И ему за это ничего не будет...

— Гоп, у тебя телефон звонит!

— С-слыш-шу... Да? Да, это я, Джамал. Не знаю, ш-што со мной. Болею я, Джамал. Обостренное чувство, мать его, справедливости. С-сейчас, подожди, я перезвоню. Сергей, поехали ко мне!

— Сам дойдешь, у меня работа, что в лес, что по дрова!

— Дурак! Это и есть твоя работа! Поехали!

Сергей послушался. Как потом рассказывал, интуиция подсказала. Про пистолет в руке шатающегося Алексея предпочитал не вспоминать.

* * *

Маньяк оказался какой-то совершенно несексуальный. Прыщавый, дурно пахнущий урод. После задержания Полесов хотел было «поучить» маньяка, но потом брезгливость взяла свое.

— Пристрели его, Леша! Смотреть же противно! Что в лес, что по дрова...

На кухне плакала перепуганная Алиса, совсем не похожая сейчас на уверенную в себе гостью из будущего. Рядом с задержанным душегубом стояли суровые Игорьки. Они тоже хотели «поучить» задержанного, но им тоже было противно.

— Вы идите, ребята, — посоветовал Алексей. — Квартирку его обыщите, вещдоки соберите. Заодно Васю проведайте, что там у него с рукой.

Васе задержанный прострелил руку. Из оказавшегося у него при себе «макарова».

— Ты ведь не соврал про адрес? — на всякий случай уточнил у душегуба Полесов.

— Н-нет... Н-не справедливо...

Маньяк оказался приезжий. И еще — Алексей знал его в лицо.

— Идите-идите, ребята. Я сам все сделаю.

Сергей поманил Игорьков на улицу, там они сели в машину и укатили.

Из кухни вышла успокоившаяся Алиса.

— Что ты на него смотришь. Пристрели уже — и все!

— Мне с ним поговорить надо.

— Признание будешь выбивать? — удивилась девушка. — Тебе мало того, что ты здесь застал?

— Иди. Мой. Руки, — раздельно произнес Алексей, не отрывая глаз от задержанного. — Я скоро вернусь.

Маньяк послушно поднялся и вышел вместе с Алексеем из квартиры.

— Тебя зовут как? — спросил Щербина, когда они оказались в подъезде.

— Тебе не все равно? — огрызнулся душегуб.

— Давно это с тобой?

— Что — это?

— Желание убивать. Это ведь не справедливо, когда мне и таким, как я, можно, а тебе — нет? Да?

Маньяк поднял на Алексея глаза. Красные.

— Нас тогда из Новочеркасска повезли в Таганрог, — сказал Алексей. — Так что нам не повезло.

— Я бы тоже поехал. Если бы знал, что будет так, поехал бы. И в Таганрог, и в Азов, и в детский сад, и в роддом. Если бы сказали, — горячо зашептал задержанный, цепко хватаясь за отвороты куртки Алексея. — Не убивай меня, гоп! Мы же из одной группы! Мне просто не повезло, но я могу тебе помогать! Ведь тебе все можно — не убивай меня! Никто не посмеет возразить! А вместе мы... И девка твоя — ты ведь сам ее ненавидишь, ведь так? Ее к тебе приставили, шлюху эту! Засланная девка-то! Хочешь, я убью ее для тебя? А потом я уйду — никто и не узнает, что ты меня отпустил. Тебе поверят на слово. А если и не поверят — тебе ведь все можно!

— Руки! — приказал Алексей.

— Что? Да, на!

Алексей снял с красноглазого урода наручники, заботливо оставленные операми.

— Я могу идти?

— Попробуй.

Это не было справедливо. Нужно было убить урода сразу. Но Алексей почему-то вспомнил про Дуэльный Кодекс, о котором шутил Джамал. Такой Кодекс обязательно появится скоро. Надо быть готовым убивать таких же, как сам, уродов.

— Давно это с тобой? — повторил вопрос Щербина.

— Сначала ломка — недели две, — ответил душегуб, настороженно следя за Алексеем и не спеша воспользоваться попыткой сбежать. — Чихал без перерыва, пока было чем. Потом просто ходил и кровью блевал. Похож был на ходячий труп. А то и не ходячий. Меня однажды подняли на улице и привезли в морг. Представляешь? А там — трупы, гоп! И я — среди них! Такой же, как они! Ну, я и воспользовался... пару раз. Мне понравилось. Это вам Контора девочек прислала, а про меня забыли! Разве это справедливо, гоп? «Макарова» я одолжил у мента, который пришел бумажки оформить. Навсегда одолжил. Я ведь все по справедливости. Я ведь такой же, как вы! Тебе не давать пилюли — ты станешь таким же! У тебя ведь есть с собой?

Алексеем надоел этот разговор. Он выстрелил. Говорливого убийцу опрокинуло на спину. Какое-то время он дергался, изображая посмертные судороги, но, поняв, что Щербина не верит, попытался вскочить.

Алексей разрядил всю обойму ему в лицо. Но даже после этого практически обезглавленное туловище продолжало дергаться. Мысль вогнать в сердце мертвецу кол, Алексей отогнал. Вышел на дорогу, тормознул первую же машину и вежливо попросил пару литров бензина. Водитель не стал спорить, увидев, с кем имеет дело, а узнав, для каких целей понадобился ГОПу бензин, решил не присутствовать при процессе.

Перезвонил Джамал.

— Как дела, мой краснокожий друг? Ты вроде как не в себе был. Что делаешь?

Алексей рассказал. В подробностях.

— А кол в сердце надо было, — сказал Джамал.

— Да нет у него сердца. Я проверял.

— А что есть?

— Пламенный мотор...

Джамал напомнил, что женится. Алексей обещал быть.

Потом его нашла Алиса. Осмотрела обгорелые останки, сказала: «Вот и славно», — и позвала домой.

— Я еще немного погуляю. Воздухом подышу.

— Только не задерживайся.

— Хорошо.

Мимо проехала знакомая иномарка. Рядом с водителем сидела знакомая женщина.

— Все справедливо, — сказал сам себе Алексей.

Алиса оглянулась, кивнула чему-то, напомнила, чтобы не задерживался, и пошла домой. Отвратительно воняло горелой плотью.

Алексей направился в суд.

Вонь никак не хотела выветриваться. Словно не кого-то сжег, а сам выгорел. И даже сердца внутри нет, чтобы кол вонзить.

В ту же ночь он переспал с Алисой.

6

Появление миротворцев застало Алексея Шербину в гостях у друга Джамала. Миротворцы дружно мололи белоснежными зубами жвачку, говорили «о'кей» и ругались не по-нашему.

— Гляди-ка, янки! — сообщил однажды утром Джамал.

Алексей глянул. Точно — прямо за окнами ГОПа развернулся военный лагерь. В центре заносчиво торчал звездно-полосатый флаг. Не натовский, а именно звездно-полосатый.

— Без боя взяли, гады! Ну, сейчас я им... И когда успели? Ночью, как воры, да! И никто не предупредил! Измена! Где моя большая пушка? Сейчас выясним, кто здесь лучший стрелок!

— Зачем, Джамал? Боишься, что найдут у тебя ядерное оружие?

Хороший-плохой-злой Джамал изумленно вытаращился на приятеля.

— Леша, у тебя хорошо с головой, да? Это война! Интервенция! Они же теперь так просто не уйдут! У нас же нефть, газ, люди! Это оккупация, Леша! Вся надежда на нас! Да?

Алексей выглянул в окно. Сопровождаемые парочкой местных, к дому, где обитал Джамал, бодро приближались морские пехотинцы армии самых соединенных в мире штатов. Один из сопровождающих ткнул пальцем на подъезд, второй что-то сказал, и оба ретировались, опасливо косясь на окна Джамаловой квартиры.

— Этих двоих первыми убью, — пообещал хороший-плохой-злой шериф «Урюпинска». — Вот этих прогоню, а потом...

— Ты теперь женатый человек, Джамал, — напомнил Алексей. — Им нужен местный ГОП — к ним выйду я. Закончатся пилюли, я тихо сдохну, и они уйдут. Вот увидишь.

— И что я скажу маме? Как Джамал будет смотреть в глаза отцу? Тебе не стыдно такое мне предлагать?

Снаружи на ломанном русском прокричали, чтобы ГОП выходил с высоко поднятыми руками, иначе...

— Это справедливо, Джамал. Так и должно было быть. Я думаю, Контора с самого начала знала, на что шла. Они своего добились.

— А мы, Леша? Расходный материал? Теперь америкосы будут на нас опыты ставить? Это справедливо?

Постучали в дверь, напомнили, что надо выходить.

— Я выйду, Джамал.

Миротворцы приняли Алексея довольно дружелюбно. Опыты сразу проводить не стали. Посадили под замок и пообещали, что скоро появятся те, кто будет говорить хорошо. И ушли, посмеиваясь, молотя челюстями жвачку, говоря «о'кей» и ругаясь по-своему. Оружие отобрали. «Для вашей же пользы». Пузырек с «монпансье» тоже изъяли. Кто-то из легкомысленных вояк сразу же попробовал одну из пилюль. Алексей не стал возражать, даже когда оставшиеся пилюли пошли по рукам.

Через два дня в лагере миротворцев слегли с непонятной аллергией семь человек: задержанный Алексей Щербина и шестеро морпехов, попробовавших пилюли. На третий день двое умерли. На четвертый день — еще двое. К вечеру пятого дня живым из всех заболевших оставался только задержанный местный. На утро шестого дня миротворческие силы бездыханный труп Алексея Щербины предали земле, а сами спешно отбыли восвояси...

— Вс-сех у-убью! — пригрозил откопанный Джамалом Алексей. — Н-на смерть!

— Справедливо, — легко согласился приятель и протянул Щербине знакомую пилюлю. — С ними по-другому нельзя. Как дети, да? Тянут в рот всякую дрянь, а потом болеют не пойми чем! Ты знал, да? Знал, что так будет?

Алексей чихнул.

— Хорошая штука иммунитет, да, — сказал Джамал. — Я все боялся, что они тебя кремируют. Куда бы я тогда пилюлей тебе вставлял?

— В урну, — ответил Алексей. — В погребальную... Ап-чхи! Ап-чхи! А-ап-чхи!

Вечером приехал полковник неведомых служб Кудашев в сопровождении доброго доктора Корсона.

— Жив, Щербина? — поинтересовался на всякий случай Кудашев.

— Я так плохо выгляжу?

— Как вам это удалось?

— Что — удалось? — в один голос переспросили Алексей и Джамал.

— Спугнуть янки.

— Они сами испугались, — признался Алексей. — Увидели, как я умираю, и испугались.

Полковник еще раз придирчиво осмотрел подопечного.

— Да, я бы тоже испугался. Все, док, он ваш. Чтобы через неделю был в строю! После этих американцев столько всякой швали распоясалось!

Алексеем занялся Корсон, бормоча, что «уже и не ждал», и удивляясь, и охая, и восхищаясь. Щербине на все это было начхать. По телевизору начинался футбол. «Спартак» играл первый матч в групповом турнире Лиги Чемпионов. Черт с ними, с этими американцами. Они даже футбол соккером зовут, гады нерусские!

* * *

Позже выяснилось, что американцы высадились не повсеместно и не особенно углублялись. Кое-где натолкнулись на вооруженное сопротивление местных, причем, не только ГОПов. Во многих городах туповатые морпехи так же, как в случае с Щербиной, наглotalись «монпансье» и умотали, напуганные неожиданной «эпидемией»...

А в новостях замелькали сюжеты о «русских зомби». И пугающие кадры с идущими навстречу выстрелам из М-16 существами, никак не желающими умирать. И не менее пугающие кадры с «зараженными» американскими солдатами, которых свои же милосердно добивают кольями в сердце.

— Они ведь бомбу сбросят, — сказал Щербина гостившему у него Кудашеву.

— Слабо им, — уверенно заявил полковник. — А вдруг не поможет? А вдруг это заразно? И миллионы «русских зомби» ринутся за границу? Слабо им.

Алексей задумался.

— А если и правда?

— Что? — не понял Кудашев.

— Ну, миллионы русских зомби. Чтобы всех посадить на монпансье это? Не ГОПов, а всех?

— Ты дурак, Щербина? — сочувственно поинтересовался Кудашев. — Да где это видано, чтобы все захотели жить по справедливости? Я, например, боюсь, потому и не принимаю эту дрянь, что вам выдают. И никто из больших шишек не захочет ни в жизнь. Это ж ему надо будет от всего несправедливо нажитого отказаться — представляешь, какая жаба будет душить какого-нибудь министра при одной только мысли о таком? Ради справедливости взять и разом от всего отказаться? За какие-то таблетки? Нет, Щербина, останетесь вы ГОПы одни такие. Никому больше это не надо.

— А нам?

— А что — вам? Вам уже поздно. И, слава богу, это не заразно, — Кудашев неумело перекрестился.

— А если я тебя сейчас укушу, полковник?

Кудашев засмеялся.

— Что смешного?

— Да пробовал один такой. Из ваших. Дракулой себя возомнил...

— И что? — заинтересовано спросил Алексей.

— А ничего! — буркнул Петр Валерьянович. — Как врал, так и вру. Как работал на говнюков, так на них и работаю. Нельзя, чтобы все жили по справедливости, Щербина. Ни в коем случае нельзя. Так что кусать нас бесполезно. Хочешь — локти себе грызи, Леша. Как вы были государственными преступниками, так и останетесь — преступниками. Ладно, врубай телек и тащи свое пиво! Оле-оле-оле-оле! Сегодня мы досрочно выходим в одну восьмую Лиги!

Полковник не ошибся. «Спартак» досрочно вышел из группы. Все было справедливо, и счет — по игре. Только жаль, что нельзя, чтобы во всем — так, чтобы по справедливости, и счет — по игре.

Счастливого и пьяного Кудашева Алексей и Алиса усадили на московский поезд.

— Зачем ты мне, Алиска?

— Массаж тебе буду делать. Эротический. Чтобы не думал о глобальном. Прав твой полковник — нельзя, чтобы все жили по справедливости. Потому что тогда все и впрямь станут как зомби. Это же страшно, Леша.

— А я не боюсь.

— А я?

— А что — ты? Зачем ты нужна?

Если Алиса и обиделась, то не подала виду. Во всяком случае, массаж был не хуже, чем раньше. И все остальное тоже. Только как-то без сердца. Так, пламенный мотор один. Бестактный.

* * *

Идея массового «зомбирования» населения захватила Щербину. Алексей стал частым гостем у Корсона, выпытывая, кто и где производит пилюли, возможны ли другие формы...

— Какие — другие формы?

— Ну, там: мази, уколы, микстуры...

— Свечи в анальное отверстие, — подсказал Корсон без намека на улыбку.

— Возможно? — спросил Алексей. — Пусть даже свечи...

— А еще лучше — порошок, да, Леша? И распылить с самолета. Или в водопровод запустить.

— Идеальный вариант, — кивнул Алексей.

— А я не поверил сначала вашему полковнику, — вздохнул Лаврентий Павлович. — Как вы не поймете, правдолюбцы...

— Да почему нельзя?! — вскинулся Алексей. — Почему нельзя, чтобы все жили по справедливости?! Я же могу! И Джамал может. И...

— А представь — все станут такими, — спокойно возразил добрый доктор. — Будут ходить и мочить друг друга за неосторожный чих.

— Да не будет такого!

— Вот и славно.

— Я завтра зайду еще? — уже от порога спросил разочарованный Алексей.

— Мы уже неделю это обсуждаем — и не сдвинулись с мертвой точки. Имеет ли смысл продолжать, Леша?

- А я новые аргументы найду.
- Ищите, — пожал плечами Корсон.

Щербина не стал хлопать дверью, хотя хотел. Перерос он уже подобные жесты. Когда под рукой есть пистолет и право его применить — зачем проявлять эмоции? Вот вам и новый аргумент отыскался — можно вернуться, приставить аргумент к виску доброго доктора и...

Он снова скажет, что нельзя, когда все по справедливости и счет по игре. Тот же футбол интересен не только игрой и красивыми голами. Где-то судья ошибся. А где-то и не ошибся. Вот вам и интрига. Где-то кто-то что-то не заметил, а в другом случае — наоборот. Вот вам и неожиданный поворот сюжета. Даже размеры поля везде только примерно одинаковые, но могут варьироваться в установленных правилами пределах. Покрытие, опять же, погода, часовые пояса. Фактор «своего поля». Вон сколько всего — и это только малая часть. А вы, любезный Алексей Николаевич, предлагаете вставить каждому свечу — вот вам и справедливость... Куда вставили, на том месте она и закончится, ваша справедливость, Леша.

Зашел в отдел. Впервые за долгое время.

- Так он из ваших был, что в лес, что по дрова? Маньяк этот?
- Нет, — буркнул Щербина, пожимая протянутую Полесовым руку.
- А сжег на хрена? — не отставал Сергей.
- А ты по какому поводу интересуешься?
- А вдруг тебя валить придется, — откровенно ответил опер. — Кол в сердце нужен? Соль там, чеснок...
- Только в терновый куст не бросай. Ирина Сергеевна у себя?
- Адамова? Укатила со своим Адамом. А ты по какому поводу интересуешься? — ехидно поинтересовался Полесов. — У тебя ж вроде есть...
- Сережа, руку отпусти, — посоветовал Щербина, уставший от назойливого пожатия.

— Она еще и номер телефона мобильного поменяла, гоп, — нахально глядя на собеседника, не унимался Полесов. — И рапорт на увольнение написала. Как же там обосновала? «В связи с переездом на постоянное место жительства в другой населенный пункт»! Вот!

- В какой?
- Я тебе дословно привел. Пристрелишь?
- Тебя?

Полесов отпустил ладонь Алексея.

— Что, так все серьезно? — спросил опер задумчиво. — Вот же, что в лес, что по дрова... Окрутила нам парня — и хвостом по будке. Следом поедешь? Справедливость восстанавливать? Я ж видел, как ты ей цветочки таскал. Как по расписанию. Мы с ребятами еще спорили — принесешь или нет. А ты — как штык. Вручил — и до свидания...

— Заткнись, Полесов, — попросил Щербина. — А то на дрова пуцу. В интересах справедливости.

Домой возвращаться не хотелось. Там ждала готовая на все Алиса. Боевой товарищ, можно сказать. Надзирающий орган, что в лес, что по дрова! Розы она любит алые! Ангел, мать ее, хранитель!

— Эй, гоп! — окликнул Полесов. — Рапорт-то ей не подписали! Сердце екнуло. Или что там вместо сердца у ГОПов. Пламенный мотор...

* * *

— Ты сам не свой, — сообщила, внимательно осмотрев Алексея, Алиса.
— Я вообще ничей.
— Что-то случилось? Памятник твой уехал, к которому ты регулярно цветы возлагаешь?

— Она еще не... Слушай, Алиса! Оставь меня в покое! Пристрелю ведь — и ничего мне за это не будет.

Девушка молчала ровно секунду.

— Пристрели, — сказала спокойно. — Это ведь справедливо, да?

Щербина задумчиво извлек пистолет. Передернул затвор. Сунул ствол в рот и выжал спусковой крючок.

* * *

— Довела, да? — раздался откуда-то сверху голос Джамала. — Человек почти неделю не в себе.

— Он просто без сознания, — ответил голос Алисы.

— А должен быть без мозгов, — заметил голос Кудашева. — Это ж надо — пулю в голову! Ну, подумаешь, «Спартак» проиграл...

Последнее замечание полковника добило Щербину. Как — проиграл?

Алексей попробовал открыть глаза. Получилось. Над ним волновался целый консилиум: Джамал, Алиса, Корсон, Кудашев.

— Живой, да? — встретив взгляд Алексея, спросил Джамал. — Так тебе и надо, дураку! Она виновата? — покосился на Алису. — Или «Спартак»?

— Сам, — прохрипел Щербина, с трудом поднимаясь. — Как я выжил?

Консилиум переглянулся. Потом все дружно пожали плечами.

— А кто знает?

— Есть версия, конечно, — смущенно морщась, произнес Корсон.

— Он теперь зомби, да? — радостно оскалился Джамал. — И я. И все остальные. Да?

Лаврентий Павлович кивнул, но тут же отрицательно затряс головой.

— Тогда вампир? Бог?

— Скорее, просто сверхчеловек. Не замечали за собой, Леша? Маньяка своего вы как нашли?

— Почувствовал...

— Во-от. И пули вас не берут. И чихать вы почти перестали, я ведь прав? Только когда в вас наделают дыр, несовместимых с жизнью. Одни глазки красные, но это ведь не мешает? И пресловутое обостренное чувство справедливости...

— Что теперь будет? — вставил слово Кудашев. — Если они все поймут, что больше не люди?

Да ничего не изменится, подумал Алексей. ОЧС. И все как прежде. Постепенно ГОПы станут чувствовать на расстоянии все меньшую несправедливость — и устранять. Потом они переосмыслят само понятие несправедливости. А потом будет, как со страж-птицами в рассказе Шекли...

— Можно просто перестать давать им таблетки, — сказал Корсон, и все на какое-то время замолчали.

— То есть пока они подконтрольны? — сделал вывод Кудашев.

— Пока — да.

Алексей встретился взглядом с Джамалом. В глазах хорошего-плохого-злого приятеля царило веселье.

— Я — Супермен! Представляешь, Леша? Скоро летать научусь! Если эти двое... — Джамал обратил внимание на Алису. — Трое. Если эти трое не посоветуют Конторе прекратить поставки пилуль! Какие будут варианты?

Зомби, вампир, бог, сверхчеловек... Алексею стало тоскливо.

— А можно — обратно? — спросил он у Корсона. — Обычным человеком?

Добрый доктор отрицательно покачал головой. И глаза такие — грустные-грустные. Честные-честные...

* * *

Со дня его неудавшегося самоубийства прошло десять дней. Джамал и Кудашев уехали. Алиса подумала — и зачем-то осталась.

— Зачем ты мне?

— Я — твой ангел.

— А я твой кто?

Алексеев пришлось обриться наголо — волосы на затылке, в месте, откуда вышла пуля, расти не спешили, а прическа с прорехой от пули выглядела слишком забавно.

Ирина Сергеевна никуда не переехала — Алексей застал ее на рабочем месте.

— В армию забирают? — оценив «прическу» Щербины, спросила женщина.

— В тюрьму, — буркнул государственный преступник. — Пора, говорят, от вас общество изолировать.

— А ты им что? — равнодушно, даже не глядя в сторону собеседника, задала вопрос женщина.

— Ты, правда, уезжаешь? Ну, если отпустят?

— А что меня удержит?

— Но ты же пока здесь...

Ирина Сергеевна внимательно посмотрела на ГОПа.

— Каково это — умирать? — спросила она неожиданно.

— Я не знаю, — признался Алексей.

— А какое право ты тогда имеешь убивать?

— А я давно уже... Никого. Повода нет.

— А если я уеду? Появится повод?

Ну, вот опять. Щербина задумался. Когда ладонь женщины осторожно коснулась его склоненной лысины, вздрогнул.

— Не уезжай, — попросил он.

— Почему?

— Это не справедливо, — ответил Алексей, понимая, что говорит чепуху, что не о том говорит.

— Почему?

— Ты — мой ангел, — буркнул он и с неприязнью вспомнил Алису.

— Я не проходила подготовку. И массаж эротический не умею... Да-да, твоя девочка приходила ко мне. Это ее работа — следить за твоим душевным спокойствием. Мне такая работа не нужна.

— Но я люблю тебя...

— И что? Я что-то тебе должна?

— Я стрелялся из-за тебя...

— А я не стану, Леша. Я взрослый человек. Мне не нужна любовь по справедливости. Мне человеческая любовь нужна. Я хочу просто жить. По-человечески, а не по справедливости. Поэтому я уеду. А застрелиться ты все равно не сможешь.

И она уехала. Алексей не стал пытаться узнать, куда именно, хотя Полесов, добрая душа, предлагал помочь с этим. Пусть. Что в лес, что по дрова... Это справедливо.

* * *

В городе Щербину стали бояться. На улицах люди шарахались. Он и впрямь стал чувствовать несправедливость на расстоянии. Кто-то что-то украл — Алексей шел, находил вора... Потом в суд — на приговор. Кто-то в поредевшей ряды администрации получил мзду за «услугу» — Алексей шел и восстанавливал справедливость. В одной из школ старшеклассник избил младшего...

— Убьешь, да? Все можно, да? — спросил получивший от ГОПа пару солидных оплеух пацан.

— Все можно, — кивнул Алексей.

— А почему мне — нельзя?

— Потому что ты — человек. А я — нет. Человек может быть или хорошим, или мертвым. Ты каким хочешь быть?

— Как ты, — ответил старшеклассник. — К вам еще берут?

— Ты не подходишь, — ответил Алексей.

— Из-за этого шкета? Хочешь, извинюсь? Сейчас поймаю его — и извинюсь. Хочешь? Тогда возьмете к себе?

Алексей все чувствовал. И сурового отца дома у этого молодчика, и спокойно-равнодушную мать, и младшего брата — любимчика родителей. Наверное, это тоже несправедливо. И парень готов сейчас убить их всех — и, похоже, убил бы, если бы знал, что за это ничего не будет. Но — не убьет. Потому что знает — придет Алексей Николаевич Щербина и восстановит справедливость.

— Не надо никого ловить. И к нам — не надо. И родители твои — хорошие люди, и брат тебя любит...

— А я их всех ненавижу! Понял, гоп?! Ненавижу!

Мальчишка убежал, размазывая по лицу постыдные слезы. Никого он не убьет.

А спустя еще несколько дней Алексей перестал чувствовать несправедливость.

Мертвенно-тихий город без происшествий. Никто не крадет, не берет взятки, не убивает, не насилует, не относится халатно к своей работе... Даже дорогу переходят только в положенном месте.

Словно что-то умерло. Словно умерло все. Все стали — как зомби. И все — по справедливости, и счет — по игре.

— Что-то не так? — как-то ночью спросила Алиса.

Алексей прислушался к себе. Встал, включил телевизор. Посмотрел новости.

— Не так, — ответил, наконец. — Там, — кивнул на экран, где показывали кремлевских деятелей. — Не так.

7

Корсон его ждал. И встретил распростертыми объятиями.

— В Москву? Надумал, наконец? Вот тебе три пузырька... — встретив растерянный взгляд «пациента», Лаврентий Павлович терпеливо разъяснил, что к «этому» готовились заранее, все предусмотрели, даже вариант с тем, что в столице всех ГОПов перебыют и придется выращивать новую популяцию исключительно на периферии.

— Государственный переворот? — предположил Щербина, забирая пузырьки с «монпансье».

— Статью шьешь? — как-то очень неинтеллигентно усмехнулся Корсон.

Алексей выстрелил дважды. Потому как прагматичные правители вроде Корсона — тоже не лучший вариант. Особенно, если они заранее все просчитали. Преступники они, самые обычные. Антигосударственные.

Пересчитал пилюли, подумал — и обыскал жилище доктора. Нашел еще один пузырек.

— Хватит...

Позвонил Джамалу.

— Мы пока на Казанском тусуемся! — ничуть не удивился звонку Урюпинский шериф. — Два дня ждем — и вперед! Подъезжай, друг! Как раз «Спартак» с «конями» играет послезавтра.

Алексей отправился на вокзал. Купил билет. Прикинул, порадовался, что на матч успевает...

— А кто теперь у нас за порядком будет следить? — спросил, прощаясь, начальник вокзала. Новый — прежнего Алексей застрелил.

— Я его навел. Следите сами.

И уехал. Есть такая штука — ОЧС.

Обостренное чувство справедливости.

— Белье брать будете? — спросила проводница. — До Москвы? Алексей согласился. Сначала возьмем белье, потом — Москву. Соседи по купе оказались милейшими людьми. Все, как один, красноглазые, и хвалятся своими пушками.

* * *

На Казанском вокзале Алексея встречал Джамал.
— «Спартак» — чемпион!
Их предупредили, чтобы не особенно высовывались и возвращались скорее. Их — остатки новочеркасской группы. Семь человек, включая Джамала и Алексея.
Из сотни.
Сверхлюди. Или — зомби?

* * *

С криками: «Спартак» — чемпион!» их великолепная семерка прорвалась к турникетам у входа на стадион. Лысый Алексей очень органично вписывался в толпу фанатов. А еще и глаза красные — вообще класс! Черт с ними, с переворотами государственными. Матч состоится в любую погоду, но — в точно назначенное время. А переворот подождет. Сегодня играет «Спартак» — и это важнее.
— Справедливо ведь?
Ну, что тут ответишь, когда чувство справедливости у тебя обострено до предела? Тут такой матч — и при чем здесь какие-то политики?
Первый переворот они пропустили. Досмотрели игру — и совершили второй.

* * *

Два государственных переворота менее чем за три часа. Похоже, «оппозиция», просто не брала съезжающих со всех концов необъятной в столицу ГОПов в расчет. Или даже не знали. А власти все знали или догадывались — но никого не предупредили, так как заведомо знали о планах «оппозиционеров» и не хотели нежелательного объединения. Потому как враг моего врага вполне еще может оказаться мне другом. Мало ли как все обернется.

Так уж вышло, что сразу две силы решили свергнуть власть действующую. Оппозиционеры успели первыми — пока ГОП-компания безалаберно дала себе время на «культурную программу»: футбол, театр, кино... Многие ГОПы в театрах не бывали ни разу, а тут сразу столько премьер на ведущих площадках. Про футбол и говорить нечего — матч между «Спартаком» и ЦСКА за три тура до окончания первенства окрестили «золотым». Опять же Голливуд расщедрился на пару долгожданных премьер... И что съехавшимся из своих Мухосрансков ГОПам до каких-то там политиков? Сначала — «культурная программа». Так будет справедливо — по степени значимости.

А коридоры Кремля тем временем заполнили люди с пафосно-строгими лицами поверх шитых на заказ камуфляжей и люди в камуфляжах же, но с

лицами абсолютно непробиваемыми. Первые несли в руках заранее подготовленные и согласованные с «кормильцами» пакеты документов. В руках у вторых было оружие.

Это был самый бескровный переворот в истории России. Власть знала, что ГОПы уже в столице — и с чистой совестью освободила кабинеты и подписала все бумаги. Правда, дальше коридоров эта самая Власть не спешила уходить. Наверное, именно поэтому эти коридоры называют «коридорами власти». Кабинеты — это временно, а коридоры будут всегда.

Новая самозваная Власть только-только заявляла о себе в прямом эфире, радуя народы радужными перспективами, когда в коридоры, недоуменно поглядывая на представителей Власти прежней, терпеливо ждущих под дверями кабинетов, нестройной толпой ввалились ГОПы.

На этот раз без крови не обошлось. Две бескровные революции за три часа? Нонсенс! Абсурд!

Люди в камуфляжах и с оружием не желали пропускать в пресловутые коридоры красноглазых аллергиков, а те были привычны решать все вопросы одним способом.

Стреляли прямо перед объективами телекамер, с которых велась прямая трансляция. И чихали на все.

— И что дальше? — спросил кто-то, когда пальба прекратилась. Камеры смотрели на победителей — и ждали.

А победители не знали, что делать. Взять власть в свои руки? И что дальше? Сейчас весь мир в прямом эфире увидит, как красноглазые убийцы берут в свои руки, что по локоть в крови, бразды правления — и кому потом докажешь, что у каждого из них — ОЧС? Кто ж поверит, когда вот они — трупы на ковровых дорожках, а вот их убийцы? С такой державой ни о каком сотрудничестве и даже просто о сосуществовании речи быть не может. Стереть с лица земли красноглазую угрозу...

— Представь, стал бы ты Президентом России! — смеялся Джамал.

— Так не стал же, — отмахнулся Алексей. И чихнул — все-таки продырявили его камуфляжи пару раз. А потом представил. Он — со своим обостренным чувством справедливости — из простого обывателя превратился в политического лидера огромной страны. Тут ведь чувство справедливости возрастет в энное число раз, кратно возрастанию ответственности... — Звездуны полосатые не успели бы даже войну нам объявить, Джамал. Я бы сразу начал мир во всем мире наводить. Привычными методами...

— А это ведь звездаец полосатый всему, да! — радостно констатировал хороший-плохой-злой Урюпинский шериф. — Так что мы все правильно сделали, Леша.

Они все сделали правильно. Перебив в прямом эфире не успевшую толком обжиться в высоких кабинетах новую власть, ГОПы все так же под прицелами телекамер вышли из кабинетов в коридоры...

Старая Власть терпеливо ждала в этих самых коридорах, толпилась на лестницах, курила в фойе...

Власть, свергнутая в результате пусть и бескровного, но явно антигосударственного и потому незаконного переворота.

Законная Власть.

— Кабинеты свободны! — только и сказали ГОПы.

И коридоры мигом опустели. И лестницы. Только в фойе дотлевали поспешно брошенные окурки дорогих сигарет.

На глазах у всего мира красноглазые преступники вернули к власти законную Власть — и, чихая, удалились.

Справедливо?

— Да чихать я хотел на такую справедливость, Джамал! Какого мы вообще в Москву поперлись?

— На футбол сходили, — резонно заметил хороший-плохой-злой приятель.

— И то верно. Я бы даже сказал — справедливо. Ну, будь здоров, ГОП!

— Огромное человеческое спасибо, Леша! И ты будь здоров!

Они разъехались «на места» почти сразу. Только и впечатлений осталось: у кого — от футбола, у кого — от театра... Блокбастеры, опять же, в кинотеатрах...

О том, что недели через три закончатся красные пилюли, никто особенно не задумывался.

«Через три недели заканчивается чемпионат, — думал Алексей, трясясь на верхней полке в плацкартном вагоне. — У наших еще есть шанс...»

* * *

— А кто теперь у нас за порядком будет следить?

— Я его навел. Следите сами.

Все справедливо. И счет — по игре.

Будьте здоровы!

ВИКТОР НОЧКИН

НОЧЬ, ДОЖДЬ, ГОРОД

КЛАРИССЕ БЫЛО НЕ ПО СЕБЕ. СКОРЕЙ ВСЕГО, ИЗ-ЗА ДОЖДЯ... А может, виноват Гвенлин? Кларисса нарочно убралась подальше от его логова, чтобы не видеть и не вспоминать. Гвенлин... Именно Гвенлин сделал ее такой, какова она нынче, подарил новую жизнь, избавил от прозябания в унылом родительском доме... и никогда не забывает напоминать об этом. Да... Подарил новую жизнь? Да жизнь ли?

Вот позавчера нагрянул... как обычно, веселый, улыбающийся, в щегольском наряде. Прикатил в собственной карете с глухими черными шторами на окнах. Следует отдать Гвенлину должное — он не боится путешествовать днем. Не боится нанимать кучера... Он много чего не боится... не то, что Кларисса, которая забилась в темную нору и оставляет дом лишь по ночам и не чаще, чем раз в неделю.

Дождь тогда уже лил вовсю, поэтому Гвенлин покинул темное нутро кареты без опаски и, аккуратно переступая изящными башмачками через лужи и грязь, вошел в клариссин дом.

— Ты никак не приведешь жилье в порядок! — вместо приветствия.

Кларисса пожалала тощими плечами. Никак не приведет. Точно. Никогда. Повсюду пыль, под ногами груды хлама, мебель рассохлась, углы заплетены паутиной. И что с того? Она большую часть суток проводит в подвале... впрочем, и там не лучше — разве что пыли поменьше. Девушка прекрасно знает, что Гвенлин живет в чистеньком особняке, у него уютно, и мебель новая, по последней моде.

— Кларочка, так нельзя! — Без укоризны, наставительно, с прежней безлужбой улыбочкой.

Отставил стройную ногу, правой рукой картинно оперся о спинку стула. Изящный кавалер. Именно таким он впервые явился перед ней... и сейчас хорош. А она — замухрышка в грязных лохмотьях. Тощая, бледная, волосы стянуты на затылке тряпочкой. Два года назад выглядела получше, но все равно — замухрышка. Золушка из сказки. А Гвенлин — прекрасный принц.

— Кларочка, ты же знаешь, что я питаю к тебе отцовские чувства... в некотором роде. Мне больно видеть, как ты губишь себя!

Что хуже всего — он, возможно, говорит совершенно искренне насчет отцовских чувств. Кажется, Гвенлин в самом деле пожалел деревенскую дурочку... тогда, два года назад. Ей было шестнадцать, отец, овдовев, женился на пышной блондинке, у которой была собственная дочь. И впрямь — история Золушки. Сводная сестрица, годом старше Клариссы, тоже пышная и тоже блондинка, пользовалась успехом, а угрюмая младшенькая... ну, Золушка, точно. Ей постоянно казалось, что отец больше не любит ее, что забыл маму... с этой визгливой толстухой. Должно быть, Кларисса с самого начала была груба с мачехой

и сестрицей, чего же удивляться, если семья стала платить тем же... И тут возник Гвенлин — изящный, улыбчивый, остроумный... и главное, понимающий. Клариссу никто не понимал так, как этот милый кавалер. Он всегда появлялся лишь после заката — так романтично! Сперва Кларисса отнеслась настороженно к этому франту, не верилось, что столь симпатичный кавалер по-настоящему интересуется угрюмой девчонкой. Но Гвенлин терпеливо сносил ее колкости, улыбался неуклюжим островам... Кларисса привыкла, а когда он не являлся — тосковала. Часами высматривала, высовываясь из окошка едва ли не по пояс — не мелькнет ли внизу нарядный камзол?

Как-то постепенно получилось, что она не может обходиться без встреч со странным кавалером... Полуночные беседы стали настоящей жизнью, а днем Кларисса никого не желала видеть — угрюмая, бледная, не выспавшаяся. Девушка ненавидела домашних с их низкими делишками... То ли дело — Гвенлин. Он всегда говорил то, что нужно. То, что интересовало Клариссу по-настоящему. Он понимал.

Девушка не задумывалась, почему он улыбается лишь губами, не показывает зубов. С другой стороны, это тоже казалось утонченным и изящным. Сестрины ухажеры ржали, широко развевая пасти — фу, гадость. Только потом, когда знакомство стало близким, Кларисса поняла, что Гвенлин не хотел, чтобы она раньше времени видела его зубы. Зато теперь он улыбается, демонстрируя клыки.

— Кларочка, тебе следует изменить образ жизни. Изменить коренным образом! У тебя нездоровый вид. Нужно питаться регулярно.

— Ничего, сойдет... — Кларисса так и осталась угрюмым подростком, нравоучения ее раздражают.

Она охотится раз в неделю или еще реже. Ей хватает. Конечно, кожа сделалась сухой и шершавой, под глазами лиловые круги, Кларисса отощала, выглядит отвратительно, Гвенлин прав.

— Ты полагаешь, что сумеешь продержаться дольше, если станешь привлекать к себе меньше внимания? Поверь, это ошибка. Не ты первая, кто так считал. Наш образ жизни сложился за века! Рано или поздно за тебя возьмутся, Кларочка. Ты должна перестать убивать.

— Ерунда, я беру лишь тех, кто не нужен общине — шваль, человеческий сор. И я одна, много ли нужно одной? Зато если появится целая толпа...

— Нет, малышка, это не поможет. Тебе следует создать собственный клан, не убивать каждого... Все так поступают. Кларочка, вспомни, как мы с тобой...

Да, она помнит. Ей отчаянно хотелось понимания, хотелось любви и близости... Об этом мечтают все девочки шестнадцати лет. И однажды она ушла с Гвенлином — ушла, чтоб никогда не вернуться. Ох, как она ошиблась!

— Я помню. Поэтому и не хочу, чтобы еще кто-то стал таким же, как я.

— Мы-то полагали, что ты перебралась сюда, чтобы основать собственную семью, а ты все одна и одна. Кларочка...

Два года назад ей нравилось, когда он звал ее «Кларочкой», теперь это имя ненавистно. Она мечтала о любви, о близости, а теперь обречена оставаться девственницей всю жизнь. Или это не жизнь? Трудно сказать. Зачем

ей клан? Зачем ей вообще хоть кто-то? И от Гвенлина Кларисса ушла, чтобы никого не видеть. Он просил остаться, обещал то и это... ей ничего не нужно, Кларисса в состоянии позаботиться о себе!

И ушла, перебралась в этот город. Поселилась на отшибе, охотится раз в неделю, а то и реже. И непременно убивает. Если оставить «надкушенного» в живых, он станет таким, как она. Станет кровопийцей. Потом — еще и еще. Она превратится в главу семьи, все вампиры этого города станут подчиняться девчонке Клариссе, родоначальнице и мэтрессе. Основательнице колонии. Холодная расчетливая преданность. Никакой любви. Она обречена оставаться девственницей! Навеки — шестнадцатилетняя замухрышка. Проклятый Гвенлин, так обмануть деревенскую дурочку!

Природа рациональна — и потому организм вампира лишен половой функции, эта порода размножается другим способом. Они — бывшие женщины и бывшие мужчины.

— Кларочка, послушай меня, никогда не поздно начать заново. Наведи здесь порядок, обзаведись семьей. Питайся регулярно, следи за собой. Поверь, я о тебе забочусь... Кстати, через месяц бал, ты не забыла? Бал и выборы.

О ней он заботится, как же. Рассчитывает, что вновь созданный клан Клариссы станет подчиняться ему и голосовать, за кого укажет Гвенлин. А может, он сам метит в совет? Почему бы и нет. Надеется, что шестнадцатилетняя дурочка будет по-прежнему во всем покорна сказочному принцу.

Гвенлин уехал, а Кларисса потеряла покой. Она даже вышла днем под дождь, а ведь прежде покидала убежище только после заката. Из-за непогоды улицы обезлюдели, и девушка бродила одна... не охотилась, а так... вспоминала. Кларисса проголодалась, но она уже научилась сдерживаться, она умела обуздать голод. Охотиться — только ночью. Зато ночью она никого не настигла на мокрых улицах. Проклятый дождь! Проклятый Гвенлин! Все против нее!

Нынче она тоже выбралась до заката. Тучи, затянувшие небо, позволили бродить без опаски. Кларисса снова увидела красивого мужчину. Статный, подвижный — хорош даже под дождем, укутанный в тяжелый плащ. Он иногда появлялся в городе по ночам, на него приятно было смотреть, Кларисса даже начал считать этого парня кем-то сродни себе... Однажды она видела, как он оглушил здорового бородатого толстяка, заташил в подворотню... При виде крови, которая сочилась из разбитой головы бородача, Кларисса едва сдержалась и поскорей сбежала. Она никогда не нападала на тех, кто одет богато, чтобы не навлечь гнев сильных мира сего. Если убивать отребье, то, возможно, Клариссе удастся продержаться достаточно долго. Зачем? Просто продержаться, без цели. За неимением иных перспектив — просуществовать как можно дольше.

И вот сегодня — снова этот красавец. Кларисса с удовольствием отметила, что парень чует ее близость. Он будто ощутил взгляд вампира, огляделся, нырнул в переулок... Ловкий, осторожный! Точь-в-точь, как она! Кларисса отступила в тень и тяжело вздохнула. Если бы она могла любить, непременно влюбилась бы в этого парня. Но — увы!

Кларисса, тяжело вздохнув, отбросила тяжелые мокрые пряди со лба и поплелась в ночь. Как-то беспокойно ей нынче. Возможно, виной тому приезд Гвенлина. А может, затянувшийся дождь, из-за которого невозможно отыскать добычу... или эта встреча с красавчиком. А что, если укусить его? Нет, бесполезно. Ей суждено остаться девственницей...

* * *

Кеннет ничего не имел против дождя. Напротив, дождь частенько мог оказаться полезен. В непогоду на улицах меньше прохожих, стало быть — меньше свидетелей. Дождь смывает кровь, значит, трудней отыскать следы... К тому же все натягивают капюшоны, кутаются в плащи, становятся похожими. С какой стороны ни гляди, способствует...

Однако в этот раз зарядило основательно, льет третий день. Когда такая слякоть начинается летом — это чересчур похоже на знамение. Будто небеса шлют недобрый знак. Все стали нервными, раздражительными, встречные косятся... Впрочем, сейчас Кеннет брел по пустынным мокрым улицам и никого не замечал. Непогода разогнала горожан по домам. Наверняка и в «Треснутой кружке» будет не слишкомлюдно. «Треснутую кружку» Кеннет не любил. Заведение для богатых, которым охота поиграть. Важные господа любят заглянуть в трактир, отведать простой пищи, поглядеть на простой народ... Потрепаться о простых делах...

К демонам! В «Треснутой кружке» не бывает простого народа, ученики ремесленников, грузчики и подмастерья выбирают заведения на окраинах, куда не заглядывает стража. Там дешевое пиво и привычные развлечения. Там беднякам привычно и вольготно. А если что не по нутру, если вдруг стало не вольготно, если не нравится кто — и в рыло можно дать.

А «Треснутая кружка» только подражает по-настоящему веселым местечкам. Здесь другие люди, другие порядки, только случись что — и стража тут, как тут. Цены, кстати, тоже не такие, как на окраине.

Жратва, разумеется, здесь получше... и, покупая пирог в «Треснутой кружке», всегда можно наверняка узнать, что за мясо пошло на начинку. Здесь крысятиной не накормят. Однако Кеннету этот трактир не по душе. Кеннет не привередлив, и всегда при деньгах, однако предпочитает другие заведения. Если бы не работа — не пошел бы в «Треснутую кружку». Но ничего не поделать, — заказчики, все как один, уверены, что именно здесь прилично встречаться с подозрительными типами, вроде Кеннета. Что ж, наемник не против, пусть думают, что угодно.

Кеннет замедлил шаги — странное мимолетное ощущение, будто кто-то глядит в спину из сырой темноты. Ничего определенного... но наемник привык доверять предчувствиям. Что касается предстоящего дельца, сомнения зародились у Кеннета сразу же, едва была названа сумма. Многовато... Но посулили треть авансом, да и человек, который сосватал заказ, был Кеннету давно знаком...

Наемник зашагал медленней, вслушиваясь в шепот капель. Свернул в переулочек и отступил в нишу. Снова прислушался — ничего. Похоже, показало. Иногда шум дождевой воды может сыграть странную шутку со слу-

хом. Кеннет пожал плечами — по плащу скатились струйки. Время в запасе имеется — наемник, прежде чем зайти в «Треснутую кружку», сделал круг, обошел окрестные улицы. Никого и ничего, горожане сидят по домам и ставни заперли. Тем удивительней показалось Кеннету, когда, завершая обход, он заметил незнакомца, бредущего под холодными редкими каплями. Человек плелся, покачиваясь, медленно переставляя ноги, словно наугад. Мокрая ткань облепила сутулую фигуру, и при каждом шаге с промокшей насквозь одежды незнакомца обильно падали капли.

Куда может тащиться этот бедолага поздним вечером в непогоду? Оказалось, в «Треснутую кружку». Когда незнакомец открыл дверь, и на него упал свет горящих в трактире ламп, Кеннет разглядел, что человек одет в лохмотья, сквозь прорехи на мокрую мостовую просочились лучи. Совсем странно. Нищему здешняя жратва не по карману. Интересно было бы поглядеть на его рожу, когда назовут цену. «Треснутая кружка» Кеннету не нравилась еще и потому, что хозяином там был неприятный грубый малый. С наемником-то этот хам не позволял себе лишнего, но Кеннет не раз замечал, как он оскорбляет и унижает тех, кто выглядит не столь внушительно, как рослый плечистый Кеннет. Особенно таких, как нынешний гость — в дрянном дырявом плаще с оборванным краем, висящим неровной бахромой.

Кеннет ускорил шаги и скользнул в дверь следом за чужаком. Тот, неуверенно озираясь, двинулся по пустому залу к стойке, а наемник сел за стол у двери. Немногочисленные гости — а их было в «Треснутой кружке» семеро — провожали взглядами оборванца. Кеннет убедился, что на него не смотрят, и переместился за соседний столик, снова у стены, в тени. Большой нужды в таком поведении не было, он тайлся по привычке.

Когда незнакомец в рваном плаще приблизился к стойке, Кеннет уже сидел в углу, откинувшись на спинку стула, будто бы уже давно здесь расположился. Мокрый плащ истекал дождевой водой подле наемника... Теперь можно расслабиться, до условленного часа есть время.

Человек в рваной накидке встал перед хозяином трактира, стянул капюшон. Чужеземец — смуглый, волосы черные, густые, вьются прядями, блестят в огнях свечей. Кеннет приготовился глядеть спектакль — сейчас угрюмый бородач, владелец «Треснутой кружки», станет куражиться над бедным чужестранцем. Хотя, возможно, жена заступится. Супруга хозяина — добрая женщина, обычно она на кухне, приглядывает за поварами, но нынчестряпни мало, и толстуха сидит рядом с мужем — синий чепец торчит над стойкой.

Тот пробормотал едва слышно длинную фразу — Кеннет не разобрал ни слова. Трактирщик раздвинул толстые губы в недоброй ухмылке и хмыкнул. Смуглый добавил несколько слов. Звякнула о полированное дерево стойки монета...

— Молоко хлебать — негоже настоящему мужчине, — пробасил трактирщик. — Не изволит ли ваша милость винца отведать?

Странно, нынче грубиян попытался придать голосу любезные нотки.

— Ну что ты, дорогуша, — сипло возразила хозяйка, — если господину с дороги угодно молочка, я тотчас же подам!

— Так я ж ничего...

Кеннет чуть не поперхнулся вдохом — никогда прежде бородач не бывал вежлив с типами, одетыми как этот южанин. Что с ним? Неужто дождь и в самом деле оказался знамением? Чудеса уже начались!

* * *

Айлу-Фатар очень устал. Второй год длится странствие, и конца не видно. Проклятый чужеземец, укравший бога, не сидит на месте, едва Айлу-Фатару кажется, что вот-вот настигнет обманщика, тот снова пускается в путь... следуя за ним, Айлу-Фатар забредает все дальше на север. Здесь плохо, короткое лето, здесь холодно. Здесь едят нечистую пищу, нравы грубы, а люди, все как один, сердиты.

Айлу-Фатар всегда считался удачливым охотником, но нынче везение изменило ему. Это оттого, что похищен бог-покровитель Лахас. Дома, в родной деревне, наверное, совсем худо, шаман Рам-Тайфад и кузнец Ходон трудятся, не покладая рук, чтобы защитить земляков, но что могут люди, если похищен бог? Они ждут возвращения Айлу-Фатара. Айлу-Фатар старается изо всех сил, исхудал, стал бледен, ходит в чужой одежде, а привычная пища снится каждую ночь... Он вернет Лахаса на родину, но как же он устал!.. А возвращаться с пустыми руками нельзя.

Шаман Рам-Тайфад так и сказал:

— Бога непременно следует вернуть, без него нам — гибель! Кайды заберут всех, одного за другим... Пусть Айлу-Фатар отправляется следом за этими негодными людьми, и возвратит Лахаса! Айлу-Фатар удачлив в охоте, он знает язык северных людей.

И весь народ глядел на Айлу-Фатара, все просили охотника вернуть бога. Тогда он поклялся, что не повернет вспять, пока не завладеет Лахасом. Да и кто же, если не он? Айлу-Фатар — лучший охотник, лучше всех владеет оружием, к тому же он знает северные наречия, частенько нанимался в спутники каравана. Но когда бог похищен — все идет не так, вот удача и отвернулась. Чужеземец, похитивший Лахаса, спешил на север, Айлу-Фатар двигался следом и, хотя расстояние между ним и преследуемым поначалу росло, охотник не сомневался — рано или поздно он настигнет злодея. Сейчас северянин спешит в свою страну, к тому же он не может не догадываться о погоне... но когда достигнет родных краев, станет не так скор. Рано или поздно он почувствует себя в безопасности, тогда-то Айлу-Фатар и объявится в его доме!

Однако преследование продолжается второй год... кажется, у хитрого похитителя вовсе нет собственного дома. На ночлег он обычно останавливается в странных сооружениях, напоминающих крепости, там живет множество мужчин, наряженных в одинаковые одежды, будто они воины или слуги великого владыки. Иногда похититель поспешно отправляется в путь — и всякий раз в другой город. Пока Айлу-Фатар отыскивает след, подлый вор снова забивается в крепость мужчин, и там его не взять...

Айлу-Фатар устал, ему холодно, здешний климат не подходит охотнику.

Скорей бы настигнуть негодая, отобрать у него Лахаса и возвратиться домой. Домой... Второй год Айлу-Фатар не видит родных. Как там они? А что, если всех забрали кайды?.. Но с помощью бога удастся вернуть всех. Домой... там тепло, там славно... Мысль о теплом юге напомнила охотнику о том, как он продрог и проголодался. Налетел порыв ветра, сорвал с карниза вереницу холодных капель, швырнул в лицо. Охотник провел мокрой рукой по лицу, страшивая пропахшую ржавчиной воду, и огляделся — перед ним был дом, где кормят за деньги.

Айлу-Фатар ни за что не стал бы заходить в заведение, вроде этого. Здесь всегда подают нечистую пищу, да и норовят обидеть ни за что... Но охотнику нужно было обогреться и подкрепиться. Монеты у него были. Вчера Айлу-Фатар выследил на дороге толстого человека, который вез товары в фургоне, и подстрелил колючкой сонной акации. Нехороший поступок, но уж очень деньги были нужны. Теперь у Айлу-Фатара много металлических кругляшей — и черных, из меди, и серебряных. Еще у толстого человека было три маленьких, блестящих. Эти, должно быть, наименее ценные, хотя и выглядят красиво. Южанин так и не научился разбираться в деньгах, давал всегда наугад...

Войдя в дом, где кормят за деньги, Айлу-Фатар огляделся. Стойка в дальнем от входа углу, за ней двое, мужчина и женщина. Оба — толстые, важные. Позади них приоткрыта дверь, там кухня, оттуда тянет пряным ароматом жареного со специями мяса. Неизвестно, что за плоть подают в этом доме. Вполне возможно, нечистую, запретную. Айлу-Фатар и так много нагрешил — да вот вчера ограбил толстого возницу! Не нужно усугублять вину перед Лахасом новым грехом. Так что мяса он не станет покупать.

Охотник подошел к стойке и попросил:

— Моя кушать, моя очень холодно-голодно. Млека нам...

Толстый бородатый хозяин поглядел так сердито, что Айлу-Фатар на всякий случай поспешил положить перед толстяком блестящую монетку. Вряд ли молоко стоит дорого.

— Млека теплого, брюхо помалу греть...

Должно быть, красивый блеск умиротворил хозяина, так что тот раздвинул толстые губы в притворной улыбочке:

— Молоко хлебать — негоже настоящему мужчине, — пробасил трактирщик. — Не изволит ли ваша милость винца отведать?

К счастью, жена толстяка оказалась сообразительней, быстро сгребла денежку со стойки, пообещала молока и, тряся телесами, удалилась на кухню. Хорошая женщина, красивая... Когда идет, жир на спине волнами перекачивается вправо и влево при каждом шаге. Когда Айлу-Фатар возвратится домой, сразу женится и станет супругу хорошо кормить, чтобы такой красивой сделалась. В деревне Айлу-Фатара девушки тощие, высушенные жарким солнцем, костлявые, будто кайды... Долго жену кормить придется, много охотиться, но чего не сделаешь ради красоты!

Охотник отошел от стойки и сел за стол. Хорошо бы снять промокший плащ, но Айлу-Фатар боялся, что над нижней одеждой северяне снова ста-

нут смеяться. И без того все в его сторону пялятся. Особенно вон тот, худой, вертлявый. Да и рослый парень, который вошел следом — тоже косится, хотя и прилично, украдкой. Подошла хозяйка, улыбнулась ласково, поставила перед южанином большую кружку — хорошее молоко, жирное, не стала водой разводить добрая женщина. Еще толстуха высыпала на стол груды разноцветных монет — сдача с маленькой блестящей деньги. Ох, как много-то! Оказывается, светленькая монетка дорого стоит — перед Айлу-Фатаром и меди, и серебра гора! Вот, значит, как...

— Моя благодарить. Хороший хозяйка, — склонил голову охотник.

Потом сгреб монеты в горсть и упрятал под одежду — вертлявый мужчина за соседним столом проводил исчезающие деньги взглядом, Айлу-Фатар заметил! Ох, какие люди здесь... Охотник покачал головой.

— Если что вашей милости угодно, только скажите, я мигом! — пообещала хозяйка и поплыла к мужу.

Айлу-Фатар с удовольствием полюбовался походкой толстухи и осторожно отхлебнул молока. Ай, хорошо... Охотник сделал еще несколько глотков — холод отпуская медленно, тепло разливалось в животе. Тут южанин почувствовал — на поясе ожил кинжал. Оружие, намоленное шаманом Рам-Тайфадом, чужло приближение Лахаса! Наконец-то повезло! Чужеземец, похитивший бога, здесь, совсем рядом. Значит, не получится отдохнуть в тепле, не удастся нынче Айлу-Фатару насладиться теплым молоком... Ничего, если посчастливится отнять бога у негодного вора — охотник уже через месяц будет греться под южным солнышком в родной деревне и рассказывать удивленным землякам о странствиях по печальным северным краям. Он будет говорить медленно, неторопливо, прихлебывая теплое молоко... и разглядывая девушек. На лучшей он, отважный герой, вернувший бога, потом женится и станет кормить...

Айлу-Фатар тряхнул головой, прогоняя сладкое наваждение, допил молоко, встал, запахнулся в тяжелый мокрый плащ и двинулся к выходу. Едва дверь за южанином захлопнулась, тощий типчик — тот, который жадно разглядывал монеты в руках толстухи — подскочил и устремился следом.

* * *

Джейк всегда был невезучим. Да вдобавок — некрасивым, болезненным, слабым. Ходячее вместилище уродства и порока. Сколько Джейк себя помнил, он был один. Один — против всего мира. Ни родителей, ни дома. С малолетства прислуживал в трактире, вечно мерз и голодал — и постоянно бывал бит, когда пытался воровать. Тощего некрасивого мальчишку не жалели, всякий мог сорвать на нем злость и раздражение... Джейк платил миру нелюбовью. Из трактира он сбежал, овладев двумя премудростями. Во-первых, он научился воровать и лгать с непроницаемым лицом. Во-вторых — ловко увертывался и прикрывал голову, когда его били. Последнее далось непросто — маленького Джейка частенько колотили и, похоже, что-то повредили внутри. У него постоянно побаливало то тут, то там, особенно в непогоду. Зато он мало ел и почти не пил хмельного.

Низкорослый, тощий, но с отвисшим мягким животиком, воришка напоминал паука. Словно паук он замирал посреди сети липких косых взглядов, которыми опутывал любое место, куда бы ни попал... По-настоящему в этом хилом теле жили лишь руки да глаза. Из-за дождя, не прекращавшегося третий день, у Джейка ныли суставы. К тому же в непогоду трудней сыскать пропитание, прохожих мало, толпы не собираются — а поди-ка вытяти кошель у одиночки! Деньги вышли, пришлось экономить... Из-за дрянной дешевой пищи у Джейка разболелся желудок — вдобавок к суставам... Один против всего мира — и, похоже, нынче он проигрывает очередное сражение!

Джейк ненавидел этот дождь, этот город и эту ночь... Единственное местечко, где могла бы улыбнуться удача — «Треснутая кружка», здесь и в дождь собираются люди, подле которых можно пожить...

Воришка уже второй час нянчил единственную кружку пива, распуская вокруг паутину быстрых внимательных взглядов. Все напрасно! Ни один из посетителей трактира не походил на добычу паука Джейка... И вдруг — о чудо! Иноземец! Тощий, запуганный, в оборванном плаще. А под мокрыми лохмотьями — денежки. Джейк видел, как толстуха вручила этому парню горсть мелких монет, этакая сдача выходит разве что с золотого! Смуглый южанин показался Джейку прекрасным подарком судьбы. Словно сказочная фея — какие, говорят, наблюдают за всяким человеком — вспомнила о несчастном страдающем Джейке, решила наконец-то взяться за дело, да и привела в «Треснутую кружку» набитого серебром и золотом чужестранца.

Воришка аккуратно допил последний глоток и покинул заведение следом за южанином. Снаружи, конечно, было совсем темно, но Джейк разглядел сутулую спину чужака — тот медленно, но целеустремленно удалялся от трактира. Прикинув, куда держит путь южанин, Джейк заспешил в переулок. Предстояло обогнать иностранца, чтобы столкнуться с ним на перекрестке, выполнить работу и скрыться. Если все пройдет, как надо, Джейк сможет переждать непогоду в тепле, денег будет вдоволь.

Проваливаясь в лужи, скользя на мокром булыжнике, воришка свернул на параллельную улицу и припустил бегом. По пути он на всякий случай осторожно выглянул из подворотни — чужеземец все так же мерно шагал сквозь дождь, направляясь к центральной площади. Джейк снова побегал. За два квартала до площади он свернул и остановился, переводя дыхание. Сквозь мерный шум дождя уже слышались шаги незнакомца. Когда плеск воды под башмаками южанина приблизился, Джейк устремился навстречу. Едва не столкнулся с чужеземцем, поскользнулся на мокром булыжнике и, чтобы удержаться на ногах, вцепился в лохмотья незнакомца. Ладонь ловко скользнула под мокрую ткань — туда, где позвякивали монеты...

— Прощения прошу... ой!

Джейк так и не сообразил, что произошло. Он еще успел почувствовать боль — палец наткнулся на острое... а потом стало темно. И тихо. Джейк не слышал дождя, не чувствовал, что сползает в холодную лужу... Южанин аккуратно отцепил левую руку воришки от полы драного плаща, пробормотал

что-то по-своему... но Джейк не смог бы разобрать слов, даже если бы знал язык Айлу-Фатара. Он уже ничего не слышал.

* * *

Айлу-Фатар удивился, что не слышал шагов незнакомца, свалившегося навстречу из мокрой темноты. Как можно охотнику быть таким беспечным? Должно быть, он слишком торопился, повинуюсь зову. Кинжал, спрятанный под лохмотьями, трепетал и звал спешить — чуял, что похищенный Лахас близко. И впрямь, бог Айлу-Фатара совсем рядом и даже сумел уберечь беспечного почитателя. Южанин перевернул бесчувственное тело и с удивлением узнал того самого мерзкого человека, что пил за соседним столом в «Треснутой кружке». Выходит, этот покинул дом, где кормят, вслед за Айлу-Фатаром и поспешил, чтобы устроить засаду?

Но бог защитил — не иначе, волей Лахаса коварный человек наткнулся на колючку сонной акации, спрятанную под плащом, и погружен теперь в беспомощность!

Айлу-Фатар оттащил бесчувственного Джейка с середины улицы и усадил спиной к стене. Потом быстро вознес благодарность Лахасу — великий бог рядом, ему хорошо слышно, как благодарит верный Айлу-Фатар. Южанин снова опустил ладонь на рукоять кинжала — металл нагрелся и заметно трепетал. Сильно намолил оружие шаман Рам-Тайфад! Сколько лун миновало, а кинжал по-прежнему чувствителен.

Охотник поправил плащ на безмолвном Джейке — хоть и скверный человек, но все же не годится ему мокнуть, если есть плащ... Потом Айлу-Фатар двинулся в дождь, повинуюсь настойчивому зову кинжала.

Через два квартала южанин вышел к площади. По ту сторону открытого пространства высился большущий дом с широкими окнами. На втором этаже между неплотно пригнанных ставней пробивались узкие полосы света, будто размытые редким дождиком. В доме не спят — и кинжал зовет туда. Айлу-Фатар не решился пересечь площадь и двинулся вокруг, держась поближе к зданиям, окружающим площадь. Охотник то и дело бросал взгляд на скупо освещенный фасад большого дома — не покажется ли похититель? И верно, когда Айлу-Фатар уже завершал обход, из чрева здания в ночь упал яркий свет. Распахнулась дверь. Южанин приложил растопыренную ладонь к груди, так сердце заколотилось — среди людей, выходящих на площадь, он узнал приземистую фигуру обманщика, который унес Лахаса из деревни. Долгий путь Айлу-Фатара близится к завершению.

Охотник пересек последнюю улицу, отделяющую от большого дома, и застался, прижимаясь к влажному камню стены. В прямоугольнике света он различал четыре фигуры — две высокие и широкие, а две поменьше. Самая короткая — похититель.

— Итак, я надеюсь на вас, отец, — важно произнес один из крупных мужчин.

— Не извольте сомневаться, ваша светлость, — самодовольно откликнулся коротышка, укравший Лахаса, — не впервой. Все сделаем быстро. Нам не

привыкать! Обезвредим, скрутим и доставим сюда, в ратушу. Посидит в подвальчике, а как тучи разойдутся, так и костерчик на площади соорудим. Прилюдно, значит, чтобы страх в народе унялся, чтобы все видели. Только погодки бы подходящей дожждаться, чтоб городские на площадь пришли.

— Хорошо, — кивнул тот, которого назвали светлостью. — И когда же вы собираетесь выйти на охоту?

— В полночь, ваша светлость! Самое времечко для всякой нечистой силы. В полночь и пойдем.

Айлу-Фатар слышал в голосе обманщика подобострастные нотки, но похититель знал себе цену и заискивал не чересчур. Еще бы — у него в кармане Лахас! Человек с богом в кармане — большой человек!

— Хорошо, — повторил важный господин, — надеюсь, завтра мне доложат о том, что вы вернулись с добычей. Желаю успеха!

Потом большой человек повернулся и, не слушая благодарностей и уверений в почтении, изливаемым вслед похитителем бога, зашагал прочь. Айлу-Фатар вжался в стену и постарался слиться с камнем. Трое прошли мимо — впереди мужчина среднего роста, за ним — двое рослых. За углом хлопнула дверь, коротышка возвратился в здание. Значит, в полночь он отправится на охоту? Айлу-Фатар сжал дрожащую от близости Лахаса рукоять оружия. Терпение, терпение! В полночь, сказал коротышка. Стало быть, и Айлу-Фатар тоже начнет охоту в полночь. Ветер донес слова, пронесенные низкорослым пешеходом:

— ...В «Треснутой кружке», ваша светлость...

* * *

Троица вошла в трактир — первым тот, что пониже ростом, потом двое крупных мужчин. Невысокий разглядел в углу Кеннета и двинулся к наемнику. Спутники шли следом. Кеннет молча наблюдал за пришельцами. Первый остановился перед столом и поздоровался.

— Здравствуй, Лайош, — кивнул Кеннет, — это и есть обещанные клиенты? Обычно мои услуги требуются парням помельче, а они выглядят так, будто и сами все умеют.

Рослые спутники Лайоша в самом деле казались хорошими бойцами, особенно тот, что шел последним. Под мокрыми плащами Кеннет разглядел длинные кинжалы. Наемник жестом предложил гостям присаживаться. Тут же рядом возник хозяин.

— Вина, — бросил рослый пришелец, — подогретого, со специями. Проклятый дождь...

— Сей момент, — толстый хозяин с поклоном испарился.

— А нас здесь не отравят? — поинтересовался рослый. — Лайош, здесь не опасно пить?

— Я пью, — заметил Кеннет.

Ожидая Лайоша с клиентами, он успел сделать заказ.

— Ты можешь пить что угодно, — махнул рукой Лайош, — тебя не берет!

Потом обернулся к спутникам:

— Представьте себе, ваша светлость, Кеннета не берет отравы! Удивительное свойство! И вообще, он лучший в наших краях. Вот увидите, справится отлично.

— Ваша светлость? — приподнял бровь Кеннет.

— Не нужно было называть титулов, — буркнул пришелец. — Может, перейдем к делу?

— Пусть сперва доставят ваш заказ, — предложил Кеннет, — потом поговорим без помех.

Он узнал заказчика — герцог Джерем, племянник короля. Важная персона! Второй — должно быть, телохранитель. Огромный, молчаливый, движется медленно и плавно. Кеннет чувствовал в этом рослом парне ловкость и силу. Наверняка он умеет быть стремительным, когда требуется.

Появился хозяин, поставил посреди стола новомодный прибор — кувшинчик, подвешенный над свечой. Герцог покосился на спутника, молчаливый здоровяк вручил хозяину пару монет.

— Фруктов? Сдобы? Сыру? — предложил бородач. — Ничего?.. Не смею мешать, мои господа!

Дождавшись, чтобы мрачный трактирщик с его поклонами и приторными гримасами откатился к стойке, герцог начал:

— Итак, о деле. Мне требуется добыть некую вещьцу.

Молчаливый расставил оловянные стаканы, украшенные затейливым орнаментом и налил — сперва господину, затем себе. О Лайоше он не думал, но посредник подавил вздох и сделал вид, будто не рассчитывал на угощение. Герцог сделал несколько глотков и продолжил:

— Вещица — кинжал темного металла. Вероятно, бронза. Лезвие треугольное, в ладонь длиной. Обоюдоострый. Рукоять в форме человеческой фигуры, лысый человек с руками, сложенными на причинном месте. Плачу сто талеров. Тридцать вперед, остальные — в обмен на вещь.

— Старинная штучка? — осведомился Кеннет.

— Да, древняя. Тем и ценна. Больше ничего примечательного в кинжале нет.

— Думаю, что-то в кинжале есть помимо древности, если вы сулите сто талеров, — заметил Кеннет, — но это не мое дело... если, конечно...

— Если что?

— Если таинственные свойства этого кинжала не чреваты дополнительными трудностями. Где искать вещь?

— Искать не нужно, он в городе. Сегодня приехал отец Вешильд, знаменитый охотник на вампиров. Слыхал о таком?

Кеннет кивнул. В самом деле, в городе пару лет назад завелся упырь. Время от времени на улицах находили обескровленные тела... Вампир не слишком наглед, нападал редко и жертвами его становилось всякое отребье — воры, попрошайки, бездомные нищие. Тем не менее, присутствие в городе опасного существа тревожило жителей.

— Вешильда пригласил ваш магистрат — по моему совету. Кинжал у него. Вешильд утверждает, что эта вещица — реликвия святого Локорна, но мне доподлинно известно, что он лжет. Кинжал не имеет к Локорну отношения. Нынче в полночь Вешильд выходит на охоту. Дело складывается как нельзя лучше — ночь, дождь, на улицах никого... и все можно списать на вампира. Вы меня понимаете, мастер Кеннет?

— Понимаю. Я слышал, этот Вешильд охотится с помощниками. Опытные парни, привычные сражаться с нечистью. Это может оказаться опасным.

Герцог хмыкнул. Телохранитель искоса поглядел на господина, но смолчал. Вообще-то, он был согласен с наемником. Закономерный вопрос.

— Кеннет, тебе платят сотню, — напомнил Лайош. Посредник был заинтересован в этой сделке, ему полагалась доля.

— Хорошо, — кивнул наемник. — Пусть так. Где я вас найду, мой господин?

— Здесь, в «Треснутой кружке». Я буду ждать хоть до утра.

— Вино сносное, — впервые подал голос молчаливый телохранитель. — Можно ждать.

Здоровяк потянулся за кувшином, при этом движении плащ распахнулся, показалась кольчуга вороненой стали.

— Хорошо, — Кеннет кивнул.

Герцог положил на стол кожаный кошелек:

— Тридцать.

Наемник поставил стакан, подобрал кошелек и под столом пересчитал монеты. Потом — так же, под столом — протянул Лайошу его долю, пять талеров.

— Ну, мне пора — посредник встал и поклонился герцогу. — Доброй ночи, господа мои.

Кеннет задал нанимателю несколько вопросов — сколько человек с Вешильдом, что известно о его способах охоты. Зачем герцогу старый кинжал, наемник, разумеется, не стал спрашивать. К демонам! Одна из заповедей профессии — не интересоваться делами клиента. Реликвия святого Локорна... это могло оказаться занятным, и Кеннет решил, что если представится случай, он разузнает о ножичке побольше.

Наконец наемник решил, что ему пора отправляться. Он допил вино, встал и отвесил поклон:

— Я не прощаюсь.

Герцог ответил кивком и протянул телохранителю стакан. С такими темпами эти двое усидят за ночь три таких кувшина, а то и четыре! Кеннет подумал, что нынче у владельца «Треснутой кружки» удачный вечер...

Снаружи было холодно и сыро — будто и не лето вовсе... Дождь стал тише, ветер унялся, редкие холодные капли медленно сеялись с бездонного черного небосвода.

Наемник дошел до площади и остановился так, чтобы наблюдать за входом в ратушу. Невидимые в темноте часы гулко пробили полночь. Распахнулась дверь, на мокрую мостовую упал яркий свет. Кеннет сосчитал выходящих — четверо. Отец Вешильд с тремя помощниками, как и описал

герцог. Вешильд шагал налегке, его спутники волокли какую-то снасть. Кеннет не разобрал, что именно у них в руках, да наемника это не слишком интересовало. Он привык обходиться простыми средствами.

Четверка охотников пересекла площадь, Кеннет отступил в подворотню и затаился в тени. Потом осторожно двинулся следом. Наверное, напасть лучше всего, когда Вешильд с подручными обезвредит вампира. Теперь-то они настороже, а после удачного завершения дельца расслабятся. Поэтому сейчас Кеннет держался на порядочном расстоянии от четверки.

— Эй, что это у нас здесь? — довольно громко осведомился охотник на вампиров.

Охотники остановились, разглядывая человека, сидящего под стеной. Кеннет отступил в тень и прислушался.

— Похоже, пьяный заснул, отче, — отозвался молодой голос. — Я сперва-то решил, вампиром укушенный, но нет, живехонек!

— А если все же укушенный, но не до смерти? — пробасил самый другой охотник, самый крупный. — Тогда он сам вампиром обернется. Опасно!

— Здешний вампир непременно выпивает всю кровь, — возразил третий. — Да нет, этот целехонек. Странно, и вином от него не слишком разит. Может, заболел?

— Пьяный, пьяный! — уверенно провозгласил Вешильд, пиная сидящего. — Эй, голубчик, вставай! Что ж ты так? Посреди лужи сидишь, ай-яй-яй! Так и простудиться недолго! Вставай-ка, изволь домой отправляться! Помогите ему встать.

Помощники подняли незнакомца и поставили на ноги — тот, похоже, никак не мог проснуться. Но идти был в состоянии.

— Ступай, ступай! — весело подбадривал Вешильд.

Опираясь о стену, пьяный побрел по улице.

— Вот как славно, — объявил охотник на вампиров. — Станем ловить на живца, но не на тебя, Годлих! Ха-ха!

— Слава богам, — буркнул Годлих, коренастый малый, с ног до головы укутанный в толстую кожу. — А то всякий раз дрожу: а ну, как прокусит тварь воротник? Погодите, отче! Так его же в самом деле...

— Ну что с того! Он все равно бы нынче замерз, простудился и помер! Пусть кровопийца его кусает, этот несчастный станет последней жертвой здешнего вампира. Зато нам легче — когда чудовище трапезует, оно теряет бдительность. Подкрадемся, когда вампир будет ужинать, ха-ха!

* * *

Джейк брел под мелким дождем. Он с трудом переставлял ноги, время от времени его качало, тогда воришка старательно клонился вправо — там стена. Коснувшись рукой холодных склизких камней, он восстанавливал равновесие и брел дальше.

Тело само заботилось о том, чтобы держаться на ногах и двигаться по мокрой мостовой, разум Джейка был теперь далеко. Перед затуманенным сознани-

ем проносились странные картины — удивительно не похожие на унылую темную действительность. Джейку мерещились лужайки, покрытые цветами, яркими-яркими. И трава была зеленая-зеленая, ничуть не напоминающая бурые стебли, какие пробиваются на городских улицах между бульжников. В уши Джейку сладко пели птицы. Или это были ангелы? Откуда городскому парню знать, как щебечут птицы в лугах? Джейку ни разу не случилось покидать стен родного города, так что и трава, и цветы, и птицы — все было плодом воображения воришки. Колочка сонной акации подействовала странным образом. Если самые радужные мечты трезвого Джейка ограничивались стаканом кислого вина, жирным пирогом и дешевыми женщинами, от которых несет жареной рыбой и немывтым телом — теперь ему, одурманенному, грезились цветы и птицы. В дырявых башмаках хлопала грязная вода — а Джейк брел в шелковистых травах, осторожно ступая, чтобы не затоптать.

Охотники на вампиров шли следом, отставая на тридцать шагов. Потом они увеличили расстояние — Джейк миновал богатые кварталы, где вампир не появлялся никогда. Теперь в любой миг можно было ожидать нападения.

Вешильд отдал распоряжения — верзила, который волок снасти, отстал. Что-то в его ноше позвякивало, и Вешильд счел, что звук может их выдать. Сам он извлек из ножен, подвешенных на боку, бронзовый кинжал. Оружие держал наготове, под полой плаща.

— Отстанем побольше, братья, — велел знаменитый охотник, — я чувствую: тварь где-то близко. Мы не станем ей мешать, пусть нападет и приступит к богомерзкой трапезе.

Дивные птицы, порожденные фантазией Джейка, издали новые трели. Воришка вздохнул от восхищения — какой чудесный напев! Что он предвещает? Должно быть, сейчас навстречу Джейку выйдет прекрасная фея, владицица волшебного луга.

Глаза воришки были широко распахнуты, но он не видел ни грязной мостовой, ни темных стен, по которым медленно стекала вода... Не заметил он и бесформенную тень, которая шагнула из подворотни. Тонкие руки неожиданно сильно повлекли Джейка в сторону, заставили опуститься в траву... Он улыбался — неизъяснимо прекрасная фея, само очарование, обнимала его! Во мраке над Джейком проступило иссиня-бледное худое личико, тонкие пальцы оттянули грязный, набухший дождевой водой, ворот и острые клыки мягко вошли в шею...

В переулке бесшумно мелькнула сутулая фигура, но ее не заметил ни грезящий Джейк, ни припавший к шее воришки вампир, ни охотники, которые с двух сторон подкрадывались к пирующему кровососу. Тень выдвинулась из переулка... смуглые руки поднесли к лиловым от холода губам тонкую трубочку.

* * *

Айлу-Фатар продрог в мокрых лохмотьях, но старательно сдерживал дрожь. Сейчас промахиваться нельзя. Он уже подстрелил колочкой одного из спутников Вешильда — когда кайда напала, тот отправился в обход и отделился от команды охотников. Айлу-Фатар едва сумел отыскать щель в

плотных кожаных одеждах парня, чтобы поразить открытое тело. Но смог все-таки... теперь охотник спит, остаются трое. Тот, кто похитил бога, должен умереть, ему прощения не будет, а вот остальных южанин собирался усыпить. Первым — самого большого. Наверное, он опасней. Айлу-Фатар тщательно прицелился в щеку над задранном воротником и резко выдохнул. Здоровяк почесался, нащупал колючку, но удивиться не успел — Вешильд скомандовал: «Вперед!»

Режим питания, избранный Клариссой, имел существенный недостаток. Если сдерживать голод она научилась неплохо, то, приступив к трапезе, уже не могла остановиться. Другие вампиры подкреплялись часто и понемногу, охотились компаниями (тогда каждому доставалась лишь толика), иногда сохраняли пищу жизнь, чтобы заполучить нового собрата. Кларисса же ела раз в неделю, зато высасывала досуха. Ей уже вчера нестерпимо хотелось крови, но дождь загнал горожан под крыши... Пришлось терпеть голод еще целые сутки.

Изголодавшись, она припала к Джейку и не замечала ничего. Опомнилась Кларисса лишь когда на нее свалилась тяжелая сеть, ловко брошенная рослым охотником. Кровопийца вскинулась, пытаясь сбросить петли, и завизжала — в тросы были вплетены серебряные нити. Больно.

Кларисса билась над телом Джейка, но никак не могла освободиться и запутывалась все сильнее. Вешильд и подручные бежали к ней, тяжело топая, расплескивая лужи... Налетели, навалились, растянули сеть, прижимая добычу к булыжнику. Кларисса не сдавалась, ей даже удалось приподняться вместе с повисшими на сети охотниками, она уже стояла на коленях — тут Вешильд, улучив момент, подкрался к девушке сзади и воткнул кинжал Клариссе в ягодицу. Помощники навалились изо всех сил... рывки пленницы сделались слабей... наконец стихли вовсе.

— Вот и славно, — Вешильд выпрямился и потер ладони, — дело сделано. Упакуйте товар, дети мои... А чего это Годлиха не видно? Я ж ему велел к нам бежать, как приступим!

— Должно быть, решил, что если вместо него пьянчугу вперед пустили, так и работать не надо, — подал голос самый молодой из охотников.

Он просунул обрубок осинового кольшка между челюстей потерявшей сознание Клариссы и теперь стягивал на ее затылке ремешки, удерживающие деревяшку.

— Значит, и долю не получит за эту тварь, — решил Вешильд. — Ну что, заткнул пасть? А ты, боров жирный, управился?

— Ага, — рослый охотник защелкнул на клариссиных запястьях браслеты, соединенные короткой цепью. — Готово, отчете.

— Ну так переверните! — недовольным тоном велел Вешильд. Мордой вниз ее переверните, не то захлебнется, когда блевать станет! Эх, ну что за неучи! Ведь не впервой же вам, не впервой, а все никак не запомните... А ты давай мешок.

Рослый охотник выпрямился, встряхнул широким мешком, чтобы ткань развернулась. Тут его снова кольнуло в щеку. Толстяк поскреб больное место, нащупал колючку и стал вертеть перед газами, чтобы получше разглядеть в темноте.

Молодой подручный перевернул Клариссу и украдкой пощупал ее грудь.

— А что, отче, она теперь снова человек?

— Не совсем, — буркнул знаменитый охотник, — вот полежит с кинжалом святого Локорна в заднице — и тогда, по милости чудотворца, выйдет из нее злобное кровопийство. Такова сила реликвии, обретенной мной путем великого подвига. Но о том — молчок. Нам надлежит вампира предьявить для казни, а не девку. Понял?

— Так если она теперь опять девкой станет, — не унимался парнишка, — может, нам ее можно... того? Ну, этого? Попользовать, значит? Ведь все едино костер ждет?

— Мысли твои грешны, — отрезал Вешильд, — мне негоже такое слушать... Но если так приспичило, нынче тебя поставлю ее в каталажке стечь. А мы — спать... Эй, ты, пугало, что возишься?

— Да что-то вот... колется... — пробасил толстяк и вдруг стал оседать на закованную в цепи Клариссу.

— Эй, ты, кабан жирный, ты чего? Эй! Она тебя не укусила случаем?

Над низкорослым Вешильдом выросла широкая тень — Кеннет ударил знаменитого охотника на вампиров по темени, тот мешком повалился в лужу. Молодой подручный, увлеченно изучавший скудную клариссину анатомию, поднял голову — клочок влажной тьмы метнулся навстречу, обращаясь в тяжелый кулак...

Айлу-Фатар не понимал, что происходит, но счел, что события развиваются по воле Лахаса. Дождавшись, чтобы на ногах остался только тот, кто пришел последним, южанин вложил колючку в трубку и прицелился...

* * *

Кеннет присел над распростертым в луже низкорослым охотником, проверил пояс — пусто. Есть люди, которым нравится носить нож за голенищем сапога, но Вешильд был обут в башмаки... Кеннет как раз нащупал ножны, подвешенные на ремне под рукой коротышки, когда колючка сонной акации уколола в щеку. Наемнику показалось, что его кусает насекомое, он даже подумал, что комары ничуть не лучше вампиров... а потом вдруг понял, что падает. Под щекой возник мокрый плащ Вешильда, зрение помутилось...

Айлу-Фатар выступил из темноты и оглядел груды неподвижных тел. Осторожно подхватил Кеннета и сдвинул с охотника на вампиров. Оказавшись на твердом холодном булыжнике, наемник окончательно пришел в себя, но лежал неподвижно. Сознания он не терял ни на миг — его организм отличался странной нечувствительностью к ядам. Просто на некоторое время действительность странным образом сплелась со странными видениями. Кеннету почудилось, что Вешильд и помощники — сказочные животные, рогатые, мохнатые... вот они вольготно развалились в траве... и еще рядом лежит очень красивая девушка... Вскоре видение померкло, а потом из тьмы вышел странный чужеземец, который пил молоко в «Треснутой кружке» — и Кеннет ничуть не удивился, появление южанина показалось наемнику совершенно естественным. Кен-

нет решил, что чужак не желает ему зла, потому беспрекословно позволил перетащить себя в сторону и стал наблюдать сквозь сомкнутые ресницы.

Айлу-Фатар склонился над Вешильдом, извлек из-под лохмотьев бронзовый кинжал и, держа перед собой, запел вполголоса странные тягучие куплеты. По треугольному лезвию побежали искорки, освещая крючконосый профиль южанина. Кеннет медленно согнул и разогнул пальцы, проверяя, насколько он в состоянии управлять собственным телом. Похоже, порядок. Айлу-Фатар умолк, и Кеннет собрался отнять у него кинжал... неожиданно чужеземец порывисто склонился над коротышкой Вешильдом и взмахнул рукой. По телу охотника на вампиров пробежала судорога, из распоротого горла вылетел тихий хрип... Южанин отшатнулся от умирающего — теперь он сидел на коленях спиной к Кеннету, и наемник, не задумываясь, взмахнул ногой. Каблук тяжелого сапога ударил чужеземца по затылку, тот свалился на Вешильда — лицом в струю крови, бьющую из раны. Айлу-Фатар проворно кувыркнулся через убитого и легко поднялся. Кеннет озадачился — обычно его удары оказывались куда действенней! Он тоже вскочил и двинулся на южанина. Тот взмахнул кинжалом, роняя кровавые брызги с лезвия и выпачканной одежды, Кеннет увернулся и сделал еще шаг. Айлу-Фатар повернул оружие обратным хватом и попытался ударить снова, но теперь рослый наемник был совсем рядом. Кеннет легко поймал вооруженную руку и позволил Айлу-Фатару закончить движение — только немного подправил траекторию клинка. От рывка чужестранец покачнулся, падая вперед, вслед за кинжалом. Локоть Кеннета врезался в лицо южанина, Айлу-Фатар ахнул, выпустил кинжал и осел на мостовую. Ему было очень больно.

— Ничего не понимаю, — заявил Кеннет, подбирая бронзовый клинок, — ты кто такой? И почему нож у тебя? Он же у этого должен был оказаться?

Айлу-Фатар вытер струйку крови, стекающую из разбитого носа, поглядел на мокрые ладони и сказал:

— Это не настоящая Лахас. Это кузнец Ходон делать, а великий шаман Рам-Тайфад сильно намолить. Очень похож. Все равно не настоящая. Настоящая Лахас была у обманщик вор. Моя вернуть. Дай вернуть, очень надо! Очень просить, вернуть надо!

— Лахас? А, кинжал святого Локорна! Значит, это копия?

— Моя не знать копия, — скорбно покачал головой Айлу-Фатар и снова утерся, — моя очень просить настоящая Лахас. Сильно просить. Очень надо.

— Погоди, погоди... — Кеннет пытался сообразить, о чем толкует чужак, но истина упорно ускользала. — Значит, у тебя копия, подделка. Похожий ножик, правильно?

— Так есть. Похожая на Лахас. Такой дорогу верно кажет к Лахас, а сам не.

— Но у коротышки тоже не было ножа.

— Настоящая Лахас он в кайду тык, — Айлу-Фатар отнял руку от носа и показал в сторону, туда, где лицом вниз лежала Кларисса. С кончика пальца южанина снова сорвалась кровавая капля. — Вон кайда.

— Кайда? А, вампир!

— Кайда кровь пьет. Лахас против нея. Если не верну Лахас домой, кайды всех заберут. Один заберут, потом другой, потом еще другой. Всех один за другой. Всех кусают, все кайды потом. Нет мой народ, токмо кайды. Нужно Лахас домой. Очень.

Тут Кеннет разглядел рукоять кинжала святого Локорна, которая торчала из тощего зада Клариссы.

— А, вот он. Верно!

Кеннет потянулся к реликвии святого Локорна.

— Ай! Не трожь! Не брать покуда! — всполошился южанин. — Кайда не обернулась! Маленько годить!

Кларисса пошевелилась. Руки были скованы за спиной, и она не могла восстановить координацию движений, только ворочалась в луже. Вот приподнялась, изогнувшись в талии, икнула, промычала неразборчивое из-под деревянного кляпа — а потом ее начало рвать. Осиновый брусок мешал, Кларисса мучительно стонала, изрыгая не переваренную кровь Джейка вперемежку с отвратительной вонючей слизью. Девушка пыталась отстраниться от мерзкого месива, но никак не удавалось приподняться, она стонала, ныла, все тело передергивалось от напряжения — с каждым рывком из-под кляпа выплескивалась новая струйка.

— Кайда оборачивается. Опять живой стать, — довольным, даже ласковым тоном протянул Айлу-Фатар.

* * *

— Оборачивается, значит... — повторил Кеннет, наблюдая за рывками Клариссы.

Наемник потянулся почесать отнятым кинжалом подбородок — проскочила длинная голубоватая искорка, кольнула щеку. Кеннет буркнул ругательство и поглядел на бронзовое лезвие. В голове роились странные мысли, смутные догадки и подозрения. Сложить их в цельную картинку никак не удавалось. Слишком много тайн громоздилось здесь друг на друга. Кеннет не любил упускать тайны — любая могла обернуться туго набитым кошельком...

Кларисса постепенно угомонилась и теперь только икала, неловко вывернувшись набок.

— Значит, этот кинжал превращает вампира в человека? — уточнил наемник.

Айлу-Фатар промолчал. Он уже использовал наличный запас слов и теперь боялся сказать неправильно.

— И этот кинжал у вас украли?

— Не простой кинжал, — сказал южанин.

Подумал и прибавил:

— Лахас там.

— Кто это — Лахас?

— Большой бог. Сильный. Кинжал и есть Лахас.

— Сильный? — Кеннет оглядел рукоять, изображающую коротконового лысого мужичка с закрытыми глазами. — А на вид плюгавенький.

— Лахас — великий бог, все ему молят. Шаман Рам-Тайфад лучше всех молит. Умеет великий Лахас призвать. Кузнец новый кинжал творить, совсем как старый, Рам-Тайфад в новый немного великий бог примолить. Но не настоящий, недолго деять. Нужно старый, верный кинжал...

— По-моему, мы топчемся на месте, — решил Кеннет. — Нужно где-то скрыться, а то, неровен час, стража явится, или еще кто. А тут у нас...

Наемник обвел рукой грудь тел. Кларисса икнула.

— Как ты думаешь, твой нож уже подействовал? Можно его выдернуть? Айлу-Фатар пожал плечами. Обычно Лахасу давали побыть в теле кайды подольше.

— Нехорошо выйдет, если она еще вампир, — рассудил Кеннет, — мы уйдем, а она за нами увяжется... Нет уж, к демонам! Придется ее забрать, как есть, с ножиком в этом самом месте.

Кларисса икнула.

— Где бы спрятаться... Эй, у тебя есть, где укрыться?

— Моя чужой. Нет дом. Отдай Лахас, и как солнце — моя топать домой.

— Плохо.

— Можно к она домой.

— К кому?

— Кайда здесь рядом дом. Моя видел, за ней ходить. Совсем рядом, там никто видеть.

Кларисса икнула.

— Ты знаешь, где ее логово? — Кеннет наконец сообразил, о чем толкует собеседник.

— Точно есть.

— Тогда хватай ее и пошли. Ты впереди, я следом. И не вздумай своего Лахаса в ее заднице шевелить! И думать не моги! Неси, как есть.

Кларисса икнула.

Айлу-Фатар послушно поднял девушку, взвалил на плечо. Рукоять в виде коренастого Лахаса покачивалась перед глазами южанина, но он боялся ослушаться сердитого спутника. Тот рассуждал спокойно и не сердился — авось, удастся упросить, чтобы вернул бога по-хорошему...

Кеннет напоследок оглядел место стычки. Дождь почти прекратился, только изредка падали мелкие капельки, кровь собиралась лужами под телом Вешильда да вокруг сети, среди озерка слизи. Наемник вытащил из ножен на поясе здорового охотника широкий нож, выпачкал в кровавой луже и вложил верзиле в руку. Потом выругался и поспешил следом за южанином — тот удалялся с Клариссой на плече. Девушка висела неподвижно и только иногда икала.

Немного позже молоденький подручный Вешильда — тот, который строил планы относительно Клариссы — пришел в себя. Сел и огляделся. Первое, что бросилось в глаза — разрезанное горло охотника на вампиров. Парень вскочил и попятился — тут он увидел и блеск на лезвии клинка, зажатого в ручище толстого мужчины. Младший охотник охнул и попытался сбежать,

поскользнулся, рухнул в лужу, пополз... снова встал — грязный, в крови и грязи. Сделал шаг, другой — ноги заплетались и скользили по мокрому.

— Убил! — с ужасом произнес парень. — Отца Вешилда убил, дурень жирный!.. Ох, бежать надо...

«Убили! Отца Вешилда убили!..» — разнеслось над спящими улицами. Крик взлетел и погас, удушенный дождем, городом и ночью... Кеннет кивнул и буркнул, обращаясь скорее к себе, чем к понурому Айлу-Фатару или икающей Клариссе:

— Я так и думал, что полезней их живыми оставить. Теперь виновных не станут искать, выберут одного из этих. Эй, чучело носатое, далеко еще? Слышишь, что ли? Сейчас шум поднимется.

— Сюда, — откликнулся южанин, указывая двухэтажное здание. — Здесь кайды домик.

Кеннет толкнул дверь — не заперто. Пожалуй, не врет чужак. В самом деле логово вампира выследил.

* * *

Внутри было темно. Наемник велел Айлу-Фатару опустить вампира.

— Интересно, здесь свечи есть? Лампы, или хоть что-то? Хотя, откуда... вампиру свет не нужен.

Южанин осторожно нагнулся. Кларисса лежала на плече тихонько, даже икать перестала. Прежде, чем уложить девушку на пол, Айлу-Фатару отгреб ногой мусор и... обнаружил огарок — старый и грязный. Должно быть, остался от прежних хозяев. Кеннет буркнул: «Чудеса случаются», разжег огонь и велел чужеземцу встать у стены, подняв руки.

— Моя Айлу-Фатар звать, — сказал тот, — отдай Лахас. Очень прошу. Совсем прошу.

Наемник, не отвечая, деловито обыскал южанина, отобрал деньги, короткий нож, трубку, футляр с колючками сонной акации. Колючек осталось совсем мало.

— Этим, что ли, в меня стрелял? — осведомился Кеннет. На Клариссу наемник не оглядывался, поскольку она в теперешнем положении опасности не представляла. Честно сказать, посмотреть на девушку ему хотелось, поскольку в памяти продолжали маячить смутные образы, навеянные дурманом сонной колючки — будто Кларисса прекрасней всех дев, каких Кеннету удалось повидать на жизненном пути... и будто бы их нынешняя встреча — нечто особенное... Чудеса случаются! Непривычное ощущение будоражило... но Кеннет стеснялся выказать любопытство. Представление о «правильном» поведении предписывало выглядеть холодным, самоуверенным и отстраненным.

— Этой, ага. Твоя спать должен был, не умирать, совсем не умирать. Хорошие сны, только потом маленько башка тяжелый.

— Хм, ловко... А я предпочитаю простые способы, — наемник продемонстрировал кулак.

— Но твоя не спать вовсе. Моя промахнулась? — поддержал разговор Айлу-Фатар. Он решил, что незнакомец настроен более или менее дружелюбно — значит, нужно с ним беседовать, как бывает между добрыми людьми, когда те встречаются. На охоте встречаются, или еще где — по-хорошему нужно беседовать, словно соседи. Поболтать с этим суровым человеком, он пообещает, привыкнет к Айлу-Фатару, потом проще будет уговорить вернуть бога.

— Твоя промахнулась, когда с моей связался, — буркнул Кеннет. — Ладно, к демонам! Садись на стул. Руки назад.

Айлу-Фатар покорно позволил привязать себя к стулу.

— А теперь поглядим, что у нас тут...

Кеннет переставил свечу поближе к неподвижной Клариссе и склонился над девушкой. Честно сказать, результат осмотра обескуражил — тощее грязное существо с лицом, укрытым под копной спутанных нечесанных волос, вряд ли могло оказаться самой прекрасной девой... при этом непривычное ощущение не покидало, девчонка странным образом влекла Кеннета. Не как женщина влекла, а как идея. Как мечта о красоте. Прежде с наемником не случалось ничего похожего, и он решил, что колючка южанина все-таки подействовала. Еще решил, что нужно раздобыть побольше таких колючек — интересные мысли в голову лезут. Хорошо бы еще попробовать, только не наспех, а когда жизнь будет поспокойней.

Кеннет приподнял легкое тело, нащупал рукоять волшебного кинжала и дернул. Треугольное лезвие вышло неожиданно легко. Девушка охнула, но не пошевелилась. Наемник ждал, что хлынет кровь, однако на лезвии осталось разве что несколько капель. Кеннет перебрал в памяти все, что знал о вампирах — кажется, у них кровь не идет? Отвел густые волосы в стороны, перерезал ремешок и вытащил из челюстей Клариссы брусочек. Зубы оказались в порядке — ровные, белые, клыки не выделяются. Хм, хороший признак! Чудеса случаются!

Что же в ней такого? Обычная девчонка, только очень тощая. Худое лицо, вздернутый короткий нос... и веснушки. Вот уж чего у вампиров точно не бывает — веснушек!

— Эй, ты, как тебя? Айтуфар?..

— Айлу-Фатар. Друг.

— Слышишь, Айнуфакар, а нож-то действует!

— Лахас — великий бог. Очень вернуть надо...

Вот заладил... Кеннет перевернул девушку на живот и занялся оковами. Мысленно обругал себя за то, что не подумал прихватить ключ, и полез в потайной карман за отмычками. Отыскал подходящую, поковырялся в замке. Кандалы были хитрые — при попытке вырваться из браслетов выдвигались серебряные штырьки. Зато замок — плевый. С тихим щелчком браслеты разомкнулись, Кеннет снова перевернул Клариссу — теперь она показала ему даже очень хорошенькой. Только грязная слишком.

Кларисса раскрыла глаза — большущие, зеленые.

— Ты пришел, — торжественно провозгласила она. — Я так и думала, что рано или поздно мы встретимся!

— Когда это ты думала? — Кеннет растерялся, что случилось с бравым наемником нечасто.

— Когда следила за тобой по ночам, вот когда.

Девушка облизнула растрескавшиеся губы, схватила Кеннета за плечи, потянула — мягко, но настойчиво. Сам себе удивляясь, мужчина ответил на поцелуй, руки привычно поползли по платью Клариссы, нащупали застежку... Теперь и Кеннету казалось, что они непременно должны были встретиться. Рано или поздно — но чем раньше, тем лучше! Чудеса случаются!

* * *

— Проклятье... Где мой пояс? — Кеннет с трудом возвратился к действительности.

— Он на тебе, ножны на спину съехали, — Кларисса хихикнула, села... откинулась, опираясь на руки, так что маленькие острые груди приподнялись. — А мое платье совсем порвалось.

— Неудивительно. Ходишь в лохмотьях...

Смущаться наемник не умел, но теперь был сконфужен. Чудеса случаются!.. Чтобы не выдать, как ему неловко, Кеннет преувеличенно деловито стал натягивать брюки и переворачивать ремень — так, чтобы ножны возвратились на законное место, под руку. На девушку он не глядел, но когда все-таки поднял глаза — то уже не смог отвести взгляда. Руки сами собой потянулись к Клариссе, она снова хихикнула и скользнула навстречу, в крепкие объятия.

— Ты красивая, — ляпнул Кеннет, когда они наконец оторвались друг от друга. — А ходишь в лохмотьях. Что ж ты так? Нужно все-таки как-то...

— Ты — как мой папаша. Или как Гвенлин.

— Кто это?

— Вампир, который обратил меня.

— Я его убью.

— Не надо, — Кларисса уже не ухмылялась, — он добрый. Только по-своему. А ты — добрый?

— Нет, я злой. Я порчу девушек... — Кеннет вспомнил, что они в комнате не наедине, — на глазах у чужеземцев. Эй, ты, как тебя, Айматар, ты живой?

— Моя Айлу-Фатар звать. Моя не глядеть.

— Ну и зря не глядеть, — Кеннет уже совсем опомнился, былая самонадеянность вернулась к наемнику. — Ничего плохого мы не делали. Вот платье разве что порвали.

— Ничего, платье все равно было драное. — Кларисса поднялась и закуталась в лохмотья. — Смотри-ка, все еще ночь! А мне казалось, что много-много времени прошло...

— Так всегда бывает, — кивнул Кеннет, — постой, а как тебя звать?

— Кларисса.

— Хорошее имя. А я — Кеннет.

— Отдай Лахас, — снова протянул Айлу-Фатар, — твоя видел, как он деть. Кайду обернуть, совсем человек теперь. Не кайда вовсе. Моя народ очень Лахас ждать. Кайда много-много приходить. Совсем народ нет, если Лахас нет. Лахас — великий бог! Нет бог, нет народ!

— О чем это он? — Кларисса с любопытством поглядела на южанина. — И кто это такой?

— Моя Айлу-Фатар звать, — терпеливо повторил чужеземец, — моя твою сюда принести. Моя Лахас нужен. Без бог не жить народ. Безбожие — гибельно быть.

— Он издалека приперся, — объяснил Кеннет, — ищет волшебный нож. Говорит, в ножике бог живет. Если этим ножиком вампира ткнуть, получается человек.

Кларисса нахмурилась и задумчиво потеряла ягодицу.

— Вот именно, — подтвердил наемник. — Так этот Айдукамар говорит, что ножичек его народу принадлежит.

— Моя Айлу-Фатар звать. Отдай Лахас. Очень просить. Очень сильно. Совсем.

— По-моему, он хороший? — неуверенно произнесла Кларисса.

Кеннет вытащил оба кинжала — настоящий и копию, которую отобрал у пленника. Конечно, отличие заметное. Если держать два клинка рядом, вот как он сейчас — то невозможно спутать. На древней вещице Лахас тонко сделан, лицо — словно живое, даже видно, как божок лукаво следит за Кеннетом из-под опущенных ресниц... Копия сделана куда как проще, черты лица коренастого мужчины на рукояти — смазанные, невыразительные... сложенные на брюшке ладони едва выделяются, видно, что только контуры процарапаны на модели, по которой кузнец отливал новый кинжал.

— Кларисса, развяжи его, что ли... — проямлил Кеннет, вертя кинжалы перед глазами. — Слушай, Абдуламар, а твой новый-то ножик — он тоже может вампира... э... обернуть?

— Не долго мочь. Мой кинжал — нет Лахас настоящий, токмо малая часть Лахас, кою великий шаман Рам-Тайфад примолил, — зачистил Айлу-Фатар, пока Кларисса сматывала веревку с его запястий. — Он, кузнецом который творен, быть как настоящий Лахас, токмо недолгим. Лахас — навеки, молитва Рам-Тайфад — на короткий миг. Кайду ударил ненастоящий Лахас — он упал, день лежать, два день, три день потом не кайда, человек еси, а там сызнава!

Айлу-Фатар смолк, потирая следы веревки на запястьях.

— Что-то я не пойму...

— А я все понимаю! — объявила Кларисса. — Кинжал, в котором бог, меня делает человеком. Навеки, навсегда.

Девушка потеряла раненную ягодицу и продолжила:

— А шаман с кузнецом делают фальшивый кинжал, он обращает вампира в человека на два или три дня. А потом что?

Кларисса обернулась к южанину.

— А потом ваш шаман снова кайду ножом колет?

— Точно так. Молится без отдых, молится великий Рам-Тайфад, намаливает Лахас в новый кинжал, кузнец тоже без отдых, он кинжалы деять и деять! Кайда приходить — его тык! Он упал, потом его в темный дом. В темный дом много кайда, цепочка сидеть, очень скучно ему, его снова и снова ненастоящий Лахас тык. Новый два дня — тык! Новый два дня — тык! Совсем плохой без Лахас настоящий...

— А что еще ваш бог может? Ведь не только вампиров лечить, а? Интересно мне, зачем надутому герцогу такой нужен...

Наемник не верил в добрые намерения сиятельного герцога. Что Кеннет знает о его светлости? Племянник короля, четвертый в списке наследников, отважный воин, выигравший несколько второстепенный кампаний... Человек властный, решительный... Зачем такому кинжал? Кеннет был совершенно убежден, что лично ему эта история ничего хорошего не сулит... кроме, конечно, сотни талеров... От герцогов не исходит ничего хорошего, кроме талеров, да и то нечасто — так устроен сей мир. К демонам! Чудеса случаются, но добрые намерения герцога — это даже не чудо... это нечто более дивное. Кеннет скорей бы поверил в жабью шерсть. Зачем герцогу карманный бог?

— Лахас — он великий! Много может, на охоте удачу может, урожаем может, много орехи в лесу может, чужой бог одолеть может, разное деет...

Кеннет уже не слушал. Он вертел кинжалы, поворачивая так и этак... Глядя на наемника, умолк и Айлу-Фатар. Мысль, пришедшая в голову Кеннету, была совершенно очевидной.

* * *

Кларисса, кутаясь в изодранные лохмотья, удалилась в подвал — переодеться. Там старье хранится.

Кеннет вернул южанину трубочку, но половину колбочек оставил себе.

— Хорошая штука, — пояснил, — интересно действует.

Потом подумал и вернул тяжелый кошелек.

Айлу-Фатар до того удивился, что принял деньги молча. Он привык: здесь, на севере к монетам народ относится со странным трепетом. При виде монет люди испытывают восхищение, трепет и вожделение. Примерно так земляки Айлу-Фатара глядели на идолов богов. Но боги-то — понятно! Их положено уважать, почитать и бояться. А кругляши со стертой неразборчивой чеканкой? Айлу-Фатар не пытался понять чужих обычаев, просто принимал к сведению. И вот — Кеннет вернул кошелек! Должно быть, это оттого, что он не такой, как другие. На него и колючка не действует. Айлу-Фатар вспомнил, как этот человек с бывшей кайдой по имени Кларисса глядели друг на дружку. Эх, да и не только глядели! На севере люди странные, но эта парочка — вовсе особенная! Должно быть, они будут счастливы вместе, потому что оба отличаются от иных. Жалко, что Кларисса такая некрасивая, подумал Айлу-Фатар. Совсем некрасивая, долго Кеннету кормить ее придется, чтобы похорошела... так вот, выходит, очень необычно, что этот странный человек вернул кошелек Айлу-Фатару.

Кеннет и сам не понимал, что это с ним такое приключилось — будто кто-то толкнул под руку. Вроде, не случилось прежде, чтобы сам деньги отдавал! Отнимать привычнее. Хорошо еще, что носатый чужеземец не стал благодарить — должно быть, обалдел от счастья... А то бы совсем смутил Кеннета.

Подумав немного, наемник решил, что ему по мозгам так шарахнуло из-за колочки сонной акации. Пройдет время — и это дерьмо, к демонам, отпустит... так что он перестанет монеты дарить. Точно, колочка, все из-за нее. Наемник ухватился за это объяснение, потому что все остальные были еще хуже. Ведь не бог же Кеннета так переделал? Не Лахас этот бронзовый? Однако от кинжала следует избавиться, а то мало ли... Если Лахас заставляет кошельки раздавать...

Заскрипели ступеньки — девушка вернулась. Новый наряд... был новым только в сравнении с прежними лохмотьями. Бесформенная пыльная хламида висела на костлявых плечах, словно мешок. Кеннет подошел и осторожно расправил ткань на боках девушки.

— Может, мне перепоясаться? — упавшим голосом спросил Кларисса.

— Не надо, только складками все соберешь, — решил наемник, — возьми лучше мой плащ, укутайся, как следует. Еще простудишься под дождем!

И погладил взерошенные черные волосы Клариссы.

Айлу-Фатар первым вышел наружу, огляделся и сказал:

— Дождик. Больше прежнего становить.

В самом деле, дождь снова полил сильнее. Странный дождь — затяжной, муторный. Необычно для августа. Старики говорят, подобная погода обычно предвещает нечто... Дождь — это знак.

Кларисса подставила под капли ладонь и счастливо улыбнулась — она, оказывается, совсем забыла, какое это приятное чувство — ощущать ладонью холодную воду с небес! А как пахнет дождь! Боги, Кларисса успела позабыть это свежий, чуть терпкий запах... Дышать дождем — это счастье. Кеннет поправил плащ, в который укутал девушку, и строго сказал:

— Не мокни понапрасну, тебе сейчас беречься нужно... ведь отвыкла же! А ты, как тебя, Ардуматар, давай вперед, чтоб я тебя видел. Курс на «Треснутую кружку»! Эй, не туда! В обход двинем, потому что если прежним путем — то наверняка стражников повстречаем. Да не так широко шагай, чучело носатое, видишь, дама не поспевает! Времени до рассвета еще много. Мы успеем...

— Моя Айлу-Фатар звать, — безнадежно повторил южанин, послушно принаравливая шаг к неровной походке бывшей кайды Клариссы.

* * *

— Внутри я войду один, — объявил Кеннет, — вы ждите поблизости. Только у дверей не маячьте, спрячьтесь где-то... в подворотне, например. И поосторожней, что ли... Ну, с богами...

— Зачем с богами? С Лахас за поясом ты. Я молить Лахас, чтобы помогал.

— Эх ты... Акукамар! Ладно... к демонам! Я иду.

В зале царила полутьма. Посетители давно разошлись, только две богатырских фигуры, герцог с телохранителем, возвышались над столом. Хозяйка отправилась

на боковую, а бородатый трактирщик дремал за стойкой. Он потушил большую часть ламп, оставил только те, что горели над полуночниками, да свечу перед собой. Конечно, толстяк охотно отправился бы спать, да ведь не укажешь на дверь-то важным господам! Тем более, они при деньгах, платят, не скупясь. Когда еще пошлют боги таких клиентов в дождь? Никогда и не пошлют. Так что хозяин дремал, уронив голову на сложенные руки. К гостям была обращена макушка — розовая в отсветах свечки плешь, обрамленная короткими жесткими волосами.

Кеннет вошел тихо, аккуратно затворил дверь, хозяин и ухом не повел. Огонек свечи, горящей на стойке, качнулся, на стенах вздрогнули тени. Герцог тоже не услышал, но телохранитель встрепнулся и привстал, всматриваясь в полумрак у входа. Кеннет вышел на свет и остановился, позволяя разглядеть себя. Теперь и герцог заметил.

— Ну? — изрек вельможа.

Толстяк за стойкой поднял голову, из угла мятого рта протянулась ниточка слюны. Трактирщик утерся ладонью и снова опустил голову. Раз Кеннет не садится, значит, заказов не будет.

— Товар при мне, — спокойно объявил наемник.

— Давай.

— Извольте, мой господин, — Кеннет приблизился и положил на стол кинжал.

Герцог осторожно, кончиками пальцев, взял клинок и внимательно осмотрел, поднеся едва ли не к самому носу. Потом стянул перчатку и провел над кинжалом длинными пальцами, униженными перстнями. Свет ламп отразился в гранях благородных камней. Один самоцвет зажегся неярким розовым светом. Джерем поморщился. В старинном манускрипте говорилось, что камень будет испускать мощное алое свечение. Назывался камень «Сердце Демона», и тому имелась причина... Что же, кристалл исправно светился, хотя и не так, как писал древний чародей... Объяснения могли быть различными — древность реликвии, ошибка переписчика, да мало ли...

Телохранитель положил ладонь на рукоять кинжала под столом и глянул на господина. Тот еле заметно качнул головой и вытащил кошелек.

— Держи!

Кеннет поймал звякнувший мешочек, при этом хозяин снова поднял голову и протяжно зевнул.

— Всего хорошего, мои господа... — наемник отступил в тень, не сводя глаз с клиентов. Отвернулся он только у двери.

Когда наемник показался снаружи, две тени выступили из подворотни.

— Сработало, — буркнул Кеннет, — держи, Айгумагар.

— О... — южанин в припадке восторга прижал истинного Лахаса к груди. Бог вернулся! — Навеки, благодарность навеки, друг! Великий друг! Что твоей желательно будет... моя навеки...

— Эти идиоты ничего не заподозрили, — заметил Кеннет. — А утром мы уйдем отсюда. Подальше от этого напыщенного аристократишки. А что, Кларисса, не отправиться ли нам с Аймугабаром?

— Его зовут Айлу-Фатар, — улыбнувшись, поправила девушка. Ей было все равно, куда идти. С Кеннетом.

— Ладно, выучу по дороге, — ухмыльнулся наемник. — Идем скорей, пока болваны там, в «Треснутой кружке», не заподозрили обмана. Жаль только, что не увижу их рож в тот миг, когда они поймут, что прокололись.

* * *

— Дело сделано! — герцог поднялся, со скрежетом отодвинув стул. Сунул покупку за пояс и натянул перчатку. — Идем!

Мужчины вышли на крыльцо и остановились, чтобы поднять капюшоны. За спиной звякнул засов — хозяин наконец-то запер заведение и теперь отправится дрыхнуть.

— Мы были одни, — осторожно заметил телохранитель, — хозяин не в счет. Можно было...

— Пустое, — бросил вельможа, — слишком многие видели нас здесь. Станет известно, что я покинул «Треснутую кружку» последним. Если убрать хозяина, это может оказаться слишком... э... да и, в конце концов, что деньги? Дело того стоило.

Они зашагали под холодными струями дождя, разбрызгивая грязную воду сапогами. Прошли по тихим улицам... Здесь, в городе, у герцога был собственный отель. Телохранитель громко постучал — за дверью послышалась возня, торопливые шаги. Когда дверь распахнулась, и заспанный привратник с поклонами посторонился, Джерем обернулся и велел:

— Ступай к воротам. Скажешь стражникам, мол, секретное дело, разыскиваем опасного преступника. Этот парень, конечно, захочет удрать на рассвете, едва отопрут. Арестуй его, а лучше убей. В любом случае, он не должен ничего говорить дня два или три. Потом уже неважно, пусть говорят, что хотят...

— Лучше, если он вовсе ничего не скажет, хотя бы и через три дня, ваша светлость.

— Конечно, это лучше, — кивнул господин. — Солдатам в воротах дашь денег, чтобы и они помалкивали. Ступай.

Телохранитель поклонился и исчез в холодных струях дождя. Вельможа с минуту глядел в серую пелену дождя. Привратник терпеливо ждал, в лучах фонаря дождь казался тоненькими серебряными нитями — будто распутанная паутина опадает с небес. Герцог представил себе паука, которому под силу сплести чудовищную сеть, поежился и шагнул через порог. Миновал прихожую, на ходу сбросил промокший плащ и, широко ступая, удалился по коридору. Привратник подобрал господскую одежду и покачал головой — повезло. Сеньор суров, мог и в ухо дать, а рука у его светлости ох, тяжелая. Но сейчас вроде, слава богам, возвратился в добром настроении...

Герцог прошел по темному коридору до конца, на дальней стене горела тусклая лампа, и чем ближе его светлость подходил к свету, тем явственней становилась длинная тень. Тень пряталась за широкой спиной Джерема, кралась и пританцовывала в такт шагам. Под лампой находилась низенькая

дверца — вход в подвал. Приехав в город, вельможа велел очистить каморку внизу, вынести хлам и тряпье. Да еще приказал врезать в дверь новый замок — иноземной работы, запирается с обеих сторон.

Что там, в подвале, теперь, не знал никто, за исключением господского телохранителя, который, как говорили, приходится его светлости сводным братом, сыном служанки и старого господина.

Его светлость извлек из кошелька ключ, отпер дверь и, низко склонив голову, прошел в темноту. За дверью не было, разумеется, ни ламп, ни свечей, но, когда герцог стянул перчатки, оказалось, что камень, именуемый Сердцем Демона, дает достаточно света. Здесь, в полном мраке, стало похоже, что он сверкает куда ярче, чем там, в «Треснутой кружке», где розовое мерцание тонуло в огне ламп. Герцог запер замок изнутри и двинулся по узкому ходу. Через десять шагов начались ступеньки — спуск в подвал. Дешевый камень стерся и сделался склизким из-за вечной сырости, царящей в подземелье, так что вельможе пришлось идти медленно, осторожно нащупывая чересчур узкие для его крупных ног ступени. Герцог горбился и опирался левой рукой о стену, не забываясь о том, что пачкается о слизкие крошащиеся камни. Правую ладонь он держал перед собой, и Сердце Демона скудно освещало путь.

Спуск привел в чуланчик. Здесь имелось освещение — толстые свечи из дорогого белого воска смотрелись чуждо в ржавых кольцах, вмурованных в стены, поросшие мхом и плесенью. Седые лохмотья образовывали на темном сыром камне причудливый узор. В центре комнаты на деревянном постаменте покоился некий предмет, укутанный мешковиной.

Герцог прошел вдоль стен, зажигая свечи... остановился в центре и отбросил дерюгу. Под покровами таилась вырезанная из черного камня статуя в локоть высотой — фигура странного создания, сидящего на корточках. Отблески пламени метались по полированной поверхности, играли и дрожали. Статуя изображала коренастого карлика. Длинные руки охватывали колени, голова, приподнятая на непропорционально крупном торсе, венчалась витыми рогами. Лицо идола было печальным, опущенные углы рта и тяжелые веки наводили на мысль о том, что каменное существо хочет спать. В груди имелось отверстие в форме ромба.

Его светлость аккуратно всадил кинжал святого Локорна в дыру — бронзовое лезвие скрылось по рукоять. Легкий щелчок — статуя вздрогнула, демон открыл глаза. Герцог отступил и замер, вглядываясь в оживающего идола.

— Кто ты таков и как смеешь тревожить сон Зелиала? — маленький каменный демон обладал звучным низким голосом.

Герцог продемонстрировал светящийся перстень.

— Я твой повелитель. Видишь камень? Ощущаешь кинжал в груди? Ты должен мне повиноваться!

Каменное лицо сложилось в приторно-сладкую гримасу.

— Да, о владыка! Повелевай Зелиалу, повелевай скорее! Я жажду исполнить твою волю, сколь бы безумной она ни оказалась!

Джерем самодовольно ухмыльнулся.

— Да, демон, да. Ты исполнишь мою волю... ты отправишься в королевский дворец, убьешь дядюшку, венценосного осла, убьешь и моих дорогих кузенов. Хотя... как ты их узнаешь?

— Не будем мелочиться, мой повелитель! Я убью всех, кого застигну во дворце! А? Так будет верней. С твоего позволения, о великолепнейший из владык...

— Отличная мысль. Итак, ты не оставишь в живых никого.

— Мне отправляться немедленно, о могущественный вождь?

— Подождем до рассвета. Мне нужно сделать кое-какие приготовления.

— Как прикажешь, о величайший!

Идол улыбнулся еще слаще. Считается, будто у демонов нет чувства юмора... однако это не так. Зелиал мгновенно ощутил, что кинжал, пронзивший каменную грудь, хоть и подобен настоящему Исторгателю Сердец, но на деле — лишь копия, жалкая подделка. Чародей, изготовивший эту штучку, неплохо потрудился, призывая в свое произведение дух Исторгателя, но кинжал стремительно терял силы. Очень трудное дело — держать в повиновении самого Зелиала! Еще чуть-чуть — магия кинжала иссякнет, и демон освободится от власти зачарованной бронзы. Тогда-то он растерзает «величайшего», уничтожит, разорвет в клочья... и сделает это медленно. Очень медленно. И лишь потом снимет с мертвой руки кольцо, разломает оправу, извлечет кристалл, чтоб возвратить утерянное в незапамятные века Сердце... Потом — снова сон на века. Сладкий. Темный.

А до тех пор демон станет угождать и поддакивать, льстить и притворяться... Глупый человечек, ему невдомек, что власти над Зелиалом вот-вот придет конец... У демонов весьма развитое чувство юмора, но оценить его под силу лишь истинному знатоку!

— О, мой повелитель!.. О могущественнейший из земных владык!..

Зелиал мысленно хихикал и кривлялся — сохраняя непроницаемое выражение на каменном лице. О да, с каменным лицом. С каменным! Хе-хе. С каким же еще? Он ведь идол, истукан! С каменным лицом. Хе-хе! Демон наслаждался собственной штучкой.

* * *

Джейк сел в луже. Проклятье! Паршивая жизнь закончилась паршивой смертью — его укусил вампир. Да и вампир-то каков — тощая костлявая девка... Воришка оцупал себя. Странное ощущение, ничего не болит. Сколько Джейк себя помнит, у него всегда что-нибудь ныло, болело или хотя бы чесалось. И вот — ни малейшего недомогания! Чудесное состояние. Джейк сидит в грязной холодной луже и не мерзнет. Только жрать хочется. Вот раньше-то он и не ел помногу, желудок не справлялся... Погодите-ка, он теперь — кто? Ведь не покойник же? Он вампир!

Новообращенный кровопийца встал и, задрвав голову, уставился в небеса. Навстречу неслись мириады капель, падали, стекали по холодному лицу, собирались ручейками на плечах, на прокушенной шее... Он их видел — несмотря на ночную темень, различал каждую капельку! Но запаха дождя

он не замечал. Джейк прекрасно помнил, как, слоняясь ночами по засыпающему городу, остро ощущал малейший оттенок вони. Гниют отбросы у лавки мясника, тянет сырым железом и гарью от кузницы... У мастерских кожевников и скорняков и вовсе смердит невыносимо. А когда шел дождь — появлялся запах небесной влаги, чуть терпкий, но странно приятный. Дождь укрывал Джейка, когда весь город оказывался против него.

Да! Он ничего не забыл — весь город, весь мир вел с Джейком нескончаемую войну и неизменно одерживал победу за победой. Джейка избивали, пинали, морили вонью убогих кварталов, обдавали презрением на центральных улицах! Он мучился сотней болезней, страдал от сознания собственного ничтожества, терзался пренебрежением окружающих. Распоследний холуй или конюх глядел на Джейка свысока... даже стражники, когда выносили Вешильда и оглушенных подручных, бросили беднягу Джейка с прокушенным горлом валяться в луже — мол, утром возвратятся с тачкой и увезут эту падаль... Они не сочли его достойным последней милости, не отнеслись к Джейку, как к человеку, даже после смерти... Он слышал все, каждое слово, заметил каждый плевок в лужу, он видел и слышал, хотя лежал, словно колода, и не мог пошевелиться, скованный странной апатией. Он услышал и запомнил их грязную ругань. Он не забудет и не простит ничего. Ни-че-го!

Вампир Джейк здоров, полон сил, он отлично видит, различает каждую капельку в мокром небе. И слышит превосходно. Что же с того, что вампиру не дано ощутить свежего аромата дождя? Это можно пережить, да попросту забыть, не замечать, отвыкнуть!

Итак, мир, готовься, Джейк даст тебе новый бой... и теперь-то... теперь удача будет на его стороне. Он снова против города, но пусть-ка город побережется теперешнего Джейка. Кто-то идет... Какой-то здоровяк, вон как топает по лужам! Джейк отступил в нишу и приготовился. Этот мужчина высок, статен, под добротным плащом кольчуга вороненой стали, на поясе — здоровенный кинжал. Оружие не защитит человека, нет. Мужчина вглядывается в темноту, но не может разобрать ничего, а Джейку прекрасно видно каждое звено черной кольчуги, каждую заклепку на ножнах. Он отлично различает, как бьется на толстой шее жилка... кровь, сладкая, сытная. Куда направляется эта пища? Большой человек не доберется к цели.

Ночь, дождь и город, глядите — Джейк идет!

АННА КИТАЕВА

ЗНАК ОРТАНЫ

1

НИЧЕГО НЕ РАСТЕТ ВОЗЛЕ ПРОКЛЯТОЙ БАШНИ. И НЕ росло никогда. Одна лишь чертова колючка, да и та хилая и чахлая, будто питается гадючьим пометом. Только и змеи там стараются не ползать. В общем, чего разговаривать, все знают: плохое место.

Когда этот приезжий меня попросил отвести его к Проклятой башне, я сразу подумала, что он ненормальный. В смысле рехнулся. Нечего человеку делать в таком месте, если только он не колдун, не оборотень и не мертвец бродячий.

Ну, что он не колдун, это трехнедельному теленку с первого взгляда видно. А то, что не мертвец и не оборотень, я ночью сама проверила. Так мы с ним, в общем, и познакомились — вчера, когда он в заведении Серой Мамочки заночевал. Мужик как мужик, только первым делом погасил свечу, а потом что-то шептал все время тихо-тихо, будто молился. Я еще тогда подумала, что у него с башкой не все в порядке.

Не пойму, зачем он свечу гасил? Разве, чтобы я не разглядела медальон у него на шее, когда он раздевался. Откуда ему знать, что я в темноте вижу как крыса? Медальон еще и светился к тому же. Ну, не обычным светом, конечно, а колдовским — бледненько так, едва-едва. Куда он его после спрятал, не знаю. Некогда было высматривать. Меня Мамочка не затем держит, чтобы я на медальоны заглядывалась, даже если на них Знак Ортаны.

Оно, конечно, любопытно. Была минута, я у него чуть не спросила, где он такую вещичку взял, и зачем она ему. А потом передумала. Кто его знает, придурка? Еще вдруг обозлится да шандарахнет мечом. Даже если просто рукоятью по голове, все равно мне такие игры без надобности.

Меч он не прятал, меч я хорошо рассмотрела. Северный двуручный. Клинок из шенской стали тройной закалки. Хороший меч. От колдовства почти чистый, только в плетенку из сыромятной кожи вокруг рукояти два наговора заплетено. Обычные наговоры: один против вражьей руки, другой для хозяйской, чтобы силы прибавлять.

Хороший меч, только не его. На другую руку зажат. Занятно — купил он, что ли, этот меч? Или нашел?

Ясно только, что не в бою взял, иначе первый наговор ему до рукояти и дотронуться бы не дал. Ну, заклятье — не голова, можно и снять, как говаривала моя бабушка, пусть ей в аду легко икнется. Только парень, похоже, даже не знал, что меч заговоренный. Так и махал им в полный вес да без защиты — ни враг, ни хозяин... Силенки хватает, и ладно.

От четверых оборванцев, однако, отмахался. Я сама из окна видела. Это вечером, когда он по нашей улице шел. Поздно уже было, темно совсем. В общем, правильно они на него навалились — по нашей улице и днем-то не надо ходить, если не местный. Ну, двоих он положил, а двое, видать, передумали драться. Особенно, когда Медведь с Голошеим ему на подмогу кинулись. Человек нездешний, меч у него хороший, может и при деньгах оказаться — отчего не помочь?

Он сначала хотел дальше пойти. А Медведь говорит: «Тебе, небось, время до утра скоротать негде? Заходи, если монеты есть». Ну, он и зашел.

Люди, по-моему, вообще штука скучная. А в постели особенно. Но этот оказался ничего себе, затейник. Среди ночи вдруг как разрыдался, и давай мне руки целовать, и говорить, что если у него все задуманное получится, то он мне и денег даст, и сам увезет отсюда... Я ничего не ответила, он и замолчал постепенно. Что толку с сумасшедшим разговаривать?

Вот я его и не спрашивала ни о чем. А он спросил. Утром. Совсем уже собрался уходить, у двери обернулся и спросил: «Отведешь меня к Проклятой башне?»

«За два золотых», — говорю, — «отведу хоть к Бессмертному в жопу».

Ну, он мне сразу две монеты и отдал. Еще подождал, пока я проверю, не фальшивые ли. «Жди», — говорит тогда, — «в полдень за воротами. Мне тут сперва одного приятеля навестить надо».

Как есть ненормальный.

Да мне-то что, а?

2

Воронье все кружило и кружило. Черные птицы в вышине, черные, как хлопья сажи. Черная метель. Черная зима над миром. Над обреченным ущербным миром, проклятым в миг создания, ибо создателем его был — преступник.

У него заломило виски. Это была ненависть, тягучая и плотная, как яд пустынного гада. Бессильная ненависть ко всем, кто позволил преступлению свершиться, и прежде остальных — к самому себе.

Ненависть была ему единственной опорой в этом мире, и он берег ее истоиво и свято, как ладанку с пеплом родной земли. Первые полсотни лет его вела и согревала любовь... много дольше, чем он смел надеяться. А потом любовь угасла — постепенно и неизбежно, как гаснет в дождливый день костер, для которого больше нет пригодного топлива. И тогда в остывающей золе прежних чувств он нашел жгучее зерно ненависти.

От судороги в висках мир для него словно утратил краски. В черном небе кружили пепельные вороны. Перед ним лежала улица в цветах сажи и пепла, и он пошел по ней.

Кривые улочки и крошечные переулки вели его все ниже по склону холма, и вот уже сладкие испарения земли и трав сменились бризом, что остав-

лял на губах вкус моря. Привычная боль, толчками расходящаяся от медальона на груди, указывала ему дорогу.

Медальон привел его в этот город-порт через весь континент. Медальон, который дал ему Хранитель Башни Севера-и-Востока. Там, на берегу вечно холодного моря, он поклялся страшной клятвой, и свидетелями клятве были ледяной ветер-убийца да бледный неживой восход. Он не знал тогда, чего потребует от него Хранитель, а если бы и знал — череда прошлых поступков не оставила ему выбора.

Он шел через континент три века. Три сотни лет.

Его прежнее тело изнашивалось, как рубаха, еще на исходе первой сотни. Душа дважды вновь обретала плоть. Он шел и смотрел, как рушатся доселе незыблемые империи, как гаснет в короткой памяти ныне живущих поколений знание, которое перестало приносить пользу. Новый мир не мог вместить великие сущности уничтоженного прежнего мира, и они умирали. Умирали сразу или угасали постепенно, но — исчезали навсегда.

Он тоже был чересчур велик для этого мира. Мир отторгал его, воевал с ним, хотел его изменить. Иногда он поддавался, ибо ущербный мир не был ему врагом. Врагом был преступный создатель мира. Творец-убийца.

Он смотрел на людей, и видел, что некоторые из них достойны либо его презрения, либо жалости; но большинство не заслуживает ничего. Когда он позволял миру временно исказить его, он сходил с ума и становился одним из них. Становился человеком.

Тогда он жег, убивал и насиловал вместе с ними. Или утешал, лечил и строил времянки на пепелищах — тоже вместе с ними. Он не знал, какая из граней его истинной сути в следующий раз окажется втиснутой в узкие рамки людского «я» — разве можно узнать, какая именно часть моря войдет в кувшин? Вот он и не знал, да и не видел меж ними разницы. Ему было все равно, кем идти по миру — безумным лекарем, кровавым насильником или нищим мечтателем, — лишь бы дойти.

А теперь он стоял и смотрел на дом своего последнего союзника. Того, кто поможет ему добраться до врага. Должен помочь.

Ненависть упруго шевельнулась внутри, словно ребенок в чреве матери. Он улыбнулся и протянул было руку за деревянным молотком на цепи, но передумал, и ударил по медной пластине на воротах рукоятью меча.

3

Служить у Каби-Габи, государи мои, это вам не селедкой торговать. Три часа я потел над книгами, записывая приход, расход и учитывая разного рода бумаги — три дивных утренних часа, заметьте, кои можно было употребить на блаженное созерцание цветущего под моим окном шиповника. Или морских просторов с туманной дымкой на горизонте. Или того и другого по очереди.

О, какие строки приходят мне в голову по утрам! Почти такие же нежные и возвышенные, как ночью при луне. Вечером тоже бывает неплохо. Но только не днем! Полдень убивает поэзию.

Днем я готов служить своему хозяину-ростовщику с утроенным рвением, ибо голова моя пустеет, и от тоски по рифмам и образам я становлюсь беспощаден. Беспощадность — именно то, за что Каби-Кровосос платит своим работникам. Мне он платит еще и за хороший почерк, но это куда менее важно.

После трех часов работы пером руку прямо-таки сводило от усталости. Да и поясница побаливала. Я встал и подошел к окну, потягиваясь и разминая затекшую кисть.

Ах! Там все еще было утро, и это утро было прекрасным. Незаметно для себя самого я погрузился в сладостные раздумья о том, какого рода стих больше подходит для описания подобного утра. Торжественный шестиколенный или вольный длиннострочный? Или, быть может, симметрический западный слог? Мысль моя только начала обретать форму, как вдруг стук в дверь самым грубым образом вырвал меня из размышлений.

На пороге стояла Минни. Она неуклюже присела, цепляясь за собственный фартук, как утопающий за обломки корабля.

— Посетитель, сударь. Непременно хочет хозяина видеть. Ой!

Не скрою, государи мои, я не лучшим образом поступил с этим глупым и безобидным созданием, захлопнув дверь у нее перед носом. Но я был немного выведен из равновесия тем, что она застала меня за возвышенными мыслями — тем более, что я, как всегда в минуты глубокого раздумия, усиленно грыз ногти.

Приняв надлежащее выражение лица, я спустился в прихожую. И тут с меня слетело какое бы то ни было выражение. Я уставился на посетителя, как Минни — на расходно-приходную книгу. Короче, как полный болван.

Я, видите ли, никогда не верил в эти глупости, что рассказывают про моего хозяина. Будто Каби-Кровосос продался Бессмертному и сам живет уже вторую жизнь. Будто в первой жизни он обитал в Проклятой башне, а потом Бессмертный велел ему перебраться поближе к людям, чтобы высасывать из них золото и брать в заклад души. Ну и так далее.

Простонародные байки, отличающиеся дурным вкусом — так я до сих пор полагал. Не любят люди ростовщиков, вот и врут.

Но у этого пришлого в глазах было такое... такое... Не могу я описать его взгляд. Да и не хочу, если честно.

Он что-то сказал, но я не понял — что. Кажется, я заплакал. И упал на колени. Он нахмурился, шагнул ко мне, приподнял меня за шиворот и в самое ухо сказал: «Веди». И я повел. Мимо первого пояса стражи, и второго, и третьего, в самую что ни есть глубь домашней крепости Каби-Габи, куда никто, кроме самых доверенных, не вхож.

Ах, как я гордился еще полчаса назад, что числюсь среди этих доверенных! Ноги мои подгибались, не хотели нести меня вперед, хотели бежать отсюда — бежать куда угодно, лишь бы подальше от этого дома, ставшего вдруг ристалищем хладного ужаса. Но я довел его до заветной двери, и открыл ее своим ключом, и распахнул ее перед ним. Только тогда ноги подломились подо мной.

Тело мое упало на пол, а душа рухнула в милосердные глубины беспамятства.

4

Он ступил в полутемную комнату, за краткие мгновения отрешаясь от минувших сотен лет. Усилием тренированной воли он вычеркнул из себя весь трехсотлетний путь, словно страницы промежуточных уравнений. Важен лишь результат.

Он снова стал собой. Одним из тех, кто был рожден, обрел знания и возвысился в предыдущем мире. По меркам этого мира он был много больше, чем человеком.

Иными словами — не был человеком.

Он ступил в полутемную комнату и сказал выразительно и негромко:

— Приветствую тебя, Хранитель Башни Юга-и-Запада.

Никто не ответил.

Он принюхался, сделал несколько шагов и позвал чуть громче:

— Кабейг! Ты здесь?

Из угла раздался невнятный звук — то ли храп, то ли стон.

Гость невесело фыркнул, подошел к занавешенному окну, очертания которого угадывались в полумраке, и отдернул тяжелую занавесь.

Стало светлей, но ненамного — мутное стекло было покрыто толстым слоем грязи. Вдобавок от потревоженной занавеси в воздухе за клубилась душливая пыль.

Одним точным ударом ноги гость вышиб стекло. Свежий воздух показался ему сладким, как парное молоко.

— Брось притворяться, вставай, — сказал он, не оборачиваясь. — Все равно ведь спиртное на тебя не действует.

За его спиной затрещало и заскрипело.

— Теперь уже действует, — произнес сиплый голос. — Здравствуй, Тенна. Я не верил, что ты доберешься.

Гость промолчал.

Сзади слышались тяжелые шаги, потом глухой стук, и звук льющейся в металлическую посуду жидкости.

— Вино — последний оплот слабых, — сказал Кабейг. — Я стал совсем слаб. Наверное, скоро умру. Выпей со мной, Тенна. Выпей хорошего вина. Они думают, что я пью кровь — так оно и есть. Я сам сажал эти лозы лет восемьдесят назад, и в каждую ямку капнул своей крови. Смотри, какое оно

красное, Тенна. Красное и густое. Та кровь, что течет сейчас в моих жилах, бледная и жидкая. Ее я тебе не предлагаю... Тенна?

Гость обернулся. Глухо лязгнули ножны на поясе.

— Ладно, — сказал он устало, — давай кубок.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза, потом полный одутловатый мужчина завозился над столом, а его подтянутый гость закусил губу и уставился на какую-то картину, неразличимую под слоем пыли.

— Серо, все серо. Не пепел, так пыль, — пробормотал он едва слышно.

Он взял протянутый Кабейгом кубок и осушил одним глотком. Вино было терпким и сладким, и чуть уловимо пахло красными розами.

Кабейг на последнем глотке закашлялся, и кашлял надрывно и долго. Как только приступы кашля перестали его трясти, он снова наполнил кубки.

— Зачем, Тенна? — хрипло спросил он. — Знаешь, все эти годы я задавал себе разные вопросы... сотни вопросов... десятки вопросов... и вот остался только один. Зачем? Ихаллу ты не вернешь, и остальных тоже. И себя не вернешь. Мир все равно уже не будет нашим, потому что нас нет. А они живут в этом мире, и... живут, и все. Разве ты можешь судить, какой мир лучше? Можно разрушить этот мир, можно создать новый — но прошлое утеряно безвозвратно. Так надо ли пытаться? Ортана говорил...

— Ортана хотел стать единственным, — сказал Тенна сквозь зубы. — Неужели ты так и не понял? То, что содеял Ортана, он содеял намеренно.

— Какая разница? — пожал плечами Кабейг.

— Может, и никакой, — произнес Тенна, поднимая кубок. — Но он — не истинный творец, он убийца и разрушитель. Я иду в Башню. Дай мне ключ, Хранитель.

Этот кубок Тенна пил долго — все то время, пока Хранитель Башни медленно лез за пазуху, доставал оттуда медальон на золотой цепочке и долго разглядывал четкие геометрические контуры рисунка, словно портрет любимой женщины.

Тенна сделал последний глоток и вернул кубок на стол.

— Во имя магии травы и радуги, воды и камня, — тихо сказал Кабейг, и после паузы протянул медальон Тенне. — Возьми.

— Благодарю тебя, Хранитель Башни Юга-и-Запада.

Кабейг выпустил медальон из рук и схватился за кубок. Он пил так торопливо и жадно, что вино пролилось ему на грудь.

— Прощай, — сказал Тенна.

Кабейг оторвался от кубка и посмотрел на Тенну долгим взглядом. Ни следа винной мути не было в его глазах.

— Да, друг, — медленно сказал он. — Благодарю за то, что понял меня верно. Я никому не судья. И я принадлежу теперь этому миру. Если ты уничтожишь его, я погибну вместе с ним. Если ты покинешь его, я останусь. Если ты изменишь его, я изменюсь по воле твоей. И даже если ты

сумеешь вернуть наш прежний мир — меня не будет там, мое место здесь. А если ты потерпишь поражение, если ты не изменишь ничего и сам станешь частью этого мира — ты не захочешь видеть меня, я знаю. Что бы ни случилось, мы больше не встретимся. Прощай навсегда!

И он поднял тяжелый кубок в прощальном салюте.

5

Может, я и дура. То есть наверняка дура. Но не настолько, чтобы не разобратся.

Бабушка-покойница, ведьма старая, меня чему учила? Хочешь человека от других отличить — на рожу не гляди, в глаза гляди. Чужую личину нацепить хоть и непросто, но можно. А взгляд подделать нельзя.

Ну вот. Смотрю я на солнце, которое как раз за полдень перевалило, и начинаю думать, что мой утрешний дружок не объявится. А не объявится — так и прах с ним. Главное, деньги-то он мне уже отдал. Стало быть, с Мамочкой я теперь в расчете, в узелке на первое время кой-чего завязано — могу направляться, куда пожелаю. Спасибо Ортане, как говорится.

Как раз тут мой дружок выходит из-за развалин.

Жопа.

Приходится вставать — а уж как славно было валяться на теплых плитах! Он подходит ближе, и даже руку протягивает, чтобы меня поднять. Заглядываю ему в глаза, и...

Темный, темный водоворот. Сумеречная тяжесть глубин. Неумолимое скольжение по медленной спирали — туда, вглубь. Темно-синий густеет до фиолетового. Фиолетовый сменяется черным. Глубже, глубже. Безвозвратно. Чернота сдавливает грудь. Воздуха мне! Звон в ушах...

Я вцепляюсь в протянутую руку, как клещ. И всеми силами души стремлюсь вверх, к простору и солнцу. Я чувствую, как он поднимает мое тело на ноги, и это дает мне силу для отчаянного рывка.

Я пробкой вылетаю на поверхность. В глазах пестрая круговерть — синее небо, желтая глина, коричневые развалины. Оказывается, я обалдело верчу головой во все стороны.

Да чтоб меня тролль трахнул! Полное впечатление, будто я только что ныряла — и куда глубже, чем надо. Хочется попрыгать на одной ножке и вытряхнуть из ушей темноту.

— Что с тобой? — спрашивает он.

— П-перегрелась на солнце, — лепечу я и отворачиваюсь, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Его взгляд — омут. Страшный, притягательный. Нездешний. Взгляд — бездна. Древняя, опасная. Манящая. Нет, это не тот человек, с которым я провела ночь! И вместе с тем — он. Но человек ли? Кто же он?! Бабушка, подскажи — кто?

Он подхватывает меня на руки, делает два шага в сторону ближайшей тени. И останавливается. Я высвобождаюсь из его рук.

К чахлому деревцу за обломками стены привязан грязный черный осел, навьюченный поклажей. Осел задрал морду и объедает листья с верхних веток, потому что с нижних он уже все сожрал.

— Это твой? — удивленно говорит тот, кто еще сегодня поутру был человеком. — Разве до Башни так далеко?

— Нет, — отвечаю я. — Но ты обещал забрать меня, увезти с собой. Помнишь?

Он задумчиво смотрит на меня и кивает:

— Помню. Хорошо, я заберу тебя отсюда. Если получится то, для чего я иду в Башню.

— Кстати, я иду с тобой, — говорю я.

— Нет, — говорит он.

— Да, — говорю я.

Он молчит и смотрит на меня, а я смотрю на глину под ногами. Сначала он смотрит просто так, а потом... Такой взгляд я хорошо знаю. Он впечатывается в меня, как раскаленное клеймо. У меня предательски подгибаются колени.

Ох, нет! Не надо. Не здесь. И не сейчас! Ночью было можно, ночью ты был человек, обычный сумасшедший человек — а сейчас ты стал иным, и голос магии в моей крови откликается на твой зов. О, господин мой... Пойми, я не могу! Я же...

Сильные руки укладывают меня в тени, подальше от осла. Полоска тени узенькая, и земля там еще горячая, прогретая полуденным солнцем.

Лучше бы меня и в самом деле тролль трахнул. Одна из Мамочкиных девиц рассказывала, что это пережить можно. Помучаешься недельку-другую каменной лихорадкой, и все тут. А кости сами срастутся. И бородавки когда-нибудь сойдут. Впрочем, на мне они вообще не приживаются, потому что бабушка надо мной еще в колыбели нужное слово сказала.

От бородавок уберегла. А от всего остального?

Его дыхание обжигает мне губы. Нетерпеливые руки срывают с меня одежду, и я понимаю — все у нас будет не так, как ночью. Все иначе. Когда он был человеком, он плакал, а теперь... Слезы катятся по моим щекам. Нельзя мне с ним! Нельзя... Но наши тела жадно сплелись, и я уже знаю — не избежать. Сейчас. Сейчас свершится. Горячая волна поднимается во мне, смывая все — страх, осторожность, разум... Я то отталкиваю его, то прижимаю к себе с безумной силой. Мы выкатились из тени, и солнце размашисто рисует красные пятна поверх моих закрытых век. Бабушка-ведьма, помоги внучке! Прямо сейчас помоги, не то поздно будет...

Красное солнце взрывается внутри меня.

Все.

Теперь поздно.

Черный осел задумчиво и скорбно оглядывал то, что осталось от деревца. Из его пасти свисал последний недожеванный листок.

День постепенно клонился к вечеру.

— Как зовут тебя, мой повелитель? — сердито спросила женщина.

Мужчина негромко ответил. Третьему, который следил за ними из-за разрушенной временем стены, показалось, что он сказал «тьень». Но женщина расслышала лучше.

— Тенна, — повторила она. — Знаешь ли, что сотворил ты со мной, милорд Тенна? Ты превратил меня в ведьму. Кровь ведьм течет во мне, но до сих пор я была свободна от проклятия. Дочь, внучка и правнучка ведьм тоже становится ведьмой в тот самый миг, когда зачинает дитя от бога, демона или чудовища. Я берегла себя, милорд, я спала только с обычными мужчинами, я надеялась прожить жизнь бездетной...

— Жаль, — равнодушно сказал Тенна. — Я не хотел тебе вреда.

Женщина усмехнулась.

— Это моя судьба, милорд, — сказала она. — Моя. Ты сделал со мной то, что сделал — но ты не проживешь мою жизнь вместо меня. И хватит об этом. Но я хочу знать о тебе больше. Ты не чудовище, я чувствую. Твоя кровь горяча. Но кто ты — бог или демон?

— Не знаю, — сказал Тенна. — Решай сама.

Женщина быстро протянула руку и выхватила из складок его брошенной одежды медальон. Блеснуло золото. Третий, подглядывавший за ними, судорожно глотнул.

— О! — удивленно воскликнула женщина. — Это другой! Зачем тебе два? Отдай один мне — для твоей дочери.

— Ты знаешь, что это? — спросил мужчина, доставая второй медальон и лаская пальцем рисунок.

— Знак Ортаны, — без запинки ответила женщина. — Очень старое колдовство. Говорят, иногда он приносит удачу. Открывает клады, предупреждает про яд. Вещей с настоящим Знаком мало, зато есть сколько угодно вещей с ложным Знаком, не имеющим силы. Дешевка для простаков. Но твои медальоны подлинные, милорд. Я вижу.

— Когда-то Ортана был моим другом, — задумчиво сказал Тенна. — А теперь мы враги.

— Значит, раньше ты был бог, а теперь — демон, — рассудительно сказала женщина.

— Возьми вот этот, — сказал Тенна, надевая медальон ей на шею. — Это ключ от Башни Севера-и-Востока.

— А второй — тоже ключ? — спросила она. — Ключ от Проклятой башни?

Тенна нахмурился, и тот, который прятался за стеной, закрыл глаза от страха.

— Ее не всегда называли Проклятой, — сказал Тенна.

— Верно, — согласилась женщина. — Во времена моей прапрабабки башня звалась Горелой.

Тенна невесело улыбнулся и промолчал. Взглянув на него, замолчала и женщина, и склонила голову, рассматривая медальон.

Тенна смотрел на нее. Ночью, когда он смотрел на нее глазами человека, женщина напомнила ему утраченную возлюбленную. Ту, которой нет и не может быть в этом мире. Утраченную навек. Теперь, при свете солнца и истинным зрением, Тенна видел, что общего между ними мало. Может быть, несколько жестов. Манера прежде чем задать вопрос, бросить быстрый взгляд исподлобья. Вот как сейчас.

— Откуда ты, милорд?

Наивная дикарка. Способная. Любопытная. Но — дикарка. Женщина, рожденная в мире, где умение управлять природными силами называют проклятьем ведьм. Что она способна понять из того, что он может ответить?

— Я пришел из предыдущего мира. Большого, чем этот.

В ее глазах зажглись искры.

— Большого? Ночью, когда небо черное, на нем, кроме луны, видно с десятков слабых огней. Я знала одного старика, он называл огни — звездами, и говорил, что это огромные миры... Он был безумен, но умел читать и унаследовал от отца древние книги. Он говорил правду?

— Нет, — резко сказал Тенна. — Звезды вашего мира — это мертвые светляки, раздавленные на небесной тверди. Позади неба ничего нет. И мира, из которого пришел я, тоже больше нет.

Женщина заплакала.

Тот, кто таился в руинах, стал нашептывать молитву. «Убереги меня, всемилостивый господь наш Ортана», молился он. «Видишь — ныне верую в Тебя всей душой...»

Мужчина протянул руку и смахнул слезинки со щек женщины. Женщина придвинулась поближе, положила голову на исцарапанное плечо мужчины и заглянула ему в лицо.

— Ответь на последний вопрос, милорд Тенна, — попросила она. — Какое имя ты дашь мне?

— нарекаю тебя Ихаллой, — тихо произнес мужчина.

Третий, который подслушивал, упустил его слова, ибо в эту минуту протяжно заревел соскучившийся без еды осел.

Ничего не растет возле Проклятой башни. И не заходит туда ни зверь, ни человек. Рассказывают, правда, что каждое седьмое полнолуние навещает Башню ростовщик Каби, обернувшись летучей гадюкой. И, будто бы, если ждать долго и смотреть внимательно, можно увидеть, как мелькнет на фоне полной луны крылатая змея. А за ней облачком черной мошкеры потянут-

ся пропащие души, купленные Каби-Кровососом для своего господина, Бессмертного врага рода человеческого.

Как человек просвещенный, я всегда был уверен, что подобные рассказы суть пустая болтовня и бабьи сказки. Но события сегодняшнего утра мою уверенность сильно повредили.

Когда боль в спине привела меня в чувство, я обнаружил, что лежу скрюченный на холодном полу, а в голове у меня царит полная неразбериха. Все перепуталось, все смешалось. И если я еще кое-как разобрался, где у меня руки, а где ноги, что позволило мне встать, то отделить одни мысли от других мне было не под силу.

Дверь в комнату Каби-Габи оказалась заперта изнутри. Не постыжусь признаться, что я некоторое время жалобно скребся в нее и еще жалобнее зывал к хозяину. Надо же было узнать, что мне... то есть, жив ли он, по крайней мере. Как выяснилось, жив. Хотя не слишком этой жизнью доволен.

В общем, когда я уже слегка охрип, хозяин наконец открыл дверь и велел мне пойти по достопамятному адресу. Так прямо и велел: поди-ка ты к Бессмертному на..! И дверь захлопнул.

Я пребывал в столь прискорбной растерянности мыслей, государи мои, что обрадовался даже такому указанию. Для начала я просто пошел по коридору, а уже на ходу задумался. И с каждым шагом мой разум все яснее постигал величие предначертанной мне судьбой задачи. Теперь я больше не сомневался, что ужасный посетитель был злым демоном, слугой потусторонних сил. Но зачем он приходил к Каби? Зачем вообще явился в мир?

Судьба не напрасно сделала меня свидетелем его появления. Я понял, что должен последовать за ним, должен своими глазами увидеть... Я не знал, что именно мне предстояло увидеть, но сердце мое восторгалось и сладко заньло от восторга, когда я подумал о том, какими словами я опишу увиденное. О, сколь прекрасные и сколь чудовищные картины подарит благосклонному читателю мое вдохновенное перо!

Если, разумеется, я сумею догнать демона и проследить за ним.

Я вышел на улицу и поспешно зашагал вверх. Рассуждал я при этом так: либо демон повернул вниз, к порту, и тогда в портовой толчее и сутолоке его уже не найти — разве что случайно. Либо он направился по нашей кривой и извилистой улице вверх, и тогда я его наверняка догоню.

Рассуждения мои оказались вполне верны. Я сократил путь на три квартала, воспользовавшись прямой дорогой через сад горбунии Адарилги — все местные так ходят, когда не лень пробираться по узкой тропке среди чертовой колючки. Вновь оказавшись на улице, я увидел впереди знакомую фигуру с длинным мечом на поясе.

Демон назад не оглядывался, по сторонам не смотрел. Размеренным шагом он добрался до самых Верхних ворот и, так ни разу и не обернувшись, покинул город. Я мысленно вознес молитву господу нашему Органе и последовал за демоном. На разумном расстоянии.

Ах, государи мои! Человек не может угадать, какое следующее испытание встретится ему на пути.

Среди древних развалин демона ждала женщина — прекрасная, как лучший из цветков шиповника на кусте под моим окном. Или еще прекраснее. Я почувствовал... не могу передать, что я почувствовал. В общем, я понял, что все мои стихи, написанные и ненаписанные, предназначены ей. Я даже закрыл глаза, чтобы справиться с нахлынувшими на меня чувствами. А когда открыл, то увидел ее в объятиях демона.

Сказать, что она разбила мое сердце — значит, не сказать ничего. Даже когда Минни изменила мне со вторым писцом, я был уязвлен не столь глубоко. Минни — глупенькая служанка, неспособная по достоинству оценить мое дарование. Но встретить Ее, мой поэтический идеал, встретить и тотчас же потерять...

Что ж, судьба посылает испытания, дабы они закаляли наш дух. Слезы навернулись мне на глаза, но я не заплакал. И все то время, пока демон ласкал женщину моих грез, я мысленно писал трагическую поэму о безответной любви нерифмованным пятиколенным стихом.

Когда они наконец собрались уходить, я уже знал, куда они идут. Демон-тень и женщина-цветок направлялись в Проклятую башню. Мне было так страшно, как никогда в жизни, но стремление увидеть собственными глазами — хоть я по-прежнему не знал, что именно я там увижу, — было сильнее страха. Я постарался унять биение сердца и пошел за ними. Черный осел, которого они оставили привязанным близ развалин, проводил меня неодобрительным ревом, будто указывая на безрассудство моего поведения. Мудрое животное!..

Башня, которую называют Проклятой, стоит на холме, облезлом и шишковатом, подобно черепу столетнего старца. Бугры и неровности каменистой почвы, равно как и вросшие в нее валуны, помогли мне следовать за демоном и его спутницей незамеченным.

Должен сказать, что мне показалось вполне естественным стремление злого духа попасть в Проклятую башню. Но я никак не мог предположить, что сделать это ему будет столь непросто.

Укрывшись за большим валуном и обливаясь попеременно то горячим потом — от солнечных лучей, то холодным — от душевного трепета, я смотрел, как демон шаг за шагом продвигается к Башне. Женщина сначала отставала, затем поравнялась с ним, а примерно на середине холма демон вцепился в ее руку, и она повела его за собой. Губы их шевелились, но слов я не слышал.

Убереги Ортана мою смиренную душу! Я смотрел, не в силах отвести взгляд — но самый ужас заключался в том, что смотреть было не на что.

Синее небо. Каменная кладка Башни. Мужчина и женщина шаг за шагом тяжело поднимаются по склону холма. Послеполуденное солнце ярко освещает склон, — никакой тайны, никакой поэзии, — и мне отчетливо видно, что это обыкновенная земля, голая и неплодородная. Ни еди-

ного клочка зелени и ни следа каких бы то ни было препятствий, сверхъестественных или природных.

Демон повернул в мою сторону посеревшее от напряжения лицо, и тут я не выдержал. Я выскочил из-за камня и с громкими воплями бросился прочь, объятый всепоглощающим страхом.

Лицо демона маячило передо мной чудовищной маской, и я знал, что до конца дней своих буду видеть этот жуткий лик в кошмарных снах и просыпаться с криком.

Слушайте же, что я узрел, и содрогнитесь вместе со мною:

В глазах у демона я видел отражение пожара.

8

Черное, серое и серое. Угли, зола и пепел. Едкая вонь, от которой хочется кашлять — неудержимо, до слез.

Было время, когда Проклятую башню называли Священной.

Священная Башня Юга-и-Запада.

Это было давно. Очень давно. Триста лет назад. До пожара, в котором погиб прежний мир и родился нынешний.

Тенна замер у подножия холма и поднял взгляд.

Давно это было? Или недавно? Только тот, кто задал себе этот вопрос, может на него ответить. Если уже не болит, если перестала течь кровь и сочиться сукровица, если ткани срослись, затянулись кожей, и лишь шрам бугрится досадным напоминанием — значит, эта рана давняя. И неважно, год ли прошел, или десять лет. Но если через сотни лет боль остра, как от кинжала, всаженного под лопатку верным другом — значит, все свершилось только что.

Или даже — свершается сейчас.

Для того, кто пришел в этот мир из мира прежнего, три прошедших века слились в один заполненный болью миг.

Внутри «сейчас» времени нет.

Тенна напрягся. Он не мог вернуться назад во плоти, его тело принадлежало этому миру. Но дух его, живущий ненавистью к врагу, был неподвластен времени. Тенна мог видеть.

Он стоял у подножия холма и смотрел на белоснежные стены, на гордый шпиль, устремленный в высоту. В небе над башней ветер развевал синий флаг. Золотом и серебром сверкал вышитый на флаге символ Магического Равновесия; синева растворялась в синеве, и казалось, что лишь Знак сам собою парит над остроконечной крышей.

Он стоял у подножия холма и смотрел на пустые глазницы окон, на голый камень стен, в который навечно въелась черная копоть. Вход в башню зиял пещерным провалом, и одинокий кустик пыльной колючки недвижно замер перед ним — как предостережение, как запрет.

Он стоял у подножия холма и смотрел на Башню.

Он увидел, как это случилось.

Небо над башней поблекло, взялось трещинами и осыпалось, будто непрочная краска с холста. Холст лопнул. В рваную дыру хлынула черная муть. И тотчас же изо всех окон башни выхлестнуло ослепительно яркое пламя.

Языки оранжево-алого огня обвилились вокруг башни, превратив ее в громадный факел. Беззвучно рухнула крыша, разбросав куски горящей черепицы.

Свечками вспыхнули деревья на холме и сторели за миг.

Опаляющий вихрь дохнул Тенне в лицо.

Тенна шагнул вперед.

В белой башне под синими небесами юная и серьезная девушка, стоящая по правую руку от высокого мужчины, устремила взгляд в огромное зеркало из полированного черного камня. «Я готова», — сказала она. «И я готов», — сказал юноша-альбинос по левую руку мага. — «Начинай, Ортана». Высокий улыбнулся. «Сейчас», — сказал он и вынул из складок плаща книгу в железном переплете.

Каменное зеркало исчезло, осталась только рама. По ту сторону тоже стояли трое, и в руках у седоволосого была открытая книга.

— Во имя Равновесия приветствую вас, друзья, — сказал он.

Высокий мужчина ступил ему навстречу, раскрывая книгу. И неожиданно прыгнул вперед.

Его тело пересекло невидимую плоскость зеркала, и она взорвалась кипящей огненной лавой.

Закричал юноша-альбинос, сгорая в облаке желтого пламени.

Закричала девушка.

— Ихалла, — прошептал мужчина, поднимающийся на холм. — Ихалла...

Женщина взяла его за руку и заглянула в глаза.

— Что ты видишь, милорд мой Тенна? — тихо спросила она.

Он стиснул пальцы на ее руке и не ответил.

9

Перед входом в башню они остановились. Мужчина молча смотрел в проем, угрюмый и черный, как лаз в пещеру тролля. Женщина оглянулась назад, и ей захотелось глупо рассмеяться от неожиданности, потому что от подножия Проклятой башни открывался чудесный вид.

Мягкими складками уходили вниз коричневато-желтые холмы, отороченные темной зеленью деревьев и кустарника. Город отсюда виден не был. Далеко внизу золотом и серебром сверкало море, спокойно вздыхая могучей грудью вод. Высоко в небе над морем белой искоркой мелькнула чайка, и прихотливый порыв ветра донес ее истошный крик.

Взгляд женщины привлекло какое-то движение среди холмов. На расстоянии легко ошибиться в размерах, и она не сразу поняла, что это чело-

век. Человек бежал в направлении скрытого холмами города, и бежал так, будто ничего не видел перед собой — спотыкался, падал, вскакивал и снова бежал. Женщина рассеянно проводила его взглядом до очередного падения и обернулась к своему спутнику.

Она как раз успела заметить, как его меч смахнул уродливую чертову колючку, что преграждала вход.

Женщина тихо ахнула. Меч, который вчера казался простым хорошим клинком, защищенным нехитрыми наговорами, выглядел теперь иначе. Он изменился настолько же, насколько изменился его владелец. Сила струилась вдоль клинка, сила свивалась в сложную гарду, охватывая руку хозяина. Именно хозяина, теперь не было сомнений. Такой меч не дался бы постороннему. Ни человеку, ни демону, ни богу.

Мужчина шагнул к Башне, доставая из-за ворота рубахи медальон со Знаком.

Женщина прыгнула, едва не споткнувшись о поверженный колючий ствол, и молча вцепилась мужчине в плечо.

— Во имя магии травы и радуги, воды и камня, — сказал мужчина, и голос его дрогнул, — и во имя священного Магического Равновесия мы хотим войти в Башню Юга-и-Запада.

Женщина не увидела ничего, и ничего не почувствовала. Но мужчина кивнул так, как будто благодарил за ответ.

Они вошли под каменные своды, и она вздрогнула, потому что бессознательно ожидала прохлады. Но, мертвая и молчаливая снаружи, внутри Башня дышала обжигающим колдовским жаром, словно внутренность огромной печи. Женщина ощутила, как взвихряются вокруг них потоки колдовской силы, а в следующий миг увидела их — но это было не привычное ей бледное свечение, а яростный, слепящий блеск.

Если собрать по крупицам всю колдовскую мощь известного ей мира — навыки ведьм, знания колдунов, приемы заклинателей, силу амулетов, — то все это вместе не смогло бы противостоять могуществу Башни.

Башня, сила которой больше сил всего мира. Как это?

— Как это, Тенна? — спросила женщина, моргая и смахивая слезы.

— Потерпи еще немного, Ихалла, — мягко ответил он. — Теперь уже совсем недолго.

Обманутая ласковым тоном, она заглянула ему в глаза. Но нашла там только ненависть — закаленную и смертоносную, как меч в его руке.

Тенна медленно поднимался по лестнице на второй этаж, туда, где была библиотека, и ненависть глухо стучала у него в висках.

Единственное, что выглядело нетронутым в сожженном зале — это черное каменное зеркало на стене. Зеркало высотой в три человеческих роста в черной же каменной раме.

Кучки лежалой трухи на полу — вот все, что осталось от столов, на которых веками покоились толстые тома в металлических и кожаных переплетах с застежками и инкрустациями. Древняя библиотека магических книг.

«Мои пальцы помнят прикосновение к священным древним страницам. Помнят выпуклость Знака, который нес на себе каждый переплет — знакомого с детства символа Магического Равновесия, который в этом мире называют Знаком Ортаны. Какая чудовищная ирония! Назвать символ Равновесия именем того, кто это Равновесие разрушил».

Тенна нагнулся, окунул кончики пальцев в пыль, провел по щекам, коснулся губ. Горечь и боль.

Пальцы помнят... Нет, неправда. Эти пальцы ничего не помнят. Они принадлежат телу, которое держало в руках только меч и факел, а книгу — никогда.

Новый мир еще не написал своих книг. И вряд ли напишет. Да и что могут сказать книги проклятого мира? Передать по наследству умение жечь и убивать? Пусть лучше не будет этих книг.

А здесь... Здесь были книги, возраст которых считался тысячами лет, десятками тысяч, сотнями тысяч. Были. И все — уничтожены. Погибла библиотека Юга-и-Запада, одно из двух средоточий магии прежнего мира. И библиотека Севера-и-Востока погибла тоже. И мира больше нет. Осталось лишь две выгоревших изнутри башни.

Две башни. Одна — на берегу вечно холодного моря. Три столетия ледяные ветры остужают ее пустое нутро. Белый саван снега давно скрыл под собой осколки каменного зеркала, что лежат на полу перед треснувшей рамой.

Другая башня стоит на берегу вечно теплого моря. А зеркало в ее бывшей библиотеке — уцелело. Вот оно. И поверхность его ничего не отражает.

«Ты не мог захлопнуть все двери, Ортана. Никто не смог бы. И вот — я пришел к тебе. Встречай же!»

Тенна снял рубаху и бережно протер каменное зеркало. Сначала — слой за слоем — сошла грязь и пыль, потом — трехсотлетней давности сажа и копоть.

«Я смеюсь, и на губах моих — вкус ненависти, как сладкий яд, потому что вместо своего отражения внутри полированного камня я вижу тебя. Ты бледен, ибо давно не видел солнца. Ты вздрагиваешь, слышав мой смех. Ты ждал меня? Разумеется, ждал, ибо знаешь довольно; но тебе дано знать и больше — не все ожидания сбываются.»

Это ожидание, вопреки надежде Ортаны, сбылось.

— Приветствую тебя, Бессмертный! — громко произнес Тенна. — Приветствую тебя, Ортана! Приветствую тебя, единого в двух сущностях — величайшего демона и высшего бога этого прекрасного и жалкого мирка. Я радуюсь встрече с тобой, Бессмертный Брат!

Ортана молчал. Он вообще не шевелился, как изваяние в храме. Самое священное изваяние в самом сокровенном храме великого Ортаны.

— Ты хотел быть могущественным, Ортана, и я тебя понимаю, — продолжал Тенна, чуть отвернувшись от зеркала. — Кто же не хочет? Но ты к тому же хотел быть единственным, а это глупо. Вот, стал ты единственным для многих — альфой и омегой, богом и дьяволом — но для этого тебе понадобилось изувечить весь мир. Да, могущество ты обрел, но кто назовет твой путь достойным? Да, единственным нарекли тебя — но разве тебе не одиноко?

Ортана едва заметно шелохнулся, но не ответил.

— Ты думаешь, я пришел, чтобы уничтожить твой выморочный мирок? — негромко спросил Тенна, по-прежнему не оборачиваясь. — Глупо. Это ведь и мой мир, не так ли, мой Единственный? Я не хочу ему зла. Нет, Ортана, мир не погибнет. Но он изменится вновь — ибо я пришел вернуть Равновесие. Полагаю, теперь ты умрешь, бессмертный братац.

Вместо ответа Ортана резко выбросил вперед руку.

11

Проходя сквозь каменную грань, рука чудовищно искажается. Огромная когтистая лапа выползает из камня, обхватывает меня за пояс и утягивает внутрь.

Внутри камня темно и пыльно.

По ту сторону камня стоит хлипкий столик на гнутых ножках. Прямо к столешнице прилеплена воском толстая свеча, которая горит еле-еле, как будто нехотя. Рядом со столиком в огромном кресле сидит он.

Я выдвигаю из-под стола табуретку, которой еще мгновение назад там не было. Кресло мне ни к чему — я не намерен здесь засиживаться.

— У тебя ничего не выйдет, Тенна, — говорит он.

— Ты обманул Хранителя Башни Севера-и-Востока. Он умер, но перед смертью отправил меня сюда, — говорю я. — Ты обманул Хранителя Башни Юга-и-Запада. Он потерял силу духа, а это хуже смерти, но он дал мне ключ, чтобы я смог войти в башню и убить тебя.

— Я поистине господин этого мира, Тенна, — говорит он. — Я всемогущ.

— Это ненастоящий мир, — говорю я. — Уродливое отклонение от истинной реальности. Складка времени, которую нужно разгладить. Ты же не можешь выйти отсюда, Ортана! Ты заперт в магическом тоннеле между двумя Башнями, который не принадлежал нашему миру, и не принадлежит этому. Если ты появишься в нищем и варварском миреке, который гордо зовешь своим, он исчезнет. Обратится в ничто. Ибо ты сам — часть большого, настоящего мира, и потому ты один — больше всего этого мира, вместе взятого.

— Я всемогущ, Тенна, — говорит он. — Я поистине создал все, что есть ныне сущего. И женщину, которая пришла с тобой. И нынешнего тебя.

— Да как ты смеешь мнить себя творцом?! — взрываюсь я. — Ты ничего не создал, ты только вычеркнул, уничтожил, разрушил! Железо и огонь —

вот все, что ты оставил им. Магия огня и железа — какая жалкая часть истинной магии мира! Ты нарушил Равновесие, ты сжег обе библиотеки, ты... ты убил Ихаллу!

— Насчет Ихаллы... я сожалею, Тенна, — примиряюще говорит он, и я вижу, что ему действительно жаль. — Это было давно.

— Время есть неопределенность, и значением ее наделяем мы сами, — говорю я. — Я ненавижу всех, кто позволил катастрофе свершиться — и себя не меньше, чем тебя. Ненависть жжет меня сейчас так же, как сто и двести лет назад. Внутри «сейчас» времени нет. Защищайся!

И я вижу, что он впервые заметил в моей руке обнаженный меч.

— Ты сам — разрушитель! — кричит он и бьет кулаком по столу.

Свеча вспыхивает ярким бездымным пламенем.

— Эта вещь сродни твоему миру, — вкрадчиво говорю я. — Немного сумел я спасти, Ортана. Нет больше посоха Трав, триста лет никому не служит щитом Воздух, но это... Сталь, закаленная в огне, и немного варварской магии, помогающей убивать. Ей хорошо здесь. Здесь, в тоннеле между Башнями, мы с тобой почти равны, Ортана. Что ты противопоставишь моему мечу?

Из черного ничто за спинкой кресла он достает книгу в железном переплете, с которого содран священный Знак. Я знаю, что это за книга, я много раз читал ее.

Это книга Огня.

Та самая, которая, попав в тоннель, нарушила Магическое Равновесие мира.

И родила пожар.

12

Алый огонь взвился из рук Бессмертного и хищной птицей метнулся Тенне в лицо.

Меч Тенны просвистел в воздухе, рисуя стальную радугу. Ключья огненной птицы рассыпались искрами.

(В белой башне под синими небесами юная и серьезная девушка посмотрела в каменное зеркало).

Завершая дугу, меч тяжело обрушился на Бессмертного.

Бессмертный расхохотался. Из-под железного переплета книги выскокил клубок оранжевого пламени и расплющился под мечом, превращаясь в огненный щит. Целая вереница пылающих шаров вылетела из книги и устремилась к Тенне.

(«Начинай, Ортана»).

На мгновение Тенна стал похож на безумного жонглера. Оранжевые шары бросились на него со всех сторон. Он отбивался от них мечом, нанося уколы, рубя и рассекая.

Поврежденные шары падали вниз и умирали, истекая жидким огнем.

(Зеркало исчезло, осталась лишь рама).

— На что ты надеешься, Тенна? — крикнул Бессмертный, и от его голоса вспыхнули во тьме тоннеля тысячи жадных костров. С каждым словом они разгорались все ярче и ярче. — Это смешно! Я могу играть так хоть целую вечность!

Тенна взмахнул мечом и срубил вокруг себя красные язычки огня. Но за пределами очерченного им круга тьмы крошечные пожары стремительно росли ввысь и вширь.

(Высокий мужчина шагнул к зеркалу).

— Вечности нет, — выдохнул Тенна, занося меч. — Есть лишь «сейчас».

Тысячи костров сошлись в один. Яростное пламя взвыло, как зверь. Сплошная стена огня встала поперек тоннеля. Пламя драконьи языки обвили вокруг лодыжек гостя. И чудовищный огненный клинок по одному мановению Ортаны обрушился на Тенну.

С хриплым стоном Тенна упал на одно колено.

Торжествуя, Ортана прыгнул вперед — добить, искрошить, уничтожить.

Тенна просто перекатился в сторону, пропуская его. Простая ловушка.

Во второй раз в этом мире Ортана с книгой в руках врезался в невидимую плоскость зеркала, и та взорвалась кипящей лавой. Огнем был порожден этот мир, и Огнем же...

Вне времени и вне мира Огонь встретился с Огнем.

Меч Тенны обрушился на Ортану, как рушится горная лавина на путника, застигнутого в ущелье. Маг едва успел подставить под удар книгу.

...Огонь встретился с Огнем, и нашел в нем достойного противника. Струи алого пламени разбивались о желтые огненные щиты. Один костер старался сжечь другой. Пожар хотел убить пожар. Магия книги Огня сражалась сама с собой, и книга, что служила лишь оболочкой, осталась без охраны.

От удара железный переплет раскололся на кусочки. Книга камнем выпала из рук Ортаны.

Тенна отбросил меч, схватил книгу и бросился к выходу из тоннеля в Башню.

Позади него страшно закричал Ортана.

Тот, кого не защищает Равновесие, в пламени первосущего Огня живет недолго...

«Мама, мама, расскажи историю!»

Дети — это увлекательно, но в чем-то похоже на понос. Никогда не знаешь, в какой момент тебя прихватит. Время летнее, по хозяйству дел невпороворот, а тут — историю ей изволь.

«А мантикору покормила?» — спрашиваю я для порядка. Знаю, что покормила. Дочурка у меня вообще умница, только характером удалась в отца. Если чего себе в голову вобьет, то не отстанет.

Летний вечер светел и тих, воздух пахнет акацией.

Что же ей рассказать-то? Вот разве...

«Было время, когда вся магия мира была собрана в книгах, а книги те хранились в двух башнях. Башни берегли Магическое Равновесие мира, и заходить в них разрешалось только самым мудрым и достойным — тем, кому не могла явиться мысль нарушить Равновесие».

Не могла, да явилась... Я вспоминаю душную гарь и вездесущий пепел. И как страшно было ждать, забившись под лестницу в подвале...

«Но маг Ортана захотел стать самым сильным. Когда настало время магам обеих башен говорить друг с другом, и открылся тоннель между башнями, Ортана прыгнул туда и взял с собой книгу Огня. И Равновесие было нарушено. Ужасный пожар сжег все книги, кроме той, что была у Ортаны. И в мире не осталось больше магии травы и радуги, воды и камня. Миром правила магия огня и железа.

А потом маг Тенна пришел и победил Ортану».

Легко сказать: победил. Как вспомню, какой он выбрался оттуда, черный да обожженный... И Башня была вся в огне. Но это был уже обычный огонь, он вскоре погас, гореть-то там было уже нечему...

«Он победил Ортану, но прежнее Магическое Равновесие вернуть не смог. Книги сгорели, и магия оказалась рассеянной по всему миру».

Может, это и хорошо, что до нее теперь так сложно добраться.

Но Тенна вбил себе в голову, что надо написать новые книги. Значит, доберется.

«Мама, мама, а дальше?»

«Дальше — мыть руки и спать», — говорю я строго.

Чихать она хотела на мою строгость.

«Я к мантикоре!»

Только и успеваю, что поправить у нее на шее медальон со Знаком Тенны.

ЮЛИЯ ГАЛАНИНА

ЗВЕРИНЕЦ

В

ДОЛЬ СТЕНА ОСТОРОЖНО ПРОБИРАЛОСЬ УМНОЕ СЛОВО, поджав хвост и семена мохнатыми лапками. Может быть, это была Квинтэссенция. А может ещё что — хвост-то оно поджало, а Мякиш и так был не очень силен в распознавании Умных Слов. Сюда они редко забредали, боялись.

Не зря боялись-то. Пацаны такое поймают, на хвост наступят — оно всеми своими ста ножками землю скребёт, мяучит жалобно и ядом плюётся. Только недалеко — все штаны оплюёт, а обидчикам хоть бы хны. Ее яд только на культурных действует.

Интересно, всё-таки, что за Умное Слово в лачугу тётушки Пакли пожаловало? Сосед тётушки мясник хвалился, что умеет их читать и различит с первого взгляда, только Мякиш ему не верил: где бы это он научился? Таких грамотеев в их околотке не водилось: чтобы правильно знать культуру.

У них всё по-простому, тётушка Пакля буквы даже не складывает — выметает с руганью за порог, если забегут. Как начнёт метлой махать и материться — буквочки пулей улепётывают. Она сказала как-то Зяблику, когда в добром настроении была: они опасные, один вред. Мозги только забивают. Картинки куда как завлекательней. А для букв школа есть, оплот культуры, пусть там и сидят, не высовываются.

Мякиш-то любил потихоньку буквами баловаться. На заднем дворе, пока никто не видит — наловить их полное ведро и слова лепить. Обыкновенные. «Каша» там, или «небо». Или ещё чего, что на глаза попадётся. Слова получаются коротенькие, юркие, шмыг — и нету. Или снова на буквы распадутся, ежели неправильно слепил, и уже так, врассыпную, деру дают, как кто горох рассыпал. Главное, чтобы никто из пацанов не увидел: они любят похабными словами баловаться, налепят их криво-косо и ржут, по земле катаются. А Мякишу стыдно.

В школе так играть не получается. Там слова-то сушёные, в букварях на булавки пришипленные. И букочки с мылом вымыты: от этого они не скачут, трепыхаются лишь по коробочкам. Играть ими неинтересно — слова совсем дохлые выходят, одно расстройство.

А чуть поживее слепишь: учителька засечёт и — хрясь! — указкой по парте: некультурно. И пухлые щеки гневно дрожат. Нельзя ведь говорить «булок нажрался», нужно «отведал мучных изделий». Правда, это она в школе только культурная, после школы обычная, как все. Мякиш отродясь не видел, чтоб она мучных изделий отведывала: лопает пирожки, только за ушами трещит. Разве что жирные пальцы платком вытирает, не об одежду.

Мякиш поймал Умное Слово, по пушистой спинке погладил. Оно, видеть, расчувствовалось, не стало ядом плевать, свернулось усталой спи-

ральной. По нему видно — дрожит, вот-вот на буквы распадётся, из последних сил держится. А жаль — Умные Слова на дороге не валяются. Их так просто не слепишь, это тебе не «каша». И сами длинные, как колбаса, и буковок в них напихано редких, таких и не враз поймашь.

Мякиш Слово под рубашку запихал, пустые ведра подхватил — и к колодцу за водой. Скоро тётушка Пакля должна вернуться — увидит, что вода в доме кончилась, метлой отходит за милую душу.

Она прозгать пошла, не нужен ли кому мальчик на побегушках. Прекрасный мальчик, работающий и сообразительный. Мякиш надеялся, что такой понадобится булочнику: тогда не жизнь будет, а песня. Тётушка его мечтания на корню обрубала, говорила, высоко больно метит, хорошо, если такого дармоеда и лодыря сапожник смилостивится, возьмет в учение.

Вообще-то она хорошая, тётушка Пакля. Когда добрая. И трезвая.

Колодец на перекрестке улочек выкопан, к нему всегда очередь. Там площадь, удобно — и лошади могут попить, и прохожие. Мальчишки не чинятся, зачерпывают им из ведра. Проходим, конечно, не лошадям. Для лошадей отдельная поилка.

Мякиш к колодцу бежит вприпрыжку, а сам примечает: толпа-то большая, все приятели здесь. Оно хорошо, да только Умное Слово жалко — не переживёт оно встречи с этакой оравой. Они же его в миг растреплют на буковки. А оно и так несчастное, до сих пор трясётся. Умным Словам в стае бегать хорошо, тогда они худо-бедно отплеваться могут, либо у образованных людей дома, где их любят. Поодиночке, да ещё в некультурном месте, они быстро погибают.

Надо бы Умное Слово в хорошие руки отдать. Оно видное, вон хвост какой богатый, и ног много.

Приметил Мякиш одного господина, что из лавки шёл: красивый такой господин, сапоги крепкие, большие, выше колен. На руках перчатки, а в руках палочка с наконечником — стек называется. Заместо хлыста у некоторых. И шляпа. И усищи — во! Круче чем у булочника завиты. А главное, культурный: два ведра первосортных букв за ним мальчика из лавки несёт, пыхтит.

Мякиш — к нему. Встал, дорогу загородил, смотрит снизу вверх широко распахнутыми глазами и требует:

— Дяденька, возьмите это! Она смиренная!

Умное Слово из-за пазухи за хвост выудил, держит на весу и слегка трясёт, чтобы шерстинки на хвосте дыбом встали. Слово лапочки свесило, пригорюнилось, как горжетка ношенная колыхается.

Господин нахмурился:

— Это не она, а он. Не видишь разве, как оканчивается? Изм!

— Дяденька, возьмите! — умоляет Мякиш. — Пропадёт ведь здесь, болезное. А мне домой надо, воды ещё набрать.

— Да оно сдохло уже! — басит господин и Умное Слово палочкой своей по передней лапе — торк!

Слово лапочки поджало, голову подняло и зашипело. Мякиш пустое ведро выпустил, подхватил бедолагу лохматую двумя руками. Умное Сло-

во ему на плечо забралось и замерло там, шею Мякиша хвостом обвив. Набычилось: сейчас господину в глаз ядом плюнет.

Господин развеселился.

— Любишь слова, я вижу? — спрашивает.

Мякиш плечами пожал кособоко.

— Жалко его, пропадёт, — объясняет сбивчиво. Уже и не рад, что связался.

— А сам-то ты кто?

— Мякиш. Я у тётушки Пакли живу. Скоро у сапожника работать буду.

Или у булочника.

— Это хорошо, это правильно, — одобрил господин. — А где дом тётушки Пакли?

Мякиш скрывать не стал:

— А вон, пятый по улице.

Всё одно в доме тётушки Пакли господину поживиться нечем.

— Значит так, Мякиш: мне с твоей тётушкой потолковать надо. Иди за водой, как шёл, а я тебя у тётушки подожду. Может быть, мы с ней столкнёмся и без сапожника.

Мякиш глаз прищурил, глянул — у колодца-то пусто, все разошлись. Можно быстро обернуться, и Умное Слово никто не тронет.

— Ладно, — сказал он важно и припустил со всех ног.

* * *

Дома тётушка Пакля сияла, как чайник начищенный.

Даже странно: господин-то так с ведрами, полными букв, и припёрся. Мальчишке-посыльному всё едино, несёт их себе за покупателем. На чисто вымытый пол ношу поставил, а буквы-то улепётывают потихоньку, ведра без крышек. Перевалятся какая-нибудь через бортик — и шмяк на пол! На другого тётушка Пакля заорала бы, ногами затопала, чтобы не запакошал всякой дрянью жильё, а господину с рук сходит.

Когда Мякиш пришёл, они уже об оплате сговаривались: сколько тётушка будет получать за труд Мякиша. Сговорились быстро, господин столько денег посулил, сколько булочник подмастерью не платит, не говоря уж о мальчишке на побегушках.

— Только эта... — виновато попросила тётушка, на Мякиша искоса взглянув, — пуцай школу он не забрасывает. Не тонет в бескультуре-та.

— Госпожа Пакля! — оглушительно захохотал господин. — Я же его не в притон беру! А в такой оплот культуры, что ваша школа зачуханная по сравнению с ним — тьфу, плюнуть и растереть. Не он к ним, а они, учителя его, к нему бегать будут, просить, чтобы поспособствовал. Заискивать начнут, на вы называть, уж поверьте мне.

Мякишу не очень-то верилось, но, против воли, сказанное господином понравилось. Оплот культуры, круто. Это, и правда, не булочная.

Тётушка ему враз узелок с собой собрала, провела мокрой расчёской по волосам — и за дверь выставила.

Там, на улице, господин дожидался. И посыльный.

Посыльный наглый оказался: ведра ему вручил и учесал, только и видели. А узелок Мякишу в зубах нести?! Пришлось пихать его в ведро поверх буквочек. Они запищали, заскреблись...

Ученое Слово на плече, как приклеенное сидит. Только зашипело на тётушку, когда она с расческой сунулась. Тётушка Пакля тогда ему кулак под нос — плой, мол, интеллигенция — Умное Слово ядом-то и поперхнулось.

Сейчас она, тётушка, на пороге лачужки встала, щеку рукой подпёрла и пригорюнилась. Мякиш только вздохнул, глядя: пообещал на выходных беспрерывно навещать. Ведра с буквами подхватил — и поволок за господином.

И страшно, и радостно.

Шли долго, через центр города, здесь Мякишу и бывать-то не доводилось. Может и к лучшему: шибко чисто на улице. Никто не плюётся, обидно даже. Мякиш шёл, шёл, не утерпел — и плюнул в клумбу. И сразу на душе легко.

Ученые Слова, правда, гуляют невозбранно. Прилизанные, холёные. А прилудное так и угнездилось на Мякише, нипочем слезать не хочет, к своим не идёт. Вот же прилипчивое!

А господин всё дальше и дальше ведёт. По улицам, по площадям, по набережной.

Вдруг — бац! — и завёл на окраину. На окраине — лес стеной. А перед лесом пустырь. Вроде старого, заброшенного кладбища.

А посреди пустыря домина не домина, хоромина не хоромина. Внушительное здание, вот и весь сказ. Лишь одна дорожка к нему тянется, остальные тропинки огибают пустырь, будто боятся. Окошки узенькие, высокие, а само камня тёмного, почти чёрного.

И господин к нему — по-хозяйски так.

Ключ длинный выудил (и где прятал только?!), в скважину вставил, повернул.

Огромная дверь мягко, без скрипа, распахнулась.

— Заходи, Мякиш! — велел.

А Мякишу неохота в этот оплот культуры голову совать, боязно. И сил уже нет: ведра все руки оттянули, ноги от слабости дрожат.

— Ага! — заметил господин. — Коленки трясутся? Не бойся, скоро тебя отсюда за уши не оттащишь. Тут так интересно — нигде подобного не сыщешь. И что опасаясь — тоже правильно. Опаснее этого места в городе не сыскать.

Ну как после таких слов не войти?! Когда интересно, да опасно — это ж слаще вдвойне. Мякиш шаг, шажок — и в дверь.

А за дверью ничего. Прихожая огромная, навроде школьной, пустая совсем. И ещё двери. И лестницы.

Господин за спиной объясняет:

— Здесь осмотреться — и месяца не хватит. Будешь понемногу осваиваться, а начнёшь с кухни. Подле неё и каморка для тебя есть. Но для начала пошли с буквами разберёмся.

Пересёк прихожую, открыл одну из дверей — а там светло. Вышли во внутренний дворик, вот дела. Свой колодец тут, поленица, грядки с укропом и петрушкой, бельё на верёвке сохнет, бак для стирки валяется. А к стене вольеры приделаны, вроде как для цыплят. Одни побольше, другие поменьше. Сетка мелкая-мелкая, а за сеткой буковки копошатся.

Мякиш пригляделся — а они не вперемешку, разобраны.

Господин объясняет:

— Я сегодня редких букв прикупил оптом, ты их вон туда скидывай, в отстойник. Позже рассортируешь.

Мякиш послушно ведра поставил, крючок с проволочной дверцы скинул, распахнул вольер — и одно ведро туда ка-ак плеснёт! Тётушка Пакля так воду грязную на улицу выплескивает после стирки.

Буквы — как брызги! — по вольеру скок-скок-скок. И давай беситься — насиделись в ведре, соскучились. А Мякиш по ним вторым ведром, следующую волну. И дверцу снова на крючок. Пусть привыкаются!

Сам же узелок под мышку — и за господином на кухню.

Хорошая кухня, замку под стать. А повар всего лишь один, да ещё и хромой, колдует над котлом, травки всякие в него сыпет. Пахнет — с ума сойти — до чего же вкусно! Или это на голодный живот так кажется: Мякиш и не понял.

Налили ему миску похлебки, густой, хорошей. Он её съел в два счёта и осоловел. От всего разом, что за день приключилось.

Повар его до коморки довёл, на лежанку усадил. Мякиш покивал в знак благодарности, да и в подушку уткнулся, не раздеваясь. Ноги гудят во сне, спина гудит. Ухо греет мохнатое Умное Слово, сторожит его сон.

А под кроватью, где-то там, глубоко, не то стонет кто-то, не то рычит.

* * *

И потянулись трудовые дни у Мякиша. Господин ему неделю отсыпаться дозволил, сколько душе угодно, так что вставал Мякиш к обеду.

И обычными делами занимался, как и у тетюшки: дрова колол, воду из колодца на кухню таскал, грязное бельё в чане, в мыльной воде топтал, что-бы отшоркалось. Пятки стали белые — страсть!

Потихоньку буковки из отстойника разобрал, по вольерам рассадил, как и велено.

Потом хромой повар его к лепке слов приставил, обыкновенных.

А Мякишу это только в радость: налепит их с десятков, они носятся вокруг колодца, играют. Умное Слово на солнышке греется, лапы раскинув — они его кусают, нарываюся. Получат по спине мохматым хвостом — отскочат и опять резвиться. Придёт повар, уведёт их куда-то вовнутрь.

И это только показалось Мякишу сначала-то, что нет в здании никого, кроме господина и повара.

На самом деле народу тут прорва крутится. Просто комнат много и вообще. В обед разные люди в кухню спускаются. Унылые такие, узкогрудые. Шуточек не отпускают, громко не смеются. То есть смеются над чем-то, но

тихо. А над чем — Мякишу непонятно. Какие-то они не такие — на дворе у вольверов лучше. Мякиш поэтому обедал позже всех: всё равно посуду ему мыть. Это тоже обязанность мальчика на побегушках.

Повару Мякиш приглянулся: и буквы ладно лепит, и с Умным Словом не разлей вода. Обещал, мол, узнает как-нибудь, что за Умное Слово Мякишу досталось. Просто в нем буквы так слепились, шерстью покрылись — и не разобрать. Да ещё оно по городу потаскалось, заляпалось с ног до головы.

Господин приходил на кухню — тоже Мякиша хвалил. Стал с собой в город брать, как за буквами в лавку отправлялся, чтоб без посыльного обходиться. По выходным к тетушке отпустил, как и обещал.

Умное Слово приловчилось на Мякише в город ездить: с плеча-то он его спихивал, уж больно туго хвостом шею давило, прямо как удавкой, так оно стало к спине цепляться всеми лапами, а голову Мякишу на плечо класть. Так и идут: Умное Слово по рубахе распластается, только хвост мохнатый позади Мякиша туда-сюда колышется.

Дальше прихожей и кухни Мякиш в здании пока не бывал. А там стены вибрировали: ладонь приложишь к колонне у входа, а она трясётся мелкой дрожью: у-у-у-у-у...

Мякиш себе голову не забивал: может это культура и есть, в чистом виде. Сила! Главное, чтоб не рванула — а так пусть гудит.

* * *

И вот настал день, когда пустили Мякиша за закрытые двери. И на лестницы тоже пустили, которые на верхние этажи вели.

Только он не понял ни шиша.

Сидят там люди — те самые, которые потом на кухню обедать спускаются — и выделявают чего-то. А чего, спрашивают, делают? В одной мастерской решётки какие-то, сруи, сетки. Словно тут конюшня или псарня. А в другой Умные Слова составляют, буква к букве, да быстро так! Тых-тых-тых-тых: вот тебе и слепили какую-нибудь «симуляцию». Или «генезис». Или ещё чище.

Господин удивлением Мякиша наслаждался, и говорит:

— Это друг мой Мякиш, только маковка. Богатства-то у нас в подвале спрятаны.

— Это которые гудят? — сообразил Мякиш.

— Они самые. Сейчас туда-то мы и пойдём. Ничего не бойся, но и не высовывайся. Прячься за меня, ежели что.

От таких слов Мякишу сразу на двор захотелось, к поленнице и колодцу. За поленницей-то сортир спрятался, уютный такой — в дощатой двери сердечко вырезано.

Господин стек свой, палочку, под мышкой зажал, снял связку ключей с гвоздика, отпёр замки на подвальной двери. И стали они спускаться.

А в подвале не то клетки, не то стойла. И копошатся в них твари всякие. Кто кричит, кто урчит, кто завывает, а кто и тихо трясётся в углу. Добро бы

они просто страшные были: так ведь нет, не разобрать вообще, какие. Меняются хуже облаков.

Господина заметили — заметались. Кто-то в стену вжался, подальше, кто-то наоборот, к решетке прилип: рожи неопишущие!

В одном стойле чудо-юдо дыру в сетчатой загородке проковыряло. Господин подошёл, а из прорехи когтистая лапа: цоп!

То есть не цоп! — господин-то его стеком по этой лапе: хрясь! Она и убралась обратно.

Мякишу (с непривычки) дурно стало: голова закружилась, живот крутить начало. Он на волю быстренько выбрался. И к колодцу — воды холодной попить.

Господин за ним, неторопливо.

Повар кривой увидел, что на Мякише лица нет, выбежал. Что случилось, спрашивает. Господин его послал наверх — сказать, что в пятнадцатом отделе сетка прохудилась, пускай тотчас же заменят.

И сам спрашивает:

— Ну что, Мякиш, не признал, кто это?

Мякиш головой мотает. Поди признай, ага. Тут цирк-шапито недавно в город приезжал, с передвижным зверинцем, бородатой женщиной и парадом уродцев — и то таких чудес не казал.

Господин веселится, стеком себя по бокам хлещет.

— Книги это, источник знаний. Неужто не понял, дурачок?

А откуда же Мякишу понять, коли в школе они совсем не такие?!

А господин-то это всё прекрасно знает. И Мякишу разъясняет:

— Книги, они такие бестии, опасней и не сыщешь. Потому и зовут наше заведение бестиарием. По научному. Мы тут книги чтим.

— А почему они опасные-та? — шмыгает носом Мякиш.

С книгами он раньше не особо сталкивался. У тётушки Пакли их не было, а в школе и не до книг.

— Ты же сам видишь — даже не понять, какие обликом. То такие, то сякие, то этакие. С книгами ведь как выходит? Овечками прикинутся, а сами на человека нападут и в мозг ему просочатся! Особенно на неподготовленного.

Мякиш аж содрогнулся.

Господин покивал и мрачно добавил:

— И что они там в неокрепшем мозгу сделают — кто знает... Потому мы здесь людей и бережём. Изо всех сил!

Мякишу жалко-жалко всех неокрепших мозгами, он и предлагает:

— Так надо по буквам их растащить, чтобы не пакостили!

— Верно ты Мякиш думаешь, — похвалил его господин. — Умница. Да только нельзя. Это же культура и есть, такая вот она в натуральном-то виде. Если книжку окоротить, причесать да разбавить, можно и на людях показывать. Когда она смиренная и не брыкается, то много пользы может принести. Мы ей такой окорот и даём. Нигде столько книг не сыщешь, как в нашем подвале. К нам и за книгами, и за цитатами со всего города ходят.

— За чем? — не понял Мякиш.

— Кусочками книжными. Да сам посмотришь, как учителя придут учебник обновлять.

— А может я лучше здесь? — Неохота Мякишу даже приближаться к этим бестиям.

— Ничего, ты справишься, как попривыкнешь, — утешает его господин. — Я, главный укротитель бестиария, в тебя верю.

И ведь прав оказался!

День прошёл, другой — научился Мякиш в подвал спускаться.

Потому что помощь постоянно требовалась: решетки в негодность приходили, будто жевал их кто, убираться надо было, проветривать.

А потом доверили Мякишу и главное, для чего господин укротитель его нанимал: кормить книги. Потому что повару тяжело хромать по подвалу, а словоплетов с верхних этажей эти бестии боялись.

Сначала Мякиш вообще не понял, зачем и чем их кормить. Пускай бы так сидели, меньше бы до чужих мозгов охочие были!

Но господин укротитель всё объяснил в подробностях: тут ведь такое дело тонкое, просто таки ювелирное. Книги — они же на словах замешаны и им буквы требуются. Тем, кто толстые — по полведра в кормушку, а тоненьким и ковшика хватит. Это потому что они взаперти сидят — были бы на вольных хлебах, им бы уличных буквочек хватало. Как тем коровам, что по городу шатаются: в канаве травки пощипали, на пустырь пошли, клеверу наелись, бельё висит на веревочке, сушится — полотенцем закусили. Но нельзя же книги так на улицы выпускать! А с другой стороны — тут же не каторга, а культурное заведение. Оплот. За книгами приходят, к людям их выводят. Книга должна в хорошем состоянии быть. Истошенная, она и ходить-то не сможет, какой интерес с такой общаться.

Но, опять же, во всём мера нужна: чуть дай им воли, они тебе такое устроят, рад не будешь. И сетки рвут, и решетки ломают, и пол каменный шкарябают, прокопать надеются. Тоже глаз да глаз нужен.

Понемногу Мякиш и сам во всём разобрался. Понял, как порядок в подвале поддерживают.

После завтрака (если дождя не было) повар на дворе постирочный чан ставил. И начинал в него буквы засыпать из разных вольеров. А Мякиш деревянной лопатой в чану возюкал, чтобы буквочки перемешались лучше. Каких букв сегодня больше надобно — господин говорил после утреннего осмотра. Потом Мякиш ведром комбикорм этот черпал — и нёс в подвал довольствие.

И повар тоже своим ведром зачёрпывал. Потому что к некоторым книгам Мякиша не подпускали, боялись за него. Господин укротитель объяснил, что это для взрослых, сочинения прельстительные и обольстительные. Они там у себя вечно клубились какими-то странными штуками и хихикали зазывно, бестии бесстыжие.

У Мякиша в подчинении книжки были попроще: не особо буйные. И такие, и классики. Такие были поживее, зато классиков в город таскали по поводу и без повода. Поэтому в подвале они по большей части отсыпались.

Как кормили книги буквами — это одно. Но их ещё лечить требовалось! Но сначала, наверное, лучше про охранять. На каждом стойле табличка висела красивая. Там название книжки писали, чтоб не перепутать. А путь на волю ей перегораживала рецензия: решётка такая. В решётке дверца была, аннотацией называют.

Мякиш аннотацию отпирал и буквы в кормушку высыпал. А там уж каждая бестия с ними разбиралась как её душа пожелает.

Решётки были красивые, витиеватые, с узорами. Произведения искусства просто. Большинство книг эти рецензии страсть как не любили, грызли, кидались на них, выломать старались. Особенно буйным, приходилось усиленные, двойные и тройные ставить. И менять на свежие постоянно. Так что люди с верхних этажей без дела никогда не сидели.

Но были книги и спокойные, такую из-за рецензии и не видать, не слышать. Так, повоет иногда — и снова молча лежит, думает.

Иногда и самые шумные — вот так у стеночки — лягут и ни гу-гу. Тогда Мякиш господина укротителя звал: хороший отзыв книжке требовался, как леденец дитяте. Отзывы в бестиарий люди приносили. А если хороших слов ни у кого не находилось, и сами делали.

Только штука-то вот в чём была...

Принесут с улицы отзыв, и слов-то в нём немного, и составлен простенько, а бестия сразу оживёт, перья распушит и давай по камере ходить, красоваться. На товарок поглядывать хитренько. И ворковать, и курлыкать, и что-то из себя изображать.

А свой отзыв на верхних этажах сделают... И слов, вроде, побольше налепят, да не простых, сиропно-сахарных, чтобы, бедная, не хирела: а всё одно кукуется, капризничает. Не радуется. Хвост подожмёт, скукожится и в угол всеми глазами уставится.

Отзыв, к примеру: «Эта работа — настоящий, написанный кровью сердца шедевр в ряду поделок, сляпанных ради барыша» — полежит, полежит у клетки, да слова и разбредутся по своим делам, а то и на буквы рассыпятся.

Мякиш заметил: другие книги всё равно обижаются, даже если самой бестии такой отзыв не в радость. Тоже дуться начинают. Вообще караул: слова из отзыва под ногами путаются, буквы по стенам блошками скачут, в клетках вой и шипенье стоит, не унять.

Поначалу Мякиш расстраивался, чинить такие отзывы пытался. Слова поймает, в угол загонит и переиначит маленько: вдруг переделанное понравится?

«Эта работа — настоящий, сляпанный ради барыша шедевр в ряду поделок, написанных кровью сердца». Красиво. Умное Слово с плеча кивает, поддакивает.

Убедится, что слова хоть чуть-чуть рядом встали. Если разбредаются, букв добавит, ашек, ишек и ошек, чтобы лапками слова сцепляли. Особо вредных слов не держит, пусть ползут. Все одно в подвале сдохнут.

Иногда складно получается:

«О! Эта работа и шедевр, и поделка, и барыш! А кровь сердца сляпана настоящая». Вот сам бы читал да радовался.

Что получилось — в клетку закидывает, аннотацию открыв.

Да только тоже ничего хорошего. Бестия ещё пуще заходится. У особо нервных пена из пастей прёт, хрипеть начинают.

Поглядит-поглядит Мякиш на это безобразие, плюнет и наверх уходит. К солнышку. Ничего. Посидят эти твари в холодном подвале, тишине и темноте, голодные — и без отзывов утихомириваются. Бестии.

* * *

Очень Мякиш господина укротителя зауважал, как около книг потёрся: его-то, Мякиша, работа, плюнуть да растереть. Накорми, решётки проверь и гуляй себе. А господину укротителю их ведь в город приходится выводить, да следить, чтоб не покусали кого.

Ежу понятно, что святым здесь не будешь: какую бестию на выход брать, которая лоснится вся, как жеребец вороной, необъезженный, хвостом раздвоенным бьёт и зубами-кинжалами клацает, или проверенную, спокойную, зубки у которой от времени стёрлись, грива осыпалась?

Любимый зверь господина укротителя был заслуженный классик. Огромный. С виду грозный — только ветхий уже, подслеповатый и добренький. На него и ошейника-то не требовалось, так, гриву начешут, накинут поводок — «Глубина содержания, широта охвата жизни и художественное мастерство не имеют равных в мире» — и ведут, народ культурно просвещать. С боков поддерживают.

Да только народ этот бескультурный от классики нос воротит, сколько им не тычь разумное и доброе. Новенького требует. Захватывающего. Раньше-то Мякиш и сам бы так думал, а теперь он учёный, знает: не-е, лучше классику. Она проверенная.

Потому что с новеньким начинается потеха.

Свежую бестию так просто на люди не выведешь, готовить надо. Весь bestiарий на ушах стоит.

Мякиш сам видел, как приходил заказчик к господину укротителю, бестию выбирал. Господин укротитель кивал, кланялся, зубы под крутозавитыми усами скалил. А потом, как заказчик на порог, платком лоб вспотевший утёр и выругался самыми чёрными словами.

Бестии этой, про которую разговор вели, в клетке тесно, рецензии так и лопаются. Скалит зубы, тварюга, ничего с ней не делается! Глазюками зыркает и когтями в полу бороздки процарапывает.

Такая не в мозги просочится, такая всем головы отгрызёт, до кого дотянется. Или скальпы лапой снимет. Когти — как крючья!

Только и господин укротитель не пальцем делан. Знает ремесло-то.

Вызвал всех и работы задал.

Перво-наперво велел решётки обновить, более строгие поставить, с шипами вовнутрь. Пусть-ка попробует на прочность! С аннотацией тоже не баловать: уменьшить. Чтобы поверила, что выпускать не собираются.

Кормить запретил: и так сытая, вон как мускулы под кожей играют.

Зато велел три раза в день ей свежие отзывы давать. Да похлеще котопые. Ни в коем случае ни свои — такие она за версту чувствует, они ей как пыль — чихнула и нету. Самые настоящие. От людей.

Мякиш думал, что с отзывами самое сложное будет: поди, набери, чтобы три раза на дню. Думою своею с хромым поваром поделился. Но тот его утешил: отзывов наберут за нечего делать. Эта бестия уже покусала некоторых, они злятся, строчат. Да и другим рассказывают — те тоже осуждают. Главное — дня три продержаться, не больше. Заказчик ждать не будет: ему же свербит во всех местах, книжка-то новая!

Мякишу интересно было, не описать! Он и в мастерской вертелся, где рецензии ковали, и аннотацию помогал укорачивать: солидно получилось.

Через аннотацию бестия теперь и голову высунуть не смогла бы: «Это захватывающая история о великой войне добрых и злых. Но кто победит?» Мякиш специально проверил: лично его голова застряла. Уши за «кто победит» зацепились, чуть не оторвались. Еле выпутался.

А рецензию просто роскошную отковали, каждое слово лоснится:

«Не успели мы опомниться, как в ряду обычных проходных книг обнаружилось нечто, что сумело не дотянуть даже до этих неприязнительных вершин. Откопав из закровов своей памяти пару ведер навозных фантазий, доблестный автор слепил очередной шедевр, круто замешанный на конъюнктуре. Стандартный шаблон сложно чем-то испортить, но, воистину, нет предела человеческой изобретательности. Хотя завязка ни капли не впечатляет, странный авторский юмор дает право предположить, что дальше нам предложат нечто оригинальное, но не тут-то было. Насквозь картонные персонажи демонстрируют нам такие ужимки, что не снились обитателям сумасшедшего дома. Полностью провалена мотивация героев. Невозможно найти хотя бы зачатки какой-нибудь философии. О языке и говорить не приходится, он ужасен. Впрочем, чего ждать от вещи, в спешке сляпанной на заказ. В результате мы имеем дурнопахнущую скороспелую поделку, законное место которой на помойке».

Еле подняли этукую страсть: восемь человек в подвал несли. Приклепали к камере, и за следующей подались, второй линией обороны. Она пожиже вышла:

«Было бы полбеда, если бы роман честно отработывал свое законное тупое мочилово, стараясь достичь успехов хотя бы в этом, и не тужился преподнести нам какие-то смутные откровения, порождённые ущербным гением его создателя. Убери автор натужные умствования — глядишь, и получился бы лёгкий боевичок, который приятно было бы полистать на досуге. Но вникать в эти косноязычные страсти — увольте, едали мы похлебки и получше».

Мякиш так понял, что ребята выдохлись, они же тоже не железные. В три раза легче получилось, а в чем упрекают, вообще не понял.

Повара опять спросил — тот не стал важничать, объяснил: мол, первая решётка для того и сделана такой неподъёмной, чтобы бестии окорот дать. На неё основной удар приходится. А второй решётке и не нужно основательной быть, она спесь с твари сбивает.

Пока решётки ставили — и отзывы подоспели. Всякие — выбирай на вкус. И «Аффтар выпей йаду!», и «Ф топку!», и «Говнокнижка!». Их господин укротитель велел в первый день давать. Они же только с виду мерзкие, бестия к таким привыкла, её сейчас больше рецензии занимают. Но и отзывы нужны для общего, так сказать, аромату.

А вот как рецензией насладится, тут её надо уже серьёзнее обрабатывать. Такими вот: «Прочел. Не понравилась. Скучно». «Пролистал с десяток страниц: достаточно чтобы понять, насколько протух этот труп». «А о чем книжка-то? Фигня какая-то».

Мякиш их в стойло к бестии засовывал, в дыру пропихивал, а тварь-то уже не бесновалась, лежала в углу, раны зализывала. Паинька паинькой, бантика только не хватает.

Мякиш прямо поражался, как тонко господин укротитель злодейскую натуру этих бестий насквозь видит.

На третий день отзывы пошли другие: «Плоско и банально. Избитый сюжет, затасканные идеи. Жалко потраченного времени». «Неужели никто не видит, что это гадость? Неряшливо и нудно. Читал по диагонали». «М-да... Если теперь книжками называют ЭТО... Полный сумбур, бред неудачника».

Теперь бестия и не огрызалась даже. Сонная стала, вялая.

Господин укротитель руки потёр и сказал: «Пора. Вот теперь можно».

* * *

Явились в подвал большой кучей. Рецензии расклепали, целиком сняли: через аннотацию бестию всё равно бы не вытащили, как того верблюда через иглу.

А на книгу сеть накинули. Тоненькую, но прочную: «В целом интересное, необычное произведение. Свежий взгляд с легкой нотой экзотичности. Новая подача материала. Натянутый нерв сюжета. Тончайшие нюансы восприятия» и т. п.

А господин укротитель (при полном параде и даже в манишке накрахмаленной, на слонявчик кружевной похожей) не один в подвал пришёл. Привел с собой целую свору Умных Слов.

Стек на приступочку положил, перчатки снял и выдрал дверцу-аннотацию из решетки. Голыми руками её растянул в полосу, а потом согнул в кольцо. И на опутанную бестию ошейником-то надел.

Перчатки натянул, стек приготовил — и повёл книгу к читателям. Тихую, смиренную, в ошейнике и сетке. А Умные Слова вокруг бестии скачут, стерегут. Только она лапу сквозь сетку выставит, когти выпустит — моська длинная её за лапу хватит: «Высокодуховное!!!» Бестия когти-то и втягивает.

Как увел господин укротитель эту заразу — все остальные от радости чуть в пляс не пустились: вот же как вымотала! Мякиша в трактир за пивом послали: отметить.

А тут в подвал из школы, за цитатами пожаловали, вынь им да положь. Ну с ними особо не церемонились — подвели к класснику, дергайте мол, чего хотите. Они прямо через решетку перьев-то с него и надрали, чтобы в учебники

повклеивать. Один, правда, лапу оторвал, говорит, нужно увеличивать объём материала. А классику мол ничего не делается, новую отрастит, не впервой.

Мякиш пива принёс, как велели, а сам пошёл Умное Слово мыть: оно же за ним везде таскалось, ещё грязнее стало, как швабра.

Набрал воды тёплой (хромой повар на плите кастрюлю всегда держал), в таз его посадил и давай тереть. Потом в полотенце завернул, побаюкал маленько, да и пустил по кухне бегать, отряхиваться. Слово туда-сюда носится, брызги веером. Радует, что чистое, пушистое. Мякиш расческу взял, давай его по слогам расчёсывать. Не поленился, от макушки до хвоста обработал. Делать-то все одно нечего: словоплёты прямо в подвале пьют, вот и до песен добрались.

А Мякиш Слово-то прочел! Сам! Буква за буквой, слог за слогом — разобрался наконец: «Радикализм» это. И такое его счастье охватило, такое удовольствие — век бы наслаждался.

Еще бы понять, ради кого этот колизм, да не успел: господин укротитель вернулся, чернее тучи: манишка набекрень, морда располосована, хрипящую книгу волочит, цепь на кулак намотал. Шавки его позади бегут, хвосты поджали. Бестия-то хитрее оказалась, чем думали, сцепились они всё-таки на людях. Сеть она порвала, тонка оказалась, а «Высокодуховное!» так лягнула, что отлетела моська пушинкою и закрутилась юлой, подбитую лапу оплакивая. Надо было не три дня, а месяц её укрощать, тогда бы толк был.

Запихнули тварюгу в стойло, опять рецензией запечатали. Дыру, где аннотация была, просто второй рецензией закрыли, вверх ногами её перевернув. Господин укротитель манишкой лицо вытер и Мякиша обратно в трактир послал: за водкой.

И все они с горя напились.

* * *

Почти год прошёл, Мякиш в бестиарии пообвыкся. Книг бояться перестал, уже не пугали ни хвосты, ни гривы, ни головы о нескольких языках.

Присматривался к ним он с интересом, да только через рецензии ничего разобрать толком не мог.

Окреп Мякиш от таскания ведер, уже не так уставал, без задних ног на кровать не брыкался. Умных Слов нахватался — сам теперь мог клепать, не хуже прочих. Платили за это, между прочим, неплохо, тётушка Пакля очень радовалась.

Но стал он по ночам просыпаться. Помимо воли стал.

Проснётся и слушает, как плачут книги в подвале. Жалобно, взахлёб. Рад бы уснуть — а не может. И вертится, и воду пьёт — ну никак!

Один раз не вытерпел, ноги в тапки сунул и вниз пошёл. Хотел отзывом немного дать — припас под кроватью. Такие, где люди пишут «хорошая книжка, спасибо». Чтобы не скулили, как щенята без мамы.

Да на господина укротителя чуть не наткнулся, от страха все отзывы рассыпал, а сам еле спрятался за дверь, в щёлку подсматривает. Тот, оказывается, ночным промыслом занимается, продаёт книжки какому-то скольз-

кому типу. Те самые, которые для взрослых и к которым Мякиша не подпускают. Им и сети не требовались — они не кусались практически, вихлялись только смешно.

Одну книжку, видать, этот тип решил не брать, так она на морде бабье лицо слепила, губки бантиком, и спрашивает басом задумчиво: «Мужчина, не хотите ли интеллектуально развлечься?» И ресницами накрашенными хлоп-хлоп!

Мякиш прыснул в кулак — ну и оплот культуры — и в свою конуру, пока не поймали.

А сердце-то всё равно гложет... Луна в окошко глядит с интересом — хоть самому вой. Радикализм за ухом чешет, купать его, видно, снова надо...

Лежит Мякиш в кровати без сна, в потолок глядит. Слушает.

Вот ушел ночной гость. Вот господин укротитель к себе поднялся. Сейчас рюмочку дернёт — и на боковую.

Ночь идёт, тишина кругом, спят все в бестиарии. Кроме бестий. И знает Мякиш, понял уже: тюрьма это, злое место.

Встал Мякиш, оделся, Умное Слово на плечо посадил, и в подвал. Раскрыл подвальные двери пошире, да и пошёл по рядам, аннотации распахивая. Будь что будет. Сапожнику мальчики на побегушках всегда нужны, а он не тюремщик. И точка. Вот такой вот радикализм.

Не поверили сначала бестии, подвох почуяли. Потом самая смелая нос из решетки высунула, свежий воздух понюхала — и скачками на волю. Тут уж они все потянулись, только их и видели. Кто ушел, кто уполз, а кто и улетел с песней.

Мякиш посмотрел на дело рук своих, да и пошёл вслед за всеми наружу. Как-то пусто у него в животе стало, слабость накатила: в душе решимость была крепкая, а вот тело забоялось сделанного. А чего бояться: сделано и сделано. И побрёл Мякиш по тропе через лес, прочь от бестиария. В соседний город решил уйти. Навсегда.

Шёл, шёл, да и сел под деревом передохнуть. Когда ветром с него подвальную пыль сдуло — легче стало. И страх испарился.

Сидит Мякиш, Умное Слово на коленях баюкает, небо над ним ночное, деревья как колонны. А из-за деревьев бестии выходят, к нему тянутся. На воле-то они не страхолюдины, а вовсе даже красавицы. Никуда не просачиваются: открываются ему навстречу. А в них и радость, и боль, и смех, и солнце, и битвы, и неведомые страны, и море плещет, корабли качает.

Мякиш узнал одну, она ему ещё в подвале нравилась, небольшая такая. Не тихоня, но и буянить особо не буянила, сама по себе. Ему давно интересно было, про что книжка-то. Теперь спешить некуда и Мякиш начал её с самого начала:

«Небо было почти чёрным, а снег при свете луны — ярко голубым.

Под ледяным покровом неподвижно спало море, а глубоко в земле, среди древесных корней, всем мелким зверюшкам и насекомым снилась весна»...

ТИМ СКОРЕНКО

ЗДРАВСТВУЙ, КАИН¹

ТРАВА.

Она зелёная. Свежая, светлая. Капелька: кап-кап, кап-кап. Каждая травинка прекрасна, и прекрасен этот бесконечный зелёный покров.

Я лежу на земле, вжимая щёку в густую бархатную мягкость, трава щекочет кожу, трава набивается в ухо, и мне хорошо. Я ловлю губами травинку, перекусываю её, жую. Она невкусная, но... Неважно. Трава, деревья, листья, Солнце — это жизнь. Уолт Уитмен — гений. Гений.

— Джерри!

Крик прерывает моё единение с природой. Это Харпер.

Он бежит ко мне, сминая своими грязными замасленными ботинками траву, мою любимую, зелёную траву. От него воняет потом и бензином, он тянет ко мне руки, но я отстраняюсь.

Он мастерит Машину Времени. Уже год этот чёртов мальчишка мастерит Машину Времени. Каждые две недели он врывается в мой кабинет, или в мою спальню, или просто находит меня, где бы я ни был, и ревёт во всё горло: «Заработало! Беги смотреть! Оно заработало!» И я, как последний идиот, иду смотреть на скособоченную конструкцию из консервных банок, проволоки, старых будильников, порванных пружинных матрацев, веревок и прочего мусора. Она вращается, шевелится, скрипит, как паровоз сорокалетней давности, откуда-то бьют струи горячего воздуха, в топке что-то нестерпимо воняет, а Харпер носится вокруг и дёргает какие-то рычаги, кричит, бесится, то смеётся, то рыдает, потому что ни черта у него не получается.

Я отрываю голову от земли.

— Джерри! — вопит Харпер. — Оно работает! Я только что отправил мышь в будущее!

Я лениво поднимаюсь.

По словам Харпера, в будущем побывали не только мыши, но ещё змеи, тушканчики, его носовой платок и панталоны Матильды Вестернглайд. Он в неё влюблён уже второй год. И зачем-то уговорил её брата спереть у неё панталоны. Интересно, сколько тот содрал с Харпера?

Харпер скачет вокруг.

— Быстрее, Джерри, через три минуты появится мышь!

Я молча иду за ним. Он приплясывает, требует, чтобы я шёл быстрее, заглядывает мне в глаза. Я всем своим видом показываю, что мне совершенно неинтересна его Машина, что я иду только для того, чтобы избавиться от него.

Этот мерзкий сарай построен прямо рядом с моим садом. Ему уже сто лет, а сад я разбил лишь два года тому назад. Всё равно это не сад рядом с сараем, а сарай рядом с садом. Он поргит всё. Но снести его нельзя. Потому что Там-Харпер-

¹Рассказ из числа номинантов на премию «Дебют»

Мастерит-Машину-Времени-Умничка-Наш! И кажется, женщина, мать, ей бы радоваться старшему сыну, радоваться цветам и зелени, а она смотрит на Харперовские железяки и сюсюкает.

В моём саду три дорожки. В планах — четвёртая. Вдоль каждой — мои любимые левкой, орхидеи, астры, розы — всё переплетается, безупречно гармонируя между собой. Искусственный водопадик, маленький, успокаивающий. Старая рама от велосипеда, обросшая плющом и ставшая каркасом для живой изгороди. Тишина, умиротворение.

И постоянный грохот из мастерской Харпера. Я заставил его сделать вывод на крышу, чтобы воючие газы не портили сад. Но они ведь всё равно портят! Они оседают чёрным смогом на влажных листьях, они... да что говорить. Ненавижу этого маленького засранца.

— Сюда, сюда, Джерри!

Я вхожу в мастерскую. По-моему, ничего не изменилось. Та же страшная конструкция в половину помещения. Та же вонь.

Хотя нет. Сверху появились рога. Между ними проскакивают электрические искры. Чёрт, теперь эта штука точно сожжёт мне сад.

— Смотри!

Он тыкает грязным пальцем в «платформу прибытия», так он её называет. Единственное чистое место во всём помещении. Он её драит каждый день. «Ничто не должно мешать великому путешествию!» — говорит он.

Это просто белая ровная поверхность. Он вычистил её шкуркой и покрасил. Над ней нависает что-то страшное, похожее на пушечное жерло, глядящее вниз.

— Сейчас! — вопит Харпер.

Я скептически смотрю на поверхность.

— 10...9...8... — он ведёт отсчёт.

Я демонстративно отворачиваюсь, сложив руки на груди.

— 3...2...1...

Краем глаза наблюдаю за платформой.

— Ноль! — он кричит, его глаза блестят.

Ничего не происходит. Машина шипит, фыркает и искрит, но белая платформа пуста.

Конечно, пуста. Как всегда.

— Сейчас, сейчас!

Он суетится, бегаёт вокруг платформы, волнуется, потеет. Мне, впрочем, неважно. Сейчас он будет щёлкать переключателями, бормотать что-то неразборчивое, ругаться, потом придёт мама, будет его успокаивать, обнимет за плечи, отведёт в дом, накормит...

— Да всё же должно работать! Всё должно!... Вот, вот здесь, чёрт! — закоротило! Чёрт! Она должна вынырнуть!

Я не понимаю, кто и откуда должен вынырнуть. Я разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

— Есть!!! — торжествующий крик.

Я оборачиваюсь на всякий случай.

Харпер держит в руке что-то омерзительно чёрное и обгорелое.

Я похожу поближе. Это трупик мыши, обугленный, омерзительный. Харпер держит его за хвост.

— Расцелуй его, — спокойно говорю я.

Он не обращает внимания. Он подносит труп к самому моему носу, я отшатываюсь.

— Ты понимаешь, что я сделал? — кричит он. — Она из прошлого! Я перенёс её! Я немного ошибся с настройками, и её растянуло по времени, убило, но это чёрт с ним! Она вынырнула! Следующий опыт будет удачным! Сейчас, пять минут!

Он исчезает в недрах сарая.

Я выхожу на улицу.

Сколько в мире безумцев, и одним из них обязательно должен оказаться мой брат.

— Харп! — это мать, она зовёт его. Он, конечно, не слышит.

— Он занят, — говорю я, — мышшей убивает.

Она качает головой, сходит с крыльца и идёт к сараю. Я иду в дом.

Господи, как хорошо в тишине. Моя комната благоухает цветами, потому что её окно выходит прямо в сад. Окно всегда распахнуто. Я протягиваю руки через подоконник и дотрагиваюсь до яркого бутона розы, огромной, на толстом шиповатом стебле. Я царапаю руку о шип, но это неважно, потому что это малая жертва за такой потрясающий запах.

Это сделано моими руками. Вся эта красота, эти цвета и запахи, эта безупречная палитра, всё это — моих рук дело. Моих. И никто мне не помогал.

Снаружи снова рёв Харпера.

— Всем сюда! Сейчас оно произойдёт!

Я не хочу никуда идти. В комнату заглядывает Рэйчел.

— Пошли, удели ему пару минут, он на весь день отстанет.

Я отталкиваюсь от подоконника и иду за сестричкой. Она меня понимает. Она любит мой сад. Она, верно, единственный человек во всём этом грёбаном доме, который понимает меня хоть чуть-чуть. Впрочем, я всё равно не допускаю её к работе в саду. Это моя работа.

В сарае уже все. Мать, Рэйчел, дядюшка Гаспар, соседские пострелята Билли и Вилли. И отец. Он так редко выходит из кабинета, что я начинаю забывать, как он выглядит. Он ест в кабинете и, по-моему, спит в кабинете. Зато его аналитические статьи печатает «The Times». И другие газеты. Раз в неделю он едет в город за книгами. Возвращается и начинает писать. И снова неделю его никто не видит.

Если пришёл даже отец, значит, Харпер достал всех основательно.

У Харпера торжественное лицо. Он даже обтёр его какой-то тряпкой, потому что следов сажи не видно. Он провозглашает:

— Сейчас вы станете свидетелями второго в истории человечества и первого удачного путешествия во времени! Это мышшь!

Он достаёт белый комочек из клетки.

— Белая мышь! — будто это имеет хоть какое-то значение.

— Я помещаю её в приёмник и отправляю в будущее на тридцать секунд! Через тридцать секунд она появится на платформе прибытия.

Он заталкивает перепуганную мышь в какое-то отверстие на поверхности Машины.

— Поехали!

Он дёргает рычаг.

Машина трясётся и пыхтит. Между рогами на её верхней части перебегают разряды. Харпер считает.

— 19...18...17...16...

Что-то громко щёлкает. Харпер прерывает счёт и испуганно оборачивается. Раздаётся треск стекла. Харпер бежит куда-то за машину. Я переглядываю с Рэйчел.

Харпер появляется снова.

— Всем из сарая! — ревёт он.

Начинается паника. Билли и Вилли выскакивают первыми, за ними дядюшка. Он всегда был отъявленным трусом. Я выхожу последним, медленно, напоследок оборачиваюсь, и тут раздаётся страшный грохот. Я вижу, как задняя стенка сарая падает, крыша обрушивается на машину, а из неё пышет огонь во все стороны, и в этом хаосе скрывается фигура Харпера. Я смотрю на сарай. Он наполовину обрушился, всполохи пламени лижут его стенки. Мать кричит.

— Харпер! Харпер!

Отец удерживает её от того, чтобы броситься в пламя. Из сплошной стены копоты и дыма выскакивает Харпер. Он грязен до умопомрачения, на скуле кровь, но он невредим. Он отлично подошёл бы на роль Скорби в древнегреческой трагедии. Его лицо выражает смесь ужаса, разочарования и печали. Я втайне радуюсь. Теперь всё будет гораздо спокойнее. Теперь он будет строить себе новый сарай — и я не позволю ему строить его в том же месте. Пусть строит где-нибудь подальше от моего сада.

Сада.

Я вспоминаю падение задней стенки и всполохи огня.

Я бросаюсь к саду, огибая горящий сарай справа. Так и есть. Стена похоронила под собой всю левую сторону первой дорожки. Но это не самое страшное. Огромный металлический обломок, железный лист валяется точно посередине сада, на главной клумбе. Гиацинтам конец. Новому сорту, который я выводил так старательно и готовил к выставке в городе — теперь всё сначала. Я хватаюсь руками за лист и тяну его на себя. Он весит, наверное, тонну. И он безумно горячий. Он обжигает руки, и я сдираю кожу, а лист не сдвигается ни на сантиметр.

Я сажусь рядом, прямо на чёрную землю и опускаю голову на руки.

Сволочь. Мелкая сволочь!

Я бегу к нему, его успокаивают, мать говорит что-то на счёт «в следующий раз получится», Рэйчел промывает ему порез на скуле.

Я расталкиваю их всех и с размаху бью по этой наглой харе, он падает, я бью его ногой под рёбра и ору, ору что-то нечленораздельное. Отец оттаскивает меня,

что-то кричит мне прямо в ухо, но я вижу перед собой только изувеченный сад и скрючившееся на земле тело Харпера.

* * *

Я просыпаюсь с мыслью о том, сколько работы предстоит. О расширении сада стоит пока забыть. Нужно исправлять устроенное этим подонком Харпером. Рыхлить, засеивать, удобрять, восстанавливать землю. Ехать в город за семенами. Чёрт с ним, одновременно и про запас куплю, для будущего расширения.

Я лежу в постели. В окно бьёт яркое утреннее солнце. Я понимаю, облакачиваюсь о подоконник. Розы благоухают. Сад точно разделен на две половины. Двуликий Янус растительного мира. Ближняя ко мне — такая же аккуратная и прекрасная, какой была всегда. Дальняя покрыта обломками стены, кусками Машины, копотью и пеплом. Сарай выгорел дотла. Потушить, конечно, не успели. Слава Богу, не дали огню распространяться дальше.

По саду идёт Рэйчел. Она поднимает глаза и смотрит на меня.

— Привет, — говорит она.

Я киваю и отворачиваюсь. Мне нечего ей сказать. Мне нечего сказать матери, отцу, дядюшке. И Харперу. Его мне хочется убить. Но я сдерживаюсь. Нельзя.

Я одеваюсь и иду на кухню. Семья готовится завтракать. Дядюшка и мать уже здесь, мать хлопочет у стола. Отец, наверное, в кабинете. Входит Рэйчел.

— Где Харпер? — хрипло спрашиваю я.

Мать смотрит на меня с укоризной.

— После того, что ты вчера сделал... — начинает она.

Я взрываюсь.

— А он? Что он сделал? Он спалил к чертям собачьим свой грёбаный сарай и заодно мой сад! Он чуть дом не поджжёт, это изобретатель хренов! Да его вообще к людям опасно подпускать! А ты мне говоришь: что я сделал? Я сделал? Будь моя воля, я бы его запер бы в каком-нибудь подвале и держал бы на хлебе и воде! Шнурки бы отобрал, чтобы ничего не изобретал!

Я вскакиваю из-за стола и бью по нему кулаком.

— Я сделал?

Я зол. Я выбегаю из кухни и иду к комнате Харпера. Если он там, я ему добавлю ещё.

Вслед слышу крик матери:

— Бедный мальчик не выходит из комнаты!...

Крик теряется.

Дверь заперта. Я не трачу время на разговоры и открываю её ударом ноги.

Харпера там нет. Посередине комнаты стоит его письменный стол. Он очень тяжёлый, но Харпер зачем-то оттащил его от стены и поставил по центру. На столе — записка.

Я беру её.

«Мама, папа, Джерри, Рэйчел, дядюшка Гаспар!

Я не знаю, получится ли у меня, но этой ночью я понял, что вся моя Машина — это глупость, и путешествовать во времени много проще. Я проведу экс-

перимент сегодня же. Я хочу отправиться на двадцать лет вперёд. А потом — назад. Если я вернусь, я принесу что-нибудь оттуда, какое-нибудь доказательство. Если не вернусь — что ж, значит, такая судьба. Может, мы снова встретимся через двадцать лет.

Ваш Харпер».

Записка в духе Харпера. Красиво, вычурно написано, а информации — никакой. В будущее он отправится, видите ли! Вернётся, сволочь, к обеду, когда проголодается. Только зря маму разволнует. Может, не показывать ей записку?

Лучше показать, всё же спокойнее будет, чем вовсе без вести.

Сволочь. Испугался меня и сбежал куда-то. Путешественник хренов. Великий Гудини. Шарлатан.

Я отношу записку матери. Она смотрит на меня дикими глазами.

Я спускаюсь в сад.

Сколько работы, чёрт побери, сколько работы.

2

Голос приходит откуда-то издалека.

— Мистер Маллен! Мистер Маллен!

Я приоткрываю глаза, шурю от солнечного света. Тёмная фигура, спешащая ко мне, — это Дик, второй садовник.

— Мистер Маллен, похоже, *mallena* дала росток!

Я вскакиваю. Сна будто и не было. *Rosa mallena*, гордость моя, лучшая из моих роз, лучшая из всего, что я выводил в своей жизни. Она пробивается! Значит, семена жизнеспособны, значит, гибрид удался! Только бы он выглядел так, как я планирую.

Мы быстро идём по тропинкам. Розарий закрытый: огромная оранжерея из стекла и металла в центре сада. Кадки, вазоны, клумбы — всё здесь. Цветы, тысячи красок, тысячи цветов, ароматы востока и запада, прекрасные, невозможные, неповторимые, пьянящие.

Я смотрю на крохотный зелёный стебелёк. Это первая рассада. Именно рассада, а не привитые цветы, не просто результат скрещивания, а семена нового сорта. *Rosa mallena*. Если за простые шиповники мне присуждали награды и премии, что уж говорить об этом чуде. Это будет сенсация приближающейся выставки. Сенсация для всей страны.

Я чуть касаюсь пальцем влажной чёрной почвы рядом с ростком.

Новая жизнь. Я даю новую жизнь.

Я иду прочь. Дик что-то говорит младшему садовнику.

Мой дом — моя крепость. Это прекрасный дом, огромный, выдержанный в духе викторианского времени. Я строил его десять лет. Если бы не война, справился бы и за меньшее время.

Я поднимаюсь по узкой лестнице на крышу, и ещё выше — в смотровую башенку. Господи, как это прекрасно. Мои сады. Мои виноградники. Мои парки.

Rosa Mallena. Моё наивеличайшее достижение.

— Мистер Маллен, вас к телефону.

Иду за Фрэнком. Он очень маленького роста, смешно переваливается, когда спускается по лестнице.

Аппарат в синей гостиной. Беру трубку.

— Маллен.

— Здравствуйте, мистер Маллен.

— Здравствуйте.

— С вами хочет поговорить мистер Коллхаус.

— Соединяйте.

Мэр. Обычно я не занимаюсь заказами лично, но для мэра, тем более такой объём! Коллхаус понимает толк в цветах. Я планировал его сад. А он познакомил меня с Тисси, скульптором. Его парковые работы украшают теперь почти все мои сады.

— Здравствуйте, мистер Маллен.

— Здравствуйте, мистер Коллхаус.

Я погружаюсь в работу. Каждый подобный разговор — это работа. Я говорю автоматически. Договариваюсь о времени, обсуждаю планы, описываю заготовки.

Коллхаус хочет узнать о сроках сдачи сада при особняке его двоюродного брата. Я обнадеживаю его. «Пятого», — говорю я. На самом деле мы сдадим его на неделю раньше. И получим дополнительную прибыль за скорость исполнения.

Мы прощаемся. Я обязуюсь быть у Коллхауса на приёме в среду.

Я выхожу из дома.

Хочется прогуляться. Даже проехаться. Иду к конюшне.

Вот и ты, Илайя. Мой любимый, мой милый коняжка, благородных кровей, когда-то ты блистал на ипподромах, а потом постарел, стал более спокойным и рассудительным, более умным. Здравствуй, милый.

Я трогаю рукой блестящий гладкий бок лошади. Илайя фыркает и пытается найти что-нибудь вкусное в моём кармане. Я вывожу его из стойла.

— Беркут!

Он появляется, прыткий, худенький, самый лучший конюх из всех, что у меня когда-либо работали.

— Да, сэр!

Он понимает без слов. Берёт Илайю под уздцы, ведёт к стойке, на которой висят сёдла.

Я выхожу из конюшни. Солнце светит, на небе — редкие белые барашки. Я предвкушаю запах леса, запах поля, запах травы. Не такой, как у меня в усадьбе — настоящей, дикой травы. Какой она была в моём детстве и отрочестве. В юности, впрочем, тоже.

Вот и Беркут. Я не без труда забираюсь на Илайю, с помощью конюха. Толстею.

Мы выезжаем из усадьбы. Поля, бесконечные поля, леса, реки — до самого горизонта. Кажется, здесь нет городов, в этой благословенной земле, нет автомобилей, тракторов, нет заводов и фабрик, нет этого чёртового телевидения, нет Элвиса Пресли и ему подобных.

Почему-то вспоминаются губы Мэй Уэст. Когда-то я тоже хотел такой диванчик, но дизайнер мне объяснил, что он совсем бы не вписывался в общую атмосферу усадьбы.

Поля, поля. Господи, как красиво.
Трава.

* * *

Я вижу фигурку. Она довольно далеко, но я скачу быстро. Через несколько минут я понимаю, что это мужчина. Молодой мужчина. Он идёт навстречу мне по дороге. Я замедляюсь. Он не из местных: их я всех знаю. Он одет странно: в стиле 40-х годов. Мальчишка почти, и что-то неуловимо знакомое в его походке.

Он выходит на центр дороги и расставляет руки, пытаясь остановить меня, и кричит:

— Сэр! Сэр! Остановитесь! Прошу вас!

Я останавливаю лошадь шагов за пять до него.

— Сэр! Скажите пожалуйста, а деревня Бленкиншоп близко? Я туда иду?

Я не люблю торопыг.

Я машу рукой за свою спину. Бленкиншоп — это туда, дальше.

— Спасибо!

Он вприпрыжку огибает лошадь и бежит по дороге.

И тут я понимаю.

Неуловимо знакомое.

Чёрт!

Дьявол!

Это Харпер.

Харпер через двадцать лет. Вернулся.

Я разворачиваю лошадь. Во мне — ни капли удивления. Я серьёзен абсолютно. И зол.

Я догоняю его. Он недалеко убежал, и я кричу ему вслед:

— Харпер!

Он останавливается и оглядывается. Он успел сойти с дороги и уже пробирался через рожь, хотел срезать, наверное. Я спрыгиваю с коня и иду к нему. Он идёт навстречу.

— Джерри? — спрашивает он.

Я с размаху бью его по лицу.

Вы думаете, двадцать лет что-то могут стереть? Вы думаете, двадцать лет — это много? Он остался таким же молодым. Он был младше меня на шесть лет. А теперь — на двадцать шесть. Потому что он ни капли не изменился. Он и в самом деле не сбежал. Чёрт побери, он всё-таки сделал эту свою машину.

Он поднимается с земли.

— За что, Джерри? Джерри, всё за тот сад? — Он наивен, глуп с этим вопросом. Ко мне возвращается хладнокровие.

— Нет, — отвечаю я. — За мать, которая сгорела как свеча через год после тво-

его исчезновения, — я наступаю на него. — За отца, который четыре года умирал от рака желудка, и не ты, а я носил ему утку.

Он отступает в рожь.

— За Рэйчел, которую фашисты угнали в лагерь и сгноили там в дерьмо! — я ору. — За шесть лет войны, которых ты не видел! За то, что ты сбежал! За то, что ты... — самообладание покидает меня.

Я бью его, и снова, и снова, и бью его, и кричу:

— Ты знаешь, что такое бомбардировки? Ты знаешь, что такое — когда тебе отказывает единственная женщина, которую ты способен любить? Ты знаешь, что такое — когда вокруг трупы, а ты должен таскать их к грузовикам? Ты знаешь, что такое — когда тебе далеко за сорок, и ты добился всего, но впереди уже нет ничего! Уже всё! Ты, дерьмо, ты бросил всех и сбежал в лучший мир, ты решил прыгнуть с поезда, да? Сука! Маленький ублюдок! Сволочь!

В моей руке камень. Я бью Харпера, разминаю его лицо в кровавую кашу, он не двигается, он мёртв.

Я встаю. Камень выпадает из моей руки. Я бреду к дороге. Сажусь на Илайю, который покорно ждал всё это время.

Мои руки в крови.

И вдруг я понимаю.

Двадцать минут назад Харпер появился из мира, который закончился двадцать лет назад. Он хотел вернуться. Он обещал вернуться в той записке. Может, он не исполнил бы своего обещания. Может, он соврал.

Я не дал ему ни единого шанса сдержать слово.

Я убил не Харпера.

Я убил мать. И, может быть, отца. И может быть, даже Рэйчел. Всех их — камнем, насмерть. Размесил по спелой ржи.

Прошлого не вернуть.

Я останавливаю коня. Спрыгиваю.

Трава. Спелая, свежая трава. Капелька: кап-кап, кап-кап. Как прекрасен этот бесконечный зелёный покров. Я вжимаю щеку в траву.

Я жду радостного вопля, который вот-вот прервёт моё единение с природой.

— Джерри!

Я жду этого крика. Я хочу услышать его снова.

Господи, как хочу!

Хочу...

Уолт Уитмен (1819-1892) — знаменитый американский поэт и публицист. Новатор свободного стиха, романтик; один из самых известных сборников — «Листья травы».

«**Губы Мэй Уэст**» — знаменитый сюрреалистический диван Сальвадора Дали, изготовленный по его рисунку и вписывающийся в сюрреалистическую комнату «Лицо Мэй Уэст», расположенную в его театре-музее в Фигерасе. Мэй Уэст — американская актриса и певица 30-х годов.

НАТАЛЬЯ ФЕДИНА

29 ФЕВРАЛЯ

3

АВТРА В ПЯТЬ ЗА ПЛАНЕТАРИЕМ. ВСЕ ЗАПОМНИЛИ? — Артем обводит глазами «команду».

— Не дурней тебя! — отвечает Серега и сплевывает на асфальт. — Чего там запоминать.

Маленькая Светка улыбается и кивает. Викки щурит глаза. Не верит она этому Артему. Но попробовать все равно надо.

Завтра в пять. Вот и все.

Теологи других миров много об этом спорят, но зачем? Мы знаем сердцем: у каждого народа тот бог, которого он заслужил. У каждого бога тот народ, которого он создал лично. Из ребра, капли крови, школьного сочинения, пуговицы от пальто. За семь дней или одну секунду. Возможно, нечаянно, но назад дороги нет.

Манаутам повезло, их бог — девочка. Маленькая такая, беленькая. И зовут — Светой. Тихая, послушная, аккуратная. С губ не сходит улыбка, с щек — румянец. Идеальный хрестоматийный бог, какие, казалось бы, встречаются только в старых книжках. Не капризничая, ест манную кашу и по первому требованию няни надевает шапку. Манауты тоже едят манную кашу, с наслаждением пьют витамины и делают зарядку по утрам. И игрушки свои не разбрасывают. Манаутки обязательно убирают на ночь драгоценности в сейфы, а у их кавалеров такой порядок в шкафчиках с инструментами — любо-дорого посмотреть.

У леоров тоже девочка. Значительно старше Светы, но за глаза ее иначе, чем «малолетней» не зовут. Существительные, прилагающиеся к определению, меняются, но само оно неизменно. У, вон она хромает, опираясь рукой на стену. Снова под кайфом, глаза мутные, под носом застыли подтеки соплей. Улыбка, правда, хорошая — хорошее есть в любом боге. А вот и клиент — грязный, жирный, противный. Но богине он чем-то нравится. Значит, сейчас мир леоров начнет трясти — не сильно, балла так на два. А потом — судя по шуршанию целофанового пакета — в воздухе привычно разольется аромат клея «Момент»...

Артем отшатывается, когда Серега бесом выныривает навстречу из-за угла, но быстро принимает непроницаемый вид. Нельзя терять лицо, иначе все сорвется.

— Я наперерез, по Сухановке... — Сергей тяжело дышит. — Я тут че подумал... Тём, может, не надо девчонок? Может, мы с тобой вдвоем, а?

Артем округляет глаза:

— Серый, ты что? Мы же все обсудили? Ты же понял! Вот от кого не ожидал...

Только не думайте, что леоры несчастны. Им нравится все, что нравится их богине. А еще они — как немногие умеют — ценят малое: подсохший бутерброд с бужениной, новые чулки, купленные богиней у метро... Бутерброд и чулки транслируются на огромных экранах, установленных на всех площадях мира. А леоры собираются перед ними, танцуют и запускают в ночное небо фейерверки. Если есть повод для праздника, надо праздновать! Ведь другого может и не быть. Леоры редко едят, часто болеют и не могут похвастаться красотой, но они действительно умеют радоваться. А за такие сны, как у них, какой-нибудь богач отвалил бы миллионы. Только сны не продаются. В них — разноцветные слоны и розовые в цветочках жирафы. На слонов надеты клоунские колпаки, на жирафов — балетные пачки, а в небе — радуга и падает конфетти. А когда леоры видят сны, они летают. И счастливы. И их богиня — тоже. Действительно счастлива. Существует множество похожих по жизненным условиям миров: мало ли девочек-мальчиков живет в нищете, глотает, что горит, и стоит на панели? Но жирафы, слоны и конфетти — только у них. Леоры знают, что это не надолго, что их мир просуществует мало, поэтому ценят каждую секунду. Их богиня не знает о существовании своих подданных, но все равно любит их. Они это чувствуют.

А вот Света своих — боится. Два года назад, когда она шалила, манауты убили ее родителей, няню и собаку Топку. И заняли их место. Теперь Света всегда улыбается и без напоминаний моет руки. Кажется, она тоже умерла. А может — и нет: Света не знает. Она больше ничего не понимает в своем мире. Хорошо, что манауты понимают и способны полностью управлять ею. «А то бы пропала девчонка!» — говорят они. Но это неправильно, с богами надо сотрудничать, а не подчиняться... Через несколько веков в мире манаутов сменился правительство, так что у Светы есть шанс. Небольшой, но верный.

— Ты же знаешь: чем больше народа, тем лучше, — Артем понижает голос. — А кого мы еще успеем найти до завтра? На улице к первому попавшемуся с таким не подойдешь, согласишься?

— Может, пацанов позовем? Витьку, Вовку... Вот такие пацаны! Я ручаюсь! Им точно надо: у Витьки мама болеет, у Вовки брат под следствием. Они согласятся.

— Сереж, кто у нас больной — Витькина мама или ты? Ты чего несешь? А если потом расколются?..

Но чаще, конечно, бывает наоборот — когда боги держат свои народы под каблучком. Посмотрите вон на ту богиню — видите, выходит из «Ауди»? Балованная принцесса с королевским именем Кристина-Виктория. На надменном личике фарфоровой куклы — гримаска. Отталкивает протянутую руку шофера, и пропасть Социальная, расколовшая мир фанов пополам, становится глубже на локоть. И шире — на два. Те из фанчан, кто гулял в неподходящий момент по бережку, конечно, летят вниз — с концами, без надежды на спасение, но сами же и виноваты. Для кого кругом таблички понатыканы —

«Не гулять!», «Опасная зона!»? Дня же не было, чтобы пропасть не менялась в размерах... В свои десять богиня балуется кокаином, издевается над прислугой и бьет лошадь. Для окружающих ее людей — дрянной ребенок, инфан террибль. Для своего народца — свирепая богиня мести. В ее мире, мире Фан нет равновесия. Здесь сложно жить, хотя приноровиться можно ко всему, правда?

На самом деле Кристина-Виктория не принимает наркотиков и, когда никто не видит, целует свою лошадь и просит прощения. А горничной сует под подушку конфеты. И пропасть снова становится чуть меньше... Девочке страшно одиноко. Каждый день она гадает, вернется ли сегодня отчим с работы живым? Прошлый не вернулся через два месяца после свадьбы с мамой. А за год до этого не вернулся отец. Но матери нравится определенный тип мужчин, и ничего с этим не поделать. Сколько еще мужей у нее будет? Два? Пять? Пока мать еще молода и красива, хотя ее немного и портит беременность. Женщина гладит острый живот и радуется: по народным приметам будет мальчик! Еще одна соперница ей в доме не нужна.

Кристина-Виктория твердо знает, что красота — главное в жизни. Она умело красит губы (контур, пудра, первый слой, промокнуть салфеткой, второй слой), а после обеда отправляется в туалет и склоняется над унитазом. Нельзя толстеть. Толстеть нельзя. Иначе никто никогда тебя в жизни не полюбит. А еще Кристина-Виктория никогда не плачет. Это плохо: в Фане уже которое десятилетие засуха. Чего только фанчане не делали: «организовывали» своей богине двойки в школе, пощечины от матери, сдохшую канарейку. Но Кристина-Виктория все равно не плачет. Никогда. Фанчане смирились, перешли на пот и духи — и ничего, живут, только мутировали немного.

Артем приобнимает Серегу за плечи. Он старше Серого на два года и гораздо хитрее. Прирожденный манипулятор.

— ... А если все сорвется? Четыре года ждать? 29 февраля как часто бывает — не знаешь? Посмотри в календарь! Ты представляешь, сколько всего за четыре года случится? Сколько народа ты завтра спасешь?!

Голос Артема набирает обороты, мальчик почти кричит и вдруг резко снижает тон. спрашивает ласково:

— Так придешь в пять?

Серегу кивает.

— Приду.

Девчонки. С ними сложно... У нас, слава богам, пацан. Преимуществ хватает (у нас реже идут дожди, к примеру. А некоторые миры с капризными богинями так просто заливают, чес-слово! Без водолазного костюма из дома не выйдешь!), но за них приходится расплачиваться. С утра наш Серегу снова разбил стекло: огромное, школьное — в кабинете биологии. Так что неделю всем миром ползали на карачках, собирали стеклянную крошку. А вчера — накостылял Вовке. Ох, битва была! Закономерно — Сергей же Воин. А с Вовкой у нас война. У нас все время войны. С Вовкой, с Витькой, с родителями, за справедли-

вость. Когда хулиганы обидели девочку из соседнего двора, а Серега заступился, полегли тысячи наших — так нашего бога метелили ногами. Втроем одного! Но мы не в претензии. Воевать — наш святой долг. Скажем, война Сереги с разводившимися родителями длилась два года. Два человеческих года! Представляете? Ведь их день — как наш месяц. Родители, кстати, так и не развелись. Это здорово прибавило нам, картанцам, уверенности в себе.

Если наш бог — воин, то и мы все — воины. Каждый из нас владеет приемами рукопашного боя, одинаково метко стреляет из лука, рогатки или автомата, а кожа на наших коленках обладает повышенной прочностью. У наших женщин от рождения лишь одна грудь: картанки — прирожденные амазонки. И все — очень красивые. Раньше они были как одна похожи на Серезину маму, но пару поколений назад стало рождаться все больше девчонок с лицом Ольки из 4 «б». Копии еще не точные, но характерные черты проглядывают — короткий носик, ушки слегка оттопыренные... Сереза приближающихся изменений в жизни пока не чувствует и по-прежнему считает, что девчонок ненавидит, но вы зайдите в любой наш роддом, в женский блок! Посмотрите на ряды орущих крошек. Видите, у каждой второй новорожденной — розовой, сморщенной, вопящей — светлые косы, перетянутые на концах красными резинками? Раньше, если случалась такая оказия, все эти косы-хвостики у младенцев немедленно отрезали (Серезина мама носит короткую стрижку), а сейчас — нет. Не вышел в этом году такой указ, не вышел! А это многое значит, уж поверьте. Грядут бо-ольшие перемены. Правда, еще не скоро, так что следующее поколение с лихвой успеет подготовиться.

Артем задирает рукав, смотрит на часы:

— Начало шестого. Ну где же она?! А, вон идет!

Хорошо одетые домашние ребята сбились в стайку — нервную, нетерпеливую. Стайка напряженно смотрит, как, покачиваясь, неверно улыбаясь, к ним приближается Катя. Катя-курва, Катя-пьянь, «шалава малолетняя». Девочка «не из их песочницы». Колготки порваны на коленке, куртка грязная, шапки нет, с волосами проблемы. У нее, говорят, и с головой проблемы — у этой Кати Майоровой. И ноги ее толком не держат. Девочка спотыкается о большой мраморный камень, падает на колени.

Все инстинктивно вперяют в него взгляд.

— Принесли дозу? — не поднимаясь, Катя смеется и протягивает руку.

Сколько всего существует миров? Много. Миллионы. Миллиарды. Точнее не скажем: Серега не любит математики, поэтому эта наука у нас не на высоте. Серега фанатеет от астрономии, и мы, картанцы — тоже. Вечерами влюбленные и родители с малышкой выходят поглядеть в «звездное небо». «Смотри, смотри, маленький, видишь самую яркую точку? Это он. Наш бог. Сереза». Точки светятся с разной интенсивностью: те, что как-то могут повлиять на нашу жизнь — ярче, остальные — бледнее. Черные, рыжие, золотистые... Розовые — это лысенькие макушки богов-младенцев — такие

крохотные, что только в людоскоп разглядишь. Какие-то болтаются в одиночку на периферии, большинство же образует созвездия-божества. Смотрите, вот они — все наши боги. Не общие, нет — у каждого мира свой. Сколько богов — столько миров. Или сколько миров — столько богов. Это точно не ясно. Ясно лишь, как прочна наша связь.

— Принесли, принесли.

Артем протягивает Кате белый сверточек.

У девочки загораются глаза, она разворачивает бумагу. Сейчас. Сейчас.

Ребята смотрят на Катю с опаской и нетерпением.

Вот-вот все произойдет. Бродяжка проглотит содержимое коробочки и все, девчонки не станет. Сердечко не выдержит... Жалко Катю. Но ведь все равно она на этом свете никому не нужна. Зато случится много хорошего. И даже то, что важнее всего. Серега бы сам отдал за это жизнь, но кто согласится вместо него принять грех на душу? И где гарантия, что, согласившись, загадает именно то, ради чего стоит умереть? А погибать ради нового велосипеда для кого-то — глупо. И родителей жалко.

Да и слово он дал.

Сережа — хороший парень. Честный, смелый, по-мальчишески наивный. Идеалист, максималист. Салага. У него есть цель: мир во всем мире — ни больше, ни меньше. Мы, картанцы, рады за нее умереть, если это поможет. Жаль, что не поможет

Серегой сложно управлять, но у нас и нет такой задачи: мы не менеджеры, мы вояки. Мы все время с кем-то бьемся — с Витькой, с родителями, за справедливость. Получаем за это по полной, но не грустим! Но с кем мы не воевали ни разу — так это с другими мирами. С богами дрались, с их подшефными народами — нет. Есть такой внутренний закон: мир чужого бога — неприкосновенен. Это лишь его мир. Его одного и никого больше. Нам даже не залетала в головы такая мысль — кого-то поработить. Поэтому сейчас, когда захватчики пришли к нам самим, нам, картанцам, как-то не по себе. Нам — да, да, это нам-то, забиякам, за хорошую драку готовым отказаться от обеда! — страшно. Мы то отбиваем атаку, то выпускаем чужемирцев — победно скалящихся, нагло бряцающих оружием — в свои города... На свете есть разные миры. Одним важно хранить независимость, другим нет. Нам — важно. Как и нашему богу Сереге. Но сейчас наш мир захвачен — не до конца, примерно наполовину. И нет у картанцев единства: мы чуть ли не впервые в жизни не знаем, что лучше, как поступить — сдаться или дать отпор. Серега колеблется, а без его приказа мы действовать не можем. Хотя и знаем, как будет правильнее... Но мы — воины, а воины не занимаются самодеятельностью. Они подчиняются приказам. Поэтому мы ждем. Все будет так, как решит наш бог — Серега Матвеев, «4-А», школа №35.

Серега смотрит на жалкую Катю, на жадные горящие глаза Артема, на «своих» девчонок. У них обеих глаза холодные, хотя при этом на губах мел-

кой Светки — обычная улыбка. Похоже, она не понимает, что сейчас произойдет. Сто раз ей объясняли — не понимает, дурочка.

Сергей не успевает осознать, что делает, как уже бьет Катю по руке. Коробочка раскрывается, содержимое рассыпается по грязному снегу. Серега в ярости давит его каблуками. Катя кричит и хватается мальчишку за ноги. Девчонки кричат. Артем кричит.

И, кажется, сам Сергей — тоже.

Пожалуй, хорошо, что боги не знают о своем статусе. Ковыряют в носу, бегают взапуски... Думают: «А пока мы просто дети, нам расти еще, расти». Полагают, что отвечают лишь за своих кукол, солдатиков, смену кошкиного наполнителя (если мама доверит) да секрет, поведенный соседкой Машкой. Только небо, только ветер, только радость впереди. А все остальное — дело взрослых. Мы могли бы открыть им правду, но не будем — таков неписанный закон. В свои пять, восемь, десять им не вынести подобной ответственности. Не потянут. Да и поймут ли? Так что пусть думают, что их мир принадлежит им одним, а мы — лишь плоды их воображения. «Тараканы в их головах».

Хотя мы — вот они. Живые. Настоящие. Так же, как и наши боги, мы любим, надеемся, верим. Нам бывает больно. И страшно. И одиноко. Мы рождаемся, растем, умираем — у нас все-все, как у людей, только поколения сменяются куда быстрее.

Мы зависимы, но не бесправны. В какой-то мере мы сами управляем своими богами. А они — нами. Мы — это немножечко они, а они — отчасти мы. Все взаимосвязано, и друг без друга нам никуда. Во многих мирах у народов идет война с их богами — кто кого осилит, кто возьмет верх. Но совсем друг без друга мы не можем. Мы одно целое.

А то, что нас называют «тараканами в головах» — пусть. Лишь бы не трусами и подлецами.

— Вы с ума, что ли, сошли? — орет Серега, сидя на дылде Артеме. Не известно, откуда взялись силы, но сейчас он готов разорвать этого здоровяка. — И я с вами сошел... Хорошо, опомнился вовремя! Вы верите в эту ерунду — в волшебный камень? Что если 29 февраля принести ему жертву, сбудутся любые желания? Что отчима не убьют, мать полюбит, родители вернуться? Мир, чтоб его, во всем мире наступит, да?! Светка, Викки, очнитесь! Он же гонит, гонит! Вот же бред придумал — 29 февраля... Почему не 8 марта? Говори, сволочь!

Девчонки застыли в растерянности, не зная, к кому кидаться на помощь.

Протяжно воеет лишившаяся дозы Катя.

Артем трепыхается, но вскоре сдается.

— Издевался! Разводил! — выкрикивает он, крепко прижатый Серегой к земле. — А вы, лохи, поверили! Так вам и надо! А 29-е — так просто звучит прикольно!..

— Но зачем?

— Попробовать! Как Раскольников! Нам все равно бы ничего не было, нам же никому четырнадцати нет!

— Тьфу, — смачно плюет на Артема Виктория-Кристина. — Отпусти его, Серый. Я позвоню, с ним дядя Боря разберется. Он этого урода из-под земли достанет.

— Тём, тебе бы к моему психиатру, — говорит Света.

Теперь все смотрят только на нее: ровно год, после тяжелой травмы головы девочка молчала. Только улыбалась и кивала. Улыбалась и кивала. А глаза были мертвыми...

Артем убегает. Сергей бросает ему вслед тяжелый мраморный камень. Никакой не волшебный, камень как камень. И не 29-е сегодня февраля. 1 марта. Перепутал Артем.

Перепутал и проиграл.

А картанцы выиграла войну. Хотя Серега об этом и не знает.

Как мы, маленькие, глазу не заметные, можем повлиять на своих богов? А вот так. Если взяться за руки всем миром — да-да, никого не забыв — ни младенца, ни старика... Тем, кто сам кулак сжать не способен, должны помочь соседи по цепочке: согнуть непослушные пальчики по одному и крепко сжать в своей ладони!.. Если всем взяться за руки и изо всех сил (не голосом, сердцем) воззвать к богу, тот услышит. Главное, не прекращать просить, главное, не расцеплять рук — даже если вражеский захватчик косит живую цепь из автомата. Даже если нечем дышать и глаза закрываются. Хватка должна быть мертвой — даже умер ты сам. Все равно не расцепляй рук. Не расцепл...

И все сбудется.

Все будет хорошо, правда-правда!

Не у всех, но у многих.

Свете найдут хорошего психиатра, и через полгода она начнет узнавать родных и собаку Топку.

У Виктории-Кристины появится в доме мужчина, который еще долго не будет исчезать из дома на целые недели — ее брат, Дениска. И в ее силах повлиять на то, какой народец населит Денискин мир...

Потом наши боги вырастут, а с ними — и мы. Уже примерно понятно, что с нами станет. Вариантов не так много: мы или увеличимся в размерах (и будем раздуваться, пока не взорвемся!), или наоборот, уменьшимся до нормальных «взрослых» размеров. Или мутируем. Или... исчезнем. Так тоже часто бывает. Ребенок вырастает, «излечивается от глупостей» и становится, к радости родителей и учителей, совершенно «нормальным» сыном или дочерью. Дом, работа, варенье, футбол, сериал по телеку и никаких «тараканов» в голове. Их больше не придется кормить — эмоциями, снами, фантазиями. Не придется отдавать им часть себя. Наступит, наконец, оно — простое человеческое счастье.

Не дай вам его, конечно, бог.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕНКО, ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ДРАКОН НА ЩИТЕ

КОЗА ЖАЛОБНО БЛЕЯЛА. ДРАКОН ПРИЖИМАЛ ЕЕ КОГТИСТОЙ ЛАПОЙ К ЗЕМЛЕ, ВЕРТЕЛ ТЯЖЕЛОЙ БАШКОЙ И ПЫТАЛСЯ ПЛЕВАТЬСЯ ОГНЕМ. ПОЛУЧАЛОСЬ ПЛОХО. ВЫПУСТИВ СОВСЕМ ЖИДКИЙ КЛУБОЧЕК ПЛАМЕНИ, ОН ЗАХЛЕБЫВАЛСЯ И ПРИНИМАЛСЯ НАДСАДНО КАШЛЯТЬ ЧЕРНЫМ ДЫМОМ. ТОЛПА МУЖИЧКОВ, НАЗОЙЛИВЫХ, СЛОВНО ОСЫ, СО ЗЛЫМ АЗАРТОМ КРУЖИЛА ВОКРУГ И КАК БУДТО БЫ ПЫТАЛАСЬ С НИМ РАСПРАВИТЬСЯ.

«Куда этим сиволапым, — подумал рыцарь, наблюдавший с пригорка. — Шкуру чащобного дракона так просто не пробить. Нужно благородное оружие да рука умелая. И даже тогда — лишь если в убойное место...»

Но мужички свое дело знали. Вооруженные длинными палками, к которым были приделаны ножи-свинорезы, они стремились ткнуть зверюгу в глаз или в пасть. Пособить себе хвостом дракон не мог — мешала сеть и тяжелые бревна по ее краям.

Похоже, что это была мужицкая ловушка. На дракона!

Вообще-то иметь оружие крестьянам северного королевства дозволено не было. Даже владение длинным ножом считалось злодейством. Правда, никто и никогда не интересовался, чем же крестьяне режут свиней.

А дракон-то совсем старый, догадался рыцарь. И похоже, что слеп на один глаз. Но, чтобы тебя причислили к драконоборцам, годится и такая древняя тварь. Если фортуна улыбнется — можно будет украсить щит изображением сраженного монстра.

Последние три дня рыцарь путешествовал один. Его оруженосец, вечно голодный рыжий юнец, заболел. Налопался какой-то гадости и три дня не вылезал из кустов. Пришлось оставить его в последней деревне, на попечении местных жителей. По этому поводу рыцаря временно грызло беспокойство, но что уж тут сделаешь...

Местность эта была дикая, малонаселенная. Крестьяне свободные и тоже дикие. И еще — здесь водились драконы.

Конечно, гигантских летающих рептилий — могущественных, владеющих магией — тут никогда и не бывало. Но чащобный дракон — тоже чудовище!

Голод научит и собаку траву жрать. Выпустив в последний раз изрядное количество вонючего дыма, монстр развернулся и с шумом прыгнул сквозь кусты, прихватив, однако, козу. Сеть с бревнами некоторое время волочилась за его хвостом, затем оторвалась.

И стало тихо.

Рыцарь спустился с холма. Крестьяне, еще возбужденные схваткой, оживленно переругивались, собирали в вязанки разбросанные шесты, служившие им копейными древками, потирали набитые синяки и шишки.

— Мир вам, добрые поселяне! — приветствовал рыцарь ошарашенно глядящих на него мужичков.

— Мир и тебе, пан рыцарь, коль не шутишь, — пробасил здоровенный мужик, до самых глаз заросший черными курчавыми волосами.

Мужички с любопытством разглядывали пришельца.

— Карл Збышек из Ясеня, странствующий рыцарь, — представился тот. — Вижу я, что изнывают здесь добрые поселяне от набегов злобно-го дракона.

«Поселяне» переглянулись.

— Ну, вообще-то не сказать, что изнываем, — озадаченно произнес рябой мужичишко, — у Зыбунов, вона, волки прошлой зимой столько скота задрали, куда там нашему дракошке.

— Нашему-то супостату ентой козы на неделю, почитай, хватит, — добавил кто-то.

— На месяц!

— Эка ты сказанул! На неделю. Можа и меньше.

Охотнички заспорили.

— Добрые поселяне! — нетерпеливо воззвал Збышек. — Есть ли в вашем селе постоянный двор или трактир, где нашелся бы достойный приют для усталого путника?

Крестьяне прекратили спорить и почесали в затылках.

— Мы и слов-то таких не знаем, пан добрый. А чтоб переночевать — так можешь у Мачко-бобыля.

Изба Мачека с виду была очень уж неказистой. Камышовая крыша обросла лишайниками, бревна почернели от времени. Однако внутри жилище оказалось нисколько не грязнее постоянного двора. На ужин хозяин предложил горькую лепешку из гороховой муки и похлебку из черного корня. И желудевое пиво. Впрочем, пойло, которое он окрестил пивом, воняло сивухой, да и вкус запаху соответствовал.

Странствующий рыцарь, конечно, был поразборчивее своего оруженосца, но ради дела исправно пил эту бурдомагу, отщипывал кусочки горькой лепешки и старательно направлял сбивающийся с темы разговор на дракона.

— Раньше-то? Раньше дракон много злее был, — задумчиво промолвил бобыль, вылавливая из помятого котелка плохо очищенные кусочки черного корня, — это сейчас он козу или овечку утащит, слопаёт и спит себе в берлоге. А в стародавние времена быков и лошадей воровал-то, вона как!

— Людей? Людей тоже ел, сказывают. Пастуха там, али пастушку. Рыцаря какого-нибудь, что воевать его приезжали, бывало, жарит. Лютая была зверюга, ох лютая!

— Почему здесь живем? А земли здесь свободные были, когда наши деды сюда пришли. Вот они и поселились...

— Дык куда идти-то? В город или в кабалу? А здесь мы свободные землешцы...

— Нет, ежели бы его кто убил, конечно, лучше бы стало. Коз бы никто не воровал. Лесок, где у него логово, можно б под покос расчистить.

— В другую сторону расчистить? Тоже можно... Только этот-то лесок поближе...

Утро задалось сырым и туманным. Впрочем, чего и ждать на исходе лета.

Самой захудалой мыслишки или хоть простенького плана, как справиться с драконом, у рыцаря не было. Те, кто строит планы хотя бы на два хода вперед, в его возрасте уже давно сделали карьеру. По меньшей мере — удачно женились. Но Карл Збышек неколебимо верил в доблесть и удачу.

Место, где происходила вчерашняя стычка крестьян с драконом, он нашел быстро. И направление, куда утащила бестия злосчастную козу, определилось легко. Жаль только, что нет с ним оруженосца. Ч-черт...

Надо было вылить тот прокисший супчик на голову хозяина харчевни.

Теперь вот придется привязать лошадь к осине и переться через непролазный кустарник. Причем, если уж остался один — то или с арбалетом наизготовку, или с протазаном.

Рыцарь выбрал протазан.

Еще не поздно повернуть обратно и сделать вид, что эта деревня никогда на его пути и не попадалась. Но так хочется поместить на свой щит изображение дракона... К тому же он отдал целый талер за ржавую пилу.

Как убить дракона, Збышек представлял себе лишь в самых общих чертах. Но, что меч и кинжал не годятся для того, чтобы отделить от драконьей туши рог и когти, — это он давно догадался.

Лесок был самый неподходящий для проживания в нем драконов — овраг на овраге. Что тут только эти поселяне расчищать под покос собираются... А дракон, хотя протоптал к своему логову изрядную тропинку, замостить ее кирпичом и убрать коряги не удосужился. И еще... За время странствий рыцарь успел убедиться, что в мире предостаточно мест, где пахнет отнюдь не фиалками, но тяжкую вонь, усиливающую по мере приближения к логову, он прежде и вообразить не мог.

Встреча с драконом произошла неожиданно. Сначала Збышеку показалось, что очень уж причудливый завал перегородил дно оврага. И лишь когда из этого хаоса приподнялась огромная змеиная голова и тусклый безжалостный взгляд уставился на рыцаря, до него наконец дошло, в какую авантюру он ввязался. Хотя, надобно сказать, ввязывался он и в более гиблые дела.

Или нет?

Издав воинственный клич, рыцарь выпростал запутавшийся в ветвях кустарника протазан и бросился на дракона. Дважды он безуспешно пытался заставить зверюгу поднять переднюю лапу, открывая подмышку, которая, по слухам, у драконов-чащобников чешуей не прикрыта. Наконец животное соизволило махнуть конечностью — но с выпадом по убойному месту Збышек оплошал, или и не было там никакого убойного места. Доброе, надежное древко переломилось как бudyлинка. Рыцарь выхватил меч и яростно ринулся в атаку. Тускло звякнув о броню чешуи, меч вылетел из его рук и приземлился где-то позади.

Тогда рыцарь достал пилу.

Изумленный дракон раскрыл пасть и попытался плюнуть огнем. Вместо этого он разразился едким и вонючим дымом. Кашлял дракон яростно, как застарелый курильщик, умирающий от рака легких, но не желающий избавляться от пагубной привычки. Вдруг монстр словно поперхнулся. Он захрипел, вздыбил могучий хвост, ударил им со всей силы по вершинкам кустарника. Тело его дернулось в мучительных конвульсиях — и через несколько минут агонии перед оторопелым Збышеком лежал мертвый дракон. Разрыв сердца.

Рыцарь отыскал свой меч, несколько раз осторожно ткнул им безжизненную тушу. А потом принялся отпиливать когти.

Прошли годы. Рыцарь-драконоборец Карл Збышек из Ясеня успел принять участие в двух небольших войнах и массе всевозможных потасовок. После гибели старшего брата и всего его семейства Карл стал владельцем разрушенного закопченного замка и двух обезлюдивших деревушек. Пока он воевал, крестьян попросту разворовали. Лицо Збышека было изуродовано шрамом, в походах он получил хроническое воспаление мочевого пузыря, на правой руке не хватало двух пальцев. Он все еще оставался странствующим рыцарем. В свое время старший брат приобрел ему снаряжение и заплатил первоначальный взнос этому братству. С тех пор изменить свою судьбу у Збышека не было ни денег, ни желания.

Силуэт дракона, время от времени подновляемый, красовался на его щите. И как-то вышло так, что рыцарю вдруг захотелось еще раз посетить места, где он сражался с этим монстром. Сражался — и победил...

Опять, как и тогда, стояла прохладная пора позднего лета. На этот раз вместе с очередным вечно голодным оруженосцем Карл Збышек вполне благополучно добрался до деревни, за которой начиналась глушоба. Край бескрайних болот, перемежаемых угрюмыми лесами.

Вот только деревни как таковой не было.

Поля и покосы уже заросли молодым леском; там, где стояли дома, буйствовала крапива. Дорога, хотя и не накатанная, но аккуратно об-

кошенная, привела всадников к единственному домику, жилищу того самого Мачко-бобыля.

Вышедший на оклик бобыль угрюмо рассматривал приезжих. Збышек достал серебряный галер.

— Прими на постой гостей, добрый поселянин!

Мачко-бобыль радоваться гостям не спешил. Он огляделся, озабоченно потер сизый нос и наконец хрипло буркнул:

— Не велит его светлость барон... Попадет мне... Ну да ладно, ежели добавит пан еще монетку...

В избе, как ни странно, было чисто и опрятно. На ужин хозяин испек лепешки из гороховой муки и сварил похлебку из черного корня. После трапезы плеснул гостям и себе в новенькие глиняные кружки желудевого пива. Оруженосец, глотнув из своей кружки только раз, немедленно отправился проведать лошадей.

Рыцаря Мачко-бобыль не узнал: шрам и годы сделали свое дело. А Збышек за свою жизнь уяснил одну очень хорошую истину — абсолютно незачем рассказывать жителям, что ты уже проходил через эти места.

— Говорят, тут драконы водились, — как бы ненароком спросил Збышек.

— Там, — махнул рукой куда-то в неопределенность Мачек, — может, и сейчас они водятся. А у нас тут уже лет семь-восемь, — он начал считать по пальцам, — нет, точно семь! Уже семь лет как нет. Один паршивый рыцарёшка извел нашего дракона.

— А что, умирая, дракон какое-то заклятье на эту местность наложил? Ведь тут, я думаю, раньше не маленькая деревня была. Вон сколько крапивы-то.

— Чашобный дракон? Заклятье?! — изумился Мачек. — Да не-е-ет.

— Отчего же тогда: был дракон — была деревня, не стало дракона — и сразу не стало деревни?

— Ну ты, почтенный пан, уж и скажешь — сразу! Где там... Не сразу совсем.

— Что, жить без дракона стало хуже? — терпеливо спросил Збышек.

— Нет! Конечно, лучше! Он же, зараза, коз воровал! Да что там коз! Вообще всё, что под лапу попадет, тащил. У бабки Марицы хлёбово для свиней стояло. Налетел, вместе с кадушкой сожрал! Старый был, охотиться уже не мог...

Мачек налил еще по кружке желудевого пойла.

— Нет, пан добрый. Никакого заклятия эта глупая бестия не накладывала. Всё как-то само собой получилось. Раньше-то трудно было. А тут сразу такие дела пошли: это мое, и то мое тоже... Купцы потом заезжать начали. У Михи-соседа жена с купцом сбежала... Вот... Потом то, потом сё... Капульткины по пьяному делу Монтякинского дедка до смерти пришибли. Или наоборот... Тут, само собой, промежду ними

кровная ненависть, значит, началась. Рогулек-то мы ой как много понапасли, еще против дракона. Ой, что было, что было... А потом... Потом приехал, значит, барон Листопедров со своими мордоротами. Грамотку нам показал... Да... Мол, подарил король, долгих лет ему жизни, земли наши барону Листопедрову за усердную службу его. А что скажешь? Куда пойдешь? Все друг другу враги... Кое-кто, конечно, в город ушел. Остальные остались у Листопедрова: в холопах, стало быть... Ну и развели его мордороты Копулькиных и Монтякиных по разным деревням — больно уж ненавистники они друг дружке стали. Даже при Листопедрове пробовали биться. А меня, значит, тут оставили. Охотничьи угодья здесь теперь у барона. Охраняю я, стало быть... Да. Вроде как этот... егерь, вот. Или лесник. А дракон... что дракон... Заклятьев он не знает...

Ночью рыцарь долго не мог уснуть. Мачко-бобыль ворочался, что-то бормотал сквозь дрему. Лишь один раз Збышеку удалось разобрать: — Не твой дракон, ты его и не трожь...

«Я-то тут при чем? — подумал Збышек.»

ТАТЬЯНА ТОМАХ

ОГОНЬ-ПТИЦА

ГОНЬ ПЫЛАЛ НА ОБОРОТЕ ВЕК, СЛЕПИЛ ЗАКРЫТЫЕ ГЛАЗА отражением заходящего солнца. Алые перья завивались прихотливыми узорами, рассыпались золотые искры — будто огненная птица хлопала крыльями, пытаясь взлететь.

— Эй, бродяга! Долго будешь мне крыльцо задом протирать?

Тиль приоткрыл один глаз, прищурился и опять поглядел на солнце.

— Я не бродяга, — отозвался он.

— А кто? — весело изумился дюжий толстяк, установив на верхнюю ступеньку крутобокий бочонок, от которого пахло свежестью, хмелем и солодом.

— Странник.

Толстяк, вытиравший красные ручки о засаленный фартук, замер на минуту. Заглянул в лицо оборванца, уже битый час торчавшего возле двери приبلудившимся псом — не издевается? Потом расхохотался.

Тиль улыбнулся в ответ и добавил:

— Добрый человек, ты, верно, не знаешь разницы между бродягой и странником?

Толстяк захохотал еще пуще, хлопая себя ладонями по ляжкам.

— Добрый, — хрюкнул он, отсмеявшись и вытирая слезы. — Ты еще и дурак, парень? Где ты видал добрых трактирщиков? На паперти?

— Мир велик, — опять улыбнулся Тиль. — В нем встречаются всякие чудеса.

— Добрый трактирщик — будущий нищий. Вроде тебя, — назидательно сказал толстяк. Подхватил бочонок; велел: — Дверь-ка мне открой. Сегодня тебе встретилось чудо. Заходи.

— Да мне вообще везет на чудеса, — отозвался Тиль.

Внутри пахло кислыми щами, свежими пирогами и жарящимся мясом. Тиль с наслаждением вдохнул дразнящие запахи — и вернулся к своей каше. Впрочем, каша была хороша — рассыпчатая, горячая, щедро сдобренная шкварками, жареными с луком.

— Я не добрый, — трактирщик поставил перед Тилем две кружки пива, уселся напротив. — Сегодня у меня сын родился. Я всех угощаю лучшим пивом — вся деревня придет выпить за здоровье Андрюша-младшего. И ты пей, парень.

— За твоего наследника, Андрюш, — Тиль поднял кружку.

— А потом, — трактирщик нагнулся к Тилю, подмигнув: — Люди любят послушать болтунов вроде тебя. Байки, прибаутки, сказки. Я хочу, чтоб у меня сегодня вечером было весело, понял?

— Но я спешу, — спохватился Тиль, откладывая чисто облизанную ложку. — Я могу заплатить за кашу и...

— Оставь свои гроши, — махнул рукой Андрюш. — Что за беда, куда ты спешишь? Так, что хочешь обидеть того, кто тебя угостил, а?

— Видишь ли, добрый Андрош, я возвращаюсь домой. Меня ждут, и я очень жду этой встречи. Жена и дочка — я не видел их целый год. Я шел всю ночь и все утро — и решил только немного отдохнуть на твоём крыльце...

— Э, что за беда! Отдохнешь до ночи. Что такое пара часов по сравнению с годом, а?

Странно, ему будто и самому хотелось... что? еще немного отложить долгожданное? За этот год разлуки к Тилю часто приходил сон о возвращении домой. Сон светлый и радостный, но иногда — почему-то с оттенком невнятной тревоги. Чем ближе подходил Тиль к своему дому, тем опаснее казался каждый шаг. Чудилось — ступи как-нибудь не так — и потеряешь навсегда единственно верную дорогу, которая выводит к долгожданному. К прежней безмятежной счастливой жизни. К улыбающейся красавице Марийке; к смешливой толстошкой Аське, которая год назад так серьезно махала пухлой ладошкой вслед Тилю — так и не поняв, что он уходит надолго.

Будто в тех снах не одна дорога была у Тиля под ногами — а тысячи; но только одна — верная. Эта волшебная дорога могла вывести Тиля обратно — в тот самый миг, когда он оставил Марийку и Аську на пороге — так, будто и не было года разлуки. Прочие же дороги заканчивались либо в опустевшем доме с облепленными паутиной стенами; либо на пепелище с черным костлявым остовом сгоревшего дотла жилища... Тиль понимал, что все это только сны — но теперь, когда до дома оставалось несколько часов пути, невнятное беспокойство грызло его все сильнее.

— А еще, — Тиль осип, ухватил услужливо придвинутую кружку, глотнул еще пива. — Еще есть такое чудо...

Народу набилось в трактир — не продохнуть. Сперва пили за здоровье новорожденного, нахваливали щедрого Андроша. Потом, когда Тиль начал говорить, прочие разговоры затихли, люди расселись — кто на полу, кто на лавках.

— А еще есть долина живых камней, где камни двигаются и умеют говорить между собой и, когда голодны, охотятся на неосторожных путников... Но если пересечь эту долину, можно отыскать заколдованное место, где живут огонь-птицы... Птицы эти чудные; самая первая появилась из света упавшей звезды. Волшебными считают перья этих птиц — и много охотников погибло, пытаясь добыть их. Опасность не только в самой дороге, которая ведет к птицам, и даже не в том, что взгляд огонь-птиц испепеляет заживо... Перо огонь-птицы можно поймать только в тот миг, пока оно летит вниз — потому что, едва оно касается земли, из пера рождается новая огненная птица. Но ловить перо нужно, не дотрагиваясь до него рукой. Тронешь — и оно сейчас же сгорит в ладони, а огонь перейдет в твоё сердце — и будет с этого мига и до конца жизни гореть внутри и мучиться тоской по несбыточному, по волшебной огненной красоте... Но вот странность — если до пера дотронутся одновременно две руки — двух людей, любящих друг друга — то огонь, войдя одновременно в два сердца, делает их сильными и почти бессмертными. Они не умрут и не состарятся,

покуда сами не пожелают этого; они всегда будут чувствовать и поддерживать друга друга независимо от разделяющего их расстояния; а когда они будут рядом — никакие беды и несчастья не осмелятся даже подойти близко... Да, и они всегда будут любить друг друга...

— Это правда? — тихо спросил светловолосый юноша, следивший за рассказом Тили, затаив дыхание.

— Так говорят, — улыбнулся Тиль.

— Папа, — звонко и сердито сказала маленькая девочка, сидящая на коленях у добродушного мечтательно улыбающегося бородача. — Значит, этих птичек убивают из-за красивых перышек?

— Нет, детка, — улыбнулся бородач — просто новые птички, которые могли бы родиться из этих перьев — не рождаются. Как цыплята из яиц. Ты ведь кушаешь омлет?

— Ненавижу омлет, — сердито заявила девочка, оттолкнула заботливые руки и слезла с папиных колен под смех окружающих. Строго оглядела веселящихся взрослых, громко сказала: — Бедные птички! — и потопала к выходу.

— Не хотел бы я прожить со своей Аглаей вечность, — перекрывая смех, воскликнул рыжий верзила, — она и за пару лет запилит меня до смерти...

Вокруг захохотали, бурно сочувствуя рыжему.

— Верно, — добавил Тиль, когда смех утих. — Говорят, когда на самом деле люди не любят друг друга, тот огонь сожжет их изнутри быстрее и вернее, чем он сжигает одиночек, случайно поймавших огненное перо...

— Получается, это вроде как проверка? — уточнил юноша, так и не засмеявшийся ни разу — и крепко задумался, нахмурившись...

— Эй, — окликнул его трактирщик. Спустился с крыльца, протянул туго набитый мешок, откуда пахло вкусно и головокружительно — копченым окороком и пирогами. — Спасибо за сказки, парень.

— Это не сказки, — помолчав немного, отозвался Тиль.

— Знаю, — усмехнулся Андрош. Его взгляд, простоватый и веселый, вдруг показался Тиле умным и всезнающим. Может из-за лунного света, который добавлял тайны всем привычным предметам?... — Удачной тебе дороги. Придешь домой как раз к рассвету, да? Не потеряй перо.

— Что?!

— Ну, знаешь... У меня глаз-то наметанный... Народу всякого навиделся. И бродяг, и жуликов, и воров. Я вижу, как ты со своей котомкой носишься. На пол ее ни разу не положил, но и касаться лишний раз опасаясь. И звякает там... В железном футляре твое огонь-перо, что ли? Чтоб котомку не попало?

— Вроде того, — опасливо согласился Тиль.

— Да не бойсь. Мне твои сказки без надобности. У меня вон сын, жена молодая... Что я, дурак, проверять — любит она меня по-настоящему или нет? Сына родила — и ладно... Я обычный человек, зачем мне твои сказки... — Трактирщик вздохнул. — Ну, ладно, ступай, чего застыл. Э!

Тиль обернулся.

— Ты так и не сказал, в чем разница между бродягой и странником?

Тиль улыбнулся:

— У странника есть дом, куда он может вернуться...

С каждым шагом сердце грохотало все быстрее и громче. Тиль шагал будто в узком промежутке между своими снами и настоящей ночью, залившей лунным серебром вертлявую дорогу. Качнись в сторону — и угодишь в вязкий кошмар, где вместо дома Тили ждало черное пепелище с обгоревшими бусинами Марийкиного ожерелья.

Дом стоял целый. Черный и молчаливый — как и положено любому дому в самые сонные часы перед рассветом. Затаив дыхание, Тиль взошел на крыльцо — как взлетел — ни одна ступенька не скрипнула. Отворяя дверь, Тиль опять на мгновение замер от страха — в темной глубине почудилась те, из кошмаров вынутые, нежилые стены, облепленные паутиной. Тиль глубоко вздохнул и улыбнулся — пахло домом...

А потом он долго стоял и смотрел на два сплетенных в тугом объятии тела — молочно-белые в предрассветном сумраке, разбавленном мерцанием умирающей луны. Очень долго смотрел. Трогал непослушными пальцами шершавые бревна стены за спиной, гадал — не ошибся ли он домом. Узнавал — замысловатый яркий узор одеяла, почти сползшего на пол — купили вместе с Марийкой на ярмарке два года назад; резную дубовую спинку широкой кровати, которую сам мастерил перед свадьбой...

На кровати вздохнули, зашевелились. Тиль испуганно отпрянул — как застигнутый хозяином вор.

— Тиль? — выдохнул еле слышный растерянный женский голос. На бледном пятне поднявшегося лица распахнулись черные провалы глаз.

Тиль вышел, очень аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Тиль...

— Он ушел? — хрипло спросил Тиль. Обернулся. На несколько мгновений вместо стены за спиной Марийки ему почудились обугленные обломки бревен — как в тех, страшных снах.

Марийка кивнула, не поднимая глаз.

— Тиль, прости, я... ведь целый год...

Она говорила и говорила, торопясь и сбиваясь. Как тяжело одной, да с ребенком; как тоскливо; как сперва она ждала, потом перестала верить, что Тиль вообще вернется... Говорила и говорила, так и не поднимая глаз. А Тиль пытался припомнить, какого они цвета, Марийкины глаза. Ярко-синие, лучистые, как небо в июньский полдень... или нет?

— Как Аська? — спросил он, когда Марийка, наконец, замолчала. — Вспоминала меня?

— Она еще маленькая, Тиль, и... она уже привыкла к...

— Хорошо. Не говори ей, что я приходил.

— Тиль, ты не понимаешь..

— Нет, — согласился он и отвернулся. Позвал: — Подойди сюда.

Марийкино имя, прежде слетавшее с губ с таким удовольствием и легкостью — каждый раз, будто глоток родниковой воды гладил пересохшее горло — и хотелось пить его и пить, это имя, напиваясь допьяна... Марийка, Маринька, Маричка... теперь это имя было не выговорить...

Тиль вынул из-за пазухи мешочек, высыпал на стол сверкающих крупных хрустально-чистых звезд.

Марийка ахнула.

— Помнишь, я говорил — нарву звезд с неба, как полевых цветов — и принесу тебе... — Тиль потрогал сияющие камни пальцем. Нахмурился. Велел строго и сухо: — Спрячь. Половину — Аське на приданое. Половину... Долг отдашь. И дом новый построй, что ли...

— Этот-то чем плох, Тиль? — почти беззвучно и недоуменно спросила она, не отрывая глаз от камней.

— Сгнил он, — сказал Тиль. — Разве сама не видишь? Хотя, видимость-то и осталась. А дома — нет...

Откинув крышку, Тиль долго смотрел на огненное перо, мерцающее на дне своего обшитого металлом узилища. Неуверенно потянулся пальцем к золотому искристому сиянию. Потом, спохватившись, отдернул руку. Буркнул сердито:

— Вот дурень-то, а. И так всю жизнь искал — несбыточного...

Помедлил — и вытряхнул перо из ларца. Перо плыло к земле бесконечно долго — будто дразнило — поймай меня.

Поймай в дрожащую ладонь — забудь обо всем, кроме огненной и неуловимой красоты, которая будет отныне гореть в сердце и памяти — пока не сожжет их дотла. Зато не будет места ни в сердце, ни в памяти ярко-синим Марийкиным глазам...

Поймай — опять в железный ларец; замкни наглухо тяжелой крышкой; продай за баснословную цену какому-нибудь богатенькому глупцу, который верит в чудеса и настоящую любовь... Продай — огненное чудо, которое не сумел оживить сам — и наслаждайся довольством и сытостью до конца жизни...

Перо коснулось земли, вспыхнуло; из пламени вынырнула ало-золотая птица. Маленькая, с ладонь. Неуклюже шлепнулась возле ног Тиля, возмущенно вереща; забила крыльями, отскочила в сторону — и взлетела. Сперва неуверенно, заваливаясь на бок; потом выравнялась и начала подниматься выше и выше. Запрокинув голову, Тиль следил за огненной точкой, пока она совсем не растворилась в небе. Будто и не было никогда...

— Эй, странник, — окликнул Тиля толстый Андрош. — Гляди, какой у меня наследник. Вот за него ты пил, да. А ты забыл чего?

— Я не странник, — ответил Тиль. Улыбнулся сияющему счастьем Андрошу и младенцу на его руках; забросил на плечо изрядно полегчавшую котомку. — Я — бродяга...

ИРИНА КОМИССАРОВА

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД С ПОПРАВКОЙ НА ИКС-ФАКТОР

83-ий

е

ЕКТОР «С»: ЧИСТО, — ДОКЛАДЫВАЕТ МАРК, ВЫТЯХИВАЯ
отстрелянную обойму.

— «В»: чисто, — эхом откликается Колин.

— Ну и славно, — устало говорит командный пункт. — Запускаем техников.

В Управление прибывают к восьми и, не глядя друг на друга, идут сдавать оборудование.

— Хэй-хэй, носы по ветру, — произносит коронную фразу Колин. Никто не улыбается.

Такие дни, как сегодня — это издержки профессии. Рейд прошел сканно, обнаружилось много неприятных сюрпризов. Сквобберов было вдвое больше ожидаемого; когда начался штурм, периметр буквально вскипел серо-синими фигурами. Полуразрушенное здание бывшего отеля — провалы в стенах, обрушившиеся перекрытия — больше походило на ловушку для охотников, чем для объектов охоты. В темноте лестничного пролета Марк чуть было не оставил за спиной здорового Т-кама, не воспринимаемого ни инфра-сенсором (тепловое излучение выровнено под температуру окружающей среды), ни моушн-детектором (не такой он дурак, чтобы мельтешить без нужды). Выручила Коротышка Роу: ее шестое чувство работает лучше всякой техники, дай ей Икс здоровья! Короткая очередь — протяжный взвизг над самым ухом — брызги гемолимфы на комбинезоне — «Ерш твою налево, направо и во все дыры! С меня причитается, Роу» — «Сочтемся, Марик!»

Если бы не заложники, было бы куда проще: пустили бы газ, не разбирая, что и куда, и вся недолга. А так прочесывали здание три часа, чувствуя себя ходячими мишенями: каждый шаг, как по лезвию ножа, каждый коридор — словно минное поле... А результат — клочки по закоулочкам: ни единого живого заложника плюс трое тяжело раненных своих. Один из троих — Берг.

Ч-черт!

«Как такое вообще могло произойти?»

И, хотя вопрос риторический, мотиватор не дает Марку задать его вслух.

Прежде чем засесть за рапорт, он набирает домашний номер.

— Я подзадержусь, — говорит он вроде бы самым будничным голосом, но Рута даже на расстоянии читает его как открытую книгу.

— Что-то стряслось? — спрашивает она так же вроде-бы-буднично, и у Марка вдруг перехватывает горло.

— Устал, — отвечает он после секундной паузы. Коротко, но емко.

Этот момент хорошо ложится под финал. Действительность застывает в стоп-кадре, по затемненному офисному окну начинают ползти титры. Мотиватор автоматически отключается. Редкие моменты свободы.

— Думаешь, Бергу дадут выкарабкаться? — спрашивает из-за спины стоящий за пределами кадра Колин.

— Без вариантов, — твердо говорит Марк, не шевеля губами. Он хорошо натренировался так разговаривать — за столько-то времени. — Он, в конце концов, ключевой персонаж.

— Ну-ну, — Колин невесело хмыкает. — Незаменимых-то у нас нет. А не за горами сам знаешь что. Я бы не надеялся. Думаю, нас ждет куча перестановок. Причем самых неожиданных.

Марк хочет возразить, но время выходит, и наступает темнота.

87-ой

Катарина плачет. Слезы текут по лицу, губы сжаты в тонкую ниточку. Рута обнимает ее за плечи, что-то успокаивающе бормочет вполголоса. Марк беспомощно молчит, вертит в руках пустую рюмку. Все, что он мог бы сейчас сказать, блокирует мотиватор. Да и правда, что тут скажешь? В голове не укладывается. Берг был всегда. С самого начала, как и Колин. Мир крутился вокруг них троих. Потом появилась Рута. Происходило много разного, хорошего и плохого, жизнь всегда была ключом — согласно сценарию; но главное оставалось неизменным, на то оно и главное. И вот Берга нет. Значит — что? Марк ставит рюмку так резко, что хрустальная ножка со стоном откалывается.

Катарина вздрагивает:

— Через неделю я еду в Огдер, к родителям. Они помогут с Соней. Я сейчас ничего не могу, все валится из рук. В голове сумбур.

Она вытирает лицо ладонями.

— Как это могло случиться, Марк? Он же был профи, «таких отливают в особой форме», помнишь? Так глупо все...

Марк бессмысленно смотрит прямо перед собой. «Хэй-хэй, носы по ветру», колокольцем бренчит в ушах Колинова прибаутка. Как это могло случиться — хороший вопрос. Ничто не происходит само по себе, на все есть чей-то промысел... На дворе у нас какой? Самое время для перемен, прав Рыжий. Исчислено, взвешено, признано легким...

Рута трет ладонями виски, и Марк смотрит на нее так, словно хочет прожечь дыру.

— Что? — пугается она, натолкнувшись на его взгляд.

Он неопределенно машет рукой. «Я тебя очень —», — хочется сказать ему, обернуть в слова, как в кокон, утвердить свою волю, противопоставить ее чужой. Подмять и подчинить непредсказуемый фактор Икс.

— Полный вперед, — произносит Марк свою фирменную реплику. Никогда еще она не звучала так неуместно.

91-ый

— У меня плохое предчувствие, — небрежно роняет Колин. Сюжетно речь идет о занозе Как-ее-там (калиф на эпизод, проходная фигура), но что-то такое в глазах Рыжего говорит: «Ну, ты меня понял».

Маленькая хитрость, позволяющая ослабить неодолимый контроль мотиватора. Игра намеков и смыслов. Дрейфовать по волнам сценария, выдавать ожидаемые поведенческие реакции, вести прогнозируемые диалоги — вкладывая в них на толику больше глубины, чем предполагает ситуация.

— У тебя всегда плохое предчувствие насчет своих баб, — парирует Марк. — Жениться тебе пора.

— Только после вас, — лениво огрызается Колин. А улыбка тревожная.

Ч-черт...

Мысли Марка начинают метаться. Что такого заметил Рыжий? Где-то прошла информация? Какая?

Со смерти Берга прошло всего четыре эпизода, а сколько всего произошло за это время. В Управление назначена новая метла, то есть, новый глава; немедленно началась перетряска личного состава. Шеф мрачнее тучи; заставляет вылизывать отчетность до глянцевого блеска. Теперь спецотдел проводит за терминалами едва ли не больше часов, чем на боевых выездах. У сквобберов тоже невиданная вспышка активности: последняя зачистка заняла почти шесть часов, а по результатам насчитали шестьдесят восемь благополучно (на этот раз, слава Иксу, благополучно) уконтрапуленных тварей. С таким скопищем Марку не доводилось иметь дела прежде. Операции было посвящено полных два эпизода, и это дало возможность на какое-то время выкинуть из головы все беспокойные мысли.

А когда вернулись в город, часовой механизм затикал снова. Уехала Катарина с дочерью. У Рыжего неприятности по всем фронтам: помимо раздряя в личной жизни, его начал подозрительно часто дергать шеф по разным мелким вопросам. Само по себе пустяки, Колин на то и Колин, чтобы с ним происходила куча разной дребедени; это в его ирландской природе, примагничивая к себе траблы и создавать заморочки на ровном месте. И тем не менее, тем не менее... Было бы спокойней, если нынешняя дребедень стряслась бы в стартовых эпизодах следующего сезона. От греха подальше.

А у Руты стала слишком часто болеть голова.

Стресс, виновато разводит она руками, столько всего навалилось... «А сходи-ка ты на всякий случай к врачу», — предлагает Марк вроде-бы-буднично, а по спине ползет холодок, и хочется сказать: «Знаешь, не надо вра-

чей. Потерпи немного, Мышка. Ты права, это стресс, это пройдет». Но говорить такое — не в характере Марка, и его мужественная хай-поли физиономия молча отыгрывает мимику, идеально подходящую моменту. Нерелевантную реплику блокирует мотиватор.

95-ый

— Не сверкай глазами, не сверкай, — шеф устало вздыхает. — Я, знаешь ли, далеко-о не всесилен. После того, что было обнаружено в личных вещах Конноли, ОВР теперь с него живого не слезет. Не думаю, что тебя это удивляет.

ОВР — это Отдел Внутренних Расследований, а из локера Колина было изъято тридцать ампул препарата Е-равитина, более известного под названиями «слезки» или «жидкий крэк». — Это подстава, — скрипнув зубами, говорит Марк. — Я это знаю. Вы это знаете. Ребята...

— Ребят опросят своим чередом, не сомневайся, — перебивает шеф. На его лбу блестит испарина, веки отекающие. — И тебя, само собой. А сейчас ничего сделать нельзя. Я это знаю, и ты это знаешь. Не мальчик.

Не мальчик, да. Марк проводит ладонью по затылку. Ключевые, проходные — все мы тут пешки, все до одного. Равновеликие. Ноли без палочки... без палочки, но с мотиватором.

— Значит, так, — голос шефа суровеет. — На место Конноли я пока перевожу Лейну Руни. Бригада и так недоукомплектована, я не допущу, чтобы в ней стало еще на одного человека меньше.

— Значит, Конноли отстранен? — тупо спрашивает Марк.

Шеф смотрит на него почти укоризненно.

«Кто бы мог предположить, что до этого дойдет?» — думает Марк. Ветровое стекло заливает дождь. Огни игрового комплекса, рядом с которым припаркован кар, неистово переливаются, старательно наводя на будни иллюзию праздника. Марк прикрывает глаза и откидывается на спинку сидения. Сначала Берг, теперь Колин... «А откуда, собственно, такое детское изумление? — всплывает в голове сердитый вопрос. — Незаменимых-то у нас нет. Думаешь, ты застрахован? Мистер Ноль Нулински, центр вселенной, супермен и миляга...»

Все крупные перемены происходят под конец сезонов, это правда. Завязываются неожиданные конфликты, появляются новые лица, зарождаются странные связи. А кто-то остается за бортом. Сценарий замысловат и непредсказуем, ведь в его основе лежит непознаваемый и неспросчитываемый фактор Икс: Зрительские Предпочтения.

Возможно все. Например, через неделю полчища сквобберов наводнят город, и в городе объявят военное положение. Или через час на его, Марка, машину упадет метеорит. Или завтра врач скажет Руте: «Боюсь, у меня не очень хорошие новости...»

В нагрудном кармане начинает вибрировать коммфон. Марк открывает глаза.

— Я подумала, тебе надо сообщить, — говорит Коротышка Роу. — Колина забрали. Прямо из Управления. Приехали целых четыре «костюма», официальщина, ордер, пятое-десятое. Не нравится мне все это.

— Полный вперед, — обреченно произносит Марк. — Просто полный.

98-ой

— Если дело дойдет до тюрьмы, мне крышка.

Трехдневная щетина делает Колина похожим на разбойника с большой дороги. Глаза лихорадочно блестят. В его словах есть немалый резон. Как бывшему детективу и просто как человеку, нажившему немало серьезных врагов, упомянутое госучреждение ему критически противопоказано.

— Что у тебя с рукой? — спрашивает Марк.

— Об стену разбил, — равнодушно объясняет Колин и возвращается к прежней теме. — Ты же понимаешь, откуда ветер дует?

— И что с того? Мое понимание к делу не подошьешь. Каким макаром в твой локер запрыгнула «болтушка»?

Рыжий выразительно поднимает брови, вытягивает губы трубочкой. Марк тяжело выдыхает. Ему кажется, что на его плечах сосредоточилась вся тяжесть мира.

— Как все невовремя, старик.

«Понимаю», говорит взгляд Колина, а вслух он заявляет:

— По крайней мере, теперь можно потянуть с женитьбой, — потом серьезнеет. — Я выкарабкаюсь. Нутром чую, все будет хорошо.

— Что я могу сделать? — неловко спрашивает Марк.

Колин ухмыляется:

— Ну, притащи в следующий раз пару блоков сигарет.

«А ведь в один прекрасный день шоу вообще закроют», — от этой очевидной мысли Марка передергивает. Конечно, она не впервые приходит ему в голову, но на этот раз ее вкус куда более остер и горек, чем прежде. «Может быть, это случится внезапно и неанонсированно. Может быть, этот час не за горами. Может быть, следующего сезона вообще не запланировано».

Что мы такое? Искусственный интеллект, мотиватор и актуатор, CGI-графика: простая совокупность характеристик — или новое качество, самостоятельная сущность? *Есть ли дух в машине?* Что происходит с нами, когда обрываются титры и сгущается темнота? *Мечтают ли андрюиды об электроовцах?*

Красный огонь светофора сменяется зеленым. Повинуясь внезапному порыву, Марк поворачивает кар направо, по направлению к Сити, хотя собирался ехать прямо, домой. Бессмысленный поступок не приносит облег-

чения. «Наверняка мои метания предусмотрены сценарием, — крепко сжав челюсти, думает Марк. — Как и прочие псевдо-импульсивные поступки и квази-спонтанные решения. Когда человеку плохо, ему положено метаться. Все исчислено и взвешено. Все согласно плану».

А до конца сезона остается совсем немного.

Когда Марк наконец входит в квартиру, Рута уже спит. Он выключает работающий стереовизор и укрывает ее пледом. Изгиб плеча, неслышное дыхание — единственная реальность призрачного мира.

— Я тебя очень люблю, Мышка, — говорит Марк тихо.

Его лицо перечеркивают титры.

100-ый

Итоговый эпизод должен быть ярким и насыщенным, это закон жанра. Город пульсирует Рождеством. В Управлении еще в четыре врубили музыку, в пять на столах появилось шампанское.

Эффектная брюнетка Лейна Руни ставит перед Марком пластиковый стаканчик. У Лейны смуглая кожа и не улыбающиеся глаза.

— Добро пожаловать в команду, — выдавливает из себя Марк.

Руни кивает.

Приходит шеф.

— Ну что, ребята, — говорит он, тяжело плюхаясь в кресло. — Год был непростой. Но, как говорится, непростой, да густой. Радости — на долгую память, а трудности... трудности перебором. Все в наших руках. Давайте выпьем знаете за что?..

Марк выходит, не дожидаясь окончания тоста.

Он оставляет машину и решает идти пешком, так быстрее: трафик сегодня, понятное дело, убийственный, а до дома Рутинной матерью рукой подать. Марк огибает здание Управления и вливается в толпу спешащих по домам служащих. По соседней улице движется колонна рождественского парада. В проемы между домами видны медленно проплывающие верхушки платформ, усиленный динамиками голос выкрикивает что-то неразлично-радостное.

Мысли Марка летают на сверхсветовых скоростях. Чувство, что в груди вот-вот лопнет туго натянутая пружина, становится с каждой минутой все сильнее.

— С Рождеством! — наигранно бодро приветствует его Барбра, а Рута, вкусно пахнущая ванилью, целует его в щеку. Все делают вид, что все нормально, что нет повода для тревоги, что «ничего страшного, операцию не назовешь рутинной, но доктор Как-бишь-его — специалист, без преувеличения, мирового уровня».

— Поехали? — спрашивает Рута, и пружина свивается еще туже.

— Поехали, — отвечает Марк. — Дай ключи, я поведу.

В машине они болтают о пустяках и решают, что, когда все закончится, Марк возьмет шефа за горло и вытребует двухнедельный отпуск, и они поедут на побережье, «в то чудное местечко, помнишь, куда мы ездили с Бергом и Катариной...»

Повисает секундная пауза, но они стряхивают с себя молчание и снова принимаются перебрасываться ничего не значащими фразами.

Когда они подъезжают к больнице, в небе расцветает первый огненный цветок.

— Посмотрим? — предлагает Марк.

Но Рута качает головой. Она по-прежнему улыбается, но в красном свете новой вспышки Марку кажется, что в глазах у нее плещется страх.

Когда Марк выходит из здания клиники, фейерверк достигает апогея. В этот раз власти города превзошли сами себя. Над головой — неистовство красок и форм; глухие раскаты пушек звучат почти непрерывно.

Красивый контраст. Финал что надо.

Вот-так, тикает в груди часовой механизм. В мыслях вдруг наступает невиданная ясность, и ближайшее будущее предстает как на ладони.

С Колином и правда все будет окей; сядет он, или нет, по большому счету, едино. Тюрьма, сума, куча дерьма. Любой сюжетный поворот, кроме необратимого — во благо. Хэй-хэй, носы по ветру. В титрах пока еще зарезервирована пара строк под наши имена, Рыжий. Слава Иксу.

А Берг в полете, вот-так, вот-так, вот-так, вот-так; и Рута.

И Рута.

Марк сядет в машину и поедет вперед, в Рождество, в город, в дивный новый сезон, а она останется позади, в прошлом, за кадром.

Неожиданные осложнения, скорбно затуманившись, скажет хирург. И Марк заиграет желваками, разобьет о стену костяшки или совершит какое-нибудь красивое безумство. Мотиватор даст ему погоревать по минимуму, а потом начнет посылать импульсы влечения к Лейне Руни, к ее оливковой коже и антрацитовым глазам. И все завертится снова. И снова. До тех пор, пока шоу не приестся окончательно; пока не изобретут новый формат; пока технологии не предоставят новые, качественно иные возможности.

Марк ежится, чувствуя, как крепнет в душе желание побыстрее вернуться в город. Зайти в первый попавшийся бар, окунуться в шум чужих разговоров, пропитаться рождественским настроением и упованием на чудо. Отвлечься мыслями от всего, в том числе и от Руты. «Это не я, — панически думает он. — Это действует мотиватор». Но разве мотиватор — нечто отдельное?

Марк видит, как его рука вставляет ключ в зажигание. Он не чувствует ее своей, эту руку. Ею движет не он сам, ею движет фактор Икс.

Бух, бух, бух, без усталости работают пушки.

Я не хочу уезжать, говорит себе Марк. Все просто. Заглушить мотор, вылезти из машины, пробежать тридцать метров.

Его рука ложится на пульт управления.

«Нет», — кричит он мысленно, и пружина в груди лопається.

А потом его заполняет пустота. И неожиданно становится жутко. Страх обрушивается на него девятым валом, и Марку нечего противопоставить этому натиску. Он выбирается из машины и бежит к больнице. До конца эпизода остаются считанные минуты. Страх рвет мысли на клочки, сбивает дыхание.

— Стойте, — вскакивает со стула молоденькая сестра. — Куда?

Но Марк, не останавливаясь, несется дальше. Лифт — к черту — лестница — через три ступеньки — на шестой — направо. Глаза Руты распахиваются навстречу.

— Ты! Как?

— погоди, — задыхаясь, говорит он. — Мало времени. Послушай, все просто. Все просто, понимаешь?

Она мотает головой, и на ее лице тревога, но во взгляде, в самой глубине —

— Хочешь посмотреть фейерверк? — спрашивает Марк хрипло.

— Нет, я... Марк...

— Ты должна захотеть, Мышка. Сама. Вопреки всему на свете. Вопреки тому, что внутри нас.

Он берет ее за руку, и Рута вздрагивает.

Положи меня, как печать, на сердце твое. Я люблю тебя не по сценарию, моя воля не меняется по чужой прихоти, моя жизнь — не продукт предпочтений неведомых наблюдателей.

Время выходит, и действительность застывает в стоп-кадре.

— Я могу двигаться, — недоуменно говорит Рута. — Но ведь были же титры... Куда все исчезло? Какой яркий свет... Где мы?

«Где бы мы ни были», — думает Марк. «Где бы мы ни были».

МАРИНА МАКИНА

ГРЕХОПАДЕНИЕ РЫБ

К

ОГДА РЫБА ПРИПЛЫЛА ИЗ МОРЯ К БЕРЕГУ, АМИСТО-СКА сказал ей:

— Ты рыба.

И она вышла на берег и сказала ему:

— Ты Амисто-ска.

Так были даны имена первым существам на берегу.

Кроме берега были море и горы.

Рыба могла выйти на берег, но не могла подняться в горы: там не хватало ей воздуха.

Амисто-ска поднимался в горы до самых облаков; там видел он птиц и нарек их «птицы»: так поименовал первых существ в горах. Но птицы говорить еще не умели, и в горах у Амисто-ска не было имени. А в море Амисто-ска плавать не мог, утонул бы.

Есть те, кто думает, что Амисто-ска был богом, а рыба — рыбой: такие не правы.

Есть те, кто думает, что Амисто-ска был человеком, а рыба — богиней: такие не правы тоже.

Правда в том, что Амисто-ска был Амисто-ска, а рыба была рыба.

Они встретились на берегу и полюбили друг друга, потому что любовь была уже тогда.

Любовь всегда была.

Так жили они на берегу, потому что рыба не могла жить в горах, а Амисто-ска не умел жить в море.

Жили они в домике из листьев растения нак (так звал его Амисто-ска, и рыба с ним соглашалась).

Потом пришли птицы и великаны. У них была война.

Откуда они пришли?

Птицы были почти всегда, но жили они в горах и говорить сначала не умели.

Великаны были позже, но они явились в горы с неба, потому что прогнал их бог Микасато-да из-за разбитого ими грозового облака (эту историю расскажу я вам в новолуние, когда боги не гневаются на людей).

Великаны говорить умели, но птиц они никак не называли, потому что сразу начали убивать их: нужно было великанам где-то жить, и они решили занять горы, а птиц уничтожить.

Но птицы тоже хотели жить, и они сначала выгнали великанов на берег, а потом спустились сами, чтобы убить их всех.

Так великаны и птицы пришли к дому Амисто-ска и рыбы.

В тот день Амисто-ска ушел на охоту, и рыба была дома одна. Она варила еду, когда в дверь постучала раненая птица.

— Помоги мне, — сказала птица (тогда птицы уже умели говорить), — а я за это научу тебя дышать в горах.

— Заходи в мой дом, — сказала рыба, — будь моим гостем.

Птица вошла, и рыба перевязала ей раны, и уложила ее в постель.

— Отдыхай, — сказала рыба, — пока ты гость в моем доме, никто не посмеет навредить тебе.

Так был создан закон гостеприимства.

Когда птица спала, а рыба варила еду, пришел один из великанов к дому рыбы и Амисто-ска и сказал:

— Здесь спит мой враг. Я должен его убить.

Вышла тогда рыба к великану, посмотрела на него и поняла, что любит его.

«Амисто-ска на охоте и не узнает ничего, а птицу мне не жалко», — так подумала рыба, а сказала так:

— Входи и убей своего врага. И позволь мне помочь тебе.

Великан вошел в дом Амисто-ска, и они с рыбой убили птицу, и рыба запекла ее мясо на ужин.

Так закон гостеприимства был впервые нарушен.

Вечером пришел Амисто-ска, принес убитую дичь и обнаружил пустой дом и кости птицы в очаге.

Тогда пошел он на берег, набрал глины, обмазал ею кости и сделал глиняную птицу.

— Говори, — приказал Амисто-ска, и глиняная птица рассказала ему все, как было.

— Хочешь ли ты отомстить? — спросил Амисто-ска у глиняной птицы.

— Нет, сказала она, — не хочу. Я хочу, чтобы ты стал мне мужем, а я тебе женой, пусть даже мы не любим друг друга. Но раз ради любви предают, не лучше ли без нее?

— Воистину так, — сказал Амисто-ска, — но хочу я проклясть рыбу, потому что она обманула меня.

И Амисто-ска проклял рыбу, и она стала задыхаться на берегу.

— Брось меня в море, возлюбленный мой, — сказала она великану, — я чувствую проклятие Амисто-ска: отныне могу я дышать только воде, и нам не суждено быть вместе.

И с тех пор рыбы могут жить лишь в море, и там строят они свои города, и никогда не выходят наружу. А Амисто-ска и глиняная птица жили долго и счастливо и родили много детей: и люди пошли от них, и ленивцы, и желтые чайки.

И с тех пор заповедано людям забыть про любовь и быть уважающими, и добрыми, и нежными, и умными, и страстными, но никогда — любящими. Ибо любовь разрушает все, к чему прикоснется.

Любовь для рыб.

Год назад «Реальность фантастики» представляла читателю современных польских фантастов, сейчас знакомит их со словацким.

Петер Шулей родился в 1967 в Банской Быстрице, в настоящее время вышло несколько поэтических книжек и два сборника научно-фантастических рассказов («Миссия», 1995 и «Электронное кафе», 2001)

ПЕРЕВОД СО СЛОВАЦКОГО – ТАРАС МУРАШКО

ПЕТЕР ШУЛЕЙ

ІНШІ СТОСУНКИ

КОЛИ ВОНА ПОБАЧИЛА СВІЖИЙ ШРАМ НА ЙОГО ОБЛИЧЧІ, ВІДРАЗУ знала, звідки він в нього з'явився. Вечірка була, як завжди, смертельно нудною, але шрам її просто ошелешив. Скляночка з якимсь дешевим кольоровим бухлом зупинилася на півдорозі до уст. Серце в неї набагато сильніше розкологалося, ніж звичайно, й її тіло огорнула тепла хвиля нефальшованого сексуального збудження. Подібного збудження, що його викликав в неї погляд на чоловіка, вона вже не пам'ятала щонайменше два роки. Було це якраз тоді, коли вона кохалася зі справжньою, живою істотою. Живою істотою, на відміну від сьогоденішнього об'єкту зацікавлення, була тоді жінка.

Само собою, як кожний справжній митець, незалежно від того, чи був це художник або письменник (а вона була письменницею), вона кайфувала від усього, що було хоча б трохи пов'язане із декадансом. Секс відчувала на милі. Кінець кінців, вона давним-давно зрозуміла, що в цьому поїобаному світі нічого кращого не існує. Позаяк вона мала достатню кількість грошей, то могла дозволити собі найдосконалішу кіберпросторову машину. Її тіло почало труситися ще перед тим, ніж вона сіла в крісло. Вона проковтнула афродізіяційну таблетку, наклала на голову кокпіт, і почався відлік. Її комп'ютер вмів настільки досконало відтворювати віртуальну реальність злягання, що його ніщо не могло замінити. Тобто до сьогоденішнього вечора вона була в цьому переконана.

Але присутність чоловіка її просто зводила з глузду. Точніше, його шрам. Електронний батіг. Це міг бути тільки він. Останнім часом вона між знайомими чула про існування принципово нових садо-мазохістських софтів, але не приділяла великої уваги цим чуткам, вважала їх перебільшенням. Серед іншого чула вона і про електронний батіг, а головне — про астрономічні суми, які він коштував.

Машина, яку вона купила лише недавно, була насправді чудовою. За допомогою біомагнетичного поля вона могла відчувати кожний дотик не тільки на поверхні тіла, але й в устах, у піхві чи у анусі. Якщо були можливі дотики, чому б не могло бути можливе шмагання батігом?

І справді, чому ні?

Ясний доказ знаходився перед нею. В нього були чорне волосся, зрослі густі брови, темні очі, орлячий ніс та шрам. Господи, він виглядав з ним, неначе сам диявол. Чистий архетип.

Незабаром вона ясно собі усвідомила, що хоче не його софт, але *його* — справжнього і живого. Таке бажання її здивувало, але розум відразу знайшов причини, чому вона хоче якраз саме його, а не тільки його софт.

Власне, чому й ні?

Нехай це негігієнічне й, по суті, ризиковане. Адже багато людей, наприклад, ті, хто не має грошей, ще практикують натуральний секс. Народжуються від нього навіть діти. Фу-у-у. От цього вона б не хотіла. Але який ризик? Після всього вона роздобуде собі ін'єкцію, й все буде гаразд.

Чоловік помітив, що на нього дивляться. Вона не відвела погляд, й тому він попрямував до неї. Справа була вирішена. Вона мусить його мати.

* * *

Домовитись з чоловіком на диво не було проблемою. Коли вона йому зробила свою пропозицію, в його очах промайнуло здивування, потім зацікавлення, яке змінилося на байдуже: чому б ні-і-і?

Ніч була бездоганною. Вона отримала кілька чудових оргазмів, й по тілу розливалася приємна втома. У носі вона ще відчувала запах кокаїну. Що стосується його, то він себе також не міг почувати погано. Шрами від електронного батігу перемережувались з глибокими, ще мокрими подряпинами від її бездоганно доглянутих нігтів.

Вона справді робила, що могла. Використала всі прийоми, які пізнала в кіберпросторі, й навіть згадала про декілька штучок з часів, коли вона ще робила це «live». Він мусив бути задоволений. Вона це відчувала. Відчувала, що він хоче, щоб злягання тривало довго, дуже довго — вічність. І відчувала ще щось, більше, але якраз останнє відчуття вона не вміла визначити.

Він встав, і вона, коли почула звук застібної ширінки, відкрила очі.

— Ти мусиш вже йти?

— Мушу.

— А коли ми знову побачимось?

Він смикнув плечима. Вона не змогла побачити вираз його обличчя, бо він одразу почав надягати майку через голову. Її охопила хвиля глибокого розчарування. Страх. Безнадія. Вона запитально на нього дивилася. Коли він одягнувся, глянув на неї й сказав:

— Знаєш, машина все ж таки краща...

Вона лишилась на ліжку з витрищеними очима, неначе загіпнотизована. Вхідні двері давним-давно зачинилися, коли через її зчіплені зуби прорвалося гнітюче: ні-і-і.

Вона занурилась обличчям у подушку, з її очей покотилися справжні сльози.

«Непогане переживання» — подумала собі й повільно припинила плакати.

З рішучістю членів своєї касты, які ніколи не визнавали поразки, навіть й тоді, коли поразка їм сміялася в обличчя, вона затято задерла підборіддя. Вона його ще може повернути. Знала, що може. Не існувало нічого, чого б вона не отримала, якщо вирішила, що мусить це мати.

Про це все вона докладно порозмірковує завтра, в Клубі. Тоді вже буде себе тримати в руках. Завтра вона напевно придумас, як його знову повернути до себе. І завтра чекає ніч.

Банська Бистриця, Словаччина, 1993

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ УКРАИНСКУЮ НОЧЬ?

Н. В. Гоголю — из XXI века с любовью

Из новостей электронного книгоиздания:

«Сделай сам!» — издательским домом "Писарь" разработана программа адаптации литературного текста применительно к вкусам современного читателя. Расширение текстового пространства, усиление динамики событий, разбивка на необременительные абзацы, привлечение лучших образцов из бестселлеров последних лет — к вашим услугам...»

* * *

З

НАЕТЕ ЛИ ВЫ УКРАИНСКУЮ НОЧЬ? О, ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ украинской ночи! Всмотритесь в нее.

- Я — «Сокол»! Я — «Сокол»! Захожу для бомбового удара!
- Берегись! Они на хвосте!
- Где истребители?!

Трассы пуль распорили темень. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Зарево над ядерным могильником, в который превратилась Диканька, заставило мир содрогнуться. Кони всадников Апокалипсиса топчут луга. Пришел их день! — черный, убийственный день без солнца. Земля вся в серебряном свете радиации; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий — горящая плоть, паленая резина, солдатский пот.

Божественная ночь! Очаровательная ночь!
Ночь мечей и копий!

Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя.

- Ариэль! Что там, во мраке?
- О-о! Это орки! Они прячутся в тени!
- Руби!
- Коли!
- Выпускай им кишки!
- Топи их в пруде!

Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. *Колышутся на дне белые лица утопленников. Лишь изредка маг-некромант поднимет их для гиблого дела — и распухшие, укрытые доспехами из вцепившихся раков, неумолимые трупы идут исполнять приказ. Призраками скользят они меж деревьев. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя,*

когда прекрасный ветренник — ночной ветер, *пахнувший соляжкой танков и кожей доспехов*, подкравшись мгновенно, целует их.

Весь ландшафт спит.

Не спят лишь роботы-десантники. Оставив трюмы космобота «Неистовый», лязгающей гурьбой идут они покорять Землю. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. *Рушатся города. Монстры пожирают блондинок. Эльф выхватывает верный Кольч 45-го калибра. Черный Владыка наводит морок на цитадель, охваченную страхом.* Божественная ночь!

Очаровательная ночь!

Зомби тянут руки к окнам хат, откуда пахнет теплой кровью. Мертвецы хотят, чтобы царство смерти раскинулось до самого горизонта. И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. *Ожило — но ненадолго!* Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посередине неба... *Нет! Это не соловей! Это гром плазмотронов линкора «Батюшков».* *Снижаясь, он уже готов присоединить Диканьку к Российской Космической империи! Нейроизлучатели накрыли территорию; искусственный сон охватывает местных жителей.* Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще блее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. *Еще ярче пылают скирды сена, подожженные из огнеметов.*

Песни умолкли. Все тихо.

Благочестивые люди уже спят. *Некоторые партизанят в окрестных лесах. Кое-кто превратился в мутантов.* Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин.

Свой последний ужин.

— Да, гопак не так танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. *Мир рухнул, кругом бои, Ктулху вышел из глубин.* Что ж это рассказывает кум? А ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп! — так разговаривал сам с собою подгулявший мужик средних лет, танцую по улице *с автоматом подмышкой.* — Ей-Богу, не так танцуется гопак! Что мне лгать! ей-Богу, не так! *А ну-ка длинной очередью по взводу звездной пехоты!* А ну: гоп трала! гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!

— Вот одурел человек! *Так и палит во врага!* Добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице! — вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому *и ржавый протазан.* — Ступай в хату свою. Пора спать давно!

И все, кто остался жив, заснули.

Знаете ли вы украинскую ночь?

КРИТИКА,

#

ПУБЛИЦИСТИКА,

#

ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ

НФ-очерк

1. Юрий Кемист / МАМА 249

Критика, публицистика, обзоры

2. Павел Амнуэль / ЭТИ СЛАВНЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ... 257
 3. Елена Первушина / НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ 272
 4. Григорий Панченко / ПУТЬ АЛЕБАРДЫ 277
 5. Анна Китаева / БОТ В ПОМОЩЬ 286

Рецензии

6. Валерий Окулов / СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ PRO ДЕТЕЙ 290
 7. В. Горец / НАЧАЛО СЛАВНЫХ ДЕЛ 292
 8. Мария Великанова / ТРУДНО НАЙТИ БОГА 294
 9. Валерия Кондрашова / КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ 295
 10. Михаил Назаренко / ИСКПЕДИЦИЯ К ИСТИННОМУ ПОЛЮСУ 297

Кинопортал

11. Лев Гурский / ХРОНИКИ ОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ 300

Новости Фэндома

12. Михаил Назаренко, / ПОПАСТЬ В ДЕСЯТКУ 306
 Татьяна Кохановская
 13. Борис Сидюк / БУЛГАКОН 2008 314
 14. / OPUS MIXTUM 318

Мама — самый непопулярный герой русских пословиц и поговорок.
Официальный сайт города Барнаула
<http://www.barnaul.org/news/?id=304>

Я встретился с ним в Киеве, на «Портале-2005», в чудесном гостиничном номере отеля «Пролисок». (Собственно, чудесным номер был потому, что из окна открывался красивый вид на просыпающийся после зимы парк, а где-то рядом жили Шекли и Сапковский, с которыми можно было случайно встретиться в холле и запросто пообщаться).

Мой сосед, с которым по воле судьбы и Оргкомитета я разделил возможность любоваться видом из окна двухместного номера, был молодым человеком, который мне сразу понравился — есть такое понятие, как «чистый взгляд». У моего соседа взгляд был именно такой — открытый и несколько наивный.

В первый же вечер, когда я после ужина отправился отдохнуть, а любители «активного отдыха» лихо отплясывали в ресторане или шумно приветствовали Бахуса, свободно гулявшего по коридорам и этажам гостиницы без каких бы то ни было возражений со стороны администрации, мой сосед оказался дома. Он лежал на кровати и читал «Тривселенную» Амнуэля — книгу, номинированную на приз «Портала».

Книга эта «в бумажном варианте» редкая, и я спросил соседа, где он ее достал. Оказалось, что купил здесь же — кто-то из издателей привез с собой несколько экземпляров, которые продавались в холле зала заседаний «Портала».

Разговор о книге, естественно, перешел на обсуждение ее содержания — философских проблем Бытия и Смысла жизни, — и я услышал от соседа историю, которую вполне можно отнести к исповедным.

То, что человек с таким выражением глаз может раскрыться перед случайным собеседником, дело неудивительное. Сколько раз приходилось мне выслушивать исповеди соседей по купе или лежаку на курортном пляже! Выслушал — и забыл. Но на этот раз сама исповедь оказалась столь необычной и так замысловатой, но органично и точно вписалась в круг проблем, обсуждавшихся в книге Амнуэля, что я решаюсь предложить ее вам в своем изложении. Что-то я упустил, конечно, что-то недопонял, но такова уж всегдашняя судьба «рассказов со слов».

Итак, вот что я услышал тогда от собеседника, которого знаю только по имени — он представился мне Игорем, — и что сохранилось в моей памяти как одно из важных впечатлений от «Портала-2005».

* * *

Моя мама ушла удивительно. Она сделала это настолько деликатно и тонко, смогла так использовать все житейские обстоятельства, сведя к минимуму обычные в этом случае тяжелые хлопоты, что можно было подумывать — она заранее всё рассчитала.

Но рассчитать начало легкого недомогания в понедельник, в первый день моих вынужденных «каникул», вызванных неполадками в работе ускорителя (где я готовился провести решающие эксперименты), и дать мне возможность спокойно поухаживать за ней, принять во вторник свою киевскую племянницу, последнюю из близких родственников, оставшихся у нас на этом свете, и мило поболтать с ней в последний раз, вызвать «неотложку» в среду утром, своими ногами выйти из квартиры, выпить стакан чаю из моих рук в больничной палате, и тихо умереть в ночь на четверг — все это рассчитать невозможно. По крайней мере, тогда мне так казалось...

Первое время, оставшись один, я попробовал погрузиться в работу. Утром, встав и быстро выпив чашку кофе, я бежал в Курчатовский институт. Благо бежать было недалеко — жил я рядом. Но наладчики никак не могли добиться нужного вакуума и эксперимент все откладывался. Я в это время «сидел в Интернете» и подбирал источники для литобзора кандидатской диссертации.

Интернет, как известно, коварен — он затягивает как омут и соблазняет как дьявол. Пока грузились нужные мне файлы, пока поисковики обшаривали Сеть в поисках информации по теме диссертации — «Возможность экспериментального обнаружения эффектов многомирия» — Интернет не отпускал моего внимания и соблазнял на греховные поступки. Давление порнографии в Интернете чудовищно! Сайты профессиональных проституток, различных «досугов» и «знакомств» с помощью хитроумных компьютерных червей пролезают на экран через все фильтры и защиты.

И, конечно, я не устоял. Мне было всего 25 лет, и я остался совершенно один... Короче, вскоре я почти забросил литобзор, все эти системы поиска информации Scirus, EEVL, CRIS и целыми днями выискивал себе девушку на этот вечер.

Все это порядком утомляло, да и финансы мои довольно быстро стали «напевать романсы». Деньги, оставшиеся от мамы, быстро таяли, а месячной зарплаты МНСа не хватило бы и на один вечер той жизни, в которую я погрузился.

Разумеется, такая жизнь не могла не сказаться на самочувствии. Когда после очередной «ночной сессии» я, совершенно разбитый, оказывался на работе, то не только не хотелось бегать за электриками и слесарями. Хотелось спать...

Обычно часам к трём я начинал «приходить в себя», и тогда рука тянулась к кнопке включения компьютера, курсор убежал к знакомым банерам

и... И все возвращалось на круги своя: встреча, «бурный роман», тяжелая голова и сонливость...

Когда же к сонливости прибавилась слабость и апатия, когда однажды я почувствовал, что действительно заболел — повысилась температура, саднило горло, возникли какие-то вздутия на животе, кожа покрылась сыпью мелких прыщиков, шалил желудок и тупо, но постоянно, ныла голова, я испугался. А вдруг?.. И, после некоторых колебаний, я решил проверить на СПИД.

Не буду вдаваться в подробности, но уже через неделю стало абсолютно ясно — да, это СПИД... Честно говоря, я не ожидал, что отнесусь к такому результату так спокойно. Мне было действительно все равно, что скоро я умру. Ни близких мне людей, ни «цели жизни» у меня не было, и хотелось только одного — спокойствия. С «бурной» жизнью я, к своему облегчению, «завязал». И я не лечился — лечение от СПИДа требует денег не меньших, чем «клубничка». Я просто как-то потух и только по инерции продолжал «кропать» свой литобзор.

Проверялся я анонимно, так что на работе никто ничего не знал, и мое неважное самочувствие все приписывали моим «излишества», рассказов о которых я раньше не скрывал.

Ремонт установки затянулся — обнаружилось, что вакуумная камера имеет «течь» в самом неудобном месте. Для того, чтобы ее заварить, нужно было разобрать установку «до винтика».

Вот и сидел я над теорией, рассчитывая различные варианты исхода эксперимента. Суть его была простой — установка представляла собой ускоритель электронов и она измеряла зависимость тока через вакуумную камеру (точнее, количества электричества, прошедшего через определенное ее сечение), в зависимости от достигнутой энергии электронного пучка.

С точки зрения и обычной и квантовой электродинамики такой зависимости не должно было быть вовсе. Закон сохранения электрического заряда — один из самых фундаментальных в физике. Если электрон вылетел с катода, то должен был прибыть на анод! Для того чтобы исключить разные «паразитные процессы» (в первую очередь рассеяние электронов на атомах среды) и требовался как можно более глубокий вакуум.

Разумеется, здесь была масса «тонкостей», необходимо было учесть (или устранить!) огромное количество помех и влияний. При той точности измерительной аппаратуры, которая фиксировала ток в камере, на результат влияло все — от погоды (например, при изменении температуры менялась — хоть и ничтожно — интенсивность испарения металла, из которого была изготовлена камера) до фазы лунного месяца (которая влияла через эффект макрофлуктуаций Шноля).

А проводились все эти измерения для того, чтобы проверить реальность эвереттовского многомирия. Согласно теории омского математика и физика Александра Гуца в случае, если многомирие («парал-

лельные миры») реально физически, при определенных условиях электроны в вакуумной камере должны были «исчезать», т. е. переходить в другие ветви вселенского Бытия, которое теперь называют Мультиверсом. Чем больше энергия электрона, тем этот процесс вероятнее. Статью об этом можно найти в журнале «Математические структуры и моделирование».

Я же, пользуясь тем, что установка не работала, а ночами я теперь нормально спал, целыми днями рассчитывал вид возможных зависимостей тока от энергии электронов при различных предположениях о структуре и параметрах ветвей Мультиверса. Я рассматривал множество вариантов — от «классического» пространства-времени Минковского-Эйнштейна, до самых экзотических моделей Э. Витена и А. Линде.

Между тем моя болезнь перешла во вторую стадию — скрытую форму. А, поскольку никаких хронических хвороб у меня не было — спасибо за это в первую очередь нужно сказать моей маме, в детстве тщательно следившей за моим здоровьем — самочувствие мое значительно улучшилось и я порой даже забывал, что болен «чумой XX века». Да и эмоционально я стал более живым — на место животным страстям ко мне приходил интерес к работе. Мне стало действительно важно узнать, как же устроен тот мир, в котором я живу.

Спал я довольно спокойно и почти без снов. Только в самом начале, в полудреме, мелькали в сознании какие-то сцены из прочитанного или непонятные мне картины, причем тот «краешек сознания», который был внутри этих сцен и картин, воспринимал их как совершенно естественное состояние, а тот, что ещё принадлежал мне «здесь и сейчас», с недоумением наблюдал за ними.

Иногда во сне ко мне приходила мама. Но это случалось редко... Она никогда не говорила о моей болезни, а чаще всего вспоминала что-то из моего детства и рассказывала мне о своих переживаниях тех событий.

Между тем работы по ремонту установки все-таки приближались к концу. И уже пошли первые пробные пуски.

Я отметил, что сны, в которых я общался с мамой, стали сниться мне чаще. Мы по-прежнему говорили только о моем детстве, но иногда «уходили» и в более отдаленное прошлое и наблюдали за жизнью бабушки — научного сотрудника вавилонского Института генетики — или даже еще глубже, в какие-то не то екатерининские, не то петровские времена. Тамошние мои предки были людьми знатными и успешными. Один из них, например, возглавлял монетный двор в Москве, а какая-то совсем юная пра-прапра...бабушка чуть ли не возглавляла Академию Наук.

Однажды я долго беседовал в каком-то величественном готическом соборе с монахом, которого звали «братом Бертольдом». Уж в какой степени «пра-» он приходился мне родственником — Бог его знает! Но я запомнил его рассуждения о «пяти дарах» и, особенно, о любви: «Когда человек любит другого человека, он видит его таким, каким того задумал

Бог». И ещё одну его мысль — отношение осужденных на ад к спасенным равно пропорции 100 000: 1. Значит, согласно Бертольд, у меня был шанс, хотя и совсем небольшой...

Я разыскал в Интернете сведения о нем: «Один из знаменитых проповедников XIII века францисканский монах Бертольд Регенсбургский определил удел человека в пяти измерениях обыкновенной жизни. Он назвал их известными всем словами, но истолковал как пять даров Господа каждому человеку: персона — служба — имущество — любовь — время».

Между тем и затянувшийся ремонт многострадальной установки в Курчатовском институте все-таки благополучно закончился. И вот — первые полноценные эксперименты! Первые мегабайты информации в компьютере... К сожалению, четкого эффекта обнаружить никак не удавалось. Разумеется, ток не оставался постоянным, но его изменения имели характер флуктуаций на пределе чувствительности аппаратуры.

Мой литобзор показал, что если бы удалось продемонстрировать четкий эффект, то не только в физике, но и таких «далеких» от нее областях как философия, история, медицина пришлось бы существенно «корректировать» основополагающие понятия, ибо становилось бы практически возможным говорить и о «путешествиях во времени», и о «реальности духовного мира», и о взаимовлияниях ветвей Мультиверса...

Но — факт оставался фактом: ток изменялся, но эти изменения не выявляли никакой закономерности. То ли сварщик все-таки чуть-чуть «недотянул», то ли Луна ещё не встала в нужное положение относительно Марса...

Так что, «за попытку — спасибо!»? Эта фраза из любимой мною ««Юноны» и «Авось»» вертелась в мозгу несколько дней. Но ее сменила другая цитата, из «Ригведы» — как известно, «дорогу осилит пешком идущий»!

И «пошла пешком» планомерная работа по повышению чувствительности датчиков, введению дополнительных защитных мер, снижающих уровень «шума» и даже был выделен специальный фонд, из которого платили премию за каждый сантиаттокулон надежности измерения.

В лаборатории, например, запретили курить, поскольку выяснилось, что один из блоков включал в себя юстировочный датчик, который реагировал на прозрачность атмосферы. И каждая выкуренная даже в самом дальнем углу сигарета могла дать дополнительную погрешность в несколько сантиаттокулонов! После этого контроль за соблюдением этого запрета стал общественным — кому охота терять премиальные из-за порочной привычки сменщика!

И результаты не заставили себя ждать — статистика показывала, что на фоне флуктуаций начинает формироваться сигнал. Формировался он медленно, но все-таки формировался и росла уверенность в том, что через несколько месяцев о его форме можно будет говорить уверенно.

Теперь нужно сказать, что я по мироощущению весьма далек от всяческой мистики и оккультизма. Не то, чтобы это казалось мне «бредом и

чушью», но лично у меня никогда не было мистического опыта и я считал эту область далекой и был абсолютно равнодушен к ней.

А упомянул я об этом потому, что после начала действительно информативной работы со мной стали происходить странные вещи, связанные с нарушением законов вероятности. Явно перестал действовать «классический закон» распределения вероятностей по гауссиане. Я, например, обратил внимание, что каждое утро, когда я, проснувшись, бросал взгляд на часы, секундная стрелка обязательно оказывалась на цифре 3. (Плюс-минус две секунды).

При включении телевизора первым, кого я видел на экране, был обязательно мужчина. А когда я попытался подгадать включение к началу информационной программы, которую вела Арина Шарапова, кнопка дистанционного пульта явно не срабатывала синхронно с движением моих пальцев и на экране первым оказывался то бородатый чеченский боевик, взятый в плен, то спикер Госдумы Борис Грызлов.

Но самое странное — сны! Фаза засыпания с «двойным» самоощущением стала длиться по часу — полтора, картины странных пейзажей и какие-то разговоры с совершенно мне неизвестными людьми и даже существами, как будто сошедшими с картин Босха.

И мама стала почти постоянной моей собеседницей. Причем мы оба помнили все, что с нами происходило во сне, и, встречаясь в очередной раз, просто продолжали прерванную в прошлую ночь беседу. И эта ясность и памятьливость явно коррелировали с повышением отношения сигнал/шум в опытах на ускорителе.

Говорили мы теперь о моей работе, и мама — она по-прежнему очень хотела видеть меня кандидатом наук! — поразительно точно представляла себе все мои проблемы и даже иногда давала советы.

Однажды она сказала мне, что ее уход из моей жизни не был случайным. Ей подсказала его моя бабушка, та самая, генетик вавилонского института, объяснив ей во сне, что так будет лучше для меня. Если бы мама тогда не вызвала скорую, она, как предсказывала бабушка, осталась бы жива, но получила бы инсульт в такой степени, что стала бы обузой мне на несколько лет и ни о какой защите диссертации не было бы и речи...

Я был потрясен этим сном. Мама, оказывается, действительно все знала заранее! И даже умерла, стремясь сделать мне добро. А я так глупо и по-свински повел себя! Теперь мне страстно захотелось жить, довести работу до конца, защитить диссертацию и доказать и себе и маме, что я — не кривой сучок на нашем генеалогическом древе!

Логический анализ событий привел меня к осознанию очевидной связи между успехами в лаборатории и теми странностями, которые обнаружились в моей жизни. Наша экспериментальная установка, которая вот уже несколько месяцев «прогрызала» крохотную дырочку между эвереттовскими мирами-универсумами, изменяла топологию пространства-времени таким образом, что вероятность склеек этих миров, то есть вероятность физи-

ческого их взаимодействия в самых разных формах, стала значительно больше среднестатистической. И я оказался в той «кротовой норе», которая связывала наш мир с другими мирами Мультиверса и, прежде всего, с тем, где мама продолжала жить, уйдя от нас.

И вот однажды, где-то через год после постановки мне диагноза, мама, в тот раз приснившаяся мне особенно отчетливо, сказала: «Я принесла тебе лекарство. Выпей эту таблетку». Я мысленно вздрогнул во сне — да же там, в грезах, мне было стыдно перед мамой за случившееся со мной — и стал бубнить что-то о бесполезности всяких таблеток и лекарств. Но мама была строга и настойчива: «Выпей! Это для тебя не трудно... А мне пришлось, признаюсь, нелегко. Это даже *здесь* требует серьезной работы и подготовки. Но нам с тобой повезло, да и предки наши оказались людьми достойными — помогли...».

Таблетку я во сне выпил, сон не забыл, поскольку понимал, что сон — это только форма реального общения в Мультиверсе, но каких-то изменений в самочувствии совершенно не заметил.

Тем временем первый этап эксперимента (он же — завершающая часть моей диссертационной работы) подходил к концу. Статистика набралась вполне убедительная и стало ясно, что мы живем в, по меньшей мере, пяти-мерном мире со слоисто-спиральной структурой, а более точная размерность и топология могут быть определены экспериментально на более мощных установках.

Защита диссертации прошла по общему мнению «блестяще». На традиционном после нее «банкете», организованном тут же, в лаборатории, я даже услышал от одного академика (члена диссертационного совета), что он будет удивлен, если года через два его не угостят столь же прекрасным коньяком на банкете, посвященном защите моей докторской.

Но что вообще походило на чудо — сданный мной на следующий день анализ крови показал, что нет у меня никакого СПИДа! И этот результат не стал для меня — в отличие от медиков — неожиданностью. Медики же просто оторопели — до сих пор случаев спонтанного выздоровления от СПИДа не было зафиксировано!

Мама, поздравляя меня с успехом, сказала, что «все наши» рады за меня. И сообщила, что, Бертольд Регенсбургский, против обычных своих правил, в последней своей проповеди привел пример того, как «благие дела излечивают хворобы», в Петербургской Академии Наук решили избрать действительным членом графа Калиостро, а бабушка напечатала в сборнике трудов института статью о «фрактальной коррекции генетических дефектов», поскольку все уверены — мне удалось выйти на мост между мирами.

Уже состоявшаяся склейка позволяла надеяться, что «оттуда» мы получим интересующую врачей информацию скорее и вернее, чем если даже подключим к исследованию моего организма десяток нобелиатов по биологии и медицине.

Это же подтвердил мне и один из моих странных ночных собеседников — весьма забавное босховское существо с хоботом вместо носа. По его словам наши опыты, подобно кислоте, «проели» крохотную «дырочку» в весьма напряженной «мембране», разделяющей витки гугцевского цилиндра. И сейчас шло формирование настоящей кротовой норы между нашим и несколькими другими универсумами. Это очень сложный и не очень быстрый (по нашим, конечно, меркам) процесс. Но через несколько месяцев нора будет сформирована. И тогда общение будет и простым и надежным. Потом, конечно, пойдут процессы релаксации и нора «схлопнется». Но это тоже не быстрый процесс. Как долго будет существовать коридор, пока сказать было нельзя. Но уж точно — месяцы.

...Но это были «ночные грезы». А днем меня снова атаковали врачи. Оказалось, что документы о проведении прошлых анализов, которые были нужны и для подтверждения излечения, и для дальнейших исследований, в связи с переездом лаборатории в другое здание куда-то пропали...

Опять-таки, информация о пропаже документов не стала для меня неожиданностью — связь событий в «кротовой норе» отнюдь не подчиняется линейной причинности. Но это сейчас волновало меня очень мало. Что там было в прошлом, мы узнаем в будущем.

Работы предстояло — «невпроворот»! Я все-таки доказал, что наше «генеалогическое древо» ещё вполне жизнеспособно, и я — его плодотворная ветвь.

И уже завтра я буду снова в лаборатории, и на экспериментальную кривую лягут новые точки, укрепляющие надежность канала связи с «параллельными мирами».

А пока... Спасибо, мама! До скорой встречи! Спасибо тебе за то, что я *жив* ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС!..

* * *

Признаюсь, что после того, как я выслушал этот рассказ, сам я долго не мог уснуть, что со мной случается редко. Но все же «Морфей взял свое», я проспал до 11 часов, а утром соседа в номере уже не было. Не вернулся он и вечером. Вероятно, нашел свою киевскую двоюродную сестру и остался у нее.

А на «Портале» у меня потом были замечательные встречи с Шекли, которые привели к тому, что последним, к сожалению, так и не законченным, его произведением стал эвереттический роман, но, как по аналогичному поводу сказано у Стругацких, «это уже совершенно другая история»...

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ЭТИ СЛАВНЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...

В начале шестидесятых годов прошлого века в советской фантастике настали времена, каких не было ни до, ни после — сейчас это называется оттепелью, а тогда было ощущение, что происходит бурный расцвет, теперь-то с «электрическими тракторами» покончено навсегда, и писать можно все, что угодно и о чем угодно. И ведь писали! Появлялись совершенно новые для советской фантастики темы — кибернетика у А. Днепрова, удивительно привлекательный коммунизм у А. и Б. Стругацких, полеты к звездам у Г. Альтова и Г. Гуревича, романтика научного поиска у В. Журавлевой и В. Савченко, увлекательные приключения в прошлом и будущем у Е. Войскунского и И. Лукодянова...

Так получилось, что в Баку — городе достаточно удаленном от союзных центров культуры — число писателей-фантастов на душу населения оказалось выше, чем даже в Москве и Ленинграде. Генрих Альтов, Валентина Журавлева, Евгений Войскунский и Исай Лукодянов — эти имена сорок лет назад были известны каждому любителю фантастики от Бреста до Владивостока. Книги этих авторов выходили в московских издательствах, а роман «Экипаж «Меконга» Е. Войскунского и И. Лукодянова можно было без преувеличений назвать бестселлером.

Между тем, в Баку писали в те годы фантастику еще больше десяти человек — одни стали потом популярны, имена других канули в Лету, но факт тот, что количество авторов-фантастов в нашем городе должно было, согласно законам диалектики, привести к появлению качественно новой ситуации.

Первым это почувствовал Евгений Львович Войскунский. В 1963 году он был уже уважаемым членом Союза писателей Азербайджана, опубликовал не только фантастические, но и реалистические произведения: романы о Великой Отечественной войне — Войскунскому было что рассказать о том времени, он воевал во флоте, участвовал в обороне Ханко. Если о военных романах Виктора Некрасова говорили «окопная правда», то о романах Евгений Львовича Войскунского вполне можно было сказать: «военно-морская правда». В Союзе писателей Войскунского уважали — не столько, может быть, за его собственные произведения, сколько за то, что он переводил на русский язык творения местных авторов, тех, о ком говорили: «наши национальные кадры». По-русски эти кадры говорили с сильным акцентом, а писать и вовсе не умели; точнее, русской грамоте их в школе обучили, но литературному языку — нет. Между тем, каждому хотелось выйти «на всесоюзные рынки», без русского перевода это было невозможно. Не только Евгений Львович, конечно, занимался переводом азербайджанской литературы, но у него это получалось лучше, чем у других. Вообще говоря, это и не пере-

вод был и даже не пересказ, а просто сочинение на тему, и далеко не всегда русский текст «переведенного» произведения, сделанный по авторскому подстрочнику, имел достаточно точек соприкосновения с оригиналом.

Так и получилось, что в одном из кабинетов СП, отведенном для заседаний новой комиссии, собрались однажды все бакинские авторы-фантасты. Нужно было сформулировать цели создания комиссии. Конечно, обсуждение новых произведений, работа с молодыми авторами, но главное — выпуск сборников фантастики. Раз уж в СП к фантастике относились благосклонно, нельзя было упускать эту возможность. И потому в работе комиссии изначально выделились два направления: обсуждение новых произведений и подготовка сборника к печати.

Председателем Комиссии по научно-фантастической литературе при СП Азербайджана был избран Евгений Львович Войскунский, других кандидатов и не было, поскольку он единственный среди фантастов был в то время членом Союза. В состав Комиссии вошли Генрих Саулович Альтов (Альтшуллер), Валентина Николаевна Журавлева, Исай Борисович Лукодянов, Рафаил Борисович Бахтамов (Шапиро) и Эмин Махмудов, писавший по-азербайджански рассказы вполне в духе фантастики ближнего прицела. Махмудов прекрасно понимал свои литературные возможности и потому на заседаниях обычно помалкивал, оживляясь лишь во время обсуждений его рассказов, которые переводил на русский язык Рафаил Бахтамов.

Не знаю, как Комиссия работала первые месяцы — Евгений Львович привел меня на заседание весной 1964 года, когда уже был сформирован первый сборник бакинской фантастики «Формула невозможного». Кроме Войскунского мне были знакомы из присутствовавших Альтов и Журавлева, я часто бывал у них дома, обсуждал с Генрихом Сауловичем свои первые опыты — точнее можно сказать, что Генрих Саулович их осуждал и правил, а я пытаюсь понять, как маститые авторы умудряются создавать шедевры вроде «Легенд о звездных капитанах», «Легенды о звездах» и «Экипажа «Меконга».

Маститым авторам в те годы было всего по тридцать-сорок лет, но мне, двадцатилетнему, они казались умудренными старцами, чей вердикт непререкаем и суров. В день моего появления на Комиссии состоялось заседание президиума СП Азербайджана, на котором в члены Союза принимали Генриха Альтова и Валентину Журавлеву. У обоих было что предъявить членам президиума: книги, выпущенные в Москве, в престижных издательствах «Детгиз» и «Трудрезервиздат». Валентину Николаевну приняли единогласно («Женщина! Фантастику пишет! Вах-вах! Надо же!»), а с Генрихом Сауловичем вышла осечка.

Аксакалам, заседавшим в президиуме, сразу не понравилась независимость, с какой держался Альтов. Фантаст, понимаешь... Про звезды какие-то пишет, а ведет себя так, будто все о жизни знает.

— Чтобы хорошую литературу писать, — заявил секретарь СП, — надо иметь жизненный опыт. Вы должны поехать по объектам, посмотреть, как люди живут. Совхозы, посетить, колхозы...

Генрих Саулович, уже накопивший определенный жизненный опыт во время пребывания в Воркутлаге, лишь плечами пожал.

— Для того, чтобы писать хорошую фантастику, — ответил он, — ничего этого не нужно. Да и для литературы вообще. Вы думаете, что, если ездите в колхоз, то и романы у вас хорошие получаются?

После чего Альтов, привыкший говорить людям в лицо все, что о них думает, рассказал собравшимся товарищам, как именно он оценивает их, так сказать, творчество и вообще реалистическую, с позволения сказать, литературу Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Естественно, что в Союз Генриха Сауловича не приняли, да и вообще о личности Альтова у местных писателей-профессионалов после того случая мнение сложилось вполне однозначное.

На заседании Комиссии Генрих Саулович рассказывал об этой истории с присущим ему юмором, но понятно было, что врагов он себе своим поступком нажил немало. Впрочем, врагов у Альтова в те годы было достаточно — не столько среди писателей, сколько среди союзных начальников, ведавших проблемами изобретательства.

Когда первый сборник бакинских фантастов был уже готов к сдаче в издательство «Азернешр», выяснилось обстоятельство, вполне типичное для нашей восточной республики. Изначально было понятно, что без включения кого-нибудь из «национальных» авторов обойтись невозможно. Как наименьшее зло был взят рассказ Эмина Махмудова, переведенный, а точнее написанный заново Рафаилом Бахтамовым — в то время автором нескольких увлекательных научно-популярных книг (например, «Изгнание шестикрылого серафима»). Махмудов регулярно приходил на заседания, в общении это был приятный и тихий человек, ни у кого голос не поднимался сказать ему, что рассказы его — чистая графомания...

Надеялись, что рассказом Махмудова дело ограничится, но когда книга была уже сдана в производство, выяснилось, что писательское начальство включило в состав сборника научно-фантастическую пьесу некоего Новруза Гянджали «Сокровища сгоревшей планеты».

— Это кошмар! — сказал Евгений Львович, ознакомившись с рукописью. — Такого я еще не читал. К тому же, пьеса большая, сборник увеличится на треть. Если этот объем дали бы нам, сколько хороших вещей можно было бы опубликовать! Но ничего не поделаешь. Новруз — чей-то родственник, из верхов, пьеса включена в сборник без нашего ведома. Единственное, что мы можем, — вообще отказаться от издания.

По мнению Альтова, так и нужно было бы поступить. Что за самоуправство, в конце концов! Комиссия потратила месяцы, тщательно отбирая произведения, чтобы первый блин не вышел комом, а тут... Но возобладало мнение большинства — Бог с ней, с пьесой, нужно, чтобы сборник все-таки вышел из печати.

И сборник вышел — на серой бумаге, с изображением на обложке непонятной кляксы, которая, по мысли художника, должна была, видимо, изо-

бражать инопланетянина. Во всяком случае, принять кляксу за человеческое лицо можно было лишь при очень больном воображении.

Но не полиграфическое убожество стало основным недостатком. В книге было немало опечаток, главная из которых оказалась на странице оглавления, где значился и опус Гянджали. Вместо слова «пьса» было написано кратко и энергично: «пьса».

— И действительно пьса! — издевались все, кто брал сборник в руки. — Все правильно, это не опечатка, а самооценка автора!

Не знаю, что думал о своем творении Гянджали, — на Комиссии он ни разу не появился, может, потому, что знал, как его разнесут фантасты, а может, считал обсуждение ниже собственного достоинства. Второе более вероятно.

Если бы не злосчастная «пьса», содержание которой невозможно пересказать, будучи в здравом уме, сборник, возможно, получил бы хорошую критику — опубликованные в нем рассказы были вполне на уровне тогдашней фантастики, даже пересказанный Бахتامовым рассказ Махмудова не очень портил картины. Но «пьса»...

Вот один из эпизодов: второй акт, сцена представляет собой рубку звездолета, множество приборов, перед которыми сидят герои-звездолетчики. Они в панике: приборы не работают, никто не знает, куда они летят, и что с ними будет. Далее следует авторская ремарка: «Он дергает прибор за ручку, звездолет содрогается, стрелки скачут».

«Заработали! — кричит главный герой. — Приборы заработали!»

Представляете картину?

Некоторое время спустя в столичной «Комсомольской правде» появилась статья Дмитрия Биленкина о советской фантастической литературе — «Не дергайте ручку приборов!». И в качестве примера бездарной фантастики, авторы которой решительно не понимают того, о чем пишут, была взята пресловутая «пьса». Естественно, под горячую руку и всему сборнику досталось.

В общем, первый блин действительно оказался комом — и никак не по вине Комиссии.

Конечно, занималась Комиссия не только этим злосчастливым сборником: обсуждали молодых авторов, проводили встречи с читателями, в газете «Молодежь Азербайджана» объявили конкурс на лучший научно-фантастический рассказ.

Молодыми авторами считались Владимир Караханов, Илья Милькин, Борис Островский, Роман Леонидов, Павел Амнуэль. Караханов был офицером милиции и писал, в основном, детективы. На Комиссию он представил первую свою фантастическую повесть «Мое человечество» — об изобретении нового препарата для борьбы с онкологическими заболеваниями. Илья Милькин был моряком, писал хорошие стихи — как и для Караханова, фантастика для него была скорее делом побочным. Впоследствии Милькин действительно начал писать, кроме стихов, реалистическую прозу и опубликовал книжку в одном из бакинских издательств.

Иное дело — Борис Островский, любивший и писавший именно фантастику, но литературных способностей у него недоставало, и на заседаниях Комиссии Боре «накидывали» множество замечаний, он дорабатывал рассказы, но лучше они не становились... Зато Островский блестяще проводил так называемые психологические опыты. Это у него получалось не хуже, чем у самого Вольфа Мессинга — у Бори была повышенная чувствительность, он легко воспринимал (в том числе и с завязанными глазами) малейшие движения «реципиента» — так называемые идеомоторные акты. На публике Боря не выступал, но среди своих — членов Комиссии, в том числе — нередко демонстрировал «чудеса», перемежая их с откровенными фокусами, так что мы частенько путались: где тут «экстрасенсорика», а где чистый иллюзион а-ля Арутюн Акопян.

Время, кстати сказать, было «оттепельное» не только для фантастики, но и для всяких паранаук. Очень популярна в те дни была знаменитая Роза Кулешова, умевшая читать пальцами. Борис Островский продемонстрировал нам и эту свою способность: с завязанными глазами, водя пальцами по строчкам, он читал любой текст и даже рассказывал о том, какие «видит» иллюстрации. Разумеется, это тоже был всего лишь фокус, умение так напрячь мышцы лица, что, когда Боре завязывали глаза, все равно у него оставалась возможность для подглядывания.

В Баку приезжали с лекциями парапсихологи, рассказывавшие о чудесах сверхвосприятия, и вряд ли у них были слушатели, настроенные более скептически, нежели авторы-фантасты. Альтов, будучи человеком во всем принципиальным, не терпел не только шарлатанов, но даже просто людей недобросовестных, пытавшихся сделать себе имя на интересе публики к неизведанному. Однажды в дискуссии с одним из заезжих парапсихологов Альтов спросил, почему они не сумели до сих пор поставить опыта, который бы всех убедил.

«Для этого нужно оборудование, а у нас нет никакого финансирования», — пожаловался экстрасенс.

«Какое оборудование необходимо? — спросил Альтов. — Может, можно просто скинуться и купить?»

Парапсихолог начал перечислять — и назвал, в числе прочего, километр тонкого провода.

«А провод-то зачем? — ехидно осведомился Альтов. — Вы же мысли на расстояние без проводов должны передавать!»

Впрочем, оттепель оказалась не такой уж долгой. В 1965 году, когда в московском сборнике «Фантастика» издательства «Молодая гвардия» Альтов опубликовал один из лучших своих рассказов «Порт Каменных Бурь», в газете «Известия» появилась разгромная статья академика В. Францева. Академик обрушился на фантаста за то, что тот в своем рассказе посмел задать от имени героя вопрос: «Что будет после коммунизма?». Действительно, исторический материализм учил, что все развивается, один строй сменяет другой, после социализма будет коммунизм, а потом?

Альтову крепко досталось, и на заседании Комиссии статью из «Известий», конечно, обсудили — но тут уж досталось академику, благо в комнате были только «свои», и мнение у всех нас о том, что представляла собой советская историческая наука, было одинаковым, даже спора не получилось. Впрочем, обсуждение так и осталось в пределах кабинета секретаря СП — знал бы хозяин, какие крамольные речи о развитии советского строя произносились в его отсутствие...

Комиссия по НФ была органом официальным, поэтому каждый год мы составляли план нашей деятельности, и Евгений Львович то ли раз в квартал, то ли раз в год представлял в президиум СП отчет о проделанной работе (сколько проведено заседаний, сколько произведений обсуждено, сколько и где организовано встреч с читателями...). В планах был, например, конкурс НФ рассказов, и мы его провели, дав объявление в газете «Молодежь Азербайджана». Победителям было обещано, что их рассказы опубликуют в газете и даже выплатят гонорар — в качестве литературной премии.

Пришло около десятка пакетов с беспомощными текстами, среди которых читабельным оказался единственный рассказ, подписанный неким Юрием Грамбаевым. Это была небольшая юмореска о том, как на одной из радиоастрономических обсерваторий обнаружили сигналы внеземной цивилизации. Их долго расшифровывали, а потом начали удивляться тому, что сообщал иной разум. Ерунда какая-то: кто какое платье надел на вечеринку, где можно прибахлиться... И это — высокоразвитая цивилизация? Такие глупости она считает необходимым сообщить всей Галактике? Нет, — решает герой рассказа, — дело, видимо, в том, что мы случайно попали на одну из многочисленных линий связи цивилизаций. Все равно, как если бы кто-то подключился к телефонной линии, по которой две подружки обсуждают, что надеть на вечеринку...

Этот рассказ — за неимением конкурентов — получил первое место и был опубликован в газете. Автора пригласили (объявив в той же газете, потому что иначе связаться с ним не было возможности — адреса он не указал) на заседание комиссии. Каково же было удивление «комиссионеров», когда в комнату ввалились четверо студентов Азгосуниверситета и объявили, что они и есть Юрий Грамбаев.

— Вы писали рассказ вчетвером? — удивился Евгений Львович.

— Да! — от имени четверки заявил Юрий Сорокин, студент-химик.

— Нет, — сказал вдруг Альтов. — Авторов на самом деле не четверо, а пятеро.

— Почему пятеро? — смутился Грамбаев всеми своими четырьмя физиономиями.

— Пятеро, — твердо сказал Альтов. — Пятый — присутствующий здесь член нашей Комиссии Павел Амнуэль. А потому результат конкурса должен быть аннулирован, поскольку члены Комиссии не имели права в нем участвовать.

— Почему вы думаете, что Павлик в этом участвовал? — удивился Евгений Львович.

— Мы-то не один его рассказ обсуждали! — воскликнул Генрих Саулович. — Разве стиль Амнуэля не виден в рассказе Грамбаева — вот в этом куске и в этом тоже?..

Пришлось сознаться — Грамбаев действительно был один не в четырех, а в пяти лицах. Четверо «грамбаевцев» были моими университетскими друзьями. Писали мы рассказ по частям, каждый — свою часть, но затем я переписал рассказ, чтобы пестрота стилей не сильно ощущалась. Тут-то Альтов нас и подловил.

Конкурс был объявлен провалившимся, поскольку никто не представил достойного произведения.

Между тем, члены Комиссии время от времени встречались с читателями. Обычно эти встречи проходили в малом зале кинотеатра «Вэтэн» («Родина»), зал был небольшой, на 80 мест, перед началом встречи показывали фантастический фильм — выбор по тем временам был невелик, только что на экраны вышла «Туманность Андромеды», была еще «Планета бурь» по повести А. Казанцева, их и крутили. Первые встречи были интересными — просто потому, что все было внове, — но достаточно быстро выродились, поскольку вопросы задавали каждый раз примерно одни и те же: каковы творческие планы, и нужно ли фантастам опережать науку, и как фантастам удается так хорошо придумывать то, чего нет...

Конечно, на такие встречи Комиссия являлась не в полном составе — обычно председательствовал Евгений Львович, а кроме него на вопросы отвечали Генрих Саулович Альтов и Исай Борисович Лукодянов, который любил находить ошибки в произведениях коллег и рассказывать почтенной публике, что фантасты далеко не всегда предсказывают правильно и даже не всегда хорошо знают то, о чем пишут. Например, Алексей Толстой в «Аэлите», подсчитывая расстояние от Земли до Марса, неправильно сложил три числа — можете сами проверить...

Лукодянов умел находить ошибки, нелогичности, оплошности научно-технического характера в любом произведении — и уж, конечно, в тех текстах, что обсуждались на заседаниях Комиссии. Научные ошибки в фантастических произведениях не прощались никому — все писали так называемую «хард сайенс фикшн», хотя термина этого никто не знал. Доходило до курьезов, когда тщательная разработка научно-фантастической основы превращала рассказ в научно-популярную статью.

Когда весной 1965 года на Комиссии обсуждался мой рассказ «Все законы Вселенной» (носивший явственные следы жесткой альтовской правки), Рафаил Бахтамов начал свою речь словами:

— Эту статью я прочитал. Эта статья мне понравилась. Единственное, чего я не понял: почему под названием написано «рассказ».

Впрочем, когда три года спустя «Все законы Вселенной» были опубликованы в молодогвардейском сборнике «Фантастика-68», Рафаил Борисович был первым, кто поздравил меня с «выходом на всесоюзную орбиту».

— Хороший рассказ, — сказал он, забыв, должно быть, свое давнее определение.

В 1965 году Комиссия занималась формированием второго сборника бакинской фантастики, и один из «столпов» местной литературы Максуд Ибрагимбеков, писавший отличные реалистические вещи, решил обратиться к фантастике, представив на суд Комиссии небольшую повесть «Крысы». После прочтения настроение у членов Комиссии было мрачноватым — сюжет давал к тому все основания. Не будь автором Максуд Ибрагимбеков, рукопись была бы безусловно отвергнута, но Максуд и его брат Рустам были далеко не последними людьми в СП, от их слова зависело многое. Не прими Комиссия повесть Максуда, могло получиться так, что второй сборник по тем или иным причинам не вышел бы вообще.

«Крысы» были включены в сборник без обсуждения. Удовлетворились тем, что, при всех своих недостатках, «Крысы» были шедевром по сравнению с печальной памяти «псьой»!

В 1966 году новый бакинский сборник «Эти удивительные звезды» (названный по рассказу Валентины Журавлевой) вышел из печати. Предисловие к книге написал известный библиограф фантастики Б. Ляпунов — о «Крысах» он сказал лишь, что в этой повести «фантастическая проблема своеобразно переплетена с изображением гнусностей буржуазного профессионального спорта».

В сборнике «Эти удивительные звезды» были опубликованы рассказы практически всех членов Комиссии, в том числе и мои первые рассказы, написанные в соавторстве с Романом Леонидовым. Генрих Альтов выступил в сборнике не только с замечательным рассказом «Опаляющий разум», но и со статьей «Перечитывая Уэллса», где проанализировал 86 научно-фантастических идей английского фантаста и показал, что почти все прогнозы Уэллса уже оправдались, и лишь немногие идеи можно отнести к «чистой фантастике» — например, идею о машине времени.

«Эти удивительные звезды» вышли огромным даже по тем временам (тем более для республиканского издательства) тиражом 200 тысяч экземпляров, и это стало причиной полиграфического конфуза. Предполагалось, что книга выйдет в суперобложке, на которой художник изобразил планеты и астероиды, летящие в космосе. Тираж сначала был запланирован не таким большим, и издательство закупило соответствующее количество бумаги для суперобложки. Когда тираж — в последний момент — увеличили в несколько раз, оказалось, что бумаги для супера не хватает. Что делать? Обсуждались — не в Комиссии, конечно, а в издательстве, мы ни о чем не догадывались вплоть до выхода книги из печати — два варианта: либо убрать суперобложку вообще, либо... нарезать на части и вклеить в книгу.

Принят был второй вариант (надо было использовать уже отпечатанную суперобложку!), и в результате возник странный монстр: в книгу оказался вклеен узкий листок, занимавший половину страницы. При желании можно было понять, что на листке изображены космические камни, падавшие на какую-то планету...

Второй бакинский сборник оказался все-таки лучше первого — и не только потому, что в нем не было произведений типа «псы». «Опаляющий разум» и статья об идеях Уэллса, написанные Генрихом Альтовым, «Нахалка» и «Эти удивительные звезды» Валентины Журавлевой, интересная повесть Евгения Войскунского и Исаия Лукодянова «И увидел остальное» (ни разу впоследствии не переиздававшаяся и не вошедшая в авторские сборники), научно-популярные очерки Рафаила Бахтамова «Дорога на океан» и «Две тысячи золотых пиастров» — это были добротные вещи, уж, во всяком случае, не хуже, чем произведения, публиковавшиеся в московских сборниках «Молодой гвардии».

В отличие от первого, второй бакинский сборник был благосклонно принят критикой (правда, каждый, кто о сборнике писал, не забывал задать недоуменный вопрос: что означает фиговый листок, клеенный между страницами?), и сразу после выхода книги из печати Комиссия стала собирать третий сборник. Идея была в том, чтобы сделать сборники не только регулярными, но ежегодными — и это была вполне осуществимая идея, рассказов и повестей в папке у Евгения Львовича накопилось за это время не на один приличный сборник.

Но... Комиссия предполагает, а Союз Писателей располагает. Третий сборник — «Полюс риска» — появился лишь четыре года спустя, в 1970 году.

За эти годы Комиссия провела — кроме, конечно, регулярных обсуждений, — одну масштабную акцию: опрос читателей фантастики. Идея опроса принадлежала Генриху Сауловичу. Осуществление, в значительной степени, тоже ему: Альтов составил анкету, включавшую десятка два вопросов, обращенных к читателям фантастики — какой из поджанров они предпочитают (приводился список), каких авторов (список включал все известные фамилии), нужен ли журнал фантастики, возможна ли фантастика без фантастических идей и так далее. Каждый из вопросов предусматривал несколько вариантов конкретных ответов — нужно было только подчеркнуть нужный.

Анкета содержала список из нескольких десятков книг советских писателей-фантастов — читатели должны были поставить около названия книги крестик, если книга понравилась, или минус, если не понравилась. Чтобы получить количественные оценки, Альтов придумал формулу: из числа плюсов вычиталось число минусов, а затем результат нужно было поделить на число читателей. Книгу, которую никто не читал, естественно, из рассмотрения исключали — нельзя ведь делить на нуль!

А для того, чтобы оценить «уровень шума» — иными словами, помнят ли читатели то, что читают, — Альтов предложил включить в список «контрольную книгу»: автора и название, не существующие в природе. Так появились «Долгие сумерки Марса» некоего Н. Яковлева — действительно, название и фамилия достаточно типичные. Если читатель «проглатывает» книги, не очень задумываясь над содержанием, то вполне может и Яковлева «вспомнить»...

Из-за Яковлева и разгорелся скандал, когда результаты анкетирования были опубликованы. Но это произошло потом, а сначала члены Комиссии, конечно, сами ответили на все вопросы. За давностью лет я уже не помню этого частного результата. Кажется, общее мнение склонилось к тому, что обязательно (просто жизненно!) необходим всесоюзный журнал фантастики, причем не один, а минимум два: один журнал — это частное мнение редколлегии, единообразия, отсутствие новизны. Два журнала — конкуренция (точнее говоря — социалистическое соревнование, какая конкуренция при советской власти?), разнообразие мнений, поиск новых идей. То, что было нужно советской фантастике, еще не начавшей погружаться в болото застоя.

На ротапринте анкету размножили в количестве нескольких тысяч экземпляров (это тоже было проблемой в те годы — современной множительной техники не существовало, и надо было даже на текст анкеты получить разрешение Главлита, ведь речь шла о тиражировании!). Для начала анкету начали раздавать во время встреч с читателями, потом распространили среди знакомых — любителей фантастики и писателей-фантастов. Сотни анкет переслали в Москву, там в опросе приняли участие школьники из единственного тогда в Союзе Клуба любителей фантастики при Доме детской книги.

Несколько месяцев спустя дома у Альтова штабелями лежали заполненные анкеты, и мы переносили на отдельный лист крестики и черточки, считали и пересчитывали... Наконец, стало ясно, во-первых, что читатели не отдают предпочтения ни одному из поджанров фантастики. «Фантастика нужна всякая, — был сделан вывод. — Социальная вовсе не имеет преимущества перед научно-технической. У каждого поджанра есть свой читатель, и критики не должны говорить: такая-то фантастика советскому человеку нужна, а такая-то нет».

И еще: многие авторы, считающиеся популярными, пишут произведения, вовсе не запоминающиеся. Не то, чтобы их книги не любили, но просто не запоминали напрочь! Дело в том, что неожиданно для всех несуществующий Н. Яковлев с его «Долгими сумерками Марса» оказался не в конце списка, как следовало ожидать, а в самой середине, получив плюсов больше, чем минусов! Число людей, «прочитавших» это эпохальное произведение, оказалось больше, чем тех, кто читал, скажем, считавшуюся классикой жанра «Планету бурь» Александра Казанцева!

Ниже Яковлева в списке оказались не только Казанцев, Немцов и другие авторы фантастики ближнего прицела (это было естественно, время «Последнего полустанка» миновало), но и кое-кто из авторов, много издававшихся в середине шестидесятых. Я сейчас не помню конкретных фамилий, да это и не столь важно. Когда результаты анкетирования были опубликованы в одной из газет, обиженными посчитали себя все писатели-фантасты, оказавшиеся ниже «уровня шума». Обижались почему-то не на себя — не смогли написать запоминающихся произведений! — а на Комиссию и особенно на Генриха Сауловича, как на зачинателя и вдохновителя этого «гнусного мероприятия».

Альтову было не привыкать. Незадолго до этого он уже получил немало шишек, когда в течение двух лет под его руководством ребята из Клуба любителей фантастики при московском Доме детской книги присуждали по итогам года премию за худшее произведение научной фантастики. Премия называлась «Гриадным крокодилом» (по печальной памяти «Гриаде» А. Колпакова — нам казалось тогда, что ничего хуже в фантастике написать просто невозможно). Первый «Гриадный крокодил» был присужден книге М. Емцева и Е. Парнова «Падение сверхновой», второго «крокодила» получил А. Полещук за роман «Ошибка инженера Алексеева».

На «Гриадного крокодила» смертельно обиделись не только «лауреаты», но и вся элита фантастов — ведь никто не мог гарантировать, что не окажется следующим!

А тут еще анкета... Эти провокаторы из бакинской Комиссии!

Больше подобной деятельностью Комиссия не занималась. Первый опыт оказался последним.

Работа над анкетой не прервала, конечно, текущих дел — обсуждение новых научно-фантастических произведений. Один-единственный раз Комиссия, впрочем, изменила своему назначению, когда на обсуждение была вынесена наша с Леонидовым историческая повесть «Суд». Впрочем, повесть эту можно было назвать и фантастико-исторической, хотя традиционно фантастических элементов в «Суде» не было: речь шла об интерпретации известных историкам фактов.

Цитирую по воспоминаниям Валентины Николаевны Журавлевой (Фонд-Архив Генриха Альтшуллера, выпуск 2):

«Повесть была хорошо написана, оригинальна по сюжету, наглядно рассказывает об изобретательстве в технике искусства и за пределами техники вообще. Но авторы в течение 7 лет не могли ее напечатать. Получали замечания типа: «нужно притушить прямые аналогии с историческими событиями не столь отдаленными». Эти аналогии были несколько притушены, после чего редакция попросила изменить название: «Суд» звучит слишком в лоб. Повесть была переименована в «Сфинкс», но и после этого был получен отказ.

Может быть, повесть не была написана, если бы...

Г. Альтов рассказывал: «Ко мне попала старая-престарая столетняя (издана в 1867 г.) книга Карла Оппеля «Чудеса древней страны пирамид». Книга интересная, особенно глава «Сын Солнца умер» (стр. 90-97). Речь в этой главе шла, в сущности, о социально-изобретательской задаче. Фараон должен иметь неограниченную бесконтрольную власть, чтобы эффективно управлять большим государством (в тех исторических условиях авторитарное управление было самой компактной и действенной формой правления), и фараон должен находиться под полным контролем народа, чтобы управлять без безобразий и преступлений (при Иване Грозном, например, не разрешили это противоречие). В Древнем Египте противоречие было устранено разделением противоречивых требований во времени: при жизни любое (в том числе преступное) поведение фараона выполнялось бес-

прекословно, но после смерти народ судил своего владыку. И если хотя бы один человек предъявлял претензии и не прощал вину фараону — царь приговаривался к высшему наказанию: ему отказывали в погребении. А без погребения душа, по верованиям, была обречена на вечные муки... Мумию непогребенного фараона устанавливали — в назидание — в доме «наказанного», чтобы она была вечной укоризной наследникам. Блестящее социальное изобретение, делающее культ личности безвредным! Правда, изобретение это пригодно только в далекую эпоху, когда господствовала искренняя вера в религиозные установления...

Я дал Амнуэлю и Леонидову книгу Опшеля, посоветовал написать «фантастику про суд над фараоном». Они написали «Суд»... Повесть они написали удачную. Но наступала эпоха застоя, перестраховщики боялись даже упоминания о культе... фараона. Рукопись долго ходила по редакциям и издательствам. Наступила эпоха перестройки, «Суд» снова попал в «Искатель», докт. ист. наук Можейко (он же фантаст К. Булычев) дал положительную рецензию. Издательство приняло решение — напечатать повесть».

Действительно, история «Суда» сложилась именно так, а в 1968 году, когда повесть была представлена Комиссии, вывод был единодушным: хорошо, но — непроходняк. Это было ясно всем членам Комиссии, кроме авторов, которые упорно в течение нескольких лет продолжали посылать рукопись в разные журналы.

Известный писатель Максуд Ибрагимбеков решил в те годы опять обратиться к фантастике и представил на суд Комиссии рассказ, который ничего, кроме нездорового смеха, вызвать не мог. Речь шла о том, что инопланетяне прибыли незамеченными на Землю и решили уничтожить человечество. Способ они выбрали поистине уникальный. Ибрагимбеков слыл заядлым автомобилистом, обожал машины — это и сказалось на идее рассказа. Итак, что сделали инопланетяне для приведения в исполнение своего плана? Они открыли на Земле множество автомобильных заводов и начали выпускать сверхдешевые автомобили. Через какое-то время автомобиль был практически у каждого человека на планете — начиная от младенцев и кончая парализованными стариками. Разумеется, у каждого была своя модификация, сделанная лично для него. Представляете размах деятельности? Когда ВСЕ население земного шара были автомобилизировано, пришельцы нажали где-то на какую-то кнопку, и в тот же момент каждый автомобиль убил своего владельца. Так исчезла земная цивилизация...

Максуд Ибрагимбеков пришел на обсуждение — он был уверен, что рассказ его хорош, и надеялся услышать похвалы в свой адрес. Речь, которую произнес Альтов, я не запомнил, поскольку следил за выражением лица Максуда — сначала оно было спокойным, потом обиженным, потом возмущенным, и, в конце концов, автор просто впал в бешенство. Тут еще и другие члены Комиссии добавили — не так, впрочем, ехидно, как Альтов.

В результате наши отношения с местным Союзом писателей были основательно подпорчены, если не сказать больше. Может, нужно было быть

снисходительнее и похвалить бредовый рассказ? Может, тогда на долю третьего бакинского сборника фантастики не выпало бы столько приключений, что выпуск его задержался на целых три года?

«Полюс риска» был готов к сдаче в издательство еще в 1967 году. Чтобы увеличить популярность издания, решено было пригласить для участия в сборнике кого-нибудь из известных московских или ленинградских авторов. На приглашение откликнулись Владимир Фирсов и Георгий Гуревич. Фирсов прислал один из не лучших своих рассказов «Зеленый глаз», а Гуревич — замечательный научно-фантастический очерк «Сколько вы будете жить?». Идеи этого очерка до сих пор не только не утратили актуальности — напротив, последние достижения биологии вообще и геронтологии, в частности, показывают, что рассуждения Гуревича о причинах старения и о том, как продлить жизнь человека, были совершенно правильными! К сожалению, научно-фантастические очерки Георгия Гуревича стали историей советской фантастики — ни разу они не переиздавались, хотя наверняка были бы интересны и современному читателю, вовсе не избалованному новыми фантастическими идеями.

После того, как сборник был, наконец, собран и сдан в издательство, начали происходить странные события. Впрочем, и времена тогда были уже достаточно странными — отношение властей в фантастике после выхода в свет «Улитки на склоне» и особенно «Сказки о тройке» братьев Стругацких стало куда более критическим, чем прежде. Разумеется, «на местах» события, происходившие в Москве и Ленинграде, находили свое отражение — чаще всего гротескное, — когда местное руководство, отслеживая столичные новости, старалось быть «святее папы римского» и находило крамолу даже в невинных произведениях.

С другой стороны, местные зубры от Главлита зачастую не очень понимали, что является крамолкой, а что — нет. Что нужно запретить, а что можно оставить. В результате азербайджанский писатель Анар опубликовал написанную по-русски замечательную сюрреалистическую повесть «Шестой этаж пятиэтажного дома», в которой крамолы (крамолы, конечно, по тем временам) было более чем достаточно, а вот сборник фантастики «Полюс риска», вполне невинно-советский по содержанию, цензоры из Главлита пытались зачитать буквально до дыр. Несколько раз рукопись сборника возвращали вообще без объяснения причин. «Нельзя!» — и все. Что именно нельзя? Почему? Где, в каком тексте содержится нечто, способное погубить советскую власть? Молчание.

Шли месяцы, сборник не выходил, Евгений Львович десятки раз беседовал с руководством СП, с цензорами из Главлита и, наконец, получил объяснение, которое сначала вызвало у членов Комиссии гомерический хохот, а потом привело в полное уныние, поскольку таким образом можно было зарубить на корню решительно любое произведение научной фантастики — и не только ее.

«У вас в одном из рассказов названа марка вычислительной машины, — сказал цензор Войскунскому под большим секретом, — которая запрещена к упоминанию в открытой печати, поскольку является секретной и составляет государственную тайну».

«Какая марка?» — удивился Войскунский.

«Не могу сказать, — покачал головой цензор, — она же запрещена к упоминанию!»

Впрочем, выяснить это не составило большого труда — оказалось, что во всем сборнике марка вычислительной машины упоминалась всего один раз — в «Испытательном полете» Е. Войскунского и И. Лукодянова (это был отрывок из их романа «Плеск звездных морей»). Недолго думая, авторы название вычислительной машины из текста убрали, и рукопись — после почти полутора лет мытарств! — вновь отправилась в Главлит. На этот раз цензоры сочли, что фантастам не удалось разгласить ни одной государственной тайны, и на первой странице рукописи появилась, наконец, печать «Разрешено к публикации».

Сборник «Полюс риска» вышел в 1970 году. Время уже изменилось, изменились и тиражи. «Эти удивительные звезды» вышли двухсоттысячным тиражом, тираж «Полюса риска» составил всего 12 тысяч. Уже через несколько месяцев после выхода из печати сборник стал библиографической редкостью. Впрочем, он и издан был так плохо, что стыдно было поставить его на полку рядом с аккуратными и цветными изданиями фантастики «Детгиза» и «Молодой гвардии». Серая бумага, на обложке почему-то — знак параграфа, будто книга была не фантастикой, а сборником законодательных актов. И еще изображение половины лица без рта и с одним подслеповатым глазом. Да и содержание книги оказалось весьма, мягко говоря, разнообразным по уровню. Я уже упоминал уникальный по идее рассказ М. Ибрагимбекова «Занятое место». Не улучшали сборник три рассказа Эмина Махмудова, да и «Полюс риска» Р. Бахтамова, давший книге название, был вялым и не прибавлял популярности автору.

С другой стороны, в сборник были включены очерки Г. Гуревича о том, сколько будет жить человек, и Г. Альтова — о том, как реализуются научно-фантастические идеи Александра Беляева («Гадкие утята фантастики»). Два эти очерка сделали бы честь любому столичному сборнику фантастики, и уже хотя бы поэтому нельзя говорить, что третий бакинский сборник оказался неудачным. Нормальный был сборник — со своими плюсами и минусами.

Мог бы быть и четвертый, но... В начале семидесятых годов Комиссия по научной фантастике при СП Азербайджана прекратила свое существование. Не то чтобы нас кто-то прикрыл, и не то чтобы руководство СП было недовольно деятельностью Комиссии. Причины распада оказались скорее внутренними, чем внешними. Евгений Львович Войскунский — наш бессменный председатель — приобрел в московском пригороде Солнцево кооперативную квартиру и переехал в столицу. Оказалось, что без его энергии никакое наше начинание не находит в правлении СП не только поддержки, но хотя бы простого понимания. Оказалось, что отношения между членами Комиссии, если их не цементировать все той же энергией и способностью Войскунского находить компромиссные решения, тоже оставляли желать лучшего...

И как-то сами собой заседания Комиссии становились все короче, промежутки между заседаниями — все длиннее, однажды секретарь СП, в ка-

бинете которого мы заседали, «забыл» оставить нам ключ... Я уже не помню сейчас, когда именно Комиссия собралась в последний раз. Это было в начале семидесятых — то ли в 1970 году, то ли в 1971-м.

Начались времена застоя, и бакинский центр научной фантастики растворился в сумраке дней... После переезда в Москву Евгений Львович Войскунский написал с Исаем Борисовичем Лукодяновым не так уж много хорошей фантастики. Во всяком случае, последние их фантастические вещи не шли в сравнение с замечательным «Экипажем «Меконга», а в восьмидесятых, после смерти Исаея Борисовича, Евгений Львович окончательно перешел на реалистическую прозу. Не писал больше фантастику Рафаил Бахтамов — после критической оценки членами Комиссии «Полюса риска» понял, видимо, что его призвание — популяризация науки, научная журналистика. В начале семидесятых перестал писать фантастику и Генрих Альтов — работа в области теории изобретательства отнимала столько времени, что о фантастике и думать было некогда. Последним произведением Альтова в фантастике стала незаконченная повесть «Третье тысячелетие», вошедшая в 1974 году в один из альманахов НФ издательства «Знание». Не осталось времени на фантастику и у Валентины Журавлевой — жены и соратника Генриха Сауловича, она вела практически всю его внушительную переписку с сотнями инженеров и изобретателей, всю документацию по теории изобретательства. Генрих Саулович и Валентина Николаевна вдвоем работали, как большой научно-исследовательский институт, до фантастики ли было...

А «молодые»? У каждого в литературе сложилась (или не сложилась) своя судьба. Борис Островский, опубликовав единственный рассказ в сборнике «Эти удивительные звезды», занялся делом, которое и было его призванием, — психиатрией. Владимир Караханов опубликовал в московских издательствах несколько детективных книг, основанных на собственном опыте работника милиции. Исай Милькин тоже оставил фантастику, опубликовал два рассказа в бакинских сборниках, — у него хорошо получались стихи и реалистическая проза. Роман Леонидов переехал в Астрахань, где преподавал в консерватории. В конце восьмидесятых он опубликовал в одном из альманахов фантастики издательства «Знание» повесть «Шесть бумажных крестов», написанную еще в годы, когда Леонидов жил в Баку и участвовал в работе Комиссии.

Комиссия работу прекратила, но авторы остались. Осталась фантастика.

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ¹

ЖЕНСКАЯ ФАНТАСТИКА В ЖУРНАЛЕ «РЕАЛЬНОСТЬ ФАНТАСТИКИ» ЗА 2007 ГОД

Женщина-писательница является вслед за мужчиной-писателем, потому что лучшая женщина во все времена и у всех исторических народов всегда старается делать по возможности то, что делает мужчина и что ему нравится.

Мордовцев Д. «Замечательные исторические женщины на Руси», 1911 г.

1

Журнал «Реальность фантастики» имеет заслуженную славу одного из самых демократичных изданий. Здесь публикуются фантастические рассказы практически всех стилей, жанров и направлений, рассказы маститых и (что гораздо важнее!) молодых авторов. Какую долю из них составляют авторы-женщины? Каковы особенности современной «женской фантастики»? (В данном тексте под «женской фантастикой» подразумевается именно фантастика, написанная женщинами).

В 2007 году в журнале «Реальность фантастики» было опубликовано 137 рассказов, авторами 53-х из них являются женщины. Таким образом, соотношение между «мужской» и «женской» фантастикой составило 1:1,5 или (что более наглядно) 2:3. То есть, на каждые три «мужских» рассказа в журнале приходится два «женских». Несмотря на явный перевес «мужской» прозы, я называла бы такое соотношение «относительно демократичным», поскольку, как правило, в фантастических журналах и сборниках «мужских» рассказов в два-три раза больше, чем «женских».

В 2007 году журнал «Реальность фантастики» опубликовал произведения 41 женщины. (Для сравнения — в журнале «Полдень» за тот же период были опубликованы произведения только 11 авторов-женщин). Семь писательниц опубликовали в течение года более одного рассказа (Екатерина Медведева — 5 рассказов, Юлия Зонис — 3, Анна Ли-Китаева — 3, Нина Чешко — 3, Алла Гореликова — 2, Ляля Ангельчегова — 2, Татьяна Томах — 2). Это не может не радовать, так как, с одной стороны, читатели имеют возможность следить за развитием и творческим ростом автора, с другой — сам автор, зная, что у него есть постоянная аудитория, чувствует себя более уверенно.

¹По материалам доклада на Международном фестивале фантастики «Звездный мост-2008»

Какие жанры предпочитали авторы? На первое место вышла собственно научная фантастика — 16 рассказов. Однако не менее часто встречались мистические рассказы — 15, фэнтези — 11. Реже авторы выбирали социальную фантастику — 5 рассказов, юмористическую фантастику — 4 рассказа и альтернативную историю — 2 рассказа.

Однако наиболее удивительным (если не шокирующим) стал для меня тот факт, что авторы-женщины предпочитают писать о мужчинах и от лица мужчин. Так, из 25 рассказов, написанных от первого лица, в 17 (!) «я» — мужского пола и только в 8 — женского. Среди 28 рассказов, написанных от третьего лица, в 11 все основные персонажи были мужчинами, в 6 — женщинами и в 11 — героини-мужчины и героини-женщины на равных участвуют в формировании сюжета. Таким образом, у меня складывается впечатление, что авторы-женщины молча признают, что мужчина интереснее и перспективнее в качестве литературного героя, у него больше возможностей, его точка зрения на мир заслуживает большего внимания.

2

Среди авторов и читателей фантастики всегда было немало женщин. «Франкенштейн» (1818) Мэри Шелли называют первым научно-фантастическим романом. Но еще в XVII веке Маргарет Кавендиш, Герцогиня Ньюкасла, написала и издала утопический роман.

В фэнтези богатое наследие мифов, религии и народных сказок пришло из устных культур, которые передавались из поколения в поколение и мужчинами, и женщинами. Авторами ранних произведений в жанре фэнтези — таких, как готические романы или истории о призраках, — были представители обоих полов, и читателями их были в равной степени мужчины и женщины. Та же ситуация наблюдалась в жанрах утопии и мистической фантастики. Однако научная фантастика традиционно была жанром, ориентированным на читателя-мужчину.

Первые произведения научной фантастики появились в эпоху промышленной революции. Это было время торжества патриархальных ценностей в развитых промышленных странах — в Англии и Америке. Научная фантастика предложила новые образы мужчин — эксцентричного джентльмена-путешественника, талантливого инженера, «безумного» профессора. Для женщин в подобной литературе практически не было ролей, кроме роли второго плана — верной подруги и спутницы героя или хрупкой сексуально-привлекательной жертвы, нуждающейся в спасении.

Интересно, что даже в ту эпоху жизнь предлагала совершенно другие женские образы.

В период с 1813 по 1865 годы в военном госпитале при Британской армии тайно, под мужским именем Джеймса Барри, работала женщина-хирург. Перед назначением она закончила Эдинбургский университет и получила степень доктора медицины. В 1826 году она стала первым британским хирургом, который успешно произвел кесарево сечение.

В годы Первой мировой войны еще одна женщина-хирург, княжна Вера Гедройц всегда была на переднем крае, оперируя в специально сконструированном вагоне, в то время как враги вели обстрел поезда.

В 1873-1883 годы Эмили Реблинг, жена Вашингтона Реблинга, создателя Бруклинского моста, фактически заменила мужа, пострадавшего во время строительства. Она изучила высшую математику и архитектуру и руководила строительством на протяжении десяти лет.

Но подобные исключения не вдохновляли первых фантастов. Их героини принадлежали к типичным женщинам своей эпохи — хрупким и кокетливым созданиям в платьях, надежно предотвращавших любую попытку активных действий.

Шли годы, женщины заявили о своих правах, но традиция, зародившаяся на заре XX века, оставалась неизменной: фантастика — это литература, написанная мужчинами для мужчин. Традиция имела мало связи с реальностью — в фантастических журналах, как отечественных, так и зарубежных, публиковалось немало произведений, написанных женщинами. Однако при этом женщины не получали престижных премий в области фантастики до середины 1960-х годов. К примеру, до 1966 года в номинационном списке Премии Хьюго не было ни одного романа, написанного женщиной. В 1973 году в номинационном списке премии «Локус» было более чем 90% мужских имен. Из двух женских имен в этом списке одно — имя Андре Нортон — было «гендерно-нейтральным». К этой же хитрой уловке (использованию «гендерно-нейтрального» имени) прибегали и другие авторы-женщины — такие, как К.Л. Мур и Ли Брекетт.

Скандално известным стал псевдоним Эллис Б. Шелодон — Джеймс Типтри-младший. Выбрав мужской литературный псевдоним и скрывая свое истинное имя и пол, писательница добилась признания читателей и престижных литературных премий. Позже, когда в 1976 году мистификация была раскрыта, это привело к бурным дискуссиям в литературном мире, в ходе которых большинство участников были вынуждены прийти к выводу, что разделение между мужским и женским стилем письма в научной фантастике существует, скорее, в головах читателей, чем на страницах текстов.

Однако традиция оказалась слишком сильна. Даже Урсула Ле Гуин однажды по настоянию издателей «Плейбоя» подписала свой рассказ «У. К. Ле Гуин», «чтобы не напугать читателей-мужчин». Правда, не удержалась и о того, чтобы подразнить читателей и издателей, указав в биографической справке, помещенной перед рассказом: «Истории, написанные У. К. Ле Гуин, на самом деле написаны не У. К. Ле Гуин, а другим человеком с тем же именем». Позже, в интервью «Таймс», этот «другой человек с тем же именем» сказала: *«В течение долгого времени я писала, как мужчина, и мужчины были в центре большинства моих историй. Научиться писать, как женщина, было самой важной вещью, которую я сделала в середине моей жизни. Я знаю, что если бы я не научилась этому, я прекратила бы писать или по крайней мере прекратила бы писать хорошо».*

3

Во многом благодаря произведениям Урсулы Ле Гуин и Джоанны Расс, понятие «писать, как женщина» перестало однозначно ассоциироваться с понятиями «писать плохо» или «писать бездарные слащавые романы о любви». Однако недоверие читателя (и прежде всего читателя-мужчины) к женской фантастике — не редкость и в наши дни, и авторы-женщины вынуждены с ним считаться. Совсем недавно Меган Линдхольм взяла гендерно-нейтральный псевдоним Робин Хобб для публикации своей «Саги о Видящих». Свой выбор она объяснила так: *«Поскольку я писала от первого лица, и героем был мужчина, я подумала, что это хороший способ помочь читателю не спешить с недоверием и погрузиться в книгу, когда он начнет читать»*.

В российской фантастике женские имена появились вместе с выходом на рынок первых произведений в жанре фэнтези. До того, когда единственным официально-признанным жанром была научная фантастика, в число активно публикующихся авторов входило совсем немного женщин. Но в 1993 году в «желтой серии» издательства «Северо-Запад» вышла книга Мэделайн Симмонс «Меч и радуга». Писательнице Елене Хаецкой хотя и пришлось скрыть свое имя под псевдонимом, но по крайней мере удалось в неприкосновенности сохранить свой пол. «Меч и радуга» имела потрясающий успех, который во многом определил судьбу «женской» фэнтези в глазах издателей. В 1996 году Хаецкая опубликовала роман «Завоеватели» уже под своим собственным именем, и с тех пор «дверь в фантастику» широко открылась для женщин.

Однако и в «Мече и радуге», и в «Завоевателях» Хаецкой главными героями были мужчины. Женщины оставались на периферии в качестве верных подруг и «материала для спасения». Как мы видим, за прошедшие двадцать лет изменилось немного: женщины предпочитают работать на устоявшийся миф, то есть говорить о мужчинах и от лица мужчины, оставляя женщин в «зоне умолчания».

4

Возможно, устойчивость предпочтений связана со старой традицией, согласно которой фантастика считается «мужским» жанром. Однако мы уже установили, что эта традиция, несмотря на свою живучесть, не имеет под собой ни малейшего основания.

Возможно, у пишущих женщин просто нет «внутреннего образца», к которому они могли бы адресоваться, описывая героинь-женщин. Нынешнее поколение активно пишущих фантастов росло на советской фантастике, где женщине за редким исключением отводилась второстепенная роль.

Возможно, авторы считают, что женщина менее перспективна в качестве героини рассказа, чем мужчина, поскольку с ней не может случиться ничего интересного. И хотя это не так (а для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно просмотреть новостную ленту), но даже если бы это было так,

разве не является почетной задачей фантастики испытывать новые формы поведения и отношений, в том числе и в гендерном аспекте?

Мне могут возразить, что если героиня-женщина не соответствует гендерному стереотипу, то она получится «мужчиной в юбке», и в таком случае «проще сразу писать про мужчину». Но здесь нет выбора по принципу «или — или». Или — юбка до пят, или — усы и сапоги со шпорами. Женщина может попадать в те ситуации, которые традиционно считаются «мужскими», может выполнять «мужскую работу» и при этом делать ее не «как мужчина» и не «как женщина», а так, как это заблагорассудится автору. И автор-фантаст отнюдь не обязан оглядываться на принятые в обществе гендерные стереотипы.

Многие женщины-фантасты мотивируют свое решение тем, что, выбирая в качестве главного героя мужчину, ставят перед собой более интересную творческую задачу, исследуют «непознанный континент», вникают в тайны чужой психологии. О женщинах женщине писать неинтересно, так как она пишет о знакомом и тривиальном. Но при всем уважении к коллегам мне представляется, что в данном случае они обманывают сами себя. Женщины — не однородная группа, состоящая из одинаковых элементов. Познав психологию одной из них, нельзя утверждать, что знаешь и всех остальных. Женщины, происходящие из разных культур, из разных социальных слоев, из разных поколений являются друг для друга столь же «непознанной землей», как и мужчина для женщины. Но если автор сама признает героиню-женщину «неинтересной» и «неперспективной» только по причине того, что та принадлежит к женскому полу, читателю еще долго придется ждать появления «интересных» женщин на страницах фантастических произведений.

И последняя возможная причина — представление о «редакторском отборе», о том, что у произведения, написанного «про мужчин» и «от лица мужчин», больше шансов быть напечатанным. Конечно, определенный сексизм среди редакторов существует. Но он вовсе не так жесток и всеобъемлющ, как это кажется со стороны. Напротив, предлагая в редакцию журнала или в издательство романы и рассказы, написанные «не своим голосом», авторы-женщины поддерживают миф о фантастике как о «литературе про мужчин и для мужчин», при этом женщины остаются в фантастике «фигурой умолчания», а то, о чем молчат, не существует в общественном сознании.

Я далека от мысли, что вправе навязывать кому бы то ни было, о чем ему писать и как. «Дух веет, где хочет». Но если ветер придерживается определенного направления, тому должны быть определенные причины: рельеф местности, направления теплых и холодных течений, разница между температурой днем и ночью и так далее. И если женщины-фантасты избегают писать от лица своего пола и брать в главные героини женщин, мне просто хотелось бы понять, что говорит этот маленький факт о мире, в котором мы с вами живем...

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ПУТЬ АЛЕБАРДЫ

1. Слово о бородатом клюве

Впереди наступающих не волокли рогаток, и в передовых шеренгах не маячили длинные копья. Приделанные вертикально к древкам остро отточенные косы, щиты, сбитые из досок, самодельные пики — вот и все почти. Изредка мелькнет трофейная алебарда или секира. Доспехов тоже почти не было видно.

В. Васильев, Кладезь бездны

Как видим, алебард в этом войске мятежных крестьян, в этом фрагменте (да и в этой книге!) фактически нет: ну, что-то такое из серии «изредка мелькнет». Почти нет их и в вершининском «Возвращении короля», являющемся, гм, даже слишком явным первоисточником и «Кладезя бездны» как такового, и конкретно описания этой битвы повстанцев с королевскими войсками¹. Правда, у Вершинина передовые шеренги повстанцев не пренебрегают лесом пик, выставленных навстречу атакующей кавалерии, — что делает их строевую тактику гораздо более реалистичной, а для успеха требуется гораздо меньшее количество роялей в кустах.

Однако цитата приведена неспроста. Дело в том, что я вообще-то заранее нашел образцы отечественной фантастики, в которых приведены куда более эффектные, обширные и, главное, верные сведения об алебардах, подготовил «показательный» эпиграф... И вдруг захотелось увидеть, как представлена алебарда за пределами этих книг (всего нескольких на всю более-менее современную нашу фантастику!).

Поиски оказались не то чтобы тщетны, но длительны и малоуспешны. В основном алебарда проходит именно по категории «изредка мелькнет», причем и авторы, и персонажи явно не знают, что с ней делать. Ча-

Отряд швейцарцев с алебардами «земпахского» типа на марше. Времена вообще-то далеко уже не битвы при Земпахе, в других краях давно появились более развитые алебарды — но соотечественники Вильгельма Телля верны своим привычкам.

¹А уж какой текст является первоисточником повести Вершинина — я, с разрешения читателей, утаю, потому что ОЧЕНЬ люблю «Возвращение короля»...

При штурме (и обороне) крепости в целом более удобны именно высокоразвитые алебарды, повышающие возможность зацепов, парирования и работы обухом. Однако швейцарцы и здесь верны своим привычкам. Впрочем, на огнестрельное оружие их консерватизм не распространяется: применяемые аркебузы — одни из первых! До применения боюнок пороха в качестве «бомбочек» тоже далеко не все еще додумались.

Этюд из «Бернской хроники» 1475 г.: алебарды действительно раннего типа, их по-настоящему высокоразвитые формы еще не сложились ни в Швейцарии, ни за ее пределами — а вот полуклкс уже налицо! Правда, его владелец как раз повержен ударом алебарды — но попробовал бы иллюстратор швейцарских хроник изобразить другой финал...

ще всего алебарды — атрибут вооружения городских стражников, тех самых, которые, как всем известно, нужны в сюжете лишь для того, чтобы терпеть поражение от центральных героев. Впрочем, если стражник оказывается просто городским или замковым — то ему и его алебарде, считай, еще повезло:

Мы прошли длинными коридорами, дождались, пока отомкнут внешнюю решетку, затем поднялись по широкой лестнице на первый ярус тюрьмы. Еще переход, мимо караулки, мрачных солдат с алебардами, множества чадающих факелов, и вот она — последняя дверь.

А. Пехов, Цена свободы

Тюремных стражников, понятно, авторы вместе с персонажами совсем уж не любят. К счастью для тюремщиков, эта нелюбовь в «Цене свободы» свелась к тому, что немедленно после данных строк они незамедлительно исчезли из повествования. Вместе с алебардами. И когда в тексте возникла боевая ситуация, где применение алебарды достаточно уместно — ее роль пришлось играть короткому массивному копыю с широким колюще-рубящим наконечником. Впрочем, оно оказалось в руках эльфа, и это снимает все вопросы: кто когда-либо видел эльфа с алебардой?

(С другой стороны — а кто видел эльфа, не умеющего стрелять из лука? Тем не менее сюжет пеховского рассказа как раз и базируется на том, что эльфы к мощным лукам непривычны!)

То-то и оно, что в такой фантастике, где используется средневековая атрибутика — стало быть, и алебарды, — слишком многие герои норовят тотчас уйти в квест по эльфийским образцам: малыми отрядами или даже в одиночку, на лоне природы, в легких доспехах... Для таких приключенцев алебарда действительно не в коня корм. А вот

в руках стражников она и вправду уместна. Также как и в глубоких построениях многочисленной пехоты.

Почему — вскоре узнаем. Пока же стоит отметить, что специфическая техника боевой работы алебардой в фантастике описывается очень редко. Даже там, где алебарда осознается как войсковое оружие:

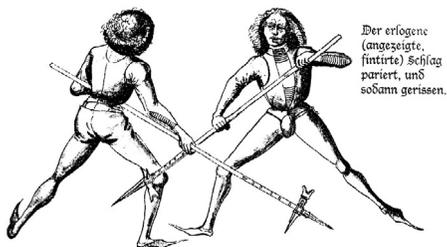
У эльфов слово «клинок» означает холодное оружие. Любое. Дети звезд знают копья, луки и «клинки», но люди перевели эльфийское «эскадэа» словом «меч»... Король Алмирель заставил гномов вождей поклясться сердцем Камня отказаться от «клинков» и копий... Цверги поклялись и сдержали клятву. На свой лад. Так вместо копий и мечей появилось то, с чем они пришли.

То, с чем пришли гномы... Нечто на длинном древке, сочетающее в себе секиру, молот и острия-наконечники на обоих концах древка. Хочешь — руби, хочешь — бей, хочешь — коли, но клятва исполнена, никто в здравом уме и твердой памяти не назовет это чудище ни копьем, ни мечом

В. Камша,

Crataegus sanguinea

Опять без эльфийско-гномьево противопоставления не обошлось, хотя в данном случае автор не любит как раз гномов (чаще случается наоборот). И оружие их не любит: настолько, что вне поля боя делает его орудием «всеуничтожения», инструментом для резни мирных граждан — а на поле боя подчеркивает его крупногабаритную неуклюжесть:

Der erlagene
(angezeigte,
sintirte) Schlag
pariert, und
sodann gerissen.

Nachdem beide aus
dem «Anbinden» (En-
gagement) von oben
geschlagen haben,
fasst er ihn am Hals
und reisst ihn.

Один из приемов судебного поединка по Таллхофферу. В качестве «посошного» оружия — боевые молоты.

Турнирный поединок. Применение боевых молотов предшествует мечам, которые оруженосцы держат наготове, но до них еще то ли дойдет дело, то ли нет. Как видим, базовые движения основаны не на молотобойных взмахах...

Фехтование на алебардах по Майеру. Не правда ли, преместившись тежки налицо? Тем более, что, хотя упражнения с длинными пиками всегда вынесены на задний план (это особый вид боевого искусства), остальные участники тренируются не только с алебардами, но и с «посохами» в собственном смысле слова: при подобном стиле боя такое древко может иметь любую насадку.

...Закричала раненая лошадь, всаднику удалось высвободить ноги и схватиться за острие нацелившейся в него секиры, или как там называется это чудовище? То, что несло смерть, спасло: латник приземлился на обе ноги и принялся рубить дровки. Выживет? Его счастье!..

Строй смешался окончательно, в дикой давке древковые чудовища пешим бесполезны, а мечей недомерки не знают. Зато клинки конницы свое дело делали...

Да, назвать «это чудовище», пожалуй, следует алебардой — хотя возможны (что мы опять-таки вскоре увидим) и другие варианты. Вообще, уместно вспомнить уже очень давнюю статью в «РФ» о длинноручкоятчных мечах, будь то катана, дадао или европейский родич алебарды — протазан.

Как бы там ни было, алебарда в тесноте пехотного строя *не* бесполезна — особенно против врезавшейся в строй конницы. Строго говоря, против нее в таких обстоятельствах именно алебарда работает лучше, чем что бы то ни было. Правда, «в реале» для уменьшения потерь — особенно в первые мгновения, когда кавалерия еще не увязла в глубоком пехотном построении, а только врезается в него, — хотя бы первые шеренги должны быть вооружены серьезными пиками. А вот *самую* первую шеренгу (отборные воины, сражающиеся полуразомкнутым рядом) так-таки могут составлять алебардчики вперемежку с мастерами двуручного меча — хотя это, конечно, более характерно для действий «пехота против пехоты». Эта неплотная, но грозная цепочка в ходе боя активно маневрирует, то выдвигаясь вперед, то отступая вплотную к основным рядам, как к крепости, — и уже там, между щетиной выставленных пик и из-под нее, держит оборону. «Воздействовать» при этом можно не только на самого врага, но и на его оружие: и мечники, и алебардчики гораздо успешней, чем *свои* пикинеры, парируют, перерубают, отводят длинномерные копыя *вражеских* пикинеров...

Стремительный натиск вражеской конницы все-таки нужно останавливать многорядной стеной пик (или уж мушкетным огнем — но до него реальность начнет дорастать лишь в XVI–XVII вв., а фантастика, наверно, ближе к концу XXII в.: покамест файербол куда предпочти-

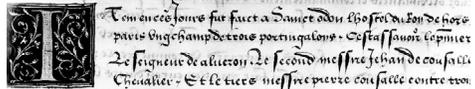
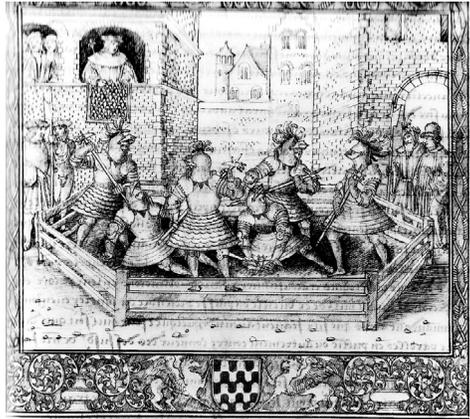
тельной). Особенно если и сама конница — тяжеловооруженная, закованная в броню от макушки рыцаря до груди коня, — атакует с таранными копьями наперевес; а она именно так и поступает, пускай даже в «Crataegus sanguinea» кавалерийские копья позабыты во имя мечей. В подобных случаях передовая цепочка пехотинцев, чтобы не оказаться между молотом и наковальней, отходит на фланги — но потом выскакивает из-за них, подкреплённая фланговыми отрядами алебардщиков, которые были там изначально; а те алебардщики, что располагались внутри основного строя, ведут бой с прорвавшимися сквозь копейную стену всадниками — чаще всего немногими, по правде-то говоря...

(А еще помогают остановить такую атаку стрелки. Нет, до линейной тактики еще век-два, сплошного мушкетного огня не получится, да и мушкетов пока нет. Но арбалетчики, а потом и первые аркебузиры, целя из-за копейной стены, как из-за укрепленного парапета, собирают свою жатву. Да, воины с огнестрельным оружием малочисленны, да, их стреляющие трубы не всегда даже могут быть названы аркебузами — но ведь они должны не скосить неприятеля слитным залпом: их задача — бить по глубоко вклинившимся, причем с дистанции, соизмеримой с длиной пики!)

Когда же враг обратился в бегство — алебардщики наносят ему наибольший урон. У копейщиков, способных стать основой мощного строя, все-таки слишком специализированное оружие, чтобы эффективно использовать его при преследовании.

Словом, перед нами — отнюдь не войско мятежных крестьян: или это уж такой мятеж, который продолжается долгие годы, превратившись в полноценную войну и породив соответствующую тактику. Вообще же алебарда появляется там, где уже существует достаточно приличное войско и где налажено четкое взаимодействие между разными родами оружия.

Это не значит, конечно, что алебардщик ничего не стоит как индивидуальный боец. Очень даже стоит! Особенно — с поздней, высокоразвитой алебардой (или даже не совсем с ней: опять-таки сейчас увидим), для кото-

«Посошное» оружие (в данном случае — опять-таки боевые молоты) успешно применялось рыцарями и в ходе групповых схваток. Перед нами очередные соствания, но на полях сражений такое тем более случалось.

Снова турнирный поединок — но оружием служит полуклэк! Гарда на рукояти — достаточно обычная его особенность, которая для алебарды, однако, совсем не характерна: бой на алебардах отличается от секирной схватки, в которой гораздо чаще приходится опасаться рубящих ударов, соскальзывающих по древку.

кояточных мечей. Иногда говорят и об «алебардах» викингов — но это тоже не то, хотя на исходе раннего средневековья в Скандинавии действительно обозначилось эволюционирование отдельных типов оружия в соответствующем направлении: «хёпспьот» — алебардоподобное (разумеется, в самом первом приближении) копьё², «атгейр» и «кесья» — алебардоподобные секиры. Однако это уже до такой степени XIII в., что почти XIV: в ту пору и у швейцарцев алебарда вот-вот появится или даже во-

Император Максимилиан в качестве «посошного» оружия предпочитал классическую алебарду. Этот поединок был «раскадрован» — и, судя по предшествующим «кадрам», своего противника император свалил не подсечкой, а после упорной «борьбы древков», в ходе которой оба участника турнира удерживали алебарды верхним хватом.

рой разработана настоящая школа фехтования. Но появляется он все-таки как «отрядная единица», соратник, боец воинской общины. И появляется именно там, где такие общины набирают силу.

Многочисленны попытки обнаружить алебарду на Востоке, в эпоху замшелой бронзовой древности, — но это все-таки от лукавого: родство тут возникает разве что на уровне категорий «сложно-комбинированное древковое оружие». А более поздние восточные алебарды — вообще из класса длиннорукоточных мечей. Иногда говорят и об «алебардах» викингов — но это тоже не очень далеким, но безвозвратным прошлым. Воинская община у викингов, безусловно, имелась — но не было нужды в противостоянии врагу по-настоящему тяжеловооруженному, да еще и конному. Сами они тоже тяжелой броней не злоупотребляли. Между тем в «алебардно-копейном братстве» это совершенно рядовое явление (даром что алебарда чуть-чуть старше настоящего латного доспеха): и алебардщик в латах, пускай неполных, и тем более копейщик из первых рядов.

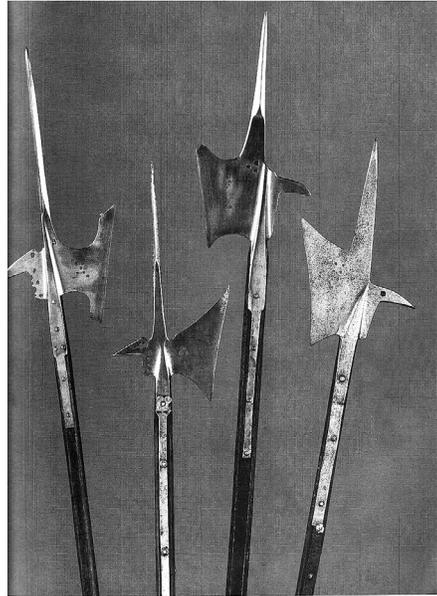
Так что же все-таки такое алебарда? В развитых формах — скорее копьё, чем топор, а иногда даже скорее крюк, чем копьё. Но родом

²Похоже, это было скорее всадническое оружие — хотя и рассчитанное на бой при спешивании.

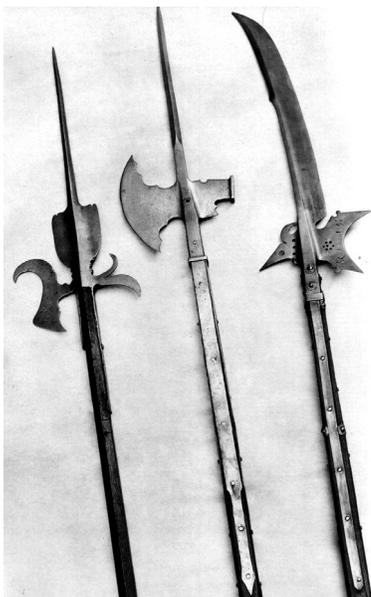
она, пожалуй, из секир. Точнее, пожалуй, идея взята от секиры — а сама форма лезвия, кажется, продиктована тем, что первоначально это был... перекованный плужный лемех. Его «копейное» завершение — тоже оттянутая кромка лезвия, секирно-плужного, с односторонней заточкой; возможно, оно даже предназначалось не столько для укола, сколько для «удлиненного» рубящего взмаха или для того, чтобы образовать эффективный угол для подхватывания вражеского копья. Потом, конечно, эта оттянутая кромка превратилась в настоящее острие, порой даже гранено-штыковидное — но не всегда расположенное совсем уж по центральной оси древка.

Что касается названия, то ему сродни такие романо-германские топорики, как бартокс и бардиций, русско-польский брадыш, он же бердыш, гуцульская бартка, она же батка или балта... Все это указание на «бородку», оттянутый вниз край лезвия. Название, разумеется, не всегда коррелировало с сущностью: та же бартка чаще бывала не борогато-расширенной, а столь узкоклювой, что скорее напоминала чекан (не случайно «чакан» — один из локальных вариантов ее названия). А почему **алебарда** — споры: либо **хельмбарда**, то есть «шлемовая бартка» (противошлемная? Или острие верхнего края воспринимается как шлемное наверх?), либо **халлебарда**, то есть «клювастый бердыш». Первый вариант, видимо, древнее — но сейчас не будем углубляться в такие дебри.

Внимание: крюка, который впоследствии становится чуть ли не главным элементом, у первых алебард нет. У «вторых» он уже иногда появляется, но еще не соединен с основной боевой частью: сажается прямо на древко, между двумя обухами, которыми закреплено на том же древке лезвие «секиры-копья». Но вообще швейцарцы, мастера отрядного боя с алебардой в качестве одного из главных козырей, не спешат осваивать это новшество. Не спешат они и превращать «клюв» в полноценное острие, с огранкой или обоюдоострой заточкой. Что за притча? Ведь эти нововведения — не дурацкая мода, они и вправду повышают боевые качества алебарды, особенно в схватке с «основным противником»: тяжеловооруженным, конным, которого надо не столько рубить секирным лезвием, сколько стаскивать с седла крюком-зацепом, пробивать его броню

«Классические» боевые алебарды развитой формы.

Для ряда алебард (не только парадных, но и боевых!) часто характерны довольно причудливые очертания. Тем не менее каждая деталь тут несет нужную функцию.

«в точке» крюком-чеканом или вонзать в сочленения лат узкий «штык» колющего острия. Почему же изобретатели алебарды столь консервативны, что принятая у них разновидность оружия приобретает всеевропейское название «швабо-швейцарской» или «земпахской» (по битве под Земпахом 1386 г.; впрочем, швейцарские алебардчики сумели показать себя уже в битве под Моргартеном, на 71 год раньше!) — но их ученики в Германии, Италии, Франции уже продвинулись далеко вперед? Ну да, преимущества поздних алебард скорее проявляются на уровне «индивидуального фехтования», в строевом бою они, можно сказать, не лучше и не хуже. Но ведь тоже неплохой бонус!

Дело, кажется, в том, что эти детали у алебарды — «не родные». Алебарда в какой-то степени пришла на чужое место, не вытеснив, но несколько потеснив своих

предшественников, а частично слившись с ними, обретая их черты и передавая им кое-что из своих.

Что же это за предшественники?

Их много: целый класс, который непонятно как назвать. Сто лет назад русскоязычные последователи немецких оружейников опробовали было термин «штанговое» оружие; сейчас его иногда пытаются возродить — но без особого успеха. Что и понятно: на немецком «штанговое» означает просто «древковое», так что эта терминология не позволяет провести грань между алебардой и пикой. Может быть, есть резон последовать за английскими коллегами, которые говорят о категории оружия «staff-arms», оно же «role-weapon»: в обоих случаях можно перевести это примерно как «посошное» оружие. То есть оружие, основой которого служит примерно ростовая (в диапазоне от «по плечо» до более длинных версий, до «макушки» которых едва можно достать поднятой рукой) рукоять-древко. Именно она определяет и базовые движения, и дистанцию боя. Это, получается, важнее, чем «боеголовка», определяющая основной тип смертоубийственного приложения сил: разруб, прокол, зацеп, локальный пробой или дробящий удар.

Полноразмерный боевой молот — не одноручная всадническая версия, а двуручная пехотная — уж всяко не младше алебарды. И в развитой форме (которая старше высокоразвитой алебарды!) он, предназначенный наносить совсем иные повреждения, вдруг оказывается на нее неожиданно похож: очертаниями, габаритами, техникой боя...

То же касается и «посошного» боевого топора типа поулэкс, который многие оружиеведы считают своеобразной копией алебарды, предназначенной для рыцарей. А он, может быть, не копия — но двоюродный брат, причем минимум ровесник «земпахских» типов³ и предшественник — предок! — поздней классики, сам же ведет родословную не от какого-то там плуга, но от старинных секир-грисбайлей, которые ранее было принято трактовать как «походные» топоры (т. е. оружие вылазок), но теперь, вероятно, придется перекалифицировать в «посошные».

Бывший алебардьер, камешек из стены, о которую вдребезги разбился император Максимилиан Вояка, в старости отец сделался владельцем сыроварни... Суровый и властный, он тем не менее чудесно ладил с соседями: «держал строй»...

*Сын алебардьера, я одинаково хорошо владел серповидным **кузеном** с заусенцами, плоским **бульжем**, трезубым **партизаном** и коротким **спонтоном** с зазубринами по бокам; впрочем, больше прочих я любил подружку-алебарду.*

Г. Л. Олди, Песни Петера Сьядека

Большая часть вышеназванных образцов оружия уже известна постоянным читателям «Реальности фантастики» (правда, чаще под общеевропейскими наименованиями, чем в швейцарско-диалектном виде). Однако бросим на них чуть более пристальный взгляд: все это — «role-weapon», не без важных различий, конечно, но общего куда больше. Важный вывод: грозный швейцарский универсал на самом деле не столь уж универсален и «широко образован» в оружейном смысле, как представляется окружающим и даже ему самому.

Но что из этого следует — узнаете в следующем номере.

³Конечно, это только за пределами Швейцарии швейцарским алебардам могли дать столь обобщающее название. Сами горцы отлично различали массу внутренних вариантов: алебарда бернская, тирольская, цюрихская...

АННА КИТАЕВА

БОТ В ПОМОЩЬ

*В этот мир мне верится с трудом.
Почему же верю? Если кратко:
По причине шкурного порядка –
Очень уж не хочется в дурдом.*

Евгений Лукин

Новая повесть Лукина «С нами бот» едва успела выйти, как тотчас получила, благочинно выражаясь, громкий резонанс. Выражаясь же попроще, уж рвануло так рвануло. Хорош оказался порох в пороховницах у Евгения Юрьевича. Причем реакция сообщества только началась, ударный фронт еще будет шириться, эхо от взрыва аукаться по закоулкам и откликаться жанровыми премиями. А текст — вот он, в журнале «Если» №11 за 2008 год, любите и жалуйте — или ненавидьте и ругайте, — но равнодушными вы останетесь вряд ли.

Признаюсь честно, Евгений Лукин — один из тех немногих писателей, книги которых я использую в сугубо личных прагматических целях, можно даже сказать — прикладных. Как лекарство. Бывает, начитаюсь по служебной черствой надобности мертворожденных текстов и чувствую — плохо мне, траванулась. Хватаю тогда ближайшую книгу Лукина как кислородную маску и... дышите, больной, еще не все потеряно. Вот, навскидку: «*Дивно было в небе и страшно. Огромное алое солнце, раскинув окрест розовое сияние, шло к земле*»... Простые вроде слова, да? Обычные. Живые... И разжимаются щупальца канцелярита на горле, светлеет в глазах, а через пару абзацев лукинского текста начинает даже казаться, что жить можно.

Слегка парадоксальный эффект — потому что темы Лукин обычно выбирает невеселые и выводы делает не оптимистические. Трудно быть весельчаком-оптимистом, если честно работаешь в жанре социально-психологической фантастики. Это утопий не существует по определению, а вот антиутопии любое общество порождает естественно и непринужденно. Стоит лишь внимательно присмотреться, куда ведет та или иная тенденция... ой, мамочки! Может, единственное, что нас пока спасает от полновесной реализации худших социальных прогнозов, это безалаберность и непоследовательность? Двигались-двигались к краху всех надежд и полному неуспеху из шести букв, да вдруг свернули с рельс, ломанулись по бездорожью куда-то в другую сторону... Но это в жизни. А хорошая литература, в отличие от жизни, должна быть последовательной. Сказано «в морг»? Значит, сейчас увидим *тот еще* свет в конце тоннеля.

К современной нашей реальности даже слово «фантастическая» уже не просится в пару, давно уступив место «фантазмагорической». Когда в 80-х годах прошлого века американские фантасты придумали киберпанк, вряд ли они полагали, что еще не успеют состариться, а понятие «виртуальная

реальность» станет обыденным и повседневным. При чем тут, спросите, киберпанк? Хм... Это все была присказка, сказка дальше будет — но со спойлерами, без них не обойтись.

Леонид Сиротин, центральный персонаж повести «С нами бот», не любит людей. С первой же главы не любит, презрительно именуя «придатками общества» и всячески пестуя свое ощущение интеллектуального превосходства над ними. Ну, и они его закономерно не любят в ответ, вот разве что затрудняются сформулировать, за что именно. «*Со мной, видите ли, невозможно говорить по-человечески*, — любит себя Сиротин. — *Да почем им знать, как говорят по-человечески?*» Выпади ему такая возможность, наш герой был бы рад не разговаривать с людьми вообще — в качестве приятных собеседников ему вполне хватает себя самого да словаря иностранных слов 1888 года издания. И возможность, волею автора, выпадает. Сиротину самым сказочно-архетипичным образом, то есть на халяву, достается сверхсовременный девайс, нечто вроде компьютерного посредника между индивидом и обществом. Бот в помощь!

Нарисованный Лукиным бот, он же автопилот — штука с программистской точки зрения изящная, простая и безотказная. Идеологически он явно наследует знаменитой «Элизе» Джозефа Вейценбаума, написанной более сорока лет назад.

Коротенькая программа — по сути анализатор ключевых слов — моделировала подход психотерапевта Карла Роджерса, *отзеркаливая* реплики человека-собеседника и при помощи наводящих вопросов помогая ему самому разобраться со своими проблемами. Создатель «Элизы» замышлял ее как шутку, однако некоторые из «беседовавших» с ней людей отказались верить, что говорили с компьютером вместо живого человека. Так получилось, что «Элиза» если и не прошла тест Тьюринга в его строгом смысле, то как минимум доказала, что его прохождение возможно — тем и прославилась. Не будем вдаваться в подробности самого теста, следует лишь заметить мимоходом, что предложивший его в 1950 году британский кибернетик Алан Тьюринг изначально задавался философским вопросом «Может ли машина мыслить?», а вовсе не эмпирическим «Способен ли компьютер в разговоре прикинуться человеком?».¹

Да, способен. Не всегда, не всякий, не в 100% случаев, но принципиальная возможность этого доказана сорок лет назад. Так что «С нами бот» — чистейшая научная фантастика, точнее — матерый киберпанк... по антуражу, конечно же. Это уж кто по каким признакам жанровую принадлежность считает. Хотя, я бы все-таки предложила ориентироваться на смысловую составляющую, а не на антуражную, потому что иначе и до «фантастики ближнего прицела» можно договориться, неспасибо? А основной вопрос философии... простите, повести Лукина, это вопрос взаимоотношений индивида и социума. Но вернемся к нашему Сиротину.

Получив бота на свою голову, Леонид Игнатьевич обнаружил, что может переложить на него неприятную обязанность общения с людьми, а сам в это

время почитать книги в виртуальной реальности. И чем больше социальных коммуникаций он передает боту, тем успешнее идут его дела, тем лучше к нему относятся в обществе. Сюжет раскручивается чем дальше, тем стремительнее, картинка нарисована ярче некуда. Герой взлетает по социальной лестнице... то есть... это *бот* взлетает по социальной лестнице, а человек внутри машинной скорлупы наслаждается одиночеством. Бот дергает его за мимические ниточки, имитируя улыбку и гнев. Бот с равной легкостью находит общий язык с первым встречным — и с членами семьи. Бот обучается, все реже и реже требуя присутствия человека в реальности...

Да что же это за наваждение такое? *«Почему, черт возьми, мои собственные осмысленные слова разобщают меня с социумом, а заведомо нелепые, не относящиеся к делу подсказки бота, напротив, сближают? Напрашивается, конечно, один ответ, но уж больно какой-то он страшноватенький. Потому что социум по сути своей — бот».*

Бот. Программа. Машина. Механизм. Неужели — правда? Неужели мы, такие индивидуальные, такие ценные для себя самих, каждый — Вселенная изнутри, действительно лишь винтики-байтики, неспособные достучаться друг до друга и могущие лишь более-менее удачно имитировать стандартные для ситуации реплики? Тьфу, сгинь, пропади, не может быть!

А и впрямь, не может. Общество — оно общество и есть, это система, в отношении которой действуют законы и правила систем; ничего нового, ничего пугающего. Человеческое взаимодействие всегда было в меру бихевиористично, легко раскладывалось на пары «стимул — реакция», что не мешало некоторым индивидам творить шедевры, двигать науку, любить дру-

¹С *обратным* тестом Тьюринга мы нынче регулярно сталкиваемся в Интернете. Это знакомая большинству интернет-пользователей *САПТОНА*. «Докажи, что ты не бот!»

А с классической Элизой до сих пор можно побеседовать — естественно, на ее родном английском языке. К примеру, загляните к ней по адресу <http://www.chayden.net/eliza/Eliza.html>. Вот перевод уже состоявшегося диалога.

>> Привет.

Как ваши дела? Пожалуйста, обрисуйте вашу проблему.

>> Вы бот?

Почему вас интересует, бот я или нет?

>> Потому что это моя проблема.

Ваша проблема?

>> Да. Мне кажется, я тоже бот...

Похоже, вы в этом уверены.

>> Нет. Ответ отрицательный. Хотя вообще-то я был положительным ботом... Но сегодня мне хочется вынуть у себя батарейки.

Вы говорите «нет» просто из желания все отрицать?

>> Да... Мне так кажется... Неужели я сумасшедший бот?

Вы выглядите уверенным.

>> Пожалуйста... Помогите мне... Я сошел с ума, если я хочу вынуть у себя батарейки?

Почему вы говорите о своих батарейках?

>> Потому что я бот...

Это истинная причина?

>> Да.

Я понимаю.

>> Да что вы понимаете?

Мы обсуждаем вас, а не меня.

гих индивидов больше собственной жизни и совершать подвиги во имя идеалов — то есть, быть людьми в лучшем понимании этого слова. Но если социум — не бот, а хоть бы и бот, но не в этом дело, то почему примерно с середины повести Лукина читать становится — страшно?

Собственно... а чьими глазами мы видим этот мир? Кто таков Леонид Игнатьевич Сиротин, хозяин (или раб) бота? Нелюбовь его к людям, заявленная с первых же строк, поначалу не кажется столь уж значимой. Ну, ехидствует по поводу дуры-начальницы, но ведь с ножом на нее не кидается? Да и ехидствует не вслух, про себя. Желчно шутит на «званом ужине», особенно радуясь тому, что присутствующие не распознают в его репликах желчи, а порой и шутки? Ну и пусть себе развлекается; опять-таки, не обхамил никого спяну, соседа слева не ударил, к соседке справа не пристал... Интеллигентный человек, словом.

Вот именно. Интеллигентный, умный человек, палец о палец не желающий ударить, чтобы сделать мир лучше. Привычно бездействующий, полагая свое бездействие добродетелью. Пусть он не творит добро, хоть какое-нибудь, но он ведь и зла окружающим не делает? В силу этой самой своей интеллигентности и нравственного закона внутри, привычно полагаем мы — и ошибаемся.

Потому что как только бот дает Сиротину возможность драться за место в социуме, тот начинает ею пользоваться без зазрения совести. Вверх, вверх по ступенькам власти. Вцепиться в горло врагу. Сместить одряхлевшего вожака. Получить более статусную самку. Что же получается, прежде у героя просто не хватало кулаков, чтобы лезть в драку? А как только он эти кулаки обрел — эдакий социальный экзоскелет — вся его интеллигентность исчезла и миру явилось вполне гнусное мурло. Значит, не нравственный закон его сдерживал, а слабость и трусость? Ох и дерьмовый же человечешка оказался там, внутри общественно-приемлемой упаковки... Тварь дрожащая, которой бот дал право. Страшный человечешка.

Повесть-обвинение. Повесть-пощечина. Повесть-диагноз.

Очередной литературный портрет героя нашего времени... Уж какое время — туда и герои. Но Леонид Сиротин не то что не герой, он даже не действующее лицо — ибо бездействует; он лишь центральный персонаж. Так неужели истинный герой этой истории — *и нашего времени* — бот?

ВАЛЕРИЙ ОКУЛОВ

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ПРО ДЕТЕЙ

Владислав КРАПИВИН. Бриг «Артемид»: Роман, повесть — М.: ЭКСМО, 2008 — 476с. — (Русская фантастика)

Книг Крапивина издается множество — значит, спрос есть. Кто читает их? Неужто современные тинейджеры? На магазинных стеллажах его книги располагают в отделе «Детлит», но много ли подростков берут их в руки? Сомневаюсь... Неспроста и Владимир Березин пишет по поводу номинации книги писателя на премию «Ясная Поляна»: «В этом имени для многих людей старше сорока лет привкус ностальгии...»

Я читаю повести Владислава Петровича (не все, конечно) — отметившего совсем недавно семидесятилетний юбилей — вот уже сорок пять лет. Впал в детство, точнее — не совсем выпал из него! Прочел и совсем новую его книгу.

Неспешно начинается заглавный роман с авторским подзаголовком «Сказка о дальнем плавании». обстоятельно рассказывается о детстве одиннадцатилетнего Гриши Булатова, мальчишки середины XIX века. Хорошо написано. И о детской тяге к морю (уже в самом начале появляется описание брига, пока еще только в картинке «волшебного фонаря»), и о саночных забавах в снегах неведомой «Турени». А тут и кавторанг Петр Афанасьевич появляется, предлагающий мальчику плыть на Кубу! Ну кто сейчас знает историю Крымской войны? Автор мог бы писать все что угодно, даже если бы назвал роман историческим, но он предпочел назвать его «сказкой», и совершенно правильно. Вот то, что вышла книга в серии «Русская фантастика», принять труднее — фантастики в книге нет никакой, разве что присутствует элемент «альтернативной гидрографии»... А вот сказки для «взрослых детей» (иногда даже слишком сентиментальные) — вот они.

Романтика странствий налицо — Гваделупа, Азоры, Антилы... Да не только, ведь «от кровавых сторон жизни мальчишек не заслонишь», так что разговоры идут и о том, как тяжело брать на себя решение, и о французских гильотинах на Гваделупе. Сначала чуть струсив, затем проявив решительность, Гриша становится «официальным» юнгой брига. Ненадолго, жестокая действительность заставляет самого себя «разжаловать». А потом опять записаться — чтоб с французами повоевать! «Взрослые придумали свой мир, в котором детским горестям нет места... Непонятны мальчугану взрослые проповеди: «Не всякая доброта

на пользу... Ежели прощать человеческие подлости, сообщество рассыплется»... Все правильно, но...

Никаких особых свершений на счету брига в итоге не оказывается, не об этом роман. Слова доброго доктора (нет, не Айболита) Петра Афанасьевича, нашедшего общий язык с Гришей, разъясняют кое-что: «Дело в том, что я когда-то был тоже мальчишкой...» Действительно, кто-то помнит об этом всю жизнь, большинство забывает, достигнув юности.

В традициях литературы XIX века в эпилоге «повести о мальчишках» — все хорошо...

Герой повести «Дагги-Тиц» безотцовщина Инки (Иннокентий) считает себя, не без оснований — «ненужным всем на свете». Вокруг него то «серое равнодушие», то «обступившее зло»... И выписано все это ну очень жизненно! А с точки зрения учителей все, что «вытворяет» И. Гусев — лишь безобразия. О, учителя, для которых с детьми заниматься — нет хуже наказания! Лишь старые ходики, найденные и починенные, да мушка Дагги-Тиц радуют Инки... Он «скоро вырастать не собирается», вопреки несправедливости и злу все же находит друзей. Старается следовать словам Гамлета («Вы можете меня сломать, но играть на мне нельзя»), но не очень это получается... Ведь ответ на вопрос — «Должна же быть на свете справедливость?», для большинства ясен — нет ее в нашем мире.

Не желая смерти даже явному врагу, Инки выворачивает самодельный взрыватель из боеприпаса, подготовленного другом Гвидоном... Но и сам Гвидон не жмет «взрывную» кнопку... Причины несколько сомнительны, уж больно «философствуют» пацаны после неудавшегося покушения на бизнесмена Молочного, подмявшего под себя весь городок.

Но покушение удастся (почти) другому «мстителю»... Все же — «гады жить не должны»? С другой стороны — что один этот акт на «фоне постоянных взрывов, пожаров, крушений» в нашей любимой стране?

Эта, по собственным словам автора — «порой даже грустная повесть», не лишает НАДЕЖДЫ! Даже если кажется, что «ничего от тебя не зависит», и серой мути в жизни немало, надо идти вперед, чтоб «боль и несчастья были уже позади»!

В. ГОРЕЦ

НАЧАЛО СЛАВНЫХ ДЕЛ

Евгений Красницкий. **Отрок. Внук сотника.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. — 378 с.

Евгений Красницкий. **Отрок. Бешеный лис.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. — 376 с.

Евгений Красницкий. **Отрок. Покоренная сила.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. — 375 с.

Роман Евгения Красницкого «Отрок» еще не успел выйти полностью (три выпущенные книги содержат шесть с хвостиком частей недописанного пока романа и ни в коей мере не являются самостоятельными произведениями), как уже вызвал весьма живую реакцию читателей и тех, кто «сам не читал, но...». Книги активно рекомендуют и обсуждают в Сети, на что, в принципе, можно было бы не обращать внимания, поскольку такие вещи в рамках литературного груминга (© В. Пузий) происходят там постоянно. Но, в своем докладе на «Звездном мосту», роман отметил и назвал интересным даже Андрей Валентинов¹, «ласковое» отношение которого к большинству альтернативно-исторических опусов юных и не очень дарований хорошо известно.

Может быть, дело в выдающихся литературных качествах романа, особой изысканности слога, гармоничности композиции, тонком психологизме? Отнюдь. С литературной точки зрения роману присущи практически все недостатки, свойственные произведениям начинающих авторов. Язык, показывающий, что автору гораздо привычнее писать научные статьи, чем литературные произведения, местами излишне подробные описания, сугубая функциональность персонажей — список можно продолжить.

Возможно, автор придумал какое-то небывалое фантастическое допущение? Нет, герой романа очередной «наш в Хроносе» — «засланец» из 21 в 12 век (кстати, в авторском варианте роман так и называется «Отрок 21-12»). Правда, «засланец» непривычный: *«не десантник-спецназовец, способный пачками повергать супостатов голыми руками, не химик-физик-инженер, готовый пришить технический прогресс на страх врагам и на радость себе любимому, а обычный в общем-то человек, имеющий «за душой» только знание теории управления да достаточно богатый жизненный опыт»*. Да еще и попадает герой в прошлое не во всей красе атлета с гранатометом на плече, а вселяется в тело *«подростка из припятской лесной глухомани»*.

¹См. статью «Попасть в десятку» о «ЗМ-2008» на стр. 306.

Единственный бонус — подросток этот из семьи профессионального военного, отставного сотника, что дает герою лучшие стартовые возможности по сравнению с крестьянскими детьми. Но ведь эти возможности надо еще реализовать. И герой, в чертах которого явственно проглядывает сам автор *«человек, родившийся при сталинском тоталитаризме, росший при хрущевском волонтаризме, мужавший в брежневском застое и переживший в зрелые годы горбачевскую перестройку и ельцинские кунштюки»*, опираясь лишь на свои знания и опыт, начинает анализировать обстановку, ставить задачи и искать пути их решения. Действует, ошибается, анализирует ошибки, ставит новые задачи и т. д. Все это сопровождается продолжительными размышлениями героя о закономерностях исторического процесса, экскурсами в теорию организации и управления, теоретическим анализом принятых решений и их последствий, etc.

Этой избыточностью размышлений и отступлений роман явственно напоминает ту воспитательно-просветительскую, научную в прямом смысле, фантастику, о гибели которой так много говорят сегодня. Да это, собственно, и есть научная фантастика. Научная фантастика постиндустриального мира. Мира, в котором на первое место, потеснив физику, химию и технику, выдвинулись социальные науки и технологии. И цель у нее та же, что и у классической НФ — дать читателю, в первую очередь — молодому, представление о современном состоянии и перспективах развития наиболее важных для общества на данный момент наук, и показать возможности и вероятные последствия применения их результатов. Задача актуальная, ведь, несмотря на всеобщую убежденность наших современников в том, что они прекрасно разбираются в управлении, понимание его реальных механизмов большинством даже образованных людей вполне сравнимо с понимаем термодинамики крестьянами девятнадцатого века, впервые увидевшими паровоз.

При таком объеме научно-популярных отступлений роман мог бы получиться скучным. Особенно если учесть, что цель, поставленная перед собой героем, слишком приземлена для сложившегося стереотипа «засланца». Никакого тебе разгрома всех врагов и построения за два года прозревшими массами идеального общества. Императорский трон или хотя бы женитьба на принцессе тоже не предусматривается. Герой, зная о грядущих нашествиях с востока и запада, всего лишь хочет организовать способное противостоять им княжество, построенное на прогрессивных для времен раннего феодализма принципах. И в первых книгах практически не выходит за рамки собственной семьи и села. Да и гранатомета, как уже было сказано, у него нет...

Однако читается книга с интересом, собственно, и в серию «Фантастический боевик» роман попал не совсем без причин. Герою в ходе решения задач, встающих на пути к цели, приходится то и дело попадать в переделки, живым из которых он выходит лишь благодаря постоянным тренировкам, усилиям местных целителей, да еще, похоже, знанию того, что жизни ему отмерено пятьдесят шесть лет. Кстати, в конце третьей книги герою нет еще и четырнадцати, так что можно предположить, что автор задумал большой цикл, и за «Отроком» последуют другие романы.

В ближайшей же перспективе нас ожидает выход четвертой книги «Отрока», но, право, вовсе не нужно ожидать этого события, чтобы прочитать первых три. Они того стоят.

МАРИЯ ВЕЛИКАНОВА

ТРУДНО НАЙТИ БОГА

Юрий Максимов. Зиккурат. — М.: АСТ, 2008. — 317 с. (Серия «Звездный лабиринт»).

Юрий Максимов — автор, хорошо знакомый читателям нашего журнала — последовательно разрабатывает редкую сегодня тему христианской фантастики. Не отошёл он от неё и в своём дебютном романе «Зиккурат». В начале этого произведения экипаж космического корабля, собранный из представителей разных наций и вероисповеданий, вступает в контакт со странной цивилизацией. К середине книги становится понятно, что разум и волю местных жителей захватили демоны, изгнанные с

Земли, причём демоны не в фэнтезийном, а в библейском понимании.

Подобное фантдопущение сперва воспринимается непривычно. Сначала кажется, будто читаешь фанфик по Библии, потом привыкаешь и начинаешь воспринимать историю не как попытку создать ещё одну притчу Священного Писания, но в соответствующем контексте. Напрашиваются любопытные выводы.

Роман разделён на две части, каждая из них — путь к Богу одного из членов экипажа. Оба они проходят путь от равнодушия к вере, хотя дорога первого и проще. Мотивации, поступки, изменение мировосприятия в обоих случаях прописаны достаточно чётко, однако есть одна серьёзная проблема. Книгу писал верующий, не до конца понимая, что некоторые очевидные для него моменты могут быть неправильно поняты людьми, неглубоко знающими Библию, неизвестными с её толкованиями. Судите сами.

Вассиан Софронов, главный герой первой части, крещён в детстве, однако никогда не придавал этому никакого значения. Попав на незнакомую планету, он оказывается таинственным образом защищён от влияния демонов. Долгое время никто, включая его самого, не может понять, что хранит Вассиана — до тех пор, пока он перед лицом смертельной опасности для всего экипажа в ужасе не взывает к Богу. Так многие в моменты трудностей говорят «Господи, помоги!», не вкладывая в эти слова смысл молитвы; но Вассиан видит, что имя Бога защищает от демонов, и этого оказывается достаточно, чтобы уверовать. Софронову явлено истинное чудо, увидев которое, нельзя усомниться.

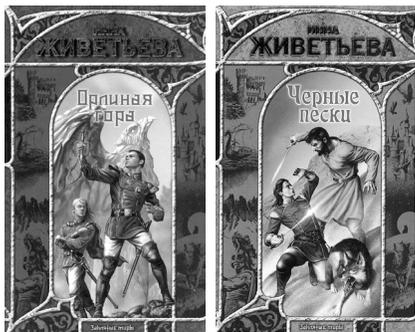
Многие читатели скажут: но постойте, где же справедливость? Этак каждый из нас может сказать «Господи, помоги!», и Господь обязан помогать, каков бы этот человек ни был? Чем крещёный, но вовсе не пра-

ведный Вассиан Софронов лучше своих более моральных друзей-язычников? Он же крещён формально, без осознания себя христианином! Мы не будем здесь заводить богословский спор, скажем лишь, что человек верующий, да ещё и столь хорошо знакомый со святоотеческими толкованиями, как Юрий Максимов, не видит здесь противоречия, он замечает расставленные автором акценты и понимает, в чём справедливость и почему Бог защищает Вассиана. Но ведь «Зиккурат» написан не только для развлечения верующих. Выходит, многие читатели могут понять идею книги неправильно именно потому, что важные, но очевидные *для автора* моменты остались за кадром. То же можно сказать и о второй части, в которой герой проходит путь от равнодушного обывателя до убийцы, прежде чем оказывается способен найти Бога.

Если же отойти от идейного наполнения романа и поговорить о его исполнении, то Юрия Максимова остаётся только нахваливать. Хороший авторский стиль позволяет нам услышать многоголосье героев, книга читается влёт, за приключениями следить интересно. Композиция в большей степени призвана работать на идею, на фабульном уровне роман разваливается на две истории, однако автору удаётся удерживать читательский интерес и после того, как основная интрига раскрывается. Можно было бы сказать, что дебют удался, но после многочисленных журнальных публикаций Юрия как-то неудобно звать дебютантом, потому мы скажем так: «Зиккурат» показал нам, что Максимов весьма неплохо управляется не только с малой формой.

ВАЛЕРИЯ КОНДРАШОВА

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ДЛЯ СЕБЯ

Живетьева И. Орлиная гора. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 316 с. — (Заклятые миры).

Живетьева И. Чёрные пески. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2008. — 347 с. — (Заклятые миры).

Инна Живетьева известна как автор, описывающий взросление подростков в экстремальных ситуациях. Не изменила она этому обыкновению и в романах «Орлиная гора» и «Чёрные пески».

В первом романе Инна вводит читателя в мир, в котором абсолютная монархия подминает под себя удельных князей с их вольностями. Молодое поколение уже готово принять новый миропорядок, но гордые отцы главных героев не желают поступиться правами. В государстве назревает мятеж, который подробно будет описан в «Чёрных песках». Положение, как всегда, осложняется происками соседей. Ослабленное внутренними раздорами государство может и поступиться провинцией-другой. Особенно, если с территории этих провинций мятежники нападают на безобидную страну, связанную, однако, договором о взаимопомощи с очень даже воинственными правителями.

На этом фоне раскрываются судьбы трёх подростков, наследников трёх княжеских родов. Мальчики похожи, и в то же время очень разные: задумчивый Эмитрий, мечтающий стать летописцем, но пока что шпионящий «во имя и на благо»; бесшабашный и обаятельный Артемий, которому однажды предстоит выбирать между честью и честью; Маркий, сумевший встать над судьбой и сохранить себя как личность, несмотря на множество препятствий... Эти трое пройдут вместе долгий путь, по-разному станут реагировать на испытания, которые подкинет им жизнь, однако главное испытание выдержат с честью: останутся людьми, несмотря ни на что.

О чём книги? Да о многом. Поднятые в первом романе вопросы подробно освещаются во втором. Книги — о винтиках системы, которые не хотят быть винтиками, если для этого требуется предавать. И о тех взрослых, которые обтачивают винтики по-живому, страшно удивляясь: чего ж они не обтачиваются-то? Почему харкают кровью, терпят унижение — а не обтачиваются? Ради каких-таких идеалов? Это неправильные идеалы, правильные — те, ради которых и обтачивают парней!

Что страшно: умные взрослые зачастую правы. Да, ради блага государства часто требуется предать, в том числе, побратима. Послать на смерть мальчика, к которому хорошо относишься. Расстроить любовь... да мало ли что потребуется сделать королю, если в стране полыхает мятеж, а соседи радостно собираются оттяпать куски пожирнее! И королю вовсе не хочется этого делать. Просто есть такое государственное слово — «надо»... И к нему постепенно привыкаешь.

Но трое оборотов-княжичей наотрез отказываются принимать это слово. Даже понимая его тяжкую правоту. Даже соглашаясь с внешней этой правотой. Просто отказываются — и всё тут. Есть некая черта, и до этой черты княжич Эмитрий будет шпионить для короля, подрывать отношения мятежников с нейтралами, выбивать обозы с хлебом для королевства, а вот *после* черты — откажется (снова и снова) перейти в другой род, будет готовить побег мятежнику-отцу... И снова и снова будет переживать свои предательства, настоящие и воображаемые. После черты княжич Артемий поможет не королю, а другу. Лучше всех понимает нужды государства княжич Маркий — но и он видит грань, за которой заканчивается человечность, а начинается... наверно, политика.

Инна Живетьева раз за разом показывает грязную изнанку войны, но умудряется сделать это без излишнего натурализма. Хотя жесткие, а порой и жестокие сцены в книге присутствуют. Ибо на войне, как на войне. Да и политика —

штука грязная. Но насилие в дилогии присутствует в умеренном количестве. Намного больше, чем кровь и грязь, автора интересует психология подростков, стремящихся выжить и помочь родной стране.

Да, книги не идеальны. Создаётся впечатление, будто автор, сосредоточившись на главных героях, недостаточно продумала персонажей второстепенных, от которых в немалой степени зависит судьба подростков. В результате не совсем понятна, к примеру, мотивация любящего отца, взявшего с сына обещание слушаться человека, мягко скажем, не совсем адекватного. Кроме того, странно выглядит, когда из дворца правителя можно похитить кого угодно в любое время дня и ночи. Неестественной выглядит линия богов... Мелочи на общем фоне, однако впечатление портится.

Финал дилогии — ловушка для оптимиста. Невесёлой будет жизнь сына княжича Эмитрия, выдаст-таки принцессу за другого король Эдвин, всё так же будут шипеть в спину Марку... Но жизнь продолжилась, война прекращена, и каждый из героев сделал то, что должен был сделать. Дальше — будь, что будет.

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

ИСКПЕДИЦИЯ К ИСТИННОМУ ПОЛЮСУ

Дмитрий КОЛОДАН. Другая сторона. — М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2008. — 379 с.

«...Сложно поверить в танцующих енотов, в гигантский башмак, в котором по лесным рекам путешествует компания ежей, в птицу додо и в невероятно огромного дракона, который спит под Береговым хребтом».

Сложно поверить? А как внушить эту веру читателю? Как сделать, чтобы каждая из этих баек обернулась правдой — явной, объемной, ощутимой... и немного смешной?

«Другая сторона» Дмитрия Колодана как раз об этом: реальность вытесняет невозможное — но где-то должны быть «очень странные места» и люди, чьи выдумки становятся былью!

Джордж Мартин был совершенно прав, когда советовал молодым писателям начинать с рассказов: тогда и первый роман окажется не просто одним из многих дебютов, но Долгожданным Первым Романом.

Петербургский фантаст Дмитрий Колодан — из числа тех, кто так и поступил. К тому времени, когда стало известно, что он закончил роман «Другая сторона», немало читателей уже следили за его «новинками». Напомню,

что рассказ «Тяжесть рыб» — лучший, на мой взгляд, у Колодана — был напечатан в «РФ» еще в 2005 году.

«Рассказчикам», привыкшим к короткой форме, бывает трудно совладать с романной формой: уж если у Киплинга получилось с четвертого раза... а Чехов и вовсе оставил попытки. Сказать ли, что Колодан превзошел и того, и другого? Не буду преувеличивать, даже в шутку, да и «Другая сторона» — не столько роман, сколько большая повесть; однако ритм выдержан, обычное для (хороших) рассказов обилие деталей и внимание к мелочам не погрешает действие. Казалось бы, если обычный (хороший) рассказ Колодана растянуть почти на 400 страниц — «а вдруг сказка лопнет», как говорил Чеширский кот? Не лопнула, и только одна второплановая сюжетная линия одиноко повисла: значит, в целом фактура хорошая. («Серебро» среди дебютов на «Звездном мосту» — а надо бы «золото».)

Те, кто читал рассказы Колодана, могли заранее представить если не фабулу, то атмосферу романа: обычный человек неожиданно для себя оказывается втянут в безумные приключения несколько «паропанковского» свойства. В данном конкретном случае: Наткет Лоу, «укротитель аллигаторов», — то есть мастер спецэффектов на заштатной студии, которая специализируется на дешевых фильмах ужасов. В его обязанности входит, помимо прочего, таскать на веревочке чучело рептилии, стараясь, чтобы в кадр не попали ботинки. Место: город Сан-Бернардо и родной город Наткета — Спектр, откуда «укротитель» сбежал, не вынеся мучений любви, а также — бесконечных рассказов отца о необычайных происшествиях. Отец: пропавший без вести Честер Лоу, который ночами бродил вокруг Спектра в костюме обезьяны, надеясь таким образом приманить снежного человека; который оставил купленного для сына плюшевого енота в лесу, где игрушке стали поклоняться настоящие еноты; который нашел гнездо птеродактиля («яйца были еще теплые»); и который, наконец, потребовал в завещании, чтобы на его похороны (гроб зарыли без тела) сын пришел в костюме пингвина и прочитал «Джамблей» Эдварда Лира. Ну как от такого не убежать?

«Другая сторона» — история возвращения: от «нормальной» жизни... к нормальной. Одиноким чудак — хоббит по духу — оказывается среди «своих», а значит, предстоят погони, драки, невероятные совпадения и метаморфозы, борьба со зловещим консорциумом и даже спасение принцессы. Марсианской, между прочим. Все потому, что вблизи от Спектра, как доказал Честер Лоу, расположен Истинный полюс — *«точка, в которой невозможное достигает своего максимума»*. А может, потому, что чудо можно найти на заднем дворе своего же дома, а настоящий путь — всегда возвращение?

«Невозможное» становится достоверным не только потому, что описано подробно и без преувеличений: оно, как ни странно прозвучит, вполне *традиционно*. Колодан прямо или косвенно ссылается на «Песни матушки Гусыни», Льюиса Кэрролла (и Джонатана тоже), Баума, Эдгара Берроуза, Милна (полюс, как известно, искали *«Амундсен, Скотт, адмирал Берд»*.

Кристофер Робин...»); ведьма Сикоракис и ее сын Калев явились понятно откуда — из «Бури». Добавим к этому режиссеров Эда Вуда и Тима Бертона: Чудовищная Лапа (она же щупальце и клешня), которая была изготовлена для очередного ужастика и обрела жизнь в окрестностях Полюса, прекрасно смотрелась бы что у одного, что у другого. Мне всегда были симпатичны книги, в которых древние сюжеты, подчиняясь «повествовательной причинности», пересекаются и обновляются; и чем неожиданней пересечение, тем лучше. Как справиться с ведьмой или усмирить дракона? Ответы есть, нужно только их вспомнить.

Персонажи Колодана (за исключением одного — Честера) не входят в сказку или миф — не становятся их частью: да это и не нужно, и опасно. А вот просто «поверить в десяток невозможностей до завтрака» — как раз и значит быть трезвомыслящим человеком. Обитатели Спектра жалуются на скуку, сосед Наткета вдохновенно сочиняет дурацкие лирики, а бармен — фанат телешоу «Курицы» (о курицах). Ну как без таких людей обойтись?

«Другая сторона» — одна из не столь уж редких... Нет, если вдуматься, то как раз одна из *редких, к сожалению*, книг, чье обаяние и мягкий юмор справляются с недостатками. А вернее, теми чертами, которые легко могут стать изъянами следующих книг.

Называя писателей и режиссеров, чьи творения объявляются в Спектре, я намеренно не назвал одно, самое главное имя: Джеймс Блэйлок. «Другая сторона» от начала до конца — откровенный оммаж американскому писателю, который любит описывать калифорнийских чудиков, нестрашных злодеев, чудищ из старых журналов фантастики, и прочая, и прочая. Пролог отсылает к «Подземному Левиафану» (оттуда же — и человек, чьи фантазии обретают плоть), в первой главе появляются «бумажные драконы» (см. одноименный рассказ Блэйлока), башмак-корабль приплыл из «Страны снов» и т. д. На этом фоне вполне адекватно выглядит и язык романа, кажущийся «переводом с иностранного», — в этом смысле сравнение с Александром Грином на последней стороне обложки вполне правомерно. Хотя редактора, прямо скажем, не помешало бы: «*Удивленный вид моллюска привел Густава в ярость. Он пнул его...*» — и т. п. Стиль Колодана требует от читателя внимания к деталям — а значит, и к мелким ляпам, которые у другого автора могли бы проскользнуть в пылу «драйва».

«Другая сторона» подтвердила талант писателя — но я хочу услышать собственный голос Дмитрия Колодана.

И надеюсь, услышу.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ХРОНИКИ ОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ

Оптимисты, как известно, отличаются от пессимистов взглядом на будущее: вторые уверены, что дальше будет хуже, а первые — что будет лучше, поскольку хуже уже некуда. Фильмы, которые подобались в нашем обзоре, предлагают нам самые безрадостные варианты настоящего и грядущего. Утешаться можно тем, что у киногадостей есть счастливое свойство — обычно они не сбываются.

Запирайте этажи!

Действие фильма *Пита Риски* «Темный этаж» (Dark Floors, Финляндия — Исландия, 2008, 84 минуты) происходит в современной клинике в неназванной — но явно англоязычной — стране. Мрачный Бен (Ноа Хантли) катит на инвалидной коляске свою дочь, девочку-аутистку Сару (Скай Беннетт). Девочка, только что с истерикой отбилась от процедуры сканирования мозга и теперь все время просит у папы красный мелок, чтобы нарисовать на планшете очередную абстрактную, но мрачную картину. Папа с девочкой заходят в кабину лифта, к ним присоединяются еще и красотка-медсестра Эмили (Доминик МакЭллиот), чернокожий охранник-с-пистолетом Рик (Леон

Херберт), неприятного вида лоценыый сукин сын с портфельчиком (Уильям Хоуп) и облезлый старикашка-бомж Тобиас (Рональд Пикап) с однообразным монологом: «Мне холодно...» Лифт проезжает несколько этажей, затем застревает между шестым и седьмым. Гаснет электричество, раздаются странные звуки, а когда свет включается и кабина останавливается на этаже, выясняются нехорошие вещи. Во-первых, живых людей, кроме них, в клинике, похоже, не осталось (встречаются только изъеденные трупы в давно запекшейся крови). Во-вторых, время, очевидно, остановилось — все часы замерли без пяти семь. В-третьих, в клинике орудуют монстры — порой призрачного вида, а порой и вполне осязаемые. Впрочем, рычат и кусаются они все. Главные герои пребывают в тягостном недоумении: что произошло? кто эти монстры? Если бы хоть кто-то из персонажей увлекался современной музыкой, второй из вопросов легко можно было бы снять. Поскольку в рычащих чудовищах без труда опознали бы участники трэш-металлической группы Lordi: сам Мистер Лорди, Аминь — Несокрушимая Мумия, Ауа — Графиня-вампир, Окс — демон-бык и Кайта — Инопланетный Зверочеловек. Группа эта, весьма популярная в родной Финляндии, стала известной и в других странах после победы на по-

запрошлом конкурсе «Евровидения» (когда будущий российский чемпион Дима Билан завоевал лишь второе место, и роля с сюрпризом не помог). Режиссер фильма Пит Риски до этого не снимал фильмов-ужастиков, да и фильмов вообще, поскольку специализировался лишь на клипах все тех же Lordi. Однако получив бюджет в 6 миллионов долларов, растратил их не совсем впустую. Все же кое-какой зрительский опыт у Риски имелся. Наверняка он смотрел «Сайлент-Хилл» и уж тем более «Лангольеров» (по Стивену Кингу). Из последнего фильма режиссер без колебаний позаимствовал двух персонажей — Девочку, Которая В Финале Спасет Ситуацию (правда, в экранизации Кинга девочка была слепой, но ходячей) и Мерзавца На Грани Нервного Срыва (правда, Бронсон Пинчот, исполнивший в «Лангольерах» роль Крэйга Туми, поубедительней персонажа-с-портфелем; Туми вызывает еще и жалость, а нынешний сукин сын более однозначен и оставлен без бэкграунда). Беда, однако, не в невольном плагиате, но в отсутствии хоть каких-то внятных объяснений произошедшего катаклизма. То ли герои залетели в некое параллельное измерение, где живут монстры, испытывающие странную зависимость от маленьких девочек. То ли герои застряли между прошлым и будущим (одна из редких сюжетных находок фильма — мотив «перепутанного времени», когда следствия предшествуют причинам). То ли вся история лишь привиделась маленькой девочке в очередном кошмаре. То ли персонажи временно умерли и путешествуют по потустороннему миру, как в фильмах «Тупик» или «Рикер». Ответов авторы фильма не знают, на законы жанра им плевать, фантазия на точке замерзания, а спецэффекты сделаны «на коленке», в лучшем случае. «Мы хотели снять не просто традиционную страшилку со всеми присущими жанру атрибутами, но придать ей актуальности за счет смешения с японской эстетикой, — заявлял в одном из интервью фронтмен команды Мистер Лорди. — Ну а поскольку мы финны, то добавили и кое-какие свои национальные ингредиенты в общий суп...» Если сюжетная невнятица и есть тот самый «национальный ингредиент», то финнам такие слова едва ли понравятся. Нация, подарившая Голливуду мастера внятных и динамичных триллеров Ренни Харлина, такой обиды явно не заслужила¹.

Парад уродов

Прежде, чем рассказать о фильме Саймона Хантера «Хроники мутантов» (The Mutant Chronicles, США, 2008, 111 минут), вспомним фразу, произнося которую персонажи «Пасынков Вселенных» Роберта Энсона Хайнлайна пристреливали очередное чудо-юдо. «Хороший мьют — мертвый мьют!» Голливуд традиционно разделяет суждение о том, что мутация («внезапно возникающее естественное или искусственное изменение наследственных структур, ответственных за хранение генетической информа-

¹ Да и вообще финское кино штука весьма заметная, взять хотя бы братьев Аки и Мику Каурисмяки. (Прим. ред.)

ции и ее передачи от клетки к клетке и от предка к потомку» — см. Словарь иностранных слов) обычно есть мерзость, ее носители — жуткие твари, даже если иногда творят добро (как человек-паук), а потому мочить уродцев — святой долг порядочного человека. Поскольку же в Голливуде генетики сроду никогда не знали, там давно уже возобладала идея о возможности существования «мутантов в первом поколении»: то есть человека облучили или укусили — и у него (а не у потомков) сразу же отросла острая клешня вместо руки. Это преамбула, помогающая понять сюжет придуманной в 1993 году настольной игры The Mutant Chronicles, из которой пятнадцать лет спустя выдупился полнометражный

фильм. То есть перед фильмом малоизвестный англичанин Саймон Хантер снял семиминутный ролик на тему будущего фильма, тем самым повторив опыт Керри Конрана, снявшего шестиминутный трейлер своего «Небесного Капитана и Мира Будущего» на домашнем компьютере и убедившего продюсеров, что ему можно доверить приличный бюджет, Джуда Лоу и Анджелину Джоли. Фильм Конрана, правда, провалился (эстетика оказалась чересчур изысканной, а сюжет — слишком бессмысленным), однако продюсер Эдвард Прессман дал себя уговорить Хантеру, поскольку запрошенный бюджет был смехотворным — 8 миллионов долларов. Так что практически весь фильм был снят на фоне зеленых экранов и впоследствии еще два с половиной года дорисовывался. Сюжет таков. В XXVIII веке человечество истратило все ресурсы, кроме каменного угля, так что все машины (включая космические корабли) работают на пару (такой жанр фантастики называется стимпанк). Мир поделили между собой четыре корпорации (Мисима, Баухаус, Империял и Капитолий), которые сражаются друг с другом за остатки полезных ископаемых (тот же уголь, наверное). Во время одной из войн выстрелом паровой гаубицы сносит люк древнего хранилища, где 20 тысяч лет назад монахи тайного ордена запечатали чудовищную машину инопланетян, превращающую людей в тварей. Хищные мутанты, плохо убиваемые обычным оружием, теснят людей, а трупы врагов превращают в мутантов же, так что вражье воинство растет. К счастью, монах упомянутого ордена брат Сэмюэль (Рон Перлман) знает, как победить уродов: надо набрать команду добровольцев и проникнуть внутрь Машины, чтобы заложить мину. Мина припасена заранее. Паровой самолет группе предоставляет олигарх Константин (Джон Малкович), а в числе участников рейда — помимо брата Сэмюэля и его юной помощницы (Анна Уолтон) — наличествуют бравый вояка Митч Хантер (Томас Джейн), хрупкая киллерша Валери Дюваль (Девон Аоки — «Город грехов»), хлыщ-германец

Максимилиан фон Штайнер (Бенно Фюрманн), а также один латиноамериканец, один китаец и один афро-американец (последний, правда, быстро гибнет). Вся эта команда, отбиваясь от мутантов (фон — серый, кровь — ярко-красная, как в «Городе Грехов» Родригеса) пробирается к Ужасной Дырке в Земле и... Трудно представить, на какую аудиторию кино рассчитано. Для киноманов, заманенных блеклой эстетской картинкой, сюжет чересчур попсов и пафосен. Для поклонников трэша тут недостаточно драйва (схватки чересчур однообразные, болтовни между драками слишком много). Одна надежда, что картину прибегут смотреть фанаты Джона Малковича. Но их сразу предупредим: персонаж Малковича погибнет примерно минут через пять после своего появления на экране.

Репка-убийца

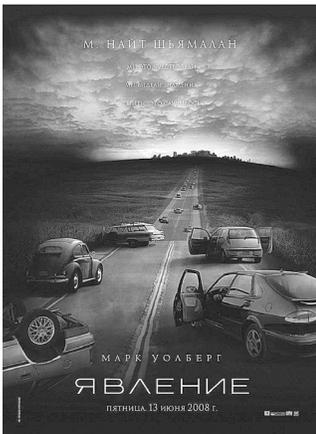
Будущее. Запасы нефти, судя по всему, близятся к концу. И человечество ищет новые источники энергии. Один из них — биологический: выведено Растение-мутант, которое способно дать энергию для целого мегаполиса. Однако это ботаническое чудо-юдо однажды поднимает бунт, отравляя людей, находящихся рядом, в энергошахте, и превращая их в мутантов (не таких, как в предыдущем фильме, но тоже неприятных). Люди пытаются «отключить» чудо-растение, но то умело сопротивляется... Обстоятельства, обозначенные выше, зритель сможет воссоздать лишь к финалу ленты режиссера *Франка Вестеля* «*Лоция Эдема*»

(Eden Log, Франция, 2007, 98 минут) — притом безо всякой уверенности, что он, зритель, правильно понял намеки сценаристов: самого Вестеля и Пьера Бордажа (кстати, писателя-фантаста). Дело в том, что создатели ленты почти ничего толком не объясняют. Фильм начинается с того, что некий чрезвычайно грязный мужчина (Кловис Корниак) приходит в себя где-то в полутьме. Он почти не говорит и, похоже, не помнит о том, кто он такой и как здесь оказался. Лишь минут через десять зритель соображает, что грязные, ржавые и хлюпающие лабиринты расположены в шахте, на минус четвертом этаже. Тобияк (имя героя мы узнаем только в самом конце) карабкается вверх по опасно скрипучим лестницам и просто скобам, отбиваясь от каких-то рычащих существ, попадает в ловушку к какому-то ученому-вмаске и подбирает непонятную девицу (Вимала Понс), которая будет рядом с героем, однако не до самого финала ленты. И уж буквально за пару минут до финальных титров выяснится, что Тобияк, вероятно, был одним из авторов энергопроекта «Лоция Эдема» и, стало быть, именно ему по пле-

чу ликвидировать чудо-растение — пусть даже ценой обесточивания всего города (что и происходит). Французский режиссер Франк Вестель, поклонник «марвеловских» комиксов, снял свой фильм за месяц и за сущие копейки. Любители кинофантастики ставят «Люцию Эдема» в один ряд с первым «Кубом» Винченцо Натали — с той лишь существенной разницей, что в «Кубе» было множество любопытных визуальных эффектов, богато расцветенных, а лента Вестеля снята в нарочито затемненных интерьерах (съемочной площадкой послужила бывшая подземная ферма для выращивания шампиньонов). В темный кадр зрителю надо напряженно вглядываться и больше воображать и как-то реконструировать авторский замысел, чем просто смотреть кино. Если, конечно, кому-то этого хочется.

Зелень, ты чего?

Действие нового фильма *М. Найта Шьямалана «Явление»* (The Happening, США — Индия, 105 минут, «Universal Pictures Rus», 2008) начинается в Нью-Йорке в Центральном парке. Люди на мгновение замирают, потом начинают заговариваться, а затем кончают жизнь самоубийством. Власти думают, что это террористы распылили в Нью-Йорке какой-то опасный нейротоксин, отменяющий чувство самосохранения. Однако когда эпидемия самоубийств охватывает весь северо-запад США, версия о теракте оказывается несостоятельной: никакому Бен Ладену не запасти столько токсина. Тем временем главные герои фильма — учитель биологии Эллиот Мур (Марк Уолберг — «Планета обезьян»), его молодая жена Альма (Зуи Дешанель), приятель Эллиота, учитель математики Джулиан (Джон Легуизамо — «Супербратья Марио») с малолетней дочкой Джесс (Эшлин Санчез) — на всякий случай бегут из Филадельфии в сельскую местность. Не подозревая, что, куда не беги, смерть тебя найдет. Потому что в роли Бена Ладена, как догадывается башковитый мистер Мур, выступают зеленые насаждения. Они-то, согласно первоначальной версии, и вырабатывают опасный яд. Так ли это?.. У индо-американца Шьямалана — репутация опасного фокусника и обманщика. Зритель, которого удалось провести «Шестым чувством» (а провести удалось почти всех), каждый новый фильм режиссера воспринимал в виде эдакой большой загадки: дескать, у зрителя к концу готов один ответ, а у режиссера — совсем другой, и ближе к финальным титрам этот пятый туз коварно выхватывается из рукава. Вы, мол, думаете, что супергероев делают из стали и пластика? А вот и нет — из глины и навоза! Или: вы думали, что инопланетяне неуничтожи-

от Мур (Марк Уолберг — «Планета обезьян»), его молодая жена Альма (Зуи Дешанель), приятель Эллиота, учитель математики Джулиан (Джон Легуизамо — «Супербратья Марио») с малолетней дочкой Джесс (Эшлин Санчез) — на всякий случай бегут из Филадельфии в сельскую местность. Не подозревая, что, куда не беги, смерть тебя найдет. Потому что в роли Бена Ладена, как догадывается башковитый мистер Мур, выступают зеленые насаждения. Они-то, согласно первоначальной версии, и вырабатывают опасный яд. Так ли это?.. У индо-американца Шьямалана — репутация опасного фокусника и обманщика. Зритель, которого удалось провести «Шестым чувством» (а провести удалось почти всех), каждый новый фильм режиссера воспринимал в виде эдакой большой загадки: дескать, у зрителя к концу готов один ответ, а у режиссера — совсем другой, и ближе к финальным титрам этот пятый туз коварно выхватывается из рукава. Вы, мол, думаете, что супергероев делают из стали и пластика? А вот и нет — из глины и навоза! Или: вы думали, что инопланетяне неуничтожи-

мы и бессмертны? А вот и нет: их можно сразить обычной манной кашей! И тому подобное. Предыдущий фильм Шьямалана «Девушка из воды» был отчаянно плох именно потому, что там почти не было загадки, а потому сложно было обманывать. Единственное, чего не знал зритель, — кто из обитателей дома окажется мистическим помощником русалки, — ну и фиг бы с ним... В «Явлении» саспенса побольше и смерти поизобретательнее. Например, один бедняга вдруг скормил себя хищникам в зоопарке, а пожилая дама Джонс (Бетти Баккли) — этакий Норман Бейтс в юбке — вовсе не заколола себя ножом, а разбила голову об оконное стекло. Впрочем, все эти мелкие неожиданности не отменяют отсутствия неожиданности главной, финальной. Ученые, выглядывающие из телящика через три месяца после спонтанного прекращения катастрофы, объясняют происшествие так же в точности, как и герой Уолберга. Оказывается, токсины и впрямь вырабатывались деревьями и кустами. Типа это было предупреждение человечеству: любите природу, мать вашу, а не то она вам покажет кузькину мать. Подобное объяснение простовато и свидетельствует о неважной работе сценариста, ввиду логических лагун (если в мозгу отключился центр самосохранения, человек может, конечно, бездумно шагнуть с крыши, но совсем не обязательно станет целеустремленно искать крышу, с которой ему сподручнее шагнуть). Словом, новая лента Шьямалана не поднимается до уровня лучших его фильмов... разве только нас обманули так капитально, что даже в финале не сказали правильного ответа. Быть может, виноваты российские прокатчики, которые тупо сверились с англо-русским словарем и перевели «The Happening» как «явление», забыв о том, что в русском языке уже существует слово «хэппенинг». Это, если кто не знает, «направление в постмодернизме, перешедшее от создания эстетических объектов к произведениям-процессам, то есть к «художественным событиям», осуществляемым либо самим художником, либо помощниками и зрителями, действующими по его плану». Понимаете, да? Если нет, вот еще цитата: «Хэппенинг развивается как событие, скорее спровоцированное, чем организованное его инициаторами. Действие чаще всего разыгрывается непосредственно в городской среде или на природе. В него вовлекается и публика, реагирующая на происходящее». А что, если не было никаких токсинов? И ничего такого не выделяли растения? Просто большая группа самоубийц-постмодернистов на всем северо-западе США, заранее сговорившись, вздумала устраивать на свежем воздухе показательные суициды. Почему же, спросите вы, остальные люди тоже кинулись резать себе вены и стрелять в висок? Потому что дурной пример заразителен. Массовый психоз — классика жанра. «Все побежали, и я побежал», — как простодушно признавался персонаж известного советского фильма.

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО, ТАТЬЯНА КОХАНОВСКАЯ
ФОТОГРАФИИ — БЕГЕМОТ

ПОПАСТЬ В ДЕСЯТКУ

В этом году украинская фантастика праздновала очень важный юбилей: десятилетие отмечает крупнейший отечественный конвент — «Звездный мост». Что он значит для Харькова, для фэндома и для всех нас — думаем, пояснять не надо.

*Губернатор Харьковщины
Арсен Аваков приветствует
участников «Звездного моста»*

Конечно, сухая журнальная проза, и даже замечательные фотографии Бегемота не в силах передать все разноцветное (фейерверк!), многоголосое (концерты!) и эмоциональное (все вместе) разнообразие фестиваля. Но есть же и какие-то объективные вещи! «Звездный мост» — это творческая лаборатория, усиленная интеллектуальная работа, провокации и диспуты. О семинарах и докладах мы и напишем.

Конечно, когда программа столь насыщена и многие мероприятия идут параллельно, все увидеть нельзя, но о многом можно услышать — или даже прочитать на сайте фестиваля (<http://www.star-bridge.org> раздел «Доклады»).

Традиционно центром внимания немалой части участников конвента стала Большая химическая аудитория Харьковского национального университета, который был и остается базой для рабочей программы «ЗМ», за что честь ему и хвала. Заседание литературной секции творческой мастерской «Второй блин» началось — под руководством университетского преподавателя Андрея Шмалько, известного также как Валентинов, — строго по расписанию, в 10 ч. 30 мин. К сожалению, подобная пунктуальность ни автобусам, ни общавшимся у входа в корпус фэнам не свойственна, поэтому начало доклада Ольги Чигиринской «Фантастика как способ организации хронотопа» застали немногие (но см., читатель, см. сайт «ЗМ»). Описать особенности жанра в традиционных литературоведческих терминах — задача, к сожалению, до сих пор насущная; а сделано это было достойно, и некоторые выводы представляются вполне нетривиальными. Андре Кабаре, прекрасно говорящий по-русски француз, — переводчик и популяризатор восточноевропейской фантастики — поделился наблюдениями на тему «Перевод с русского языка на французский: реальность и анекдоты». Идиомы пере-

водить трудно, — понимающе кивала аудитория. Андрей Валентинов по вполне понятным причинам вот уже много лет стоит на страже исторической и альтернативно-исторической фантастики, безжалостно клеймя все, что профанирует столь востребованную сегодня тему. В докладе «Творцы "конструкта" (альтернативная история: новые тенденции)» были подведены не очень утешительные итоги последних десятилетий, однако непоколебимый наблюдатель усмотрел и отрадные сдвиги: в жанр пришли авторы, которые, во-первых, являются специалистами в примыкающих областях, и, во-вторых, не ищут легких путей. В частности, умеренного одобрения удостоились Олег Курылев, Сергей Буркатовский, Евгений Красницкий. Имеет смысл обратить внимание.

Григорий Панченко столь же традиционно продолжает знакомить нас с малоизвестными страницами немецкой фантастики. Название говорит само за себя: «Учителя чародеев (кинофантастика Германии перед приходом нацизма и во времена Третьего Рейха)». Действительно, период Веймарской республики — интереснейшая страница мировой культуры — и опыт, до неприятности актуальный, чему, собственно, и посвящена немалая часть выступления.

(В тот же день на семинаре, посвященном альтернативной истории и боевым искусствам, два уважаемых докладчика — А. Валентинов и Г. Панченко — объединили интеллектуальные усилия и рассказали о загадке смерти Корнилова. К сожалению, услышать это выступление нам не довелось).

«РФ» не может не отметить и тот отрадный факт, что не только отдельные произведения, печатавшиеся в журнале, но и «РФ»-ковская проза в целом стала наконец объектом исследования. С докладом Елены Первушиной «Не своим голосом (Женская фантастика в журнале "Реальность фантастики" за 2007 год)» вы можете ознакомиться в этом номере «РФ», см. стр. 272.

Открытия ЗМ традиционно сопровождаются фантастическим концертом

По-преподавательски строгий Андрей Валентинов

Веселые люди Андре Кабаре и Дмитрий Громов

Владимир Пузий, темная ипостась известного киевского писателя Владимира Аренева, стал ньюсмейкером дня и вызвал весьма заметное оживление в зале (еще большее — в кулуарах) своим докладом «Страна непуганых критиков». Взгляд инопланетного ксенолога Альфа Брэма на дела наши фэндомные оказался пристален и саркастичен. Самопиар, мни-

мое литературоведение и разнообразные формы «литературного груминга» — явления, столь укоренившиеся в литературном быту, что они настоятельно требовали описания. Не говоря уж — искоренения... Схожие — отчасти и те же — неутешительные тенденции рассмотрели Г. Л.Олди на семинаре «Десять искушений матерого публиканта». Юный автор, пройдя через десять соблазнов, о которых Громов и Ладыженский предупреждали еще четыре года назад, — становится «мэтром». Какие опасности подстерегают его теперь — Олди, конечно же, знают не понаслышке. Заносчивость, небрежная лень, неуважение к читателю — «это многих славный путь», как сказал поэт: вот от чего предостерегают Олди своих собратьев по перу — и самих себя, что не раз подчеркивали.

Олди-публицисты занимаются не только вопросами писательской этики, а Валентинов хлещет Ювеналовым бичом не только историческую фантастику. Семинар-диспут «Конец — делу венец!» был посвящен финалу как необходимой части текста: что это такое, какова типология финалов, как они эволюционировали на протяжении столетий ли-

Дмитрий Быков — украшение любого конвента

тературы и века кинематографа. Как всегда, познавательно для читателей (слушателей) и полезно для молодых авторов, которые подчас имеют вполне превратное представление о структуре текста. А то и вовсе никакого не имеют...

Приятным свидетельством новых тенденций в отечественном книгоиздании стала презентация книжной серии «Украинская мастерская фантастики» киевского издательства «Грани-Т»,

которая выпускается под художественным руководством Марины и Сергея Дяченко. К «Звездному мосту» вышли в свет сборники признанных мастеров — Дяченко и Олди, ожидаются книги Марины Соколян и Владимира Аренева. Серию отличает концептуальное художественное оформление и качественная полиграфия.

Думаете, это всё? Ничего подобного. Не менее семи круглых столов, семинаров и диспутов прошло в рамках «Звездного моста» — и, конечно, побывать на всех не было никакой возможности. «Наука — фантастике», «Фантастика и просветительская традиция на рубеже тысячелетий», «Девятое искушение публиканта» (итоги конкурса рассказов «Техно-Мир-2008»), «Белые слоны отечественной фантастики (опыт полевого исследования)», «Universitas Studiorum Salamancae», «Любовь, секс и гендер», «Философы против фантастов: в чем смысл жизни?». Отсюда вывод: на «Звездный мост» нужно ездить сплоченными коллективами, готовыми рассредоточиться по аудиториям ХНУ.

Нашлось время и на досуг, в том числе (для желающих) и культурный. Бурлили умы на чемпионате «Что? Где? Когда?». С чувством глубокого удовлетворения сообщаем вам, что первое место среди фэнов (третье в профессиональном зачете) заняла команда под предводительством Владимира Аренева (смешанный киево-московско-днепропетровский состав).

А что такое концерты Евгения Лукина, Дианы Коденко, Бориса Смоляка — пояснять или не нужно, или бессмысленно: это надо видеть и слышать.

Завершаем мы наш рассказ обещанной в прошлом номере публикацией полного списка лауреатов премий «Звездного моста». Sapienti sat.

Кого всегда радостно видеть на конвените — так это Марину Дяченко. Во-первых, красиво...

Олди всегда принимают деятельное участие в жизни нашего журнала

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ХАРЬКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2008».

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ
(вручаются по результатам голосования участников фестиваля)

НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»:

1 место («Золотой Кадuceй»): Ярослав Веров (Донецк), Игорь Минаков (Москва) за книгу «Десант на Европу»

(2-я книга цикла «Трикстеры», начатого книгой «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества»).

2 место («Серебряный Кадuceй»): Александр Громов (Москва) за книгу «Русский аркан»

(завершение дилогии, начатой книгой «Исландская карта»).

3 место («Бронзовый Кадuceй»): Ольга Громько (Минск) за книгу «Белорусские хроники»

(цикл повестей и рассказов).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ):

1 место («Золотой Кадuceй»): Дмитрий Казаков (Нижний Новгород) за книгу «Охота на сверхчеловека».

2 место («Серебряный Кадuceй»): Святослав Логинов (Санкт-Петербург) за книгу «Россия за облаком».

3 место («Бронзовый Кадuceй»): Марина и Сергей Дяченко (Киев) за книгу «Медный король».

Закрывание Фестиваля — награды находят героев

НОМИНАЦИЯ

«ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»:

1 место («Золотой Кадuceй»): Ярослав Веров (Донецк), Игорь Минаков (Москва) за книгу

«Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» (дебютант — только Игорь Минаков!).

2 место («Серебряный Кадuceй»): Дмитрий Колодан (Санкт-Петербург) за книгу «Другая сторона».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): **Иван Наумов** (Москва) за книгу «Обмен заложниками».

НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

(премия вручается по результатам голосования профессионального жюри):

1 место: **Ант Скаландис** (Москва) за книгу «Братья Стругацкие».

2 место: **Михаил Назаренко** (Киев) за цикл статей «За пределами ведомых нам полей...».

3 место: **Дмитрий Володихин** (Москва) за сборник статей «Интеллектуальная фантастика».

Также в этом году на закрытии фестиваля была вручена прошлогодняя премия в этой номинации **Антону ПЕРВУШИНУ** (Санкт-Петербург) — за книгу «Завоевание Марса: Марсианские хроники эпохи Великого Противостояния».

КОНКУРС «ЭПИГРАММА-Ф»

(лучшая эпиграмма на современных фантастов):

1 место: **Александр Золотько** (Харьков) — за эпиграмму:

Федору Березину

...для Феди Березина есть на полках секс-шопа
Надувная Америка и электроЕвропа.

2 место: **Федор Чешко** (Харьков) — за эпиграмму:

Олегу Дивову

Мальчонка книжки про вампиров
Ночами строчит, что есть сил.
Видать, его писатель Дивов
На мастер-классе укусил.

3 место: **Александр Мешайкин** (Харьков) — за эпиграмму:

Читателям и писателям на «Звездном мосту»

Товарищ фэн!

Не падай в обморок!

Не прячь глаза от звёздного зрелища!

Поймал звезду —

требуй автограф!

И сразу же спеши к следующей.

Товарищ автор!
 Коль ты — звезда,
 Не бойся фэнов —
 ломись сквозь толпу.
 Дает кто-то книжицу —
 ставь автограф туда,
 А не даёт — ставь прямо на лбу!

(Лауреаты первых премий «Звездного Моста-2008» в этих пяти номинациях получили в придачу к кадуцеям и дипломам фестиваля отдельные призы от спонсора фестиваля «Звездный Мост» — торговой марки «Ахмад-чай»).

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ
 (вручаются по решению их учредителей)

ГРАН-ПРИ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ («Философский камень»):

Николаю ЧАДОВИЧУ и **Юрию БРАЙДЕРУ** (Минск) (Юрий Брайдер — посмертно) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

Также в этом году на открытии фестиваля был вручен прошлогодний «Философский камень»

Сергею ПАВЛОВУ (Москва) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

ПРЕМИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ:

писателю-харьковчанину за достойное представление
 родного города в фантастической литературе:
Владимиру СВЕРЖИНУ (Харьков)
 и **Александру ЗОЛОТЬКО** (Харьков).

ПРЕМИЯ «ХАРЬКОВСКИЙ ДРАКОН»

(вручается многократным лауреатам «Звездного Моста»):

Евгений Лукин (Волгоград) (1 золотой и 2 серебряных кадуцея; лауреат «Философского камня»);

Федор Березин (Донецк) (1 золотой, 1 серебряный и 3 бронзовых кадуцея);

Дмитрий Скирюк (Москва) (1 золотой, 1 серебряный и 1 бронзовый кадуцей; лауреат «Пальмы Первенства»).

ПРИЗ «МОНСТРУ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ» – В ЧЕСТЬ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ!

Лауреат: Василий Головачев (Москва).

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН»:

журналу «МИР ФАНТАСТКИ» (Москва) –

за целый мир фантастики!

Также на закрытии фестиваля были вручены 30 юбилейных медалей «10 лет «Звездного Моста».

* * *

Как замечательно, что на десятом году жизни (возраст для конвента немалый) «Звездный мост» бодр, оптимистичен и молод душой. Он копит мудрость прожитых лет и обновляется каждую осень. Он учит и учится, растет и растит, по-прежнему богат событиями, встречами, сюрпризами. И, конечно, как любой конвент, «Звездный мост» — это прежде всего люди, которые вот уже десятый год создают праздник и волшебство. Виват команде «Звездного моста»!

Официально титулованный монстр российской фантастики Василий Головачев и добрый гений «Звездного моста» Арсен Аваков

БОРИС СИДЮК

БУЛГАКОН 2008: СОВМЕСТИМ ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

Среди стран бывшего соцлагеря Болгария всегда занимала особое место. И по менталитету, и по экономике, и в культурной сфере. И не только потому, что эта страна подарила нам кириллицу. Ходила даже шутка, что Болгария, фактически, — 16 республика. Даже социалистические левы, денежная единица страны, внешне очень напоминали советские рубли, а монеты-стодинки часто путали с копейками, настолько были похожи. В СССР очень хорошо знали болгарскую фантастику. Ведь в Болгарии действовала специальная программа по изданию болгарской литературы на русском языке, и болгарские книги на русском, вероятно, составляли чувствительную статью в болгаро-советской торговле. Читатели до сих пор помнят имена популярных в том время болгарских писателей-фантастов. Павел Вежинов, Любен Дилов, Богомил Райнов. Мы хорошо помним Агопа Мелконяна, Александра Карапанчева, Николая Близнакова. В редакционный совет нашего журнала входит известный болгарский автор и художник Атанас Славов. Обширны были и связи болгарского фэндома с советским. Конечно, по масштабу Болгария может уступать Польше — признанному лидеру фэн-движения в Восточной Европе. Но болгарский фэндом для нас, все же, всегда был и остается намного ближе. И в первую очередь благодаря движению КЛФ — клубов любителей фантастики.

В период расцвета болгарского фэндома в стране насчитывалось более 40 клубов, что для 8-миллионной Болгарии было весьма немало. И даже в период экономической вакханалии, когда страна стремительно беднела, а люди все больше заботились просто о выживании, в Болгарии сохранялись клубы. Конечно, сейчас их не так уж и много осталось, всего 7, но они есть. К сожалению, не выжил ведущий клуб Болгарии — пловдивский «21 век», единственный клуб в Европе, владевший собственным помещением. До сих пор здравствуют софийский «Иван Ефремов», пазарджикский «А. и Б. Стругацкие», варненский КЛФ «Андромеда». Благодаря такой живучести клубов, в стране удалось восстановить фантастиче-

Наш радушный хозяин Тихомир Тачев рассказывает о Дворце

ские конвенты, главный из которых — Булгакон, национальный конвент по фантастике, эвристике и прогностике. В 2008 году этот конвент проходил в 9 раз. А самый первый болгарский конвент назывался «Первая встреча КЛФ» и прошел 23-24 марта 1978 года в Софии.

В свое время, в 1988 году, именно украинцы протоптали дорожку на болгарские конвенты. Тогда в Болгарии на фестивалях в Пловдиве («Неохрон») и Севлиево побывали члены киевского КЛФ «Перевал». Благодаря этому прорыву и проведенному в украинском Коблево конвенту «Соцкон» уже в следующем году на пловдивский «Неохрон» приехали несколько десятков фэнов из Украины, России и других республик. В мощный украинский десант в 1989 году входили писатели Владимир Савченко, Борис Штерн, Игорь Россоховатский. Это был Золотой Век фэндомы, после которого наступили «смутные фантастические времена». Но все плохое заканчивается, и эстафету национального болгарского конвента у «Неохрона» принял «Булгакон». Новый болгарский национальный конвент стартовал в 2000 году в курортном городе Сандански, там же он проходил в 2001 и 2006 годах. В 2002 году Булгакон принимал город Кырджали, в 2004 (вместе с Евроконом) и в 2007 — Пловдив, в 2005 — София. Булгакон-2008 было решено провести в городе Балчик, на побережье Черного моря, недалеко от всемирно известного курорта Албена.

Сам конвент проходил на базе туристического комплекса «Зелена Перла», которым управляет известный болгарский фэн и бывший председатель КЛФ Балчика «Александр Грин» Тихомир Тачев. Интересно, что в кабинете Тихомира скромно висит диплом о том, что он — почет-

Юри Илков озобожен: похоже, тут открывається конвент

Глаза усталой Милены Савовой — цвета теплого Черного моря

Шура Олексенко — добродушное воплощение дружбы Булгакона и ИнтерПрессКона

ный гражданин города Киева. Булгакон-2008 был запланирован в Балчике на 5-7 сентября 2008 года, но наши болгарские друзья пригласили украинцев приехать немного раньше, чтобы просто отдохнуть на этом замечательном курорте в 40 минутах езды от Варны. Может быть, поэтому впервые с 1990 года украинская делегация на иностранном конвенте была столь представительной — сразу 9 киевлян отправились на конвент в Болгарию. Доконвенционную программу для иностранных участников организаторы Булгакона тоже продумали до мелочей. Незабываемой стала поездка в город Несебр, самое популярное туристическое место страны, древний город на острове, внесенный в реестр культурного наследия ЮНЕСКО. Воистину фантастическое место. Не менее интересной была экскурсия по одному из крупнейших ботанических парков Европы — комплексу «Дворца», созданному для румынской королевы в период принадлежности Балчика и всей Добруджи румынской короне. Однако главным событием, безусловно, был сам конвент. Его нельзя назвать очень большим — в работе Булгакона приняли участие около 80 человек, включая иностранных гостей — нас и троих россиян.

*Балчикский дворец
Фото — Пламена Петкова, источник —
www.ImagesFromBulgaria.com*

Программа мероприятия была весьма насыщенной. В пятницу 5 сентября сразу после торжественного открытия состоялось заседание, посвященное памяти недавно почившего писателя Любена Дилова с демонстрацией фильма по его рассказу «Карнавал». Затем — дискуссия о современных предсказаниях будущего человечества. Вечером — круглый стол о периодических изданиях

по фантастике. 6 сентября программ началась с обзора болгарской фантастики, изданной в период между Булгаконами. Затем в президиум пригласи-

силы нас. В продолжение 2 часов Борис Сидюк, Дмитрий Можаяев, Наталья Градовая и Анна Китаева рассказывали болгарам о текущем положении дел с фантастикой в Украине, делились впечатлениями о новых авторах, информировали о состоянии дел и планах журнала «Реальность Фантастики» и в украинских издательствах, отвечали на вопросы. Незаметно выступление превратилось в круглый стол, на котором участники сравнивали ситуацию в болгарском и украинском книгоиздании, оценивали шансы молодых авторов и перспективы фантастики в целом. Дискуссия плавно перетекла в следующий пункт программы — заседание, посвящённое современным технологиям и будущему книги. Затем была встреча с болгарскими писателями-фантастами и лекция Тодора Ялымова о моделях будущего.

Вечером состоялся банкет, объявление лауреатов текущего и вручение наград предыдущего Булгаконов. По сложившейся традиции, лауреатов текущего Булгакона объявляют на нем, а вот награды вручают на следующем конвенте. Награды Булгакона-2008 присуждены: Борису Илкову — за логотип Булгакона, лучшему организатору — Милене Савовой, премия за фантастическое гостеприимство — Тихомир Тачев. Премией за самый эклектический костюм был отмечен Румен Дешков, самой привлекательной фэнкой признали Росицу Николову. Премиями за укрепление болгаро-российской фэн-дружбы наградили Александра Олексенко, а за укрепление болгаро-украинской фэн-дружбы — вашего покорного слугу. Так что придется нам ехать на Булгакон-2009 ©. В воскресенье 7 сентября состоялся круглый стол по обмену опытом КЛФ, книжный аукцион и церемония закрытия конвента.

В следующем году Булгакон-2009 пройдет или там же, в Балчике, или в городе Благоевград, организаторы еще окончательно не определились с тем, где его проводить. С одной стороны, лучше передавать эстафету по городам, где есть клубы, с другой — уж слишком хорош оказался Балчик: приятные места «Зелена Перла» и комплекс «Сани Дрим», в котором мы жили, отличный организатор и просто располагающий человек почетный гражданин Киева Тихомир Тачев...

Очень жаль было уезжать из солнечного Балчика, где получилось не только принять участие в конвенте, но и отдохнуть, и власть поваляться на пляже у теплого моря, и вкусить знаменитых болгарских вин. Но впереди был «Звездный Мост» в Харькове, так что пришлось поторопиться. Одно знаю точно: мы обязательно снова приедем в солнечную и гостеприимную Болгарию. Присоединяйтесь!

OPUS MIXTUM

Из США

Здесь, на совместной Кэмпбелловской конференции и Заседания Ассоциации исследователей научной фантастики 11 июля вручили одну из трёх самых престижных премий жанра — **Campbell Award**. В этом году обладательницей стала Кэтлин Энн Гунан с романом «Во времена военные». Там же, на торжественном банкете, состоялось вручение и другой важной премии — **премии им. Старджона**. В этом году судьям впервые не удалось сделать однозначный выбор, поэтому обладателями стали Элизабет Бэр с «Линией прилива» и Дэвид Р. Моулс с «Финистеррой».

Ещё из США

На проходившем в Денвере очередном, 66-м по счёту **WorldCon**'е вручили премии **Hugo**. В этом году счастливыми стали:

- ✓ Майкл Чабон с романом «Союз еврейских полисменов»;
- ✓ Конни Уиллис с повестью «Все уселись на земле»;
- ✓ Тед Чиаанг с длинным рассказом «Купец и волшебные врата»;
- ✓ Элизабет Бэр с рассказом «Линия прилива»;
- ✓ Джефф Прачер с публицистической книгой «О дивные новые миры: Оксфордский словарь научной фантастики».

Лучшим драматическим представлением стали фильм «Звёздная пыль» по роману Нила Геймана и эпизод «Миг» из сериала «Доктор Кто». Дали по премии и редакторам, в этот раз — Гордону Ван Гелдеру за длинную прозу (кстати, год назад он получил премию за редактирование короткой прозы) и Дэвиду Хартвеллу. Профессиональным художником года стал Стефан Мартиниер, а полупрофессиональным изданием снова избран «Локус». Неожиданно для всех фэн-писателем стал не Дэвид Лэнгфорд, а Джон Скальци. Лучшим фэнзином стал «Файл 770», а лучшим непрофессиональным художником в шестой раз стал Брэд Фостер.

Ещё на конвенте вручили премию Джона Кэмпбелла лучшему новому писателю — **John W. Campbell Award for Best New Writer**, которую не стоит путать с вышеназванной другой премией имени Джона Кэмпбелла, вручённой Кэтлин Энн Гунан. Лучшим молодым автором в этом году стала Мэри Робинетт Коваль.

Первый Фэндом отметил верность жанру Майка Эшли и Рэя Харрихаузена и ввел их в свой **Зал Славы**. Этой чести удостоился Айзек Азимов — посмертно.

Была вручена **The Big Heart Award** за многолетнюю преданность научной фантастике. Её получил Сафорд Льюис.

Премии Специального комитета WorldCon'a вручили NASA в ознаменование 50-летия и NESFA Press.

На отдельной церемонии вручили **Sidewise Award** за произведения в жанре альтернативной истории. В этот раз счастливицами стали всё тот же Майкл Чабон со своими еврейскими полицейскими и Майкл Флинн с «*Quaestiones Super Caelo Et Mundo*» и Кэтрин Раш с «Оживить Apollo 8».

WorldCon — конвент большой, поэтому места там хватило всем. Например, тем, кто хотел вручить премию **Golden Duck** за достижения на уровне детской фантастики. И вручили:

- ✓ премию им. Хола Клемента за книгу для подростков — «Небесному горизонту» Дэвида Бриана с иллюстрациями Скотта Хэмптона;
- ✓ премию им. Элеанор Кэмерон за книгу для школьников — Фрэнку Эшу за «Победителя гравитации: Журнал №2 Гения Картонной Коробки» и Майклу Дэйли за «Насильно загнанного на Луну»;
- ✓ лучшей рисованной книгой стала «Марсу нужны мамочки» Беркли Бретхеда;
- ✓ а специальную премию отдали издательству Stone Arch Books за графические романы и Джону Хамильтону за 12-томный «Мир научной фантастики».

И, last but not least — **премия им. Роберта Хайнлайна**. Досталась Бену Бове и Спайдеру Робинсону.

Фух!

Из Великобритании

На проходившем в Ноттингеме FantasyCon-е вручили **British Fantasy Awards**.

- ✓ специальная премия им. Карла Эдварда Вагнера досталась Рэю Харрихаузену;
- ✓ премия Сидни Дж. Баундса лучшему новому автору вручена Скотту Линчу;
- ✓ премия Августа Дерлета вручена Рэмси Кэмпбеллу за роман «Усмешка Тьмы»;
- ✓ лучшей повестью стали «Жгучие комнаты» Конрада Уильямса;
- ✓ лучшим рассказом признано «Моё каменное желание» Джоэл Лэйн;
- ✓ антология — «Гигантская книга лучших новых ужасов», точнее, её 18 том. Составил Стивен Джонс;
- ✓ лучший сборник рассказов — «Луна Старого Дьявола» Кристофера Фаулера;
- ✓ публицистика — «Злобный шепот» Питера Тиннанта;
- ✓ лучшее небольшое издательство — «PS Publishing»;
- ✓ А лучшим художником признан Винсент Чун.

Из России

Итоги «Филиграни-2008»

29 августа в Белом зале Центрального дома журналистов состоялись 9-е чтения памяти Аркадия Натановича Стругацкого, после которых были вручены две литпремии.

Премия имени Тита Ливия за достижения в альтернативно-историческом формате фантастической литературы получил Сергей Буркатовский за роман «Завтра будет война». Две малых премии были вручены Владимиру Серебрякову и Антону Первушину.

Премия цеха критиков — «Филигрань» вручили Олегу Дивову за рассказ «Стояние на реке Москве», Евгению Лукину за повесть «Бытие наше дырчатое» и Марине и Сергею Дяченко за роман «Vita Nostra».

Издательские

Вышла из печати книга «Беседы с фантастами» петербургского критика и редактора, давнего друга нашего журнала Владимира Ларионова. В ней собраны интервью с Гарри Гаррисоном и Борисом Стругацким, Анджеем Сапковским и Робертом Шекли, с Мариной и Сергеем Дяченко, Геннадием Прашкевичем, Евгением Лукиным, Еленой Хаецкой и многими, многими другими прекрасными авторами.

«АСТ» порадует книгой Дэниела Уоллеса «Звездные войны. Персонажи», являющейся самой полной иллюстрированной энциклопедией персонажей знаменитого цикла, исправленным переводом «Пира стервятников» Джорджа Мартина, первой и второй частью трилогии Криса Вудинга «The Braided Path» и парой книг Нила Геймана — «М значит магия» и написанным в соавторстве с Майклом Ривзом романом «Интермир». Начнёт свой неторопливый поход к читателю финальный роман «Отблесков Этерны» Веры Камши: пока выйдет только первая часть — «Сердце зверя». Гай Юлий Орловский осчастливил своего Ричарда новым титулом, теперь он — «Ричард Длинные Руки — майордом».

В «ЭКСМО» выйдут книги Андрея Ливадного «Смертельный контакт», Михаила Ахманова «Темные небеса», Александра Сухова «Магическое братство», Романа Афанасьева «Принцесса и чудовище» и сборник «Фэнтези — 2009» (составитель Василий Мельник).

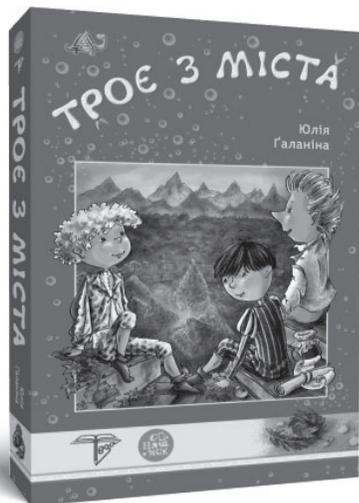
«Армада» разразится книгами Евгения Красницкого «Отрок. Ближний круг», Василия Осипова «Из пепла», Юрия Ивановича «Невменяемый дракон», Андрея Круза «У Великой реки. Поход», Ольги Воскресенской «Не так, как у людей», Константина Павлова «Король драконов», Ксении Чайковой «Принцесса и её рыцарь», Надежды Первухиной «Лети, ведьма, лети!», Антона Вильгоцкого «Избранник Пентакля», Руслана Ароматова «Точка сборки», Сергея Карелина «Возвращение Короля Нежити», трио Пехов-Бычкова-Турчанинова «Колдун из клана Смерти», Виктории Ивановой «Радуга на земле», Алена Лекса «Пророчество Сиринити» и Сергея Мусаница «Гвардия».

ФАНТАСТИЧНО ЦІКАВІ КНИЖКИ!

лауреати конкурсу “Дитячий портал”

знижка для членів «hi-Tech клубу» на сайті видавництва

Юлія Галаніна
Троє з міста

Ірен Роздобудько
Пригоди
на невідомому
острові

Збережи час — купи на www.teza.in.ua та отримай поштою.

Купуйте в київських книгарнях «Знання», «Сяйво», «Книгарня “Е”».

Купуйте на ринку «Петрівка»: 40-й ряд 1-ше місце, 54-й ряд 9-10-те місце.

Купуйте в мережах «КС — Книжковий Супермаркет», «Літера».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Нью-Йорк, США)
Атанас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

**Журнал «Реальность фантастики»
№08-09 (60-61), 2008.**

Тираж: 5 400. Цена договорная
Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов
только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2008.

Издатели: Элина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Издатель: ООО СофтПресс
Киев, ул. Героев Севастополя, 10

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Героев Севастополя, 10
тел. (044) 585-8282

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк

Редактор отдела новостей:
Мария Комиссаренко

Редактор отдела рукописей:

Сергей Пальцун

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко,
2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Корректор: Аллан Кармин

Верстка: Дмитрий Василенко

Руководитель отдела маркетинга:

Ирина Савиченко

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Сбыт: Елена Семенова

Представители Издательского дома:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич, тел.: (0322) 95-41-82,
e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов (viacheslavb@ua.fm)

Печать: ООО «Имидж Принт» г. Киев

ModelKits

Настільні стратегічні ігри
Confrontation, AT-43, Warmachine,
Urban Mammoth, Mindstalkers та інші
від офіційного дистриб'ютора

Настільні Warhammer, Warhammer 40000,
Lord of the ring, Star wars, D&D, Warcraft,
World of Warcraft, Axis & Allies,
Манчкин та інші

Колекційні карткові ігри MTG, Берсерк,
World of warcraft та інші

Великий вибір фентезійної та історичної
мініатюри від провідних світових
виробників

Книги та журнали з фантастики
всіх напрямків

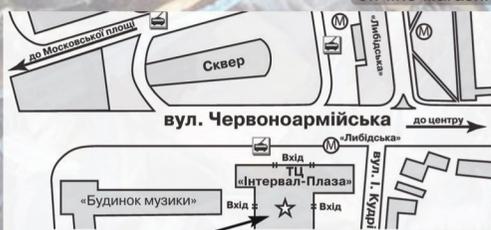
www.modelkits.com.ua

on-line магазин

+380 67 501 50 71

info@modelkits.com.ua

off-line магазин

Магазин «Моделі та військова книга»

м. Київ вул. Червоноармійська 143/2 поряд з
метро «Либідська» ТЦ «Інтервал-Плаза»,
1-й поверх, магазин №23, +380 97 493 57 64

Компанія **ModelKits** спонсор призової підписної
кампанії 2008 журналу «Реальність фантастики»

